

СТИХОТВОРНАЯ
ТРАГЕДИЯ

СТИХОТВОРНАЯ ТРАГЕДИЯ

КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX В.

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
издатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

СТИХОТВОРНАЯ ТРАГЕДИЯ КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX В.

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
В. А. Бочкарева*

Русская стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX века сыграла значительную роль в идейной жизни этой богатой историческими событиями эпохи. Ненависть к тирании, гражданский пафос, патриотизм, отличающий лучшие образцы стихотворной трагедии, находили горячий отклик в людях декабристского поколения. В настоящем сборнике представлены трагедии Н. П. Николева, В. Т. Нарезного, Г. Р. Державина, М. В. Крюковского, С. Н. Глинки, А. Н. Грузинцева, А. А. Шаховского, Ф. Ф. Иванова и А. А. Жандра. Не вошли сюда стихотворные трагедии, уже опубликованные или намеченные к опубликованию в других сборниках «Библиотеки поэта» (А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, В. А. Озерова, Ф. Н. Глинки, П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера и др.).

СТИХОТВОРНАЯ ТРАГЕДИЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

1

В истории художественного развития человечества заметное место принадлежит трагедии. Значение этого жанра определяется его важной общественно-эстетической функцией. В жизни общества и отдельного человека имеется немало событий и переживаний, исполненных высокого трагического пафоса. Этот наличествующий в самой действительности сильный драматизм может быть воплощен на сцене только с помощью соответствующих художественных средств, которыми и располагает трагедия. Она удовлетворяет присущую людям потребность в высоком поучении, извлекаемом из созерцания потрясающей душу борьбы трагического героя с необычайными по своей грозной силе и неотвратимости обстоятельствами.

Неотъемлемыми чертами трагедии, ее содержания и формы, являются особая значительность, весомость всего в ней изображаемого, простота действия, мрачное величие, подчеркиваемое трагической развязкой. В трагедиях обычно затрагиваются большие социально-политические и нравственные вопросы, с решением которых связаны судьбы народов и государств. Вот почему авторы трагедий заимствуют чаще всего материал из истории или мифологии, делая персонажами своих произведений исторических лиц и героев легенд.

Трагические коллизии, разрабатываемые в искусстве, имеют объективную историческую почву. Их основой являются в конечном счете противоречия и борьба общественных классов. Маркс и Энгельс указывали, что «гибель прежних классов, например рыцарства, могла дать материал для грандиозных произведений трагиче-

ского искусства...».¹ С другой стороны, глубоко трагична участь героев, погибающих в самоотверженной борьбе за новый общественный строй, которому еще только предстоит восторжествовать в будущем. В противоположность идеалистам-гегельянцам, выдвигавшим глубоко консервативный тезис о необходимости примирения с реакционной действительностью, классики марксизма подчеркивали необходимость борьбы трагического героя со всем старым, косным и отжившим во имя утверждения нового, передового. Марксистская эстетика выдвинула новое, революционно-материалистическое понимание трагического в жизни и в искусстве.² В свете этого понимания раскрывается величие трагических поэтов прошлого, обнаруживаются закономерности развития трагедийного жанра.

В драматургии античной эпохи историческая необходимость выступает еще в виде рока, противостоящей действиям героя судьбы. «Античный мир, — писал Энгельс, — жил под властью рока, heimtuche, неотвратимой, таинственной судьбы. Так называли греки и римляне ту непостижимую всемогущую силу, которая сводила на нет волю и стремление человека и приводила всякое его действие к совершенно иным результатам, чем он ожидал...»³

Но античная трагедия меньше всего занималась изображением персонажей, покорившихся судьбе, сложивших свое оружие. Гордый протест, с которым выступил против богов эсхилловский Прометей, наилучшим образом выражает гуманную устремленность античной драматургии. Основу древнегреческой трагедии составляют коллизии, связанные с переходом от родового строя к государству рабовладельческой демократии. Такова, например, изображенная в «Антигоне» Софокла трагическая коллизия между законом рода, самоотверженно выполняемым героиней, и законами государства, представителем которых является Креон. Неразрывную связь героя с народом, с судьбами государства ярко запечатлела коллизия, разработанная Софоклом в трагедии «Эдип-царь». Значительности трагических конфликтов, глубине идейной проблематики, величии цельных, хотя еще недостаточно индивидуализированных характеров соответствуют в древнегреческой трагедии величавая простота построения, строгость и выразительность языка, усугубляемые наличием хора философичность и высокий лиризм.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 7, стр. 213.

² См. об этом: Г. Фридлиендер. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., 1962, стр. 271—286.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 22, стр. 346.

Новый расцвет трагедий связан с эпохой Возрождения. Характеризуя эту эпоху, Энгельс писал: «Рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли... Духовная диктатура церкви была сломлена...»¹

Трагедии Шекспира, создававшиеся в период позднего Возрождения, запечатлели мировоззрение человека, отбросившего религиозную догматику и схоластику. Впервые выступила в драматургии освобожденная от всяких мистифицирующих покровов идея исторической необходимости. В величавых трагических образах предстали судьбы нации и «состояние мира», острейшие социальные противоречия эпохи, рассматриваемые с учетом жизненных интересов все более и более теснимого господствующими классами свободного английского крестьянина («гордого шекспировского йомена»²). В эпоху, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов»,³ Шекспир вывел на сцену могучие характеры, отличающиеся железной волей, сильным интеллектом, необузданными страстями, остроумием, находчивостью. Впервые за всю историю театра появились многогранные, глубоко индивидуализированные образы героев. Историческая правдивость и конкретность изображения персонажей усиливается в пьесах Шекспира наличием в них столь высоко ценившегося классиками марксизма «плебейского фона».

Наполненная глубочайшим социально-философским содержанием, играющая всеми красками жизни, правдивая в передаче деталей быта и вместе с тем приподнятая над повседневностью, драматургия Шекспира питала своими соками всю последующую драматическую литературу, оказав наиболее сильное влияние на романтиков и особенно на писателей-реалистов, полнее и глубже всего воспринявших традиции великого драматурга.

Глубокий след оставили в мировой драматургии трагедии Корнеля и Расина. Классицистическая эстетика была своеобразным выражением идеологии абсолютизма, который выступал тогда, по словам Маркса, «как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества».⁴ Известно также, что классицизм был связан с рационалистической философией Декарта. Лежащая в основе классицистической трагедии коллизия долга — категории рассудочной, духовной — и чувства — категории «телесной», материальной — переносила

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 20, стр. 346.

² Там же, т. 16, стр. 151.

³ Там же, т. 20, стр. 346.

⁴ Там же, т. 10, стр. 431.

в область искусства картезианский дуализм.¹ Отсутствие в искусстве классицизма мистической санкции, господство в нем ничем не стесняемого анализа человеческих страстей свидетельствовали о прогрессивности этого искусства, о его больших, по тому времени, познавательно-эстетических возможностях.

То обстоятельство, что анализ страстей был у классицистов рационалистически односторонним, не мешало ему быть тонким и по-своему глубоким. К тому же на изображении внутренней жизни персонажей писателями-классицистами благотворно сказывалось влияние гуманистической идеологии Возрождения.² Трагтуя любовь как слабость,³ авторы классицистических трагедий в то же время увлеченно показывают величие и силу этого чувства, способного вынести тяжкие испытания. Наряду с любовью-слабостью, любовью-преступлением Расин рисует любовь-благо, любовь-добродетель. Изнывающей «под игом низкой страсти» Федре противостоят у него Ипполит и Ариция с их «вечной» любовью, «которой меры нет».⁴

Важным достоинством искусства классицизма была присущая ему гражданственность. В трагедиях Корнеля и Расина затрагивались коренные вопросы национальной жизни, хотя эти трагедии не имели той широкой народной базы, какая была у творчества Шекспира. На них лежала печать известной изысканности и аристократизма.

Несомненно прогрессивным направлением являлся и русский классицизм, под знаком которого развивалась отечественная стихотворная трагедия.

Русская классицистическая трагедия унаследовала лучшие черты комедийных действий, панегирической школьной драмы конца XVII — первой половины XVIII века: государственную, общенародную тематику, обличение тиранов, захватчиков, временщиков-иноземцев. Школьная драма утверждала бессмертие имени и дел Петра I, прославляя его и там, где речь шла о других царях и правителях:

¹ См. об этом: Ю. Б о р е в. О трагическом. М., 1961, стр. 100—117.

² Об этом влиянии справедливо говорит Ю. Боров, проводя известную параллель между «Ромео и Джульеттой» Шекспира и «Сидом» Корнеля (Ю. Б о р е в. О трагическом, стр. 112).

³ Буало писал по этому поводу:

Любовь, томимую сознанием любви,
Представить слабостью вы зрителям должны.

(Б у а л о. «Поэтическое искусство». М., 1957, стр. 80). Об этом же говорил Расин в предисловии к «Федре»: «Слабости любви почитаются подлинными слабостями; страсти выступают лишь для того, чтобы показать всю разруху, какую они причиняют» (Ж. Р а с и н. Сочинения в двух томах, т. 2. М. — Л., 1937, стр. 99).

⁴ Ж. Р а с и н. Там же, стр. 163.

Петре II («Драма о Езекии, царе Израильском»), Елизавете Петровне («Стефанотокос»), Елизавете Петровне и Петре III (так называемый «Тверской диалог» об Александре Македонском). Посвященная защите петровских преобразований «трагедокомедия» Феофана Прокоповича «Владимир» надолго утвердила в русской драматургии идею «просвещенного абсолютизма».

С переходом к классицизму завершился процесс эмансипации русского театра от господства религиозно-церковной идеологии. Как известно, школьная драма была генетически связана с культовым обрядом. Эта связь еще видна, например, в «Комедии о царе Навуходоносоре, о теле злате и о трех отрочех, в печи не сожженных» Симеона Полоцкого, представляющей собой как бы особый вариант культового «Пещного действия». Даже во многом новаторская «трагедокомедия» Прокоповича тематически примыкала к религиозной драматургии, популяризовавшей «жития святых». Недаром тема о «святом» Владимире, затронутая Прокоповичем, разрабатывалась школьной драмой иезуитов.¹ Но Феофан Прокопович, развивая эту тему, подверг беспощадному осмеянию современное ему духовенство. В дальнейшем школьная драма все более и более отходила от религиозных сюжетов, постепенно проникаясь светским содержанием. От этой светской школьной драмы уже сравнительно легко было перейти к чуждой мистицизма, проникнутой пафосом анализа страстей классицистической трагедии.

Поступательное развитие русской драматургии становится особенно заметным при сравнении художественных средств и приемов классицистической трагедии с художественными средствами школьной драмы. Пользуясь аллегорическими прологами (*allegorischen Vorspiel*) и антипрологами, целым набором аллегорических персонажей, в число которых входили Злоба, Зависть, Надежда, Фортуна, Истина, Благочестие, Верность и т. п., создатели школьных драм добивались лишь очень условного и приблизительного изображения своих поэтических объектов. Бледные символы и аллегории, более или менее приспособленные к передаче религиозных сюжетов, были уже в меньшей степени пригодны для сюжетов светских, для изображения внутренней, психической жизни и социальной практики человека нового времени.

Несовершенство аллегорического метода сознавалось в начале XVIII века самими создателями школьных драм. Автор панегирической драмы, поставленной в Москве в 1710 году, писал в «Предыдей-

---

¹ См.: В. И. Резанов. Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий. Нежин, 1916, стр. 9 и 264.

ствии», что аллегорический образ «с самым делом не во всем согласует». «Всякое подобие хромает, — говорит автор. — Иное бо равенство, иное сравнение: равенство во всем, сравнение же токмо в некоторых вещех с делом согласует. Зде бо положено иное ради нынешние победы, иное ради истории, аще и не во всем нынешнему делу, от бога данному, подобной...» Автор признается в том, что в его драме, прославляющей победу над шведами путем уподобления ее победе Давида над Голиафом, «до истории иное прибавлено, иное убавлено, иное же в ней отменено, нужда бо не токмо историю, но и закон отменяет».¹ В ряде школьных драм согласование аллегорических образов с «делом» запутывалось и смещалось введением двойного параллелизма. Кроме библейских персонажей вводились персонажи мифологические — Паллада, Диана, Нептун, Вулкан, против включения которых в произведения христианских поэтов так решительно возражал Феофан Прокопович. Классицистическая трагедия устраняла это смещение, выражая (с помощью «аллюзий») современные политические идеи непосредственно через исторический или мифологический сюжет. Конечно, и классицистической трагедии, связанной с метафизической философией, историзм был еще чужд. Но положительное значение имело уже и то, что исторические сюжеты трактовались в ней без мистической предвзятости и аллегоризма. Изжитие этого последнего снимало важную преграду, стоявшую на пути к зарождению и формированию подлинно исторической драматургии.

Отличительной чертой школьной драмы являлось соединение комического с трагическим. Оно производилось по большей части механически. Органически связал две стихии Феофан Прокопович, подвергший осмеянию защитников старины. Следующим этапом было разъединение комического и трагического в искусстве классицизма. Благодаря этому разъединению жанровые черты трагедии обозначились более четко. Но, лишившись комизма, грубоватых, полных сочного юмора шутовских сценок, трагедия стала однотонной и несколько чопорной. Уже школьная драма порывала с почвой народного театра. Классицистическая трагедия пошла еще дальше по этому пути, учитывая в первую очередь эстетические вкусы образованных дворян. Но и в таком виде она решала важные общенародные задачи.

---

¹ «Русские драматические произведения 1672—1725 годов». Собраны и объяснены Николаем Тихонравовым, т. 2. СПб., 1874, стр. 429.

Формирование русской трагедии происходило в сложной и противоречивой социальной обстановке. Продолжался процесс укрепления централизованного феодально-абсолютистского государства, велись успешные войны, упрочившие положение России как морской державы, рос ее международный авторитет. Бурно развивалась русская национальная культура. Вместе с тем это была эпоха острой классовой борьбы, происходившей в условиях начавшегося кризиса феодально-крепостнической системы. Крестьянская война 1773—1775 годов, явившись отдаленным предвестием неминуемого крушения дворянской империи, привлекла внимание общества к вопросу о крепостном праве. В конце столетия огромное влияние на формирующуюся общественную мысль оказала французская буржуазно-демократическая революция. В литературе, журналистике, философии широкое распространение получили идеи Просвещения.

Все эти обстоятельства весьма благоприятствовали развитию русской классицистической трагедии с ее общегосударственной тематикой, с присущей ей идеей общественного, государственного долга. Не случайно именно тогда, во второй половине XVIII века, в произведениях трагедийного жанра оформилась патриотическая тема, появились образы героев-патриотов вроде княжнинского Росслава. При этом патриотизм наших лучших драматургов рано начал объединяться с вольнолюбием, а характерная для искусства классицизма гражданственность во многих случаях получала характер более или менее ярко выраженной оппозиционности. Драматурги остро ставили вопрос о долге и ответственности государя перед законом и обществом, обличая царей-тиранов и злонамеренных вельмож.

В некоторых случаях это обличение перерастало в отрицание самого принципа самодержавной власти. Так постепенно складывались традиции свободолобивой драматургии, получившие дальнейшее развитие в литературе XIX столетия. Как справедливо замечает В. Н. Всеволодский-Гернгросс, русская трагедия эпохи классицизма «в известной степени подготовила создание подлинно революционной драматургии эпохи дворянского освободительного движения».¹

Развитие оппозиционных идей, свойственных русской трагедии XVIII века, легко прослеживается в творчестве крупнейших драматургов этого периода А. П. Сумарокова, Н. П. Николева и Я. Б. Княжнина. Вместе с тем их драматургия ярко запечатлела те харак-

¹ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Политические идеи русской классицистической трагедии. — «О театре. Сборник статей. I». Л.—М., 1940, стр. 133.

терные стилевые изменения, которые претерпела за это время классицистическая трагедия.

Зачатки обличения самодержавной тирании содержатся уже в первой трагедии А. П. Сумарокова — «Хорев», написанной в 1747 году. Эта трагедия является типичным произведением русского классицизма. Приурочив ее действие к древнейшему периоду русской истории, Сумароков вывел в ней в качестве героев легендарных князей Кия и Хорева (по летописи — Хорива). Действие трагедии основывается на вымышленной любовной интриге. Наличие этой последней позволило автору развернуть коллизию между «долгом» и «чувством», в которую вступают Хорев и дочь вымышленного Сумароковым князя Завлоха (противника Кия) — Оснельда. Рисуя безупречное поведение Хорева и Оснельды, Сумароков учил современников подчинять страсти рассудку, жертвовать личным счастьем во имя интересов государства.

В то же время драматург высказал в трагедии свои политические убеждения. По мысли Сумарокова, являвшегося сторонником идеи просвещенного абсолютизма, монарх должен быть справедливым и царствовать в строгом согласии с законом. Не таков своенравный, подозрительный и строптивый Кий. В трагедии говорится устами самого Кия о подверженных страстям самодержцах —

Во всей подсолнечной гремит монарша страсть,
И превращается в тиранство строга власть.¹

Примерно такой же морально-политический урок извлекали зрители из другой трагедии Сумарокова — «Синав и Трувор» (1750), где предметами их сострадания были дочь новгородского посадника Гостомысла Ильмена и варяжский князь Трувор. Рисуя мучения раскаивающегося в своей жестокости Синава, Сумароков снова выступает с критикой деспотизма. Еще более сильно звучат оппозиционные мотивы в последних трагедиях Сумарокова, особенно в его «Димитрии Самозванце» (1771). В этой трагедии содержатся прямые призывы к свержению царя-тирана. Например, во втором действии пьесы устами одного из положительных персонажей говорится:

Народ, сорви венец с главы творца злых мук!
Спеши, исторгни скиптр из варваровых рук,
Избавь от ярости себя непобедимой...²

---

¹ Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного А. П. Сумарокова, изд. 2-е, ч. 3. М., 1787, стр. 47.

² А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, ч. 4. М., 1781, стр. 85.

Советское литературоведение высоко оценило трагедии Сумарокова, которым принадлежит видное место в развитии русской прогрессивной драматургии. «Трагедии Сумарокова, — пишет П. Н. Берков, — положили начало политическому направлению в русской драматической литературе. Я. Б. Княжнин со своим «Вадимом Новгородским» и Н. П. Николев с «Сореной и Замиром», трагедиями, содержащими наиболее резкие антимонархические тирады в русской литературе XVIII века, были только логическим завершением того, что начал Сумароков». ¹

Одной из лучших трагедий конца XVIII века является «Сорена и Замир» Н. П. Николева, написанная в 1784 году. Ей предшествовала трагедия «Пальмира», которую Николев написал в 1781 году. Являясь типичной классицистической трагедией, «Пальмира» развивает мотив борьбы между долгом и страстью.

Дочь тирского царя Ироксерса, Пальмира, любит сидонского князя Золега (он же Омар), находящегося в плену у ее отца. Последний выступает в качестве тирана. На вопрос Пальмиры: «Ах! в чем Омарово находишь преступленье?» — Ироксерс отвечает: «В желании моем его пролити кровь». ² Однако политический мотив звучит в пьесе весьма приглушенно. На первом плане в ней находится любовная интрига. Но и любовные переживания героев показаны в «Пальмире» без той яркости, с какой они изображены в «Сорене и Замире».

Действие трагедии «Сорена и Замир» приурочено к древнейшему периоду отечественной истории. Оно происходит во время борьбы русских с половцами. Но в содержании пьесы нет ничего исторического. Она принадлежит к числу трагедий, написанных на условно-исторический сюжет. (Условным является в ней и название города, в котором разворачивается действие. Этого не понял критик «Вестника Европы», упрекнувший Николева в том, что он принял Полоцк за город, находящийся в земле половецкой.)

Вместе с тем трагедия «Сорена и Замир» верно воспроизводила общественную атмосферу эпохи ее создания. В трагедии с большой силой выражено недовольство оппозиционно настроенных дворян деспотическим правлением Екатерины II и ее многочисленных фаворитов. Н. П. Николев был тесно связан с видными представителями дворянской оппозиции братьями Н. И. и П. И. Паниными. Он разделял их конституционные идеи, нашедшие отражение в его трагедии.

¹ А. П. Сумароков. Избранные произведения. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1957, стр. 38.

² Николай Николев. Пальмира. Трагедия. — «Российский театр», ч. 5, 1787, стр. 188.

Недаром Петр Панин (Никиты Панина в это время уже не было в живых), по свидетельству современников, плакал на представлении «Сорены и Замира». Вместе с Паниными и другими представителями образованного дворянства Николев был воспитан на идеях европейского Просвещения. Большое влияние оказали на него произведения Вольтера, из которых наиболее тесно связана с «Сореной и Замиром» трагедия «Альзира, или Американцы». ¹

Создавая свою трагедию, Николев подверг сюжет вольтеровской «Альзиры» значительной переработке. Вместо перуанцев у него выступают половцы, а вместо победителя инков, испанского завоевателя Гусмана, рисуется «царь Российский» Мстислав, показанный в качестве «лютейшего тирана». В трагедии критикуется идея самодержавного правления, при котором «властью одного все скованы сердца». Развивая мысль Сумарокова о подверженности царей «страстям», Николев ищет гарантию против тирании в ограничении власти монарха. Его политическое кредо выражено в словах Премысла:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле.

Сам Мстислав приходит к выводу, что неограниченный произвол царей или, как он говорит, «на себя монархов надеянье Невольно их влекло нередко в злодеянье». — «Так должно ль полну власть присвоивать царям?» Если уже Сумароков призывал «сорвать венец с главы творца злых мук», то Николев заявляет устами Сорены: «Тирана истребить есть долг, не злодеянье». Здесь Николев предвосхищает постановку вопроса о моральном оправдании тираноубийства, содержащуюся в трагедии Кюхельбекера «Аргивяне».

Самодержавному деспотизму Мстислава в трагедии противопоставляются идеальные отношения половецкого князя Замира с его соотечественниками. Свободолюбивый князь видит свой долг правителя в охранении вольности и законов, счастья и благоденствия людей («Я вольность их хранил, ты их привел в подданство», — говорит Замир Мстиславу). «Вольность» в трагедии Николева исторически предшествует деспотизму. В этом смысле «Сорена и Замир» предваряет вольнолюбивые русские трагедии (прежде всего княжнинского «Вадима Новгородского»), в которых утверждается исконность

---

¹ См. об этом в статье А. Кадлубовского «„Сорена и Замир“ Николева и трагедии Вольтера». — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1907, т. 12, кн. 1, стр. 185—204.

«демократических» общественных установлений. Намечается в «Сорене и Замире» и характерное для передовой русской литературы сочетание вольнолюбия с патриотизмом.

Сильно звучит в трагедии также протест против религиозного фанатизма. Николев и в этом отношении был последователем автора «Альзиры» и «Магомета» и вместе с тем последователем Сумарокова, в «Димитрии Самозванце» которого говорится о «лжеучителях» и «лжесвятости». Впрочем, проповедь веротерпимости дана у Николева в более остром варианте. У Сумарокова речь идет о насаждении, так сказать, «чужой» (хотя тоже христианской) религии католиков. У Николева же — «царь Российский» хочет силой утвердить среди половцев христианство русское. По словам Сорены, Мстислав «желает христианство Нам в души поселить чрез наглое тиранство».

В «Сорене и Замире» большое место отведено любовной интриге. Эта интрига искусно объединена с разворачиванием идейного конфликта. В отличие от «Альзиры» Вольтера, страдающей некоторой перегруженностью действия и слабостью отдельных мотивировок, пьеса Николева характеризуется простотой сюжета, стройностью композиции, единством настроения. Она написана с истинным вдохновением. Николев сумел убедительно и живо передать не только любовные переживания своих героев, но и их гражданские чувства. Недаром одну из пылких свободолюбивых речей Замира назвал «высокой» его антагонист Мстислав. Вдохновение, с каким написана трагедия, несомненно, было почувствовано зрителями, давшими высокую оценку этому незаурядному произведению русской драматургии.

Развитие русской трагедии XVIII века достигло своей вершины в творчестве Я. Б. Княжнина, выступившего в своих трагедиях с резкой и беспощадной критикой самодержавной тирании. Образы идеального вельможи Сваделя («Владимир и Ярополк») и идеального монарха Тита («Титово милосердие») противостоят у Княжнина вельможе-злодею Витозару («Владисан») и царям-тиранам вроде Христиерна («Росслав»).

Драматургия Княжнина героична. Ее героиня не нуждается в эффектах, хотя автор подчас и прибегает к последним. Отличительную черту созданных Княжнинным героических характеров составляет их патриотизм. Образцовым патриотом является Рослав. Его чистая и возвышенная любовь к родине полностью свободна от предрассудков. Он патриот и вместе с тем гражданин — пылкий и благородный. Руководствуясь строгим морально-политическим критерием, который он неизменно прилагает к своим и чужим поступкам, Рослав сохраняет за собой право поступать в согласии с

веле́ниями собственной совести. «Не может повелеть мой князь мне подлым быти», — говорит Росслав.¹ Любя свою отчизну, Росслав не остается равнодушным зрителем страданий других народов. Он активно помогает шведам освободиться от тирании Христиерна. Пусть в этом месте Княжниным допущена сюжетная натяжка. Дело не в ней. «Росслав» является одним из ранних произведений, запечатлевших характерное для всей прогрессивной русской литературы сочувствие другим народам в их справедливой борьбе против тирании и горабошения.

Почти во всех своих трагедиях Княжнин стоит на позициях признания монархической власти, веря, как и другие сторонники идеи просвещенного абсолютизма, в «доброе царя». Эта вера дает себя знать и в «Росславе». Здесь представительница «рода прежних шведских правителей» Зафира выступает как «славного сего остаток рода, К которому любовь питается народа». Наоборот, Христиерн, тиранствуя, позорит свой «монарший сан».² Однако в том же «Росславе» имеется обличение царей, звучащее с огромной силой:

Цари! вас смерть зовет пред суд необходимый;
Свидетель вам ваш век, судья неумолимый
Вам время будущее, в которо на весах
Вы правды будете судитися в делах.
Страшитесь сего суда нелицемерна!
Вас мрачный гроб приняв с величия безмерна,
Отколь мрачат лучи блистающих венцов,
Отъемля вашу власть, отъемлет и льстецов;
И смерть, срывая с вас багряную порфиру,
Кто вы, являет то попанну вами миру.
Тогда вострепещи.³

Глубокое и принципиальное опровержение идеи единовластия содержится в лучшей трагедии Княжнина — «Вадиме Новгородском» (1789).

В этой трагедии получила дальнейшее развитие высказанная Сумароковым мысль о том, что под влиянием обуревающих монархов страстей повсеместно («во всей подсолнечной») «строга власть» «превращается в тиранство». Княжнин видит корень зла уже не в «страстях», а в самом институте единодержавной власти, губительно

---

¹ Яков Княжнин. Собрание сочинений, т. 1. СПб., 1787, стр. 192.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 197—198.

действующей на людей, превращающей даже и самого добродетельного монарха в тирана. Такого потенциального тирана видят в Рурике его идейные противники. Рурик до последнего момента остается в трагедии благородным человеком. Невзирая на это, его противники неизменно предрекают ему моральное падение. О неизбежности этого падения говорится во втором действии пьесы, в замечательном монологе Пренеста, составляющем ее идейное ядро. Пренест говорит о Рурике:

Великодушен днесь он, кроток, справедлив,
Но, укрепя свой трон, без страха горделив,
Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами,
Законы после все и нас поперет ногами!

. . . . .

Самодержавие повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.¹

Самодержавной тирании в трагедии Княжнина противопоставляется идеал республиканской вольности, которая древнее самовластья. Утверждая исконность свободы, Княжнин развивал мотив, содержащийся в «Сорене и Замире» Николева. Но у Николева фигурирует «свобода» не русская, а «половецкая», не республиканская, а конституционно-монархическая. «Вадим Новгородский» же был первой русской трагедией, воспевающей древнерусскую вольность, вечевой строй древнего Новгорода.

Эволюции идейного содержания русской классицистической трагедии сопутствовали изменения ее стиля. Более тонкими стали средства и приемы изображения внутренней жизни персонажей. Сложным и разветвленным становился в ряде трагедий ход сюжетного действия. Совершенствовались изобразительные средства языка. Стих трагедии делался более легким и напевным. Если трагедии Сумарокова отличаются простотой и статичностью сюжетов, то драматургию Княжнина, по верному наблюдению А. Я. Максимовича, характеризует тяготение к эффектам, сложной динамической интриге, изображению противоречивых чувств.²

---

¹ Я. Б. Княжнин. Вадим Новгородский. Трагедия в стихах, в пяти действиях. СПб., 1793, стр. 30.

² См.: «История русской литературы», т. 5. М.—Л., 1941, стр. 168, 156.

То обстоятельство, что классицистическая эстетика предписывала драматургу соблюдение определенных правил, имело положительное значение для формирующейся русской драматургии, способствуя ее развитию. Следует иметь в виду, что правила классицизма никогда не выполнялись с педантической точностью. Уже Корнель и Расин пренебрегали отдельными правилами или выполняли их лишь формально. «Эсфирь» Расина состоит из трех действий, тогда как принято было делить трагедии на пять актов. Корнель в трагедии «Сид», по замечанию Пушкина, «нагромоздил событий на целых 4 месяца»,¹ поглумившись тем самым над правилом о единстве времени, ограничивавшим действие трагедии пределами одних суток. Еще большую смелость в обращении с предписаниями классицизма обнаруживали русские драматурги. Они учитывали опыт не только Корнеля и Расина, но и опыт очень популярного в тогдашней России Вольтера, в творчестве которого наблюдается тяготение к новым литературным направлениям. (Недаром склонный к строгому классицизму П. А. Катенин считал Вольтера отступником.) Рано стали появляться у нас в переделанном виде пьесы Шекспира. Эти переделки расшатывали ту самую систему классицизма, в угоду которой в них искажался Шекспир.

3

В начале XIX века развитие русской стихотворной трагедии совершалось под влиянием новых литературных направлений: сентиментализма и романтизма.

Сентиментализмом овеяно творчество крупнейшего драматического писателя этой поры В. А. Озерова. Под знаком преромантической и романтической эстетики шло у нас в России освоение драматургии Шиллера, надолго ставшего (как и Шекспир) спутником наших драматургов. В двадцатые годы романтизм становится господствующим направлением и в жанре исторической трагедии. Следует, однако, заметить, что в течение длительного времени классицизм сохранял притягательную силу для драматургов. Главной причиной его живучести была необходимость иметь драматическую форму, способную выразить героический дух эпохи, пафос великой освободительной борьбы. Камерное, во многом субъективистское искусство сентименталистов и романтиков консервативного направления такой формы не создало. Пришлось обратиться к старой

---

¹ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. Л., 1937, стр. 541.

форме, наполняя ее новым содержанием. Характерно, что самыми горячими поборниками трагедии обновленного классицизма были прогрессивные романтики — декабристы, для которых обращение к «высоким» жанрам являлось одной из форм борьбы с ненавистным для них элегизмом. В этой борьбе с элегизмом предшественниками декабристов были драматурги «державинской» ориентации.

Среди драматургов начала XIX века обозначились две группировки: «озеровская» и «державинская». В их размежевании своеобразно отразилась борьба литературных направлений. К «державинской» группе примыкали А. А. Шаховской, А. Н. Грузинцев и П. А. Корсаков. В качестве более или менее последовательных приверженцев поэтики Озерова выступали М. В. Крюковской, Ф. Ф. Иванов, Ф. Н. Глинка, В. В. Капнист, С. Н. Глинка. В каждой из этих двух групп имелись консерваторы и люди, не чуждавшиеся известного вольномыслия. Среди «державинцев» своеобразного, правда очень умеренного, либерализма придерживался Корсаков, сильно поправивший в последующие годы. Не чужд был «либерализму» и сам Державин, который развивал просветительские традиции в своей трагедии «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи». Среди сторонников поэтики Озерова к консерваторам принадлежал С. Н. Глинка. Озеров иронически относился к направлению издававшегося Глинкой «Русского вестника» и считал Глинку своим политическим антиподом.

Отрицательное отношение Державина к драматургии Озерова обозначилось уже после появления «Эдипа в Афинах». С появлением «Димитрия Донского» оппозиция «державинцев» еще более усилилась. Она получила яркое выражение в обширных критических замечаниях, которые сделал, рассматривая «Димитрия Донского», А. С. Шишков.¹ Державин и его сторонники с неодобрением отмечали у Озерова несоблюдение исторической истины, слабую обрисовку характеров, недостаток драматизма, элегическую одиотность слога.² Хотя пьесы самого Державина не составили достой-

---

¹ В. А. Озеров. Димитрий Донской. Печатный экземпляр с критическими замечаниями А. С. Шишкова (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина). См. статью Л. П. Сидоровой «Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова „Димитрий Донской“». — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. «Записки Отдела рукописей», вып. 18. М., 1956.

² Об отношении Державина к драматургии Озерова см. во вступительной статье И. Н. Медведевой к трагедиям и стихотворениям Озерова («Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1960, стр. 55—67).

ного противовеса трагедиям Озерова и даже, как будет отмечено ниже, несли на себе печать некоторого озеровского влияния, знаменателен сам по себе факт столь выразительного творческого антагонизма. В свете этого основного факта лучше обрисовываются другие эпизоды, связанные с деятельностью двух противоборствующих групп. Мы имеем в виду полемические выступления будущих арзамасцев против «державинца» А. Н. Грузинцева, уничтожающую характеристику, данную Грузинцеву в «Парнасском адрес-календаре», усиленно поддерживавшуюся арзамасцами версию о преследованиях Озерова Шаховским и т. п.

Линию «державинцев» продолжили драматурги, группировавшиеся вокруг Грибоедова: П. А. Катенин, А. А. Жандр, В. К. Кюхельбекер. Недаром последний называл литераторов этой группы романтиками из «славян». ¹ В качестве «славянина» Кюхельбекер давал преувеличенно высокую оценку поэзии С. А. Ширина-Шихматова, ратовал за восстановление оды, напал на элегизм. Одним из упорных «державинцев» был и П. А. Катенин. Характерно, что Жандр и Катенин выступили (в 1820 году) с резкой принципиальной критикой драматургической системы Озерова. ²

Стихотворная трагедия первой четверти XIX века отразила тот высокий патриотизм, который был вызван героикой освободительных войн. Продолжалось развитие свободолобивых идей.

Господствующим политическим идеалом в драматургии начала века был идеал просвещенного абсолютизма. В последующие годы прогрессивное движение получило ярко выраженный антиправительственный характер. Умеренных «либералов» сменили радикально и революционно настроенные деятели из числа декабристов. Идеал просвещенного абсолютизма сменяется в драматургии идеалом конституционной монархии и республики. Драматургия как бы заново проделывает путь от первых трагедий Сумарокова до «Вадима Новгородского» Княжнина. Это не было, однако, простым повторением. Каждая эпоха давала свой материал для обоснования выдвигаемого драматургами идеала. С переходом правительства Александра I от показного и во многом мнимого либерализма к открыто реакционной политике идеал просвещенного абсолютизма потерпел окончательное крушение.

---

¹ В. К. Кюхельбекер. Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности. — «Литературные портфели». I. Время Пушкина. Пг., 1923, стр. 75.

² См. «Сын отечества», 1820, № 23, стр. 177. Ср. там же, № 26, стр. 225—228; № 28, стр. 80—85.

В условиях углубляющегося кризиса феодально-крепостнической системы и падения авторитета самодержавной власти все более и более укреплялась в сознании общества идея свободной и независимой человеческой личности. Проникая в жанр трагедии, эта важная идея произвела в нем характерное преобразование традиционной коллизии между долгом и чувством. В несколько ослабленном виде выступили веления долга, а чувство более решительно предъявило свои права. Предшественницей трагедий, развивающих преобразованную в таком духе коллизию, была «Венецианская монахиня» М. М. Хераскова. В трагедии содержится апология чувства, сопровождаемая некоторым ослаблением требований долга.¹ Эти требования не кажутся безусловно справедливыми герою трагедии Корансу, энергично отстаивающему свое право на любовь.

В еще более преобразованном виде выступает этот конфликт у Озерова, драматургия которого проникнута духом сентиментализма. В трагедиях Сумарокова веления долга всегда формулируются с не допускающей кривотолков четкостью и ясностью, а моральное торжество долга над чувством безусловно признается всеми действующими лицами. Иную картину мы наблюдаем в трагедиях Озерова. Он вводит в фабулу моменты, делающие неясным или сомнительным противостоящее чувству требование долга. Что касается чувства, то последнее трактуется Озеровым как великое благо, непререкаемая моральная ценность. В ряде случаев Озеров пытается объединить долг с чувством, беря за основу чувство. Это приводит к снижению высокого героизма. С другой стороны, оказывается бессильным и протест озеровских героев против авторитарной морали.

Против озеровского ослабления конфликта решительно выступили революционные романтики, декабристы. Они высказались за восстановление коллизии между чувством и долгом в ее классически строгой форме. Ничего спорного и сомнительного не должно быть в определении нравственных обязательств персонажа, осознанная им строжайшая необходимость должна вести его по пути подвига и жертвы. Но, ратуя за восстановление старого («корнелевского») конфликта, декабристы вкладывали в него новое идейно-эмоциональное содержание. Категория «долга» перестала быть рассудочной категорией, противостоящей эмоциональной стихии «страстей». Гражданский пафос получил лирическую окраску, стал проявлением личности персонажа.

---

¹ По верному наблюдению Д. Д. Благого, «основной трагической пружиной» этой пьесы «является не долг, а любовное чувство — забота о чести любимой» (Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1960, стр. 367).

Освоение драматургией идеи личности вело к дальнейшему усилению психологического начала, отчетливо выступавшего уже в трагедиях Княжнина. В этом смысле этапное значение имели трагедии Озерова, преобразовавшего традиционный конфликт между долгом и чувством в духе сентиментального эгегизма и во многом еще условного рационалистического психологизма. Что касается романтиков из «славян», то они шли к овладению мастерством психологического анализа различными путями. Одни из них (Кюхельбекер) использовали достижения, имевшиеся в этой области у Жуковского. Другие (Катенин), отвергая школу «отступника» Вольтера, вдохновлялись глубоким анализом «страстей», который они находили у Корнеля и Расина. Третий (Жандр) учился этому искусству у тех же французов, а также у мастеров испанской драмы и Шекспира.

Наряду с эстетическим освоением идеи личности драматургам предстояло решить не менее сложную задачу художественного изображения народа. Б. Ярустовский, исследуя русское оперное искусство, пришел к заключению, что народные сцены и широкое развитие хоров составляют отличительную черту русской национальной оперы.¹ То же самое следует сказать и о русской трагедии. Народные сцены рано стали появляться в произведениях русских драматургов. Уже в «Гамлете» Сумарокова довольно большое место отводится народу, а в заключительном (пятом) действии сумароковского «Дмитрия Самозванца» бунтующий народ проникает на самую сцену. Изображение народа в трагедии было прямым нарушением традиций зарубежной классицистической драматургии. «Предосудительны все народные собрания на театре», — говорил Вольтер.² Д. Д. Благой, видящий в народе сумароковского «Дмитрия Самозванца» «слабый зародыш и отдаленное предшествование пушкинского народа „Бориса Годунова“», связывает вводимые Сумароковым новшества с влиянием на русского драматурга творчества Шекспира.³ Весьма показательны наличие народных сцен и хора в трагедии Ф. Ф. Иванова «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Большое место занимают народные сцены в «Аргивьянах» Кюхельбекера, особенно во второй редакции этой трагедии.⁴ Колоритную

¹ Б. Ярустовский. Драматургия русской оперной классики. М., 1953, стр. 29—30.

² «Драматический вестник», 1808, № 50, стр. 186.

³ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1960, стр. 196.

⁴ См. сравнение двух редакций «Аргивян» в статье А. В. Архиповой «О трагедии В. К. Кюхельбекера „Аргивяне“». — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 168, ч. 1, 1958, стр. 76—83.

народную сцену представляет собой пролог к трагедии Рылеева «Хмельницкий». Уделяя внимание народу, драматурги, однако, показывали его чаще всего в качестве силы, не способной к самостоятельному действию. Выступления народа приурочивались в старых трагедиях к тому моменту, когда достигала кульминации борьба между главными героями. В трагедии Кюхельбекера народное восстание предшествует выступлению заговорщиков. Но и у Кюхельбекера главной силой переворота оказываются заговорщики, которые доводят до победного конца борьбу с тираном. Вместе с усилением роли народа в русских трагедиях совершенствовались приемы художественного изображения народа. Оно становилось все более индивидуализированным, появлялись яркие образы представителей народа.

Отдельные драматурги затрагивали в своих трагедиях вопрос о роли личности и народа в истории. Кюхельбекер выступил в «Аргивянах» против обожествления исторических героев. В его трагедии вождь республиканцев Тимолеон, обращаясь к народу, протестует против чрезмерного прославления подвигов его брата:

Сограждане, не выше ль меры вы
Почтить хотите подвиг Тимофана?

. . . . .

Не каждый ли из ваших ратников
Делил с вождем опасность и труды
И не с избытком ли тот награжден,
Кто первый был в спасителях Коринфа?

. . . . .

Нет, смертный быть не может богом!¹

Но романтик Кюхельбекер не мог последовательно бороться с возвеличением личности, так как не имел для такой борьбы соответствующей мировоззренческой базы. Культ «избранных душ» развенчал Пушкин, сделав это, еще до создания «Бориса Годунова», в набросках лирических стихотворений и второй главе «Евгения Онегина». Однако и после Пушкина этот культ еще долго существовал в нашей литературе.

---

¹ В. К. Кюхельбекер. «Аргивяне» (первая редакция). Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Архив В. А. Жуковского.

Начало XIX века явилось временем проникновения в драматургию идеи историзма. Эта идея была чужда классицизму, который исходил из метафизических представлений об абсолютных, вневременных нормах разума и о вечной, неизменной человеческой природе. Историческое мышление было одним из величайших открытий, сделанных на основе обобщения опыта французской революции и последовавших за ней событий и перемен. Но драматурги далеко не сразу пришли к глубокому и правдивому изображению исторической действительности. Первоначально дело ограничивалось воспроизведением одной только внешней стороны быта изображаемых народов, особенно чужестранных. Это было, конечно, очень условное изображение, своеобразная историческая стилизация. Характеры исторических лиц долгое время подвергались модернизации. В модернизированном виде выступало у драматургов и миросозерцание героев минувших времен. Выше говорилось о том, что аллегоризм школьной драмы был серьезным препятствием, стоявшим на пути к историзму. Однако и метод аллюзий, широко применявшийся в драматургии начала XIX века, препятствовал раскрытию подлинных исторических закономерностей. Выступившие с критикой этого метода Катенин и Кюхельбекер не смогли полностью отказаться от него. В их творчестве явственно проступают черты исторического схематизма. Только Пушкин сумел создать подлинно историческую трагедию, в которой освещение вопросов современного развития дается путем глубокого анализа общественных антагонизмов, присущих изображаемой эпохе.

Отличительной чертой драматургии начала XIX века было наличие в ней большого числа трагедий, трактующих тему национально-освободительной борьбы. Преобладание подобной тематики объясняется тем, что «в эпоху 1789—1871 гг.», по словам В. И. Ленина, «войны в Европе большей частью были связаны... с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета».¹ Прославляя героев-патриотов, драматурги с гневом показывали завоевателей, поработителей народов. Во многих трагедиях захватническим, грабительским войнам противопоставлялась идея мира и благоденствия народов. Этими сторонами своего содержания драматургия первой четверти XIX века созвучна нашему времени, отмеченному борьбой народов за окончательное уничтожение колониализма.

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 21, стр. 401.

В начале XIX века русская трагедия развивалась под преобладающим влиянием прогрессивных идей. Большое внимание уделяли этому жанру просветители, организовавшие в 1801 году Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. На заседаниях этого общества в числе других вопросов обсуждались вопросы театра. Например, были обсуждены «Перевод о английской трагедии» В. И. Красовского и «Статья о театре» В. В. Дмитриева.¹ Характерно, что к жанру трагедии обратился в конце своей жизни видный деятель Вольного общества И. П. Пнин. По свидетельству Н. П. Брусилова, Пнин трудился «над сочинением драмы «Велизарий», написал уже первое действие; но нечаянная смерть не позволила ему оной кончить».² Можно не сомневаться в том, что И. П. Пнин разработал бы эту тему в духе идей европейского Просвещения. «Тема Велизария в литературе XVIII века, — пишет В. Н. Орлов, — приобрела отчетливый политический смысл — особенно в знаменитом романе Мармонтеля, в котором Велизарий был изображен как гражданский герой, образец мужества, великодушия и благородства, ставший жертвой вероломства и гонений императора Юстиниана».³ Работал над трагедией и другой представитель Вольного общества — А. П. Бенитский, после смерти которого осталась, по словам А. Е. Измайлова, «неоконченная трагедия в стихах „Нерон“».⁴

На просветительских идеях XVIII века воспитался известный русский романист, поэт и драматург В. Т. Нарезный, выступавший, по характеристике Н. Л. Степанова, как «поборник просвещения, обличитель испорченности нравов и социальной несправедливости».⁵ Нарезный не был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, но причины его неучастия в деятельности этой организации зависели, как справедливо отмечает Н. Белозерская, «от более или менее случайных условий, а не от характера его произведений».⁶ Позднее Нарезный был связан с другим объедине-

¹ «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». СПб., 1804, стр. III, VII.

² «Журнал российской словесности», 1805, № 10, стр. 61.

³ В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953, стр. 200.

⁴ «Цветник», 1809, № 11, стр. 266.

⁵ См.: «История русской литературы», т. 5, стр. 285.

⁶ Н. Белозерская. В. Т. Нарезный. Историко-литературный очерк, ч. 2. СПб., 1896, стр. 59.

нием передовых литераторов — Вольным обществом любителей российской словесности.

Обращение Нарезного к жанру трагедии было обусловлено преобладанием в его раннем творчестве героических и патриотических мотивов (стихотворение «Брега Алты», поэма «Освобожденная Москва», драматические сцены «Римская ревность»). Драматургия В. Т. Нарезного была необходимым звеном в развитии русской трагедии. Написанные на рубеже двух столетий, трагедии Нарезного характерно выразили тенденцию современного ему литературного развития. Начав свое творчество с подражаний классицизму, Нарезный рано обратился к романтизму. В его драматургии элементы старого направления причудливо соединяются с чертами нового. В этом отношении очень показательна его трагедия «Димитрий Самозванец», в основе которой лежит романтически переработанная одноименная трагедия Сумарокова.¹ Последняя все еще шла с большим успехом на сцене. Один из критиков высказал предположение, что, может быть, этот успех и побудил молодого писателя создать своего собственного «Самозванца».²

К числу ранних драматических произведений Нарезного принадлежит стихотворная трагедия «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова», написанная в 1799 году. Взявшись за разработку античного сюжета, молодой писатель (Нарезному было в это время 19 лет) шел по пути, проторенному драматургами эпохи классицизма. В трагедии в основном соблюдены три единства: времени, места и действия. Характеристики главных героев (Полиника и Этеокла) даны по принципу контраста. Язык персонажей изобилует высокими речениями. Однако не эти черты трагедии определяют ее стиль. Нарезный знал греческий язык и греческую литературу. Он воспроизвел в «Кровавой ночи» некоторые важные особенности древней трагедии. Значительная роль отводится в этой пьесе хору. В подражание стиху греческой трагедии Нарезный написал «Кровавую ночь» не александрийским стихом, а белым пятистопным ямбом. В трагедии изображаются обычаи древних греков. В ней фигурируют имена многочисленных богов и героев, названия городов и областей. Все эти особенности, которых мы не встретим в трагедии ортодоксального классицизма, отличавшейся абстрактностью, схематизмом, характерны для трагедии романтической. О влия-

---

¹ Подробней о трагедии Нарезного «Димитрий Самозванец» см.: В. А. Бочкарев. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). — «Ученые записки Куйбышевского пединститута», вып. 25, 1959, стр. 91—103.

² «Московский телеграф», 1830, № 15, стр. 386.

нии на автора «Кровавой ночи» новой романтической эстетики свидетельствует и специфический набор детально разработанных ремарок («стоит в испуге», «смотрит с диким недоумением», «отворачивается с горестью» и т. д.). Отказавшись от традиционного деления трагедии на 5 актов, Нарезный разделил свою пьесу на 4 сцены.

«Кровавая ночь» создавалась под влиянием трагедий Эсхила («Семеро против Фив») и Софокла («Антигона»). Но юный драматург подверг материал этих трагедий некоторому переосмыслению. Если, например, у Эсхила Этеокл выступает в качестве положительного героя, то в пьесе Нарезного он является тираном. Жестоким тираном рисуется у Нарезного и Креон. «Кровавая ночь», как и несколько позднее написанный «Димитрий Самозванец», принадлежит к числу тираноборческих трагедий. Прибегая к новым художественным средствам, Нарезный разрабатывает традиционные мотивы вольнолюбивой русской драматургии. В трагедии с большой силой выражено отвращение к символам царской власти: «венцу», омытому в крови народной, «диадеме», составленной из человеческих костей (см. монолог Полиника в начале 3-й сцены). Вокруг царя

Всё окровавлено, омочено
Слезами — и проклятья носят
Над тронном и чертогом...

Нарезный не выступает в «Кровавой ночи» против самодержавия, но практика самодержцев рисуется им в довольно мрачном и отталкивающем виде.

В трагедии «Кровавая ночь» значительная роль отведена народу. «Мнение» народа является силой, с которой нельзя не считаться. Поучая своего племянника Этеокла, Креон говорит:

Кто хочет быть на троне тверд, поставь
Его на общем заблужденьи
И суеверьем укрепи.

В конце трагедии устами Вестника сообщается о народном восстании. В городе — «смятенье, бунт». Фивейцы «подъяли копыя — и вломились в храм».

Под знаком прогрессивных идей развивалось творчество крупнейшего русского драматурга начала XIX века — В. А. Озерова. Его драматургия преемственно связана с трагедиями Сумарокова и особенно Княжнина, являвшегося непосредственным учителем Озерова, — Княжнин был преподавателем Сухопутного шляхет-

ского корпуса, в котором обучался будущий автор «Дмитрия Донского». Эта связь с наибольшей отчетливостью видна в первой озеровской трагедии «Ярополк и Олег» (1798), непосредственно примыкающей к сумароковскому «Мстиславу» и княжнинскому «Владимиру и Ярополку». Озеров унаследовал от Княжнина тяготение к яркой театральности, сочетаемой с тонкостью психологических характеристик.¹ Усиление психологизма в трагедиях Озерова означало перестройку их содержания в духе сентиментализма.

Первым произведением Озерова, ярко запечатлевшим эту перестройку, была его трагедия «Эдип в Афинах» (1804). «Эдип в Афинах» являет собой любопытный образец трагедии, в которой античный сюжет трактуется в духе своеобразного, исторически характерного направления, объединившего черты политической («вольтеровской») трагедии обновленного классицизма с чертами этико-психологической трагедии сентиментализма. Решительным преобладанием этих последних отмечена третья трагедия Озерова — «Фингал» (1805). Она же запечатлела произведенное Озеровым преобразование (в духе сентиментализма) традиционной коллизии между чувством и долгом. Веления «долга» оказались в какой-то мере сомнительными и не столь уж обязательными. Моина до конца второго действия не знает действительных намерений своего отца Старна и поэтому думает, что ее любовь к Фингалу не противоречит воле ее отца. Сделав Фингала убийцей ее брата Тоскара, драматург одновременно подчеркивает, что убийство произошло в открытом, честном бою. «Преступная» любовь Моины к иноплеменному царю изображается в трагедии на фоне жестокости и коварства, проявляемых Старном и верховным жрецом Локлинского царства по отношению к Фингалу.

Подобному же преобразованию подверглась традиционная коллизия и в знаменитой патриотической трагедии Озерова «Дмитрий Донской» (1807). В этом произведении решению Нижегородского князя выдать Ксению замуж за князя Тверского противоречит воля его покойной жены, являвшейся сторонницей брака дочери с князем Дмитрием. С другой стороны, Ксения и, с еще большей настойчивостью, Дмитрий выдвигают право молодых устраивать свою жизнь в согласии с велениями сердца, а не по указке старших. При этом Дмитрий упорно стремится доказать, что его любовь к дочери Нижегородского князя не противоречит его патриотическому долгу. Заставляя Дмитрия Донского упорно отстаивать лич-

---

¹ Об отношении драматургической системы Озерова к системам Сумарокова и Княжнина см.: «История русской литературы», т. 5, стр. 168. (Автор главы об Озерове — А. Я. Максимович.)

ные интересы, Озеров невольно принижал своего героя. По замечанию П. А. Вяземского, драматург искажил «исторический характер Димитрия и унизил героя, чтобы возвысить любовника». ¹ Спасая положение, Озеров вручает своему герою победу в единоборстве с татарским витязем Челубеем, решившую исход битвы русских с татарами.

Попытку объединить долг с чувством Озеров делает и в своей последней трагедии — «Поликсене» (1808), вычерчивая линию поведения Поликсены. Озеров так и не сумел прийти к согласованию идеи личности и ее прав с идеей государственного долга.

В трагедиях Озерова выдвигается идеал просвещенного абсолютизма, который поддерживался в начальные годы царствования Александра I широко распространенными среди дворян либеральными иллюзиями. Отстаивая этот идеал, Озеров обличал самодержавную тиранию и произвол. Он прославлял в своих пьесах мир и тишину, проповедовал веротерпимость, порицая грабительские войны, преследования инаковерующих, грубый мистицизм. Но если драматургия эпохи Сумарокова отразила расцвет идеала просвещенной монархии, то драматургия эпохи Озерова отразила его упадок и крушение. Озеров начал свое творчество с прославления царя-гуманиста, создав импозантный образ могущественного Тезея, угадывавшего волю богов («Эдип в Афинах»). Кончил же Озеров пессимизмом, показав в «Поликсене» бессилие гуманного героя (Агамемнона) перед лицом «судьбины», действующей как бы заодно со злодеями. ²

Озеров не смог стать преобразователем русской драмы. Наполнив свои трагедии содержанием, соответствовавшим новому направлению сентиментализма, он сохранил в основном форму старой трагедии классицизма. Недаром Пушкин даже о «Фингале» говорил, что эта трагедия «написана по всем правилам парнасского православия». ³ Однако Озеров заметно усовершенствовал русскую трагедию, особенно ее стих. Он придал стиху элегическое звучание, сделав его более легким и музыкальным. Более тонким и изощренным стало у Озерова изображение психологии его героев, хотя в этой области драматургу не удалось освободиться от рационализма. Следуя примеру своих предшественников, Озеров создал несколько ярких женских образов. В его трагедиях выступала знаменитая артистка Е. С. Семенова, способствовавшая своей игрой их сценическому успеху.

---

¹ В. А. Озеров. Сочинения, ч. 3. СПб., 1828, стр. 148.

² Там же, ч. 2, стр. 160.

³ П у ш к и н. Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 57.

Одним из драматургов озеровского направления, соединявших в своем творчестве сентиментализм с классицизмом, был С. Н. Глинка. Его эстетическое кредо изложено в статье о трагедии Николева «Сорена и Замир». Полемизируя с критиком «Вестника Европы», советовавшим учиться у Шекспира, Сергей Глинка заявлял, что «еще полезнее будет для молодых любителей русской словесности учиться у Сумарокова, Княжнина, Николева и прочих их последователей». ¹ Крупнейшим из этих последователей был Озеров, обучавшийся, как и Глинка, в Сухопутном шляхетском корпусе.

Воспитанный Я. Б. Княжнинным, Глинка в юности не чууждался свободомыслия. В своих записках он упоминает о том, как среди прочих стихотворений им была представлена в цензуру и не пропущена последней «Ода на суеверие, выкраденная из Вольтера». ² Позднее, в период издания «Русского вестника», Глинка придерживался иных убеждений. В это время он популяризировал мысли писателей, говоривших о «подобострастном почитании всевышнего существа» и о том, что «каждый, поступающий по уставам провидения, заслуживает его благоволения». ³

Свою драматургическую деятельность Сергей Глинка начал многочисленными переводами опер, которыми он снабжал театр Медокса в Москве. Его первым крупным произведением, написанным на отечественную тему, была «героическая драма» «Наталья, боярская дочь». За ней последовала пятиактная трагедия «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806). Автор «Сумбеки», придерживаясь твердо установившейся в драматургии классицизма традиции, основал все действие трагедии на любовной интриге. Охваченная страстью к Осману, Сумбека противится выходу замуж за Алея и губит этим свое царство. «Цель истории и трагедии, — писал Глинка, — в том единственно состоит, чтобы напоминать смертным, облеченным властью и могуществом, что и они люди; что страсти влекут в погибель неизбежную и что лесть и коварство от глаз их заслоняют истину и правоту». ⁴ Здесь Глинка примыкает к традиционной моралистической трактовке страстей, нашедшей себе яркое выражение в драматургии Сумарокова.

Но в трагедии «Сумбека» проглядывает и другой взгляд на человека, роднящий ее с литературой сентиментализма и романтизма. Обращает на себя внимание твердость и определенность позиции

¹ «Русский вестник», 1810, № 4, стр. 103—104.

² «Записки Сергея Николаевича Глинки». СПб., 1895, стр. 160.

³ «Русский вестник», 1808, № 1, стр. 48, 49.

⁴ Там же, 1810, № 4, стр. 117—118.

Сумбеки, которой «к неволе тягостной величья жребий дан». Противясь «неволе», Сумбека отстаивает свое право на любовь. В сущности, в трагедии почти отсутствует борьба между долгом и чувством. Не только Сумбека, но и другие участники любовной интриги — Осман и Эмира — сохраняют верность своему чувству и погибают. Следует, однако, заметить, что идея защиты прав личности не выдвигается и не акцентируется в трагедии Глинки. Рисуя героя, отстаивающего свое право на любовь, Глинка не возвышается до гуманистического пафоса озеровских трагедий, подобно тому как в своей моралистической трактовке страстей он не поднимается до оппозиционных идей Сумарокова.¹

В трагедии «Сумбека» уделяется довольно большое внимание народу. Но консервативно настроенный Глинка с неодобрением относится ко всем проявлениям активности и самостоятельности народа. Призывы к этой активности он вкладывает в уста честолюбца Сагруна, грубо льстящего народу. Сагруну в трагедии противопоставляется первосвященник Сеит, который призывает народ сохранять покорность «уставам вышней власти». В трагедии встречаются мистические сцены и эпизоды, долженствующие укрепить «в душах почтенье» к земным и небесным властям.

Романтические и сентименталистические тенденции, имеющиеся в самом содержании «Сумбеки», объединяются с тяготением автора к яркому, «романтическому» сценическому оформлению пьесы. Во вступительных ремарках к отдельным актам не случайно упомянуты «великолепная мечеть», виднеющаяся вдали река (действие второе), предстающие перед зрителем в ночном освещении великолепные гробницы татарских ханов (действие четвертое). Трагедия заканчивается эффектным зрелищем: разрушением казанской стены. К этому добавляются звуковые эффекты: «удары подземного грома» — в четвертом действии, «пушечные выстрелы» — в пятом.

К числу драматургов «озеровского» направления принадлежал и М. В. Крюковской, трагедия которого «Пожарский» (1807) была поставлена на сцене вскоре после появления «Дмитрия Донского». Вдохновляясь при создании «Пожарского» знаменитой трагедией Озерова, Крюковской вместе с тем внимательно прочитал, как это видно из текста «Пожарского», трагедию М. М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798), близкую к «Пожарскому» по теме.

---

¹ Как справедливо замечает Т. Родина, Г. А. Гуковский допустил явное преувеличение, усмотрев в трагедии С. Н. Глинки «Михаил, князь Черниговский» отражение прогрессивных идей. См.: Т. Родина. Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961, стр. 174.

«Пожарский» имел огромный успех у публики. Этот успех был обусловлен прежде всего содержанием трагедии. Она изобилвала облеченными в форму афоризмов патриотическими тирадами, каждую из которых публика встречала с необычайным энтузиазмом. По словам С. П. Жихарева, «театр затрещал от рукоплесканий», когда Л. С. Яковлев, воплощавший на сцене образ Пожарского, произнес начальные слова своей роли: «Любви к отечеству сильна над сердцем власть». ¹ Подобное же действие оказывали на публику содержащиеся в пьесе упоминания о героических предках: Святославе, Дмитрии Донском, Александре Невском. В полной гармонии со всем этим находится обращение автора «Пожарского» к «Слову о полку Игореве». Замечательным памятником древней русской письменности навеяны, например, слова Пожарского о том, что каждый из его соратников «под звуком повит труб, под шлемом возлелян».

В трагедии Крюковского можно встретить выражения, употребленные тогдашними свободолюбцами. В ней говорится, например, о том, что «надобно граждан оковы тяжки рвать». Устами Пожарского автор трагедии утверждает, что русские привыкли выше всего чтить «свободу общества, законом огражденну». Известный либерализм проявляет также Крюковской, заявляя, вслед за Сумароковым, что дворянин должен гордиться «не титулами», «не родом», а «одной заслугой». Однако вольномыслие Крюковского является очень поверхностным и зачастую носит внешний, фразеологический характер, почти не затрагивая сути авторских убеждений. С большей определенностью выражены в трагедии консервативные, монархические идеи, отстаивая которые автор порицает шляхетские вольности.

В этом отношении «Пожарский» сближается с «Освобожденной Москвой» Хераскова, отразившей отход последнего от либерализма. Если Херасков советовал Литве и Польше «безумной вольности тщетой не ослепляться», ² то Крюковской, вторя ему, говорил с явным порицанием о том, что «поляки кабалу в России разрешают и вольности мечтой сограждан обольщают». «Священнее всего нам долг повиновенья», — заявляет в трагедии Крюковского, выражая верно-подданические чувства, Начальник дружины.

С наличием в «Пожарском» монархически-крепостнической тенденции связана дальнейшая судьба автора и его творения. Крюковскому была оказана правительственная поддержка. Что же касается

---

¹ С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 544.

² М. М. Херасков. Освобожденная Москва. Трагедия. М., 1798, стр. 89.

«Пожарского», то он постепенно превратился в своего рода официальную пьесу, ставившуюся на сцене по торжественным дням.

Трагедия «Пожарский» многими сторонами своего содержания и формы примыкает к направлению классицизма, которому принадлежали и симпатии самого автора. По свидетельству Ф. В. Булгарина, Крюковской защищал «Расина, Корнеля, Крепильона и Вольтера» и в то же время не признавал «никакого трагического достоинства» за произведениями «Шекспира, Лессинга, Гете и Шиллера».¹ «Пожарский» написан традиционным александрийским стихом, разделен на 5 актов, отличается «сановитостью» содержания и высотой языка.

Но Крюковской, следуя за Озеровым, продолжил в своем «Пожарском» то преобразование старой трагедии классицизма в духе нового направления сентиментализма, которое наметилось еще у Вольтера. Не вполне выдерживает автор «Пожарского» единство места, походя и в этом на Озерова, не раз допускавшего в своих трагедиях подобную вольность. Как и Озеров, Крюковской преобразует коллизию между долгом и чувством, пытаясь найти для долга и чувства один общий источник и тем самым смягчить их столкновение друг с другом. Если озеровский Дмитрий в запальчивости утверждает, что горящий в его душе «доблестный жар» «произвела» его любовь к дочери Нижегородского князя и что он готов поэтому отдать «всю жизнь отечеству и Ксении все чувство»,² то Пожарский у Крюковского заявляет, что ему любовь не будет «помехой» «в должности», так как он «дышит» теми же «чувствами к отечеству», которые питает и к своим близким.

Результатом такого смягчения конфликта между долгом и чувством у Крюковского, как и у Озерова, явилось ослабление трагедийного, героического начала. В «Пожарском» это ослабление ощущается еще сильнее, чем в «Димитрии Донском». Хотя Пожарский и приносит известную жертву на алтарь отечества, поступаясь личным ради общественного, однако эта жертва оказывается очень умеренной. Он посылает «дружину» спасать его жену и сына, а сам с «воинством» устремляется к Москве (см. конец второго действия). Следует заметить, что преобразование коллизии между «долгом» и «чувством» не связано в трагедии Крюковского с защитой прав личности. Отсутствие в «Пожарском» озеровского гуманизма делает еще более заметным тот отпечаток официальности, который лежит на пьесе.

---

¹ «Библиотека для чтения», 1846, № 1, стр. 15.

² В. А. Озеров. Сочинения, ч. 3, стр. 17, 57.

Драматургия Озерова оказала влияние и на прогрессивно настроенных писателей. К их числу относился видный драматург Ф. Ф. Иванов, опубликовавший в 1809 году трагедию «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода».

Свое отношение к Озерову Иванов выразил в стихотворном «Послании к А<лексе>ю Ф<едорови>чу М<ерзляко>ву». Сожалея о том, что Озеров прекратил творческую деятельность, автор послания объявляет тщетными покушенья «дерзких» «певица Донского нам на сцене заменить». Эти драматурги, которых Иванов называет новыми Прадонами, умеют «только меру дать стихам», уступая Озерову в главном — в знании «страстей, сердец обуреванья». Они сочиняют свои пьесы «Мельпомене в зло», «в казнь чувствительным сердцам».¹

В трагедии «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» традиции литературы сентиментализма сочетаются с традициями вольнолюбивой героической трагедии XVIII века. Являясь драматической переработкой одноименной повести Н. М. Карамзина,² пьеса Иванова вместе с тем теснейшим образом связана с трагедией Княжнина «Вадим Новгородский». Имя Вадима благоговейно произносится на протяжении всей пьесы защитниками новгородской вольности. О Вадиме, который, «жизни не щадя», боролся «за свободу», говорит Марфа. К тени Вадима взывает Мирослав. «Вадимова статуя» возвышается на площади новгородской, являющейся, как и у Княжнина, основным местом действия. Следуя примеру Княжнина, Иванов строит конфликт своей пьесы не на любовной интриге, а на борьбе двух противоположных укладов, двух мировоззрений.

В трагедии Иванова утверждается идея превосходства вольности над самовластьем. Вольность является у славян, по мнению автора «Марфы-посадницы», более древним общественным установлением, чем единодержавие. Она стоит неизмеримо выше последнего и в морально-политическом отношении. Интересно, что междоусобная борьба новгородцев, прекратившаяся благодаря вмешательству Рюрика, трактуется Ивановым не как результат якобы порожденных вольностью безначалия и анархии, а как следствие забвения «юношами» древних обычаев. Но, покорившись Рюрику, новгородцы не захотели покориться Олегу, который, по словам Марфы, «стократно

¹ Ф. Ф. И в а н о в. Сочинения и переводы, ч. 1. М., 1824, стр. 93, 94.

² Об использовании Ивановым материалов повести Карамзина см. стр. 613.

здесь... владыкой стать желал». Ненавидя самодержавие, новгородцы собираются дать, как об этом говорит в пьесе Иванова хор (народа), «урок ужасный, славный... неправым, хищным, злым царям!» Нет ничего удивительного в том, что в отзыве цензора об этой пьесе отмечены как ее неотъемлемые качества «усерднейшая похвала вольности и в неприличных красках изображенное монархическое правление». Впрочем, в других своих произведениях Иванов выступал в качестве сторонника просвещенного абсолютизма и высказывал критические суждения о республиканском строе.

Трагедия «Марфа-посадница» принадлежит к числу произведений, в которых довольно значительная роль отводится народу. Народ в трагедии на протяжении почти всего ее действия усердно прославляет вольность. Л. И. Кулакова, говоря о народе в княжнинском «Владисане», отмечает, что здесь «впервые в русской трагедии слышен голос его отдельных представителей: «один из народа», другой, третий».¹ Такую же попытку до некоторой степени персонифицировать изображение народа предпринял вслед за Княжнинным и автор «Марфы-посадницы» (см., например, реплики новгородцев в д. I, явл. 4). Но если в трагедии Княжнина народ восхваляет царя, то в пьесе Иванова он порицает царского посла, восторженно приветствуя Марфу. «Вещай, свободы дочь, дочь славы знаменита!» — говорит, обращаясь к Марфе, Один из народа. «Отечество спасай!» — вторит ему Другой.

В лице Марфы-посадницы Иванов с увлечением нарисовал героический женский образ. Его Марфа — «героев удивленье, великих душ пример». Непокколебимое мужество, верность долгу, любовь к свободе сочетаются у Марфы с ее пламенным патриотизмом. Гневно отвергает она предложение посла Казимира IV о помощи. Здесь Иванов отступил от истории. Известно, что новгородцы готовы были принять польско-литовскую помощь, признавая вассальное подчинение Новгорода Казимиру. Об этом писал в «Истории государства Российского» и Карамзин.² Но в своей повести Карамзин придерживался иной точки зрения. В повести Марфа говорит послу Казимира: «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей».³ Таков же и ответ Марфы послу в трагедии Иванова:

---

¹ Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1961, стр. 47.

² См.: «История государства Российского», т. 6. СПб., 1819, стр. 31.

³ Н. М. Карамзин. «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». М., 1808, стр. 73.

Стократно нам милей под градом погребстись
Рукою княжеской, чем вашу спасти.

Иванов считал Марфу-посадницу выдающейся, но не единственной в русской истории женщиной-героиней. Об этом красноречиво свидетельствует посвящение: драматург посвятил трагедию «великим женам России».

В трагедии «Марфа-посадница» снова зазвучал с прежней силой героический мотив, несколько ослабленный у Озерова и особенно у Крюковского. Веления долга выступают у Иванова во всей своей моральной непререкаемости. Герои трагедии готовы принести во имя «долга» серьезные жертвы и действительно их приносят. Марфа, считавшая Мирослава своим сыном, заявляет, что она предпочтет увидеть его мертвым, чем быть свидетельницей его постыдного унижения. «Ступай на смерть!» — говорит она Мирославу.

Но есть в трагедии Иванова и черты сентиментального стиля. Своего рода сентиментальный мотив составляют взаимоотношения Иоанна и Мирослава. Являясь идейными противниками, Иоанн и Мирослав испытывают друг к другу невольную симпатию, объясняющуюся их кровным родством. На особый лад сентиментален в пьесе Иванова образ мстителя Феодосия, напоминающий озеровского Старна.

Отметим также несколько выразительных реминисценций. Феодосий появляется в пятом действии с опущенным забралом. В таком же виде выступает в конце пьесы и озеровский Димитрий Донской. Рассказ воина о сражении новгородцев с войском Иоанна очень похож на знаменитый рассказ боярина (в том же «Димитрии Донском») о Куликовской битве. В трагедии Озерова говорится:

Тем временем с полком, покинув ближний лес,
Вдруг брат Димитрия в татар ударил с тыла.¹

У Иванова этим словам соответствуют строки:

Мстиславский, пользуясь смятением полков,
Со свежей ратью вдруг пустился из лесов. . .

Следуя за Озеровым, Иванов проявлял заботу о создании эффектного зрелища. При этом он повторял некоторые приемы автора «Эдипа в Афинах». Меняя место действия, Озеров любил оставлять на сцене те или иные предметы обстановки, оказывавшиеся в большем или меньшем удалении. В трагедии «Эдип в Афинах» такими

---

¹ В. А. Озеров. Сочинения, ч. 2, стр. 76.

предметами являются храм Эвменид и виднеющийся вдали город Афины, в «Фингале» — храм Одена. В трагедии Иванова в качестве такого предмета выступает статуя Вадима.

Иванову отнюдь не была чужда озеровская установка на углубленное изображение внутренней жизни персонажей. Однако анализ страстей в «Марфе-посаднице» существенно отличается от озеровского. «Психологизм» Иванова менее глубок, но более социален. Переживания его персонажей, даже наиболее интимные, всегда связаны с основной идейной тенденцией пьесы, тогда как у Озерова психологические мотивы поступков его героев нередко приобретают самодовлеющее значение. Показывая, например, мучения совести Иоанна, соблаздившего некогда дочь Феодосия Пламену, Иванов связывает переживания царя со своим обличением самодержавной тирании. В монологе Иоанна (д. IV, явл. I), отдаленно напоминающем будущий монолог пушкинского Бориса Годунова, сетования кающегося царя на свою участь незаметно приобретают характер глубокой критики деспотизма:

Я мнил счастливым быть; напрасны уюванья!
Заслуги без наград, сирот, вдовиц роптанья,
Невинность в рубище и в золоте злодей
Тревожили мой дух, сон гнали от очей.
Щедроты я стал лить — во зло употребляли;
Я строгости явил — тираном называли.
О, имя лютое для сердца моего!
О небо! научи, как избежать его.

Если Озеров, обновив содержание старой трагедии классицизма, сохранил некоторые особенности ее формы, то в трагедии Иванова черты традиционной формы выступают, пожалуй, с еще большей отчетливостью. Тяжелый, избыточный архаизмами язык «Марфы-посадницы» сближает эту пьесу с произведениями драматургов державинской школы. Характерно, что все признаки «высокого стиля» обозначились с такой ясностью в трагедии, содержание которой отличается ярко выраженными гражданственностью, вольнолюбием, героизмом.

Среди тираноборческих пьес, написанных в начале XIX столетия, выделяется трагедия Ф. Н. Глинки «Вельзен, или Освобожденная Голландия». Эта трагедия, написанная в 1808 году, была издана отдельной книжечкой в 1810-м.

«Вельзен» Федора Глинки является характернейшим образцом аллюзионной предекабристской трагедии. Действие пьесы происхо-

дит в Голландии в эпоху нидерландской революции. Патриотически настроенные дворяне («князья») организуют заговор против царя Флорана, жестоко угнетающего голландцев с помощью иноземных войск. Глубоко сочувствуя народу, заговорщики не рассчитывают, однако, на его активную помощь в борьбе с самовластьем. Свою опору они видят в свободолюбиво настроенном полководце Вельзене и преданном ему войске. Развивая тираноборческие идеи «Вадима Новгородского», Глинка создал сюжетную схему, пригодную для воплощения в трагедии декабристских идей.

В трагедии «Вельзен, или Освобожденная Голландия» ставится вопрос о форме правления, которая придет на смену самодержавному деспотизму. Если Озеров, начав свое творчество прославлением просвещенного монарха, пришел в конце концов к глубокому разочарованию в идее просвещенного абсолютизма, то Глинка в «Вельзене» сделал еще один шаг вперед. Монарх в его пьесе представлен злейшим тираном, узурпатором. Правда, в конце пьесы голландцы обретают «доброе царя» в лице Эдгарда. Но само освобождение Эдгарда из темницы, в которую он был посажен Флораном, стало возможным в результате восстания. Решив «признать» «законного царя», заговорщики и народ надеются на полное торжество в их стране законности, свободы, порядка. Устами заговорщика Инслара в пьесе говорится:

Страна, лишенная законов и свободы, —
Не царство, но тюрьма: в ней пленники народы.¹

В трагедии «Вельзен, или Освобожденная Голландия» имеются налицо элементы традиционной формы: александрийский стих, схематичная обрисовка персонажей, наказание порока в финале пьесы, архаичность языка.

Но весьма заметны в этом произведении и новые черты. Вслед за Озеровым Глинка осложняет в сцене между Вельзеном и Годмилой (д. IV, явл. 5 и 6) традиционную коллизию между долгом и чувством, подчеркивая, не в ущерб долгу, справедливость стремле-

---

¹ Федор Глинка. Вельзен, или Освобожденная Голландия. Смоленск, 1810, стр. 6. В приложенном к этому изданию списке «погрешностей» слова «не царство, но тюрьма» заменены словами «темница скорбная». В. Г. Базанов замечает по этому поводу, что «Глинка вынужден был несколько разрядить специальный подбор слов: «свобода, закон, царство, тюрьма» (В. Г. Базанов. Поэтическое наследие Федора Глинки (10—30-е годы XIX в.). Петрозаводск, 1950, стр. 46).

няя личности к свободе и счастью. В этой сцене Вельзен ведет себя сначала примерно так, как озеровский Димитрий. Он не хочет расстаться с Годмилой, решившей пожертвовать собою ради спасения своих близких. Однако Вельзен все же отпускает супругу, которая впоследствии благополучно возвращается к нему. Как и Озеров, Глинка проявляет заботу о создании эффектного зрелища, давая подробные указания относительно декораций. Эти указания свидетельствуют о желании автора создать «романтическую» обстановку. В третьем действии «театр представляет древний готический замок с башнями и стенами». В четвертом — на сцене «глубокая ночь, вся природа в волнении, ужасная буря колеблет вершины лесов». В полном соответствии с подобной обстановкой находится стремление автора к созданию напряженных ситуаций, к повышенной эмоциональности действия. В трагедии дважды рисуется злодей (в одном случае — Флоран, в другом — его наперсник Эдвальд), занесший кинжал над младенцем. В ремарках даются указания, долженствующие подчеркнуть эмоциональные оттенки произносимых персонажами речей («с притворным равнодушием», «с жаром» и т. п.). Желая создать у зрителей определенное настроение, автор вводит в свою трагедию музыку.¹ Глинка, несомненно, является драматургом озеровской школы, пошедшим дальше автора «Поликсены» по пути к романтизму.

Среди произведений, написанных под влиянием драматургии Озерова, следует назвать трагедию В. В. Капниста «Антигона» (1814). Эта трагедия создавалась, видимо, под влиянием озеровского «Эдипа в Афинах». Сам Капнист, думая о своей драме и ее центральном образе, вспоминал Озерова.² Автор «Антигоны» явно стремился растрогать зрителей, подействовать на их чувствительность. Недаром слово «чувствительность» не раз встречается в трагедии. Если Озеров, желая внушить зрителям чувство жалости к героине, заставил Полиника воскликнуть при виде сестры: «Ее ль зрю в рубище? О, жалостнейший вид»,³ то в трагедии Капниста подобную же функцию выполняют слова Эмона, который, увидев мертвую Антигону, восклицает: «Я Антигону ли бесчувственну зрю днесь?» Даже суровый Креонт в трагедии Капниста произносит заключительные слова своего последнего монолога, согласно авторской

---

¹ «Вельзен, или Освобожденная Голландия», стр. 36, 66, 33, 15, 65.

² См. его эпиграмму «На представление трагедии „Антигона“». — Сочинения Капниста. СПб., 1849, стр. 514.

³ В. А. О з е р о в. Сочинения, ч. 1, стр. 43.

ремарке, «с величайшею чувствительностью». ¹ Установка на «чувствительность» особенно заметна в сценах, в которых участвует Эмон. Этот последний является, как и герои Озерова, типичным рыцарем, готовым пожертвовать собой ради спасения избранницы своего сердца. Однако Эмон явно уступает по силе характера Антигоне, сходящая и в этом с мужскими персонажами Озерова, в отношении которых критика давно заметила, что они бледнее и слабее созданных им образов женщин.

О близости трагедии Капниста к озеровскому «Эдипу в Афинах» свидетельствует и трактовка образа Креонта. Отступая от толкования, данного этому образу Софоклом, Озеров показал своего Креонта законченным злодеем и честолюбцем. Таким же честолюбцем является и Креонт Капниста. Он признается, например (подобное признание есть и у Озерова), в том, что искусственно разжигал взаимную ненависть у Полиника и Этеокла, стремясь завладеть престолом после того, как братья-враги истребят друг друга.

Однако тенденции сентиментализма, столь ярко обнаружившиеся в озеровском «Эдипе в Афинах», в «Антигоне» проявились гораздо слабее, хотя они и близки были Капнисту-лирику, создателю элегических и гораціанско-анакреонтических стихотворений. Автору «Антигоны» в значительной степени осталась чуждой этическая проблематика, занимающая столь важное место в образной концепции «Эдипа в Афинах». Не нашел себе сколько-нибудь заметного применения в драматургии Капниста и озеровский психологизм.

Автор «Антигоны» больше интересуется политической стороной дела. Он критикует самодержцев-тиранов с позиций умеренного либерализма. Являясь одной из тираноборческих трагедий, «Антигона» тяготеет в стилевом отношении к более строгим в смысле классицизма трагедиям Сумарокова и Княжнина, а в современной ей драматургии — к пьесам Державина, с которым Капнист поддерживал дружеские отношения. Классицистическая основа «Антигоны» особенно чувствуется в языке этой пьесы, чрезвычайно архаизированном и вообще очень тяжелом.

7

Убежденным противником драматургической системы Озерова являлся в своих эстетических суждениях и в своих драматических произведениях Г. Р. Державин.

Первые произведения Державина, написанные в драматической

---

¹ Сочинения Капниста, стр. 264, 268.

форме, относятся еще к XVIII веку. Однако наиболее крупные свои драмы знаменитый поэт написал уже в XIX веке. Большинство этих пьес создавалось с полемической целью. Успех феерических опер,¹ например волшеббно-комической оперы «Русалка», переделанной из немецкой драмы «Das Dopauweibchen», побудил писателя создать несколько театральных представлений с музыкой, в которых он пытался противопоставить безыдейной, чисто развлекательной драматургии драматургию серьезную, идейную. На основе русского фольклора он создал оперу «Добрыня» (1804); материалы отечественной истории легли в основу его оперы «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806).

Одним из значительных драматургических произведений Державина является трагедия «Ирод и Мариамна», вышедшая отдельным изданием в 1809 году. Хотя Державин и писал, что сочинил эту трагедию отнюдь не для того, чтобы «состязаться с изящными талантами», все же мысль о таком состязании у него, видимо, была. В «Объяснениях» к своим сочинениям Державин признавался, что обратился к писанию трагедий, желая состязаться с Озеровым, в «Димитрии Донском» которого автор «Фелицы» находил «великие погрешности».² Трагедии Озерова значительно превосходили по уровню своего «историзма» драматургию XVIII века. Однако и в них было немало нарушений исторической истины. На эти нарушения и обратил внимание Державин. В частности, он указывал на противоречащее обычаям изображаемого времени появление юной княжны Ксении в воинском стане.³ Тогдашние драматурги легко допускали подобного рода вольности. В трагедии М. М. Хераскова «Освобожденная Москва» в воинский стан приходит сестра Пожарского. Жену и сына того же Пожарского видим мы среди воинов в трагедии М. В. Крюковского.

Державин был сторонником более строгого историзма. Недаром он подчеркнул в предисловии к «Ироду и Мариамне», что содержание этой трагедии почерпнуто им «большею частию из самой истории». В сочинении Иосифа Флавия «О войне Иудейской», послужившем Державину основным источником, фигурируют имена всех основных персонажей трагедии: Соломии, Александра, Аристубула, Архелая, Варра. Характеры действующих лиц трагедии в общем не про-

---

¹ О волшебных операх, ставившихся на русской сцене в начале XIX в., см.: А. Г о з е н п у д. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Л., 1959, стр. 281—310.

² Г. Р. Д е р ж а в и н. Сочинения, т. 3. СПб., 1866, стр. 698.

³ См.: С. П. Ж и х а р е в. Записки современника, стр. 331.

тиворечат тем оценкам, которые дал историк поведению их исторических прототипов. Например, об Антипатре у Флавия сказано, что он отличался исключительной лживостью и был клеветником.¹ Таков же Антипатр и в трагедии. Полностью основывается на исторических данных монолог Ирода (д. V, явл. 1), содержащий краткий рассказ о его жизни.

Значение трагедии заключается в ярком изображении царя-тирана. Устами Соломии в пьесе говорится, что «изверга столь злого не может более сносить уже народ». Ирод берет у народа «последний хлеб», народная «кровь в войнах не престаёт струиться». Кровавый ужас царствования Ирода с особой выразительностью показан в картине смерти Мариамны и в сцене, где царь отдаёт распоряжение казнить его собственного сына. В трагедии подчеркивается, что Ирод был царем иудейского происхождения, то есть принадлежал по рождению к народу, враждовавшему и соперничавшему с еврейским народом. К тому же евреи видели в нем римского ставленника. В этом отношении трагедия Державина оказалась тематически созвучной другим трагедиям, в которых тираническая власть изображалась как власть тирана-чужеземца.

Показывая тиранство Ирода, Державин вместе с тем отмечает его заслуги. Ужасное впечатление, оставляемое его свирепостью и кровожадностью, несколько ослабляется в трагедии тем, что Ирод способен испытывать чувство раскаяния и угрызения совести, а также способен глубоко и сильно любить.

В характере державинской Мариамны женская мягкость и нежность сочетаются с чувством собственного достоинства и гордостью. Обвиненная в преступлениях, никогда ею не совершавшихся, она гордо отвергает сделанное ей предложение просить о помиловании. Однако стать настоящей героиней державинской Мариамне мешает отсутствие у нее гражданских чувств. Ее протест против тирании обессиливается ее приверженностью к монарху. Расходясь в этом случае с Иосифом Флавием, утверждавшим, что Мариамна ненавидела Ирода, Державин делает свою героиню нежной и любящей женой свирепого царя.

Трагедия «Ирод и Мариамна» по существу возвестила о возрождении сильного драматизма, который был в значительной степени подорван нежной, элегически звучащей драматургией Озерова. Печать истинного драматизма лежит на созданных Державиным характерах. Недаром поэт писал в предисловии к своей пьесе, что избраи-

---

¹ Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1. Перевод с латинского Миханла Алексева. СПб., 1804, стр. 146.

ный им для драматизации материал способен «в самых твердых душах произвесть сожаление и ужас».

Не чуждаясь психологической нюансировки, выразительно рисуя переходы от одних чувств к другим, противоположным, Державин создает сильные и цельные характеры, написанные каждый в своем эмоциональном ключе.

Установке на сильный драматизм соответствует и языковая манера автора. Державин прибегает в трагедии к резкой, энергической речи, образцом которой могут служить следующие слова из монолога Ирода:

Я не могу дышать, зреть свет без Мариамны.
Все жилы, мышцы все я чувствую раздранны,
Слячен мой весь состав, хладеет, мерзнет кровь.
О! коль ты жестока, несчастная любовь!

Следует, однако, заметить, что особенности метода Державина-драматурга не получили в его творчестве достаточно яркого и полно-весного художественного закрепления. Не оказав большого влияния на практику русского театра, драматургия Державина сыграла роль своего рода творческой заявки, учтенной его единомышленниками и продолжателями.

Державину так и не удалось создать драматургическую систему, способную противостоять системе Озерова. Сказался возраст маститого поэта, обратившегося к сложному и трудному жанру трагедии на склоне своих лет. Автор «Ирода и Мариамны» придерживался в основном традиционной формы. В трагедии соблюдено единство времени и почти соблюдается единство места. Украшением трагедии являются хоры, написанные с обычным для Державина лирическим подъемом. Но язык ее, изобилующий славянизмами, тяжел и местами труден для понимания.¹

Желая соревноваться с Озеровым, Державин невольно подражал ему в своих трагедиях. Следы этого влияния видны в трагедиях «Евпраксия» (1808) и «Темный» (1809). Озеровского Эдипа напоминает в трагедии «Темный» образ слепого князя Василия, ведомого к «хижине» четырнадцатилетним Державой. Имеются у этой трагедии Державина точки соприкосновения и с озеровским «Димитрием Донским».

Успех, которым пользовались на русской сцене трагедии, побудил обратиться к этому жанру известного комедиографа и театрального

¹ На трудность языка этой трагедии жаловался С. Т. Аксаков, которому приходилось читать ее вслух. См.: С. Т. Аксаков, Собрание сочинений, т. 2. М., 1955, стр. 322.

ного деятеля А. А. Шаховского. Следуя за Державиным, опубликовавшим «Ирода и Мариамну», Шаховской выступил с трагедией на библейскую тему «Дебора, или Торжество веры», появившейся на петербургской сцене в январе 1810 года.

В период написания «Деборы» Шаховской стоял в основном на позициях классицизма. Еще в 1805 году в комедии «Новый Стерн» он высмеивал Карамзина и карамзинистов. Позднее он был активным участником «Беседы любителей русского слова», в которой состоял и Державин. Классицистических воззрений придерживался Шаховской и в вопросах драматургии. В издававшемся им «Драматическом вестнике» пропагандировались взгляды на театр и драматургию, высказывавшиеся крупнейшими теоретиками классицизма. По словам А. Сиротинина, «вначале Шаховской был ярым лжеклассиком. Буало, Вольтер, Корнель и Расин были для него альфой и омегой искусства». ¹ Неудивительно, что и в своей «Деборе» он подражал образцам классицистической драматургии, стремясь создать высокую трагедию. Как свидетельствует Р. М. Зотов, «образованная часть публики» упрекала автора «Деборы» «за слишком явное подражание «Гофоллии». Роль первосвященника была чистым слепком с Иодая, созданного гением Расина». ² Лишь значительно позднее — приблизительно в 1819 году — Шаховской покинул позиции классицизма и перешел под знамена романтического искусства.

Как и большинство трагедий начала XIX века, «Дебора» посвящена борьбе народа против чужеземных угнетателей. Автор воспользовался преданием о Деборе, избавившей израильский народ от ига полководца ханаан Сисара. Умело построив сюжет пьесы, Шаховской ярко показал мужество и патриотизм Деборы, образ которой пополнил собой число героических женских образов, созданных нашими драматургами. Деборе указали путь «любовь к отечеству» и «ангел мщенья». С хоругвью в руках устремляется она «на сретенье» врагам, воодушевляя оробевших соотечественников.

Однако мотив борьбы против чужеземных угнетателей соединяется в «Деборе» с религиозно-монархической тенденцией. В трагедии дается положительная оценка царскому единовластию, которое «кладет предел киченью, буйности». По мысли, высказываемой в трагедии устами Первосвященника, от «чад земли» можно ожидать великих дел лишь в том случае, если они «управляются жезлом единой власти». «Дух повиновенья» земным властям вселяет в людей

---

¹ А. Сиротинин. Князь А. А. Шаховской. — «Русский архив», 1896, № 4, стр. 498.

² Р. М. Зотов. Материалы для истории русского театра. А. А. Шаховской. — «Репертуар и Пантеон», 1846, № 4, стр. 12.

сам бог. В предпоследнем пьесе стихотворном посвящении Шаховской не случайно указывает, что хотел изобразить «любовь к отечеству и богу, правдивость, добродетель строгу, против безбожных веры жар».

В «Деборе» имеются налицо все важнейшие признаки классицистической трагедии. Она написана александрийским стихом с соблюдением трех единств. Не обошлось дело и без наперсников. Таков Авирон, являющийся по существу наперсником Хабера. Недаром последний говорит, обращаясь к Авирону: «Наперсник дум моих ты ныне должен быть». Пьеса заканчивается торжеством добродетели и наказанием порока.

Кроме «Ирода и Мариамны» Державина и «Деборы» Шаховского библейской теме была посвящена также трагедия молодого писателя П. А. Корсакова «Маккавеи», появившаяся на петербургской сцене осенью 1813 года.

П. А. Корсаков был одним из плодovitых второстепенных литераторов первой половины XIX века. В начальный период своей деятельности он был настроен довольно либерально. Позднее Корсаков значительно поправел, дойдя до сотрудничества с небезызвестным издателем реакционного журнала «Маяк» С. А. Бурачком.

В вопросах литературы Корсаков заявлял себя приверженцем классицизма. Он принадлежал к числу молодых почитателей таланта Г. Р. Державина. Недаром в «Маккавях» монолог одного из действующих лиц (Марцела) написан под влиянием державинской оды «Бог».

В трагедии «Маккавеи» библейская героиня сочетается с критикой тиранической власти. В основу сюжета своей трагедии автор положил рассказ о героической смерти братьев Маккавеев и их матери Соломонии, казненных сирийским царем Антиохом IV. Преследователь Маккавеев рисуется в трагедии как человек злонравный и свирепый. Чтобы оградить свою «священну царску власть», самодержец вынужден употреблять строгие меры. «Смириться должен раб, — говорит Антиох, — коль царь не хочет пасть». ¹ Критикой тирании эта трагедия сближается с «Иродом и Мариамной».

Приверженность Корсакова к традиционной эстетике классицизма была настолько велика, что даже там, где он отступал от ее строгих правил, он стремился опереться на традицию, существующую внутри самого классицистического искусства, или же на высказывания его авторитетных теоретиков. Недаром автор «Маккавеев» не-

---

¹ Петр Корсаков. Маккавеи. Трагедия в 3 действиях, в стихах. СПб., 1815, стр. 12.

сколько раз ссылается в предисловии к своей трагедии на суждения Лагарпа и цитирует Буало.¹

Если А. А. Шаховской и П. А. Корсаков создали в духе «державинского» направления трагедии, написанные на библейские темы, то А. Н. Грузинцев пытался применить те же самые принципы, разрабатывая античную мифологическую тематику.

Грузинцев был убежденным сторонником классицизма. Для него являлось непреложным требование, «чтоб действие пьесы не более продолжалось одних суток». Драматург должен стремиться к тому, «чтоб всякая страсть, особливо любовная, изображалась как слабость, а не так, как добродетель, и чтоб герои любили не так, как пастухи». Грузинцев порицал «гишпанский театр», который имеет «все пороки аглинского и наполнен романизмом».²

Верность заветам классицизма Грузинцев сочетал в своей драматургии с тяготением к соблюдению исторической истины и правдивому изображению нравов. Это сближало его с драматургами «державинского» направления. Принадлежность Грузинцева к этому направлению была подчеркнута резко отрицательной оценкой, которую дали его трагедии «Электра и Орест» последователи Карамзина. Издатель «Электры и Ореста», снабдив трагедию весьма претенциозным послесловием, в котором он неумеренно восхвалял ее автора, облегчил противникам Грузинцева их задачу. Отвергнув утверждение издателя, что «Электра и Орест» «есть первая совершенно греческая трагедия, появившаяся на российском театре»,³ В. А. Жуковский и А. Ф. Воейков указали на приоритет Озерова, давшего в своем творчестве несравненно более совершенные образцы «греческой трагедии».⁴

Между тем утверждение издателя имело известный смысл. В своих трагедиях, написанных на мифологическую тему, Грузинцев пошел несколько дальше Озерова, хотя и уступал ему как художник.

Уже Озеров достиг в своем «Эдипе в Афинах» известного правдоподобия в изображении, конечно очень условном и стилизованном, некоторых сторон древнегреческой жизни. Работая над пьесой, он

---

¹ «Маккавен», стр. I, II, VI.

² «Новости русской литературы», 1802, ч. 4, стр. 171, 173, 168.

³ См.: Александр Грузинцев. Электра и Орест. Трагедия в 5 действиях. СПб., 1810, стр. 80.

⁴ См.: «Вестник Европы», 1811, № 7, стр. 208—209. Ср. там же, № 9, стр. 40. К. Н. Батюшков полагал, что статья, появившаяся за подписью Воейкова, также принадлежала Жуковскому (см.: Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, стр. 125).

предпринял специальные штудии. Трагедия снабжена ученой сноской, где Озеров ссылается на авторитеты, сопоставляет мнения специалистов и т. п.¹ Стремление создать «греческий» спектакль проявилось и в сценическом оформлении «Эдипа в Афинах».²

Но Озеров далеко отошел от античного образца при изображении внутренней жизни персонажей. Его «Эдип в Афинах» отнюдь не является трагедией судьбы. Религиозное мирозерцание древних греков подвергнуто у Озерова серьезному переосмыслению. Лишь в другой своей трагедии на античную тему — «Поликсене» — он посчитался с верой древних в судьбу. Нарушая античное предание, Озеров заставил умереть Креонта. Это была дань классицизму, требовавшему наказания порочных персонажей.

Несколько ближе подошел к античному первоисточнику А. Н. Грузинцев в своей трагедии «Эдип-царь» (1811). Через всю эту трагедию проходит мысль о неумолимой, преследующей Эдипа судьбе. Грузинцев неуклонно ведет Эдипа по пути раскрытия его невольных тяжких преступлений. Автор не нарушает античного предания и не наказывает Креонта. Используя при создании своей трагедии кроме Софоклова «Эдипа» одноименную пьесу Вольтера, Грузинцев не последовал, однако, за Вольтером, введшим в своего «Эдипа» любовную интригу. Он и здесь уберется от искажения источника в угоду классицизму.

Одним из важных отличий трагедии Грузинцева «Эдип-царь» от «Эдипа в Афинах» Озерова является существенно иная трактовка образа Эдипа. В изображении Озерова Эдип жалок, но не трагичен. Это в озеровском Эдипе подчеркивал своей игрой и артист Я. Е. Шущерин, который придавал роли Эдипа, как свидетельствуют современники, «характер какого-то убожества, вынуждающего сострадание».³ У Грузинцева образ Эдипа свободен от всякой сентиментальности. Это — трагический образ мужественного героя, судьба которого внушает ужас и сострадание. Подобная трактовка ближе стояла к античному источнику, чем истолкованный на сентиментальный лад Эдип в трагедии Озерова. Тяготение Грузинцева к сильному драматизму, к изображению мужественных характеров, столь отличных от элегически мечтательных, женственных персонажей Озерова, сблизило автора «Эдипа-царя» с Державиным, с напряженным трагизмом «Ирода и Мариамны».

Резкие краски, четко очерченные мужественные характеры, за-

¹ См.: В. А. Озеров. Трагедии. Стихотворения, стр. 136.

² См. об этом в статье И. Н. Медведевой «Владислав Озеров». Там же, стр. 26.

³ С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 284.

остренный драматизм положений явятся отличительными чертами и тех трагедий на античную тему, которые напишут драматурги-декабристы П. А. Катенин и В. К. Кюхельбекер. В их трагедиях получит дальнейшее развитие и установка на воспроизведение особенностей религиозного мирозерцания древних. Таким образом, трагедия Грузинцева «Эдип-царь», не отличаясь большими художественными достоинствами,¹ все же заняла определенное место в развитии трагедийного жанра.

8

В период подготовки восстания декабристов (1816—1825 гг.) наиболее ценные трагедии были созданы литераторами декабристского направления, успешно развивавшими традиции свободолобивой драматургии предшествующего периода. Эта преемственность с особой наглядностью обозначилась в «Опытах двух трагических явлений в стихах без рифмы», опубликованных Федором Глинкой в 1817 году. Глинка воспроизводит в «Опытах» (с некоторыми вариациями) мотивы, прозвучавшие в его трагедии «Вельзен, или Освобожденная Голландия». В этом нетрудно убедиться, сопоставив первое из двух «трагических явлений» с началом трагедии. Второе «трагическое явление», в котором «завоеватель открывает наперснику любовь свою к одной из жен покоренного им народа»,² воспроизводит довольно точно слова завоевателя Флорана, содержащиеся в первом явлении третьего действия трагедии.³ Но не весь текст речей, составляющих содержание «Опытов», заимствуется Глинкой из его ранней трагедии. В первом «трагическом явлении» имеется характерное продолжение, отсутствующее в «Вельзене». Оно включает в себе весь комплекс характерных мотивов декабристской поэзии: пламенный патриотизм, соединенный с свободолобием, готовность к решительной борьбе с тиранией, апелляцию к древним правам и свободе, завоеванным кровью предков.

---

¹ Литераторы-карамзинисты давали творчеству Грузинцева несколько одностороннюю оценку, преувеличивая недостатки, умалчивая о достоинствах. Но и они отмечали его одаренность. Д. В. Дашков писал о Грузинцеве в письме к П. А. Вяземскому (от 15 октября 1813 г.): «Он не совсем без дарований: вы увидите <в поэме Грузинцева «Петриада». — В. Б.> многие тому доказательства; например, описание пира, данного казакам Мазепою, подвиг Искры и Кочубея» («Остафьевский архив князей Вяземских», т. I. СПб., 1899, стр. 223).

² «Сын отечества», 1817, № 44, стр. 225.

³ См. там же, стр. 225—226. Ср. «Вельзен, или Освобожденная Голландия», стр. 37—38.

Вслед за «Опытами двух трагических явлений» Ф. Н. Глинка опубликовал в том же «Сыне отечества» «Отрывки из Фарсалии». Героим избранных Глинкою отрывков из «Фарсалии» Лукана оказался Катон Младший (Утический), являвшийся в глазах русских свобододолюбцев образцовым гражданином-патриотом.

Характерно, что одним из первых драматургов, показавших в новую эпоху образ героя-республиканца, был автор преддекабристской аллюзионной трагедии «Вельзен». От «Вельзена», в котором идет речь о «законном» царе в духе идей конституционной монархии, протянулась непрерывная нить преемственности к произведениям нового периода, запечатлевшим утверждение республиканского идеала.

«Отрывки из Фарсалии» Ф. Н. Глинка вместе с другими драматургическими произведениями периода подготовки восстания декабристов красноречиво свидетельствуют о том, что героическое начало не только не ослабевало в трагедиях этого времени, но и заметно усиливалось в них.¹

Одним из таких героических произведений являлась трагедия П. А. Катенина «Андромаха», в которой доминирует стремление автора воспроизвести дух изображаемой эпохи, показать величавые характеры древнегреческих персонажей.² Желая подчеркнуть героическое начало, Катенин вплотную приближает изображаемые им события к событиям Троянской войны.

Героический пафос катенинской «Андромахи» выдерживается и в характерах ее персонажей. Среди страстей, владеющих душой катенинского Пирра, любовь занимает весьма скромное место. Пирр в изображении Катенина мужествен, прямодушен, груб, гневлив, жесток. Через всю трагедию проходит мотив высокого жертвенного служения страдающему и угнетенному народу. Носительницей пламенного патриотизма является Андромаха. Заключительное обращение Андромахи к родному городу: «О Троя! град святой! дней юных колыбель!»³ — служит последним штрихом, выразительно дорисовывающим образ героини.

---

¹ Героический и отчасти тираноборческий характер носит, например, отрывок «Смерть рыцарей храма», взятый из трагедии Франсуа-Жюст-Мари Ренуара «Тамплиеры». Отрывок переведен О. М. Сомовым. См.: «Благонамеренный», 1821, № 14.

² См. об «Андромахе»: Г. Битнер. Драматургия Катенина. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 33. Серия филологических наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 85—89.

³ П. Катенин. Андромаха. Трагедия в пяти действиях в стихах. СПб., 1827, стр. 80.

Избрав для своей «Андромахи» форму «высокой» трагедии классицизма, Катенин внес в эту форму существенно новые черты. Он показывает персонажей в действии, раскрывая черты их характеров в совершаемых ими поступках. Этим самым в значительной степени нарушался канон старой, декламационной трагедии. Преодолевалась Катениным в известной мере и присущая трагедиям классицизма односторонность характеристик, выражавшаяся в традиционном делении персонажей на «добродетельных» и «злодеев». Стремление отойти от одностороннего изображения персонажей чувствуется в катенинском подходе к рисовке образов Андромахи, Пирра, Улисса.

Однако в «Андромахе» Катенина имелось и много традиционных элементов, к числу которых относились неукоснительно соблюдаемые автором пресловутые «три единства», весьма тяжелый («сумароковский», по отзыву критиков) стих и не менее тяжелый, явно устарелый слог.¹ Наличие в «Андромахе» всех этих «остаточных» элементов классицизма определило ее судьбу. Появившись на сцене и в печати лишь через девять лет после ее окончания (Катенин кончил писать трагедию в 1818 году, а напечатал ее в 1827 году), «Андромаха» была воспринята публикой и критикой как явный анахронизм. Между тем в ней находил большие достоинства А. С. Пушкин, отметивший «истинно трагический» дух этого произведения.²

Эстетические взгляды Катенина разделялись В. К. Кюхельбекером, выступившим против элегизма в своей знаменитой статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Следует, однако, заметить, что Кюхельбекер, воспитавшийся среди «карамзинистов», в первый период своего творчества сам был подвержен влиянию «элегической» поэзии, являясь «энтузиастом Жуковского».³ Это влияние сказалось, например, на драматической поэме Кюхельбекера «Кассандра» (1822), выразительно посвященной Жуковскому.⁴ Поэма представляет собой последнюю дань направлению Жуковского и вместе с тем характерно выражает черты новой, «высокой» поэтики. Не довольствуясь исполь-

---

¹ Устарелость слога «Андромахи» признавалась самим автором. См. Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). СПб., 1911, стр. 142.

² Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 11. Л., 1949, стр. 179.

³ См. «Дневник В. К. Кюхельбекера». Запись от 2 июля 1832 г. — «Русская старина», 1875, август, стр. 420.

⁴ В письме к В. А. Жуковскому от 17 февраля 1823 года Кюхельбекер писал о «Кассандре»: «Она посвящена Вам и Бейрону». — «Русский архив», 1871, № 2, стлб. 0170.

зованием «Кассандры» Жуковского, Кюхельбекер обратился непосредственно к античному источнику — трагедии Эсхила «Агамемнон».¹ Стиль поэмы Кюхельбекера отличается очень своеобразным сочетанием утонченных средств поэтической выразительности в духе романтизма Жуковского с изобразительными средствами, ориентированными на воспроизведение могучей и яркой образности Эсхила.²

Одним из важнейших произведений декабристской драматургии является трагедия Кюхельбекера «Аргивяне». Первая редакция «Аргивян», завершенная в 1822 году,³ еще несет на себе печать влияния поэтики Жуковского. Кюхельбекер прибегает к характерным для этой поэтики семантическим сдвигам, смысловой многоголосости.⁴ Важно отметить, что приемы романтической поэзии используются Кюхельбекером при изображении переживаний заговорщиков-революционеров. Вот как говорит, например, о своих чувствах главный заговорщик Тимолеон:

Так! Я уныл до самой бездны сердца,
До сокровенного истока жизни
Я возмущен неистойвой печалью.
Где я? Почто вступил в сей грозный храм?
Здесь брат на брата мстителей сзывает!⁵

¹ Эту тираноборческую трагедию Кюхельбекер намеревался перевести на русский язык. Сохранился (в рукописи) его «Пролог Эсхилова Агамемнона», представляющий собой перевод вступительного монолога Стража или Дозорного (Институт русской литературы АН СССР. Отдел рукописей).

² Подробнее см.: В. А. Бочкарев. Ранние драматургические произведения В. К. Кюхельбекера. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», М., 1961, № 1, стр. 90—93.

³ См. Э. Э. Найдич. Новое о трагедии Кюхельбекера «Аргивяне». — «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 517.

⁴ См. об этих особенностях поэтики Жуковского: Г. А. Гувковский. Очерки по истории русского реализма, ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 67—69.

⁵ В. К. Кюхельбекер. Аргивяне (первая редакция). Необычные сочетания слов, смысловая многозначность наблюдаются и в описательных местах трагедии. Таков, например, язык, к которому прибегает автор в междудействии:

Носиться буду я над спящим океаном,
Одену целый мир в святую тишину
И в небо выведу волшебную луну
И облачу ее трепещущим туманом.
Тогда вдаль будут плыть немые корабли
Объяты сумраком прозрачной полуночи

и т. д.

(Подчеркнуто нами. — В. Б.).

В трагедии Кюхельбекера, как и в «Вадиме Новгородском» Княжнина, отвергается самый принцип самодержавной власти, развращающей правителя, неизбежно делающей его тираном. Трагедия «Армяне» является самой яркой русской республиканской трагедией. В ней поставлены и решаются злободневные вопросы декабристского движения: о революционном насилии, о роли народа и вождей, о форме будущего государственного правления и т. п. Решение актуальных проблем современности Кюхельбекер стремился сочетать в трагедии с возможно более полным использованием исторических источников. Ю. Н. Тынянов справедливо видел в «Армянах» попытку «создать мотивированную исторически с «*couleur locale*» греческую драму». ¹

Трагедия «Армяне» находится на перевале от чисто аллегорической трагедии типа «Вельзена» Федора Глинки к подлинно исторической трагедии Пушкина.

Но Кюхельбекер не смог последовательно провести перестройку старой трагедии, во многом оставаясь на позициях романтизма и частично классицизма. Дань романтизму отдал он и в своей трагедии «Прокофий Ляпунов», хотя последняя писалась уже после появления «Бориса Годунова» и несет на себе печать пушкинского влияния.

9

Одним из видных представителей прогрессивной драматургии был А. А. Жандр. Он принадлежал к той же группе литераторов, в которую входили Кюхельбекер и Катенин. Дружеские узы соединяли Жандра с А. С. Грибоедовым, являвшимся идеологом и вдохновителем этой группы. Вместе с Грибоедовым Жандр перевел с французского комедию Барта «Притворная неверность» (Жандром были переведены 12-е и 13-е явления этой одноактной комедии). По совету Грибоедова Жандр переделал для сцены «Семелу» Шиллера и написал «Венцеслава», представляющего собой перевод-переделку одноименной пьесы Жана Ротру. Обращение Жандра к пьесе Ротру, одного из видных драматургов — современников Корнеля, глубоко характерно для прогрессивной драматургии периода подготовки восстания декабристов. Подобно Корнелю, Ротру выдвигает в «Венцеславе» суровый мотив долга. Пьеса строится на столкновении и острой борьбе интересов. Как правильно замечает С. С. Мокульский, в

---

¹ Ю. Н. Тынянов. Арханглы и новаторы. Л., 1929, стр. 316.

душе Венцеслава развертывается «чисто корнелевский конфликт между отцовским чувством и долгом монарха. Побеждает последний, и Венцеслав посылает сына на казнь, убеждая его взойти на эшафот с таким же величием, с каким он вступил бы на трон. Однако Ротру не выдерживает напряженности этой ситуации и в конце трагедии заставляет отца помиловать сына, опять-таки во имя интересов государства».¹ Таким образом, переделанный Жандром «Венцеслав» включался в число пьес, в которых на смену озеровскому ослаблению мотива долга пришло новое усиление этого мотива. К высокому моральному подвигу звала «Андромаха» Катенина, подчинение всего личного служению родине и защите чести проповедуется в трагедиях Корнеля «Сид» и «Гораций», не случайно появившихся в этот период в хороших русских переводах.

Характерно, что выбранная Жандром пьеса Ротру представляет собой, подобно «Сиду» Корнеля, переделку испанской пьесы.² Говоря об испанской стихии, отразившейся в «Венцеславе», Л. Л. Слонимский пишет: «Сложность перипетий, повороты на темпераменте (необузданный характер наследника престола Владислава и его раскаяние), интрига, построенная на *qui pro quo* (брат Владислава, его тайный соперник, в своих сношениях с возлюбленной прикрывается именем своего друга, герцога Фредерика, и Владислав убивает брата, принимая его за герцога), — все это связывает «Венцеслава» с испанским подлинником и придает трагедии романтический характер».³

Уже в первом действии «Венцеслава», напечатанном в «Русской Талии», основной конфликт пьесы выступает вполне ясно. Содержащиеся в этом действии диалоги отличаются политической остротой. В пьесе подвергается обсуждению вопрос о царской власти, правах и обязанностях царя и его подданных, что уже само по себе делало это произведение неприемлемым для реакционеров, исходивших из доктрины о божественном происхождении самодержцев и их непогрешимости. Владислав откровенно рассказывает отцу о том, как он и его друзья «в шуму веселых споров... речь завели о царстве и царях», подвергая критике действия короля. Сам Венцеслав говорит сыну, что народ всегда склонен истолковывать в невыгодном для монарха смысле его распоряжения:

---

¹ См. «История французской литературы», т. 1. М.—Л., 1946, стр. 436.

² «Венцеслав» является переделкой пьесы испанского драматурга Франсиско де Рохас «Король не может быть отцом».

³ А. С л о н и м с к и й. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 465.

Когда он строг — зовут его жестоким;
Когда он добр — злодеев он щадит;
Начнет войну — он зло своей отчизны;
Даст мир врагу — он страхом побежден;
Простит обиду — слаб; отмстит се — мучитель;
Блюдет казну — он скуп; дарит — он расточитель:
Вот плата вечная за все его труды!

С таким же недоверием народ относится к поступкам наследника престола Владислава. Обращаясь к последнему, Венцеслав говорит:

...Здесь каждый день
Убийства новые свет солнца открывает!
В убийствах сих народ тебя подозревает!
Он до того к тебе почтение забыл,
Что и тогда, как ты вкушаешь сна отраду,
В злодействах новых слух винит тебя по граду;
И, правый, ты в глазах народа виноват!

В пьесе говорится о проявлениях народного непослушания. В ответ на «общий ропот», «ропот откровенный», самодержавный властитель должен употреблять крутые меры, чтоб «укрощать волнение черни шумной». Все это отчасти напоминает ту тревожную политическую атмосферу, которая рисуется в пушкинском «Борисе Годунове».

Пушкин приветствовал появление жандровского «Венцеслава». В набросках предисловия к «Борису Годунову» он называет трагедию Жандра «прекрасной». Эта оценка, данная Пушкиным «Венцеславу», несомненно, связана с тем, что некоторые стороны драматургической работы Жандра были близки творческому сознанию автора «Цыган» и частично предвосхитили отдельные особенности поэтики «Бориса Годунова».

Сказанное относится, например, к вопросу о стихе трагедии. В тех же набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин указывал, что пятистопный ямб до него был применен В. К. Кюхельбекером (в «Армянах») и А. А. Жандром, который в своей трагедии «Венцеслав», «писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его». ¹ Действительно, пятистопный ямб преобладает в «Венцеславе», написанном вольным ямбическим стихом. Например, на странице 61 по числу стоп в строке ямбические стихи располагаются так: стихов

---

¹ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 141.

пятистопного ямба — 13, четырехстопного — 6, шестистопного — 3.¹ Неудивительно, что при наличии метрического сходства между стихами «Венцеслава» и «Бориса Годунова» наблюдается кое-где и сходство интонационное. Имеются отдельные черты сходства между двумя трагедиями и в суждениях действующих лиц. В словах, с которыми Венцеслав обращается в первом явлении I действия к Владиславу, можно усмотреть, впрочем отдаленное и бледное, предвещие речи Годунова, обращенной к его сыну Федору.

Что касается трактовки характеров, то здесь у Пушкина имеется не так уж много точек соприкосновения с Жандром. В «Венцеславе» Жандра все еще чувствуется тот взгляд на человека, который присущ был драматургам эпохи классицизма. В то время как у Жандра поступками людей управляют их собственные страсти, в трагедии Пушкина раскрываются более глубокие (общественные) причины, определяющие поступки действующих лиц.²

Высочайшим образцом исторической трагедии является пушкинский «Борис Годунов».

Путь Пушкина-драматурга весьма своеобразен и в то же время строго закономерен. Духом высокого классицизма овеян замысел республиканской трагедии «Вадим», которую поэт начал писать в романтический период своего творчества. Оставив трагедию неоконченной, он пытался создать романтическую поэму о Вадиме. Но и поэма осталась незавершенной. Через несколько лет Пушкин создал «истинно романтическую» трагедию, в которой дал бой классицизму. При этом оказалось, что Пушкиным был оставлен позади не только театр классицизма, но и романтический театр. (Появившаяся через два года после окончания «Бориса Годунова» трагедия В. Гюго «Кромвель» была для Пушкина уже по существу анахронизмом.) Создавая первую реалистическую трагедию, Пушкин использовал

---

¹ А. А. Жандр. Венцеслав. Трагедия, переделанная из театра Ротру. — «Русская Талия». Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. СПб., 1824, стр. 61. В некоторых случаях соотношение меняется в пользу шестистопного ямба. Так, на стр. 62 строк, написанных шестистопным ямбом, насчитывается 12, пятистопным — 7, четырехстопным — 3.

² Как видно из отрывков, опубликованных в альманахе «Радуга», Жандр испытал на себе, работая над «Венцеславом», влияние поэтики «Горя от ума». Большое сходство имеется, например, в отношении манеры рассказывания (по содержанию и назначению они различны) между снами Эдвиги и грибоедовской Софьи. Следует отметить, что «Горе от ума» и басни Крылова оказали влияние на произведения историко-драматического жанра, в том числе и на трагедии.

достижения великих драматургов и романистов Запада, особенно Шекспира и Вальтера Скотта, а также внимательно учел опыт своих русских предшественников. Но главную роль в создании пушкинской театральной системы сыграло страстное желание поэта понять современность через историю. Постигая (в процессе сравнения с Западом) специфику русской исторической жизни, находя истинно пушкинские краски для изображения этой последней, поэт вместе с тем — и тем самым — утверждался на позициях глубокого историзма. В своем «Борисе Годунове» Пушкин окончательно преодолел схематизм, свойственный декабристской драматургии. «Борис Годунов» значительно превосходит многочисленные тираноборческие трагедии богатством, глубиной и разнообразием своего содержания. Пушкин шел от источников, от материала и потому нарушил традиционную сюжетную схему вольнолюбивой трагедии. Гибель царя-тирана не приводит у Пушкина к установлению лучших порядков, так как Лжедмитрий сам оказывается тираном. Войска иноземцев возглавляются у Пушкина не царем-тираном, как это имеет место в трагедиях Ф. Глинки и Кюхельбекера, а его антагонистом. Иную роль играют у Пушкина и заговорщики. Если уже авторы декабристских трагедий, особенно Кюхельбекер во второй редакции «Армян» и Рылеев в прологе к трагедии «Хмельницкий»,¹ проявляли большой интерес к изображению народа и к народным сценам,² то Пушкин сделал народ основным героем трагедии. Впервые в мировой драматургии, как это отметил Д. Д. Благой,³ Пушкин создал историческую пьесу, основанную не на биографии героя. Это было так ново и неожиданно, что повергло в растерянность даже лучших знатоков и ценителей литературы.⁴

---

¹ См. об этом прологе: А. Г. Цейтлин. Творчество Рылсва. М., 1955, стр. 158—170.

² Изображению народа намеревался уделить большое внимание, судя по сохранившимся планам, Грибоедов в трагедиях «Родамист и Зенобия» и «1812 год» (название условное). В последней трагедии должен был выступить в качестве героя крепостной крестьянин.

³ См.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 453.

⁴ Как известно, Пушкин ждал глубокой и объективной оценки своей трагедии от Катенина. Но последний совершенно не понял «Бориса Годунова», подойдя к новаторской трагедии Пушкина со старых позиций «биографической» драмы. См. отзыв П. А. Катенина о «Борисе Годунове» в письме к неизвестному адресату («Помощь голодающим». М., 1892, стр. 254, сообщил А. Станкевич). Ср. письмо того же Катенина к неустановленному лицу (Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей).

Не смогли разгадать современники и природу пушкинского детерминизма. Образно выраженную в «Борисе Годунове» идею исторической необходимости они ощутили, лишь сопоставив пушкинскую трагедию с трагедиями античных авторов, у которых эта идея выражена в наивной мифологической форме. Между тем с пушкинским детерминизмом неразрывно связаны та живая нравственность, тот неподкупный, высший суд, носителем которых в «Борисе Годунове» является народ. В трагедии Пушкина новому значительному преобразованию подвергнута коллизия между «долгом» и «чувством». Здесь, строго говоря, все борющиеся между собой честолюбцы нарушают свой долг. Только один народ судит суровым нравственным судом изменников и убийц.

В трагедии Пушкина значительно возросла роль шекспировского плебейского «фона», который оставался относительно слабым даже в лучших пьесах драматургов XVIII века.¹ Избегая этнографических излишеств в описании, делавших аморфным изображение народа не только у позднейших натуралистов, но и в произведениях драматургов-просветителей, Пушкин, как никто до него, сумел прочертить линию поведения народа, показать характерность и определенность, при всех свойственных народу колебаниях, реагирования народной массы на окружающее, отметить влияние народа на ход исторических событий.

За пушкинским изображением народа стоит богатый опыт десятилетий, прошедших со времени французской революции. Усвоение этого опыта оказалось особенно плодотворным в России, где началась длительная и упорная революционная борьба за освобождение многомиллионного народа от гнета помещиков и царя. Плебейские, «мужицкие» сцены в «Борисе Годунове», глубокая народность пушкинского творчества, особенности пушкинского фольклоризма и самый «шекспиризм» великого русского поэта объясняются в конечном счете историческим положением России, характером вызревавшей в ее недрах революции.

Создав первую в мировой литературе подлинно народную, реа-

---

¹ Н. П. Верховский в статье «Западноевропейская драма и «Борис Годунов» Пушкина» приходит к выводу, что, при всех своих больших достоинствах, учитывавшихся и Пушкиным, трагедии Гете и Шиллера в отношении изображения «народного фона» уступают пушкинскому «Борису Годунову». Исследователь справедливо связывает относительную слабость «фона» в трагедиях великих немецких поэтов с политической раздробленностью и экономической отсталостью тогдашней Германии, а также с просветительским «индивидуализмом» и отвлеченностью немецкой драмы. См.: «Западный сборник», I. М.—Л., 1937, стр. 190—199.

литическую историческую трагедию, Пушкин ответил на запрос времени и оправдал труды своих зарубежных и русских предшественников.

Дальнейшие судьбы русской стихотворной трагедии сложились весьма своеобразно. Вскоре после выхода в свет пушкинского «Бориса Годунова» один из критиков писал, имея в виду подражателей Пушкина: «Посмотрим, с такою ли готовностью пойдут они вслед за «Борисом Годуновым», как понеслись вереницею за «Кавказским пленником».¹ Но драматурги тридцатых годов не последовали за автором «Бориса Годунова». Печатью пушкинского влияния отмечены лишь немногие из тогдашних драм: отрывки из трагедии поэта и переводчика А. А. Шишкова «Лжедмитрий» (1835), трагедия М. П. Погодина «Марфа, посадница Новгородская» (1830) и некоторые другие.

В условиях николаевской реакции возобладала чуждая пушкинским традициям реакционная драматургия Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, П. Г. Ободовского. В ту пору стихотворная трагедия переживала глубокий кризис. Драматурги избегали даже называть свои пьесы трагедиями, выпуская их в свет под видом «драматических представлений», «драматических фантазий» и т. п. Эти «фантазии» и «представления» отличались явным преобладанием лирического элемента над драматическим, риторичностью, ходульным изображением страстей, мелодраматизмом.

Ближайшим предшественником драматургов тридцатых — сороковых годов оказался талантливый поэт-лирик, впоследствии видный славянофил, А. С. Хомяков. Трагедия Хомякова «Ермак» (1826), писавшаяся почти одновременно с пушкинским «Борисом Годуновым», во многом является его художественным антиподом.² В «Ермаке» продолжены традиции озеровской сентиментальной драматургии, очищенной от политических аллюзий и гуманистической трактовки моральных проблем. Изображая в духе сентиментально-романтических элегий своих идеализированных персонажей, автор «Ермака» сосредоточивает внимание на трагической «вине» героя, бывшего прежде разбойником. Далека от пушкинского реализма и другая трагедия Хомякова — «Дмитрий Самозванец» (1833). В ней Хомяков возвращается к отброшенной Пушкиным исторической

---

¹ Разбор повести А. Ф. Вельтмана «Муромские леса». — «Северная пчела», 1834, № 134.

² Нельзя согласиться с мнением К. А. Полевого, утверждавшего, что «Ермак» — «отрасль того же дерева, которое родило трагедию Пушкина». — «Московский телеграф», 1832, № 6, стр. 227.

схеме Карамзина, которую воспроизводит также М. Е. Лобанов в трагедии «Борис Годунов» (1825—1835).

Пьесами переходного типа, отразившими начало перехода от псевдоисторических трагедий тридцатых—сороковых годов к реалистической драматургии шестидесятых годов, являются стихотворные драмы Л. А. Мея. Его «Царская невеста» (1849), «Сервилия» (1854), «Псковитянка» (1859) намного превосходят по стиху, языку, живости характеров драматургию Кукольника и Полевого. Но Мей еще далек от строгого историзма, и в его пьесах большое место занимает мелодраматический элемент.

В шестидесятые годы, на новом этапе общественно-революционного развития России, традиции пушкинской исторической драматургии перестали жить потаенной жизнью¹ и выступили в произведениях, которым посчастливилось не только выйти из печати, но и увидеть свет рампы.

Среди драматургов этого времени видное место занимает А. К. Толстой. В его драматической трилогии («Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», 1866—1870) отразились завоевания драматургии, испытавшей на себе влияние Пушкина.² Писатель основательно ознакомился с источниками, стремясь не противоречить исторической правде при изображении старорусского быта. Он отбросил ходульные мелодраматические приемы. Изгнал он из драмы и мистику, основывая действие своих пьес на борьбе исторических лиц, характеры которых обрисованы в его трилогии с большой психологической глубиной. О стремлении А. К. Толстого изучить опыт Пушкина свидетельствуют имеющиеся в его трилогии пушкинские реминисценции.³ Однако в целом трагедии А. К. Толстого лишь отчасти примыкают к пушкинскому направлению. В его трилогии, а также в незаконченной трагедии «Посадник»

---

¹ В свое время не были опубликованы некоторые драматические произведения, связанные с пушкинской традицией: трагедия В. К. Кюхельбекера «Прокофий Ляпунов», впервые напечатанная лишь в 1938 г., незаконченная драма Н. В. Гоголя из английской истории, появившаяся в печати уже после смерти автора, и др. Целый ряд трагедий остался на стадии первоначальных замыслов и черновых набросков.

² См. характеристику его трагедий в статье И. Г. Ямпольского «А. К. Толстой». — «Классики русской драмы». Л.—М., 1940, стр. 231—249. Ср.: В. Путинцев. А. К. Толстой — драматург. — А. К. Толстой. Пьесы. М., 1959, стр. 5—23.

³ Их учел Б. П. Городецкий, проследивший развитие русской стихотворной трагедии от Пушкина до А. Толстого. См.: Б. П. Городецкий. Драматургия А. С. Пушкина. М.—Л., 1953, стр. 345—346.

преломилась старая эстетическая теория, от которой поэт не считал нужным отказываться. А. К. Толстой пытался приложить к поступкам и помыслам своих героев вневременный нравственный критерий, что приводило к ослаблению исторического и социального элемента в его трагедиях.

Более полное воплощение традиции пушкинской драматургии получили в исторических пьесах А. Н. Островского, прежде всего в его драматической хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), при написании которой он сознательно брал за образец форму «Бориса Годунова». Вслед за Пушкиным Островский показал решающую роль народа в исторических событиях, наполнив свои хроники яркими народными сценами. Действие своих исторических драм Островский основал на коллизиях социального, а не отвлеченно-морального характера. При этом он подошел к изучению прошлого не как холодный наблюдатель, а как поэт, глубоко сочувствующий борцам за новое, передовое. С большим искусством пользовался Островский историческими материалами и документами, не впадая, в отличие от современного ему драматурга Н. А. Чаева, в исторический натурализм и плоское копирование источников.

В некоторых отношениях историческая драматургия шестидесятых годов сделала шаг вперед по сравнению с драматургией всего предшествующего периода. Но по глубине и силе социально-философского осмысления истории даже и лучшие пьесы шестидесятых годов не идут в сравнение с пушкинским «Борисом Годуновым», который остается непревзойденным образцом стихотворной исторической трагедии.

В. Бочкарев

**НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
НИКОЛЕВ**

Николай Петрович Николев родился 10 ноября 1758 года в семье дворянина. Шестилетним мальчиком он был взят на воспитание в дом княгини Е. Р. Дашковой, находившейся в родстве с семьей Николевых.

Будущий поэт проявил особенную склонность к изучению математики и словесности. С большим усердием занимался он иностранными языками.

Когда Николеву пошел шестнадцатый год, его записали в гвардию. Е. Р. Дашкова ввела его в круг Паниных и других просвещенных дворян, общаясь с которыми молодой человек усиленно пополнял запасы своих знаний. В результате он стал одним из образованнейших людей эпохи. На его творчестве явственно сказалось влияние идей просветительной философии, пользовавшихся большой популярностью в среде дворян-вольнодумцев.

Николев весьма интересовался жизнью народа. «Переодевшись в простой сюртук», молодой поэт, как свидетельствует его биограф С. Маслов, посещал народные площади, ряды, места народных гуляний. «Все, что отличало людей по различию их состояния, характеров, свойств, привычек, было наблюдаемо его проницательным взглядом».¹

Военная служба Николева оказалась непродолжительной. Его постигло несчастье, омрачившее всю его последующую жизнь. У него пачало портиться зрение, и в конце концов он совершенно ослеп.

Творчество Николева велико по объему и разнообразно по жанрам. Он писал оды, переложения псалмов, сатиры, басни, лирические стихотворения, трагедии, комедии, комические оперы. Из всего

---

¹ Стефан Маслов. Краткая биография Н. П. Николева. Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. М., 1819, стр. 17—18.

Написанного им наибольшее значение имеют его драматические произведения — комическая опера «Розана и Любим» (1776) и трагедия «Сорена и Замир» (1784), которой предшествовала трагедия «Пальмира» (1781).

Начиная с 1790 года произведения Николева стали появляться в журналах. В «Новых ежемесячных сочинениях» были опубликованы некоторые его оды. Произведения Николева печатались также в «Московском журнале», «Санктпетербургском Меркурии», «Аонидах». В 1795—1798 годах вышли в свет «Творения Николая Петровича Николева» в пяти томах. В 1792 году Николев был избран в члены Российской Академии, а в 1811-м — принят почетным членом в Общество любителей словесности при Московском университете.

По отзывам знавших его людей, Николев отличался добротой и отзывчивостью, прямодушием и смелостью. Эти черты его личности отразились и в его творчестве. Нужно было обладать мужеством, чтобы высказывать в то время явное сочувствие к крепостным и осуждать самодержавный деспотизм. Правда, после французской революции обличения Николева постепенно утрачивают социальную остроту, переходя в область отвлеченной морали. Но и в это время он оставался смелым и неподкупным человеком. На призывы друзей проявлять осторожность он отвечал: «Пусть боится сильных тот, кто может страшиться их преследования; в отношении меня они не имеют возможности вредить; никакая темница не увеличит мрака очей моих, никакое сообщество преступников не устрасит меня своим присутствием».¹

Начиная с 1801 года Николев жил большей частью в Москве. В августе 1812 года, находясь в своем подмосковном имении, он обратился к крестьянам Верейской округи с пламенным призывом дать отпор полчищам Наполеона.

Умер Николев в 1815 году.

---

¹ Стефан Маслов. Краткая биография Н. П. Николева, стр. 23—24.

СОРЕНА И ЗАМИР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мстислав, царь Российский.
Замир, князь Половецкий.
Сорена, его супруга.
Премысл, наперсник Мстиславов.
Зенида, наперсница Соренина.
Воины Мстиславовы.
Воины Замировы.

Действие в Полоцке, в царских чертогах.

Театр представляет царские чертоги. Вдали виден храм божий, отделенный от места представления большими сенями.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Сорена, Зенида.

Зенида

Отдав стенаньем долг тебе дражайшей тени
И к счастью восходя чрез новые степени,
Мстиславу гордому готовясь в жены,
Герою и царю Российския страны,
Герою, чья рука весь Север устрашает,
Скажи, что днесь твое спокойство нарушает?
Что радости твоей и счастью вредит?
Ужель величество душе твоей не льстит?

Сорена

Замир!.. узрю ль тебя?.. о мой супруг
дражайший!
Иль вправду лишена надежды я сладчайшей
Тебя узреть, тебя слезами омочить
И скорбь души моей тобою излечить?

Зенида

Так смерть еще его тебе неимоверна?

Сорена

Мстиславу верить!.. нет: хоть грусть моя
чрезмерна,
Хотя отчаяньем смятен рассудок мой,
Мстислав такой меня не ослепит молвой.
Я вижу сеть его, я вижу все обманы:
Он хочет излечить мои сердечны раны,
Мою к Замиру страсть чрез вымышленный слух.
К Замиру! кем пленен навек мой ум и дух,
Кому клялася я быть верною до гроба,
Какая бы меня ни притесняла злоба.
Иль мыслит он, что я, Замира мертвым чтя,
Лишась надежды всей и взор мой обольстя
Великолепием Российския державы,
Соединюся с ним из гордости и славы?
Я буду для него и для химеры сей
Надменна мыслию, подла моей душой?
Обманывается: не знает он Сорены.
Как честию горжусь, гнушаюсь так измены.
К Замиру страсти я вовек не истреблю;
В Замире не себя, Замира я люблю.
Царицы росской сан с тираном ненавижу;
Я все величества в моем Замире вижу:
Его довольно мне к блаженству моему,
За сердце я его всех тронов не возьму.
Коль счастье владеть душой его имею,
Зенида! я тогда вселенною владею.

Зенида

Коль смерть Замирову ты чтешь за ложный слух,
Коль ты уверена, что твой спасен супруг, —
То верности твоей дивиться я не буду.

Сорена

Хоть жив, хоть будь он мертв, его не позабуду,
Ему и мертвому пребуду я верна.
Гнушаюсь той любви, которая холодна,
И сердце в том мое любви не познавает,
Кто, в жизнь меня любя, по смерти забывает.

Зенида

Так в брак не вступишь ты с Мстиславом?

Сорена

Никогда

Причиной моего не буду я стыда
И гнусной жертвою тщеславья и обмана.
В Мстиславе вижу я лютейшего тирана,
Который к нам пришел лишь грады разорять
И кровию граждан их стены обагрять,
Бесчестно завладеть Замировой державой,
Чтоб только зверскою себя насытить славой,
Чтоб разлучить со мной супруга моего,
И сей разлукою, лиша меня всего,
Терзати сердце мне своей позорной страстью,
И льститься наконец его исторгнуть властью.
Мне быть его женой?.. Мне позабыть себя?
И ты то думаешь?.. Не узнаю тебя!

Зенида

Но если твой супруг навек с тобой расстался.

Сорена

Не тако слабо бы Соренин дух терзался!
Предчувствовала бы давно мою напасть
И смертью давно мою решила часть.
Но ах! почто меня в сомнение приводишь?
Какую истину ты в сей молве находишь?
Скажи, с кем виделась? Кто говорил с тобой?
Кто сказывал тебе, что мертв супруг уж мой?
Какие ты нашла тому причины верить?
Ужли научена Мстиславом лицемерить?

Зенида

О боги!.. Я с тобой употреблю обман?
Зенида?.. Нет! ничем не обольстит тиран,

Ничем души моей к коварству не закупит.
Зенида в честности Сорене не уступит.

Сорена

Коль так, прости меня! прости тоске моей!
Всё подозрительно в стране мне стало сей!
Почто о браке мне так часто поминала?

Зенида

Я сердце тем твое, царица, испытала.
О браке я твоим так часто говоря,
Дрожала внутренно российского царя.
Страшилась я... винюсь! чтобы Мстислав Сорену
Через прелесть не вовлек во слабость и измену.
Молве ж разнесшейся, как ты, не верю я.

Сорена

Не верю!.. но душа тревожится моя!
Пойди... изведай всё, не медли ни минуты,
Проникни истину, проникни тайны люты,
Почтись преклонить Мстиславовых рабов,
Почтись чрез них узнать поставленный мне ков.
Сыпь злато, ослепляй сердца сребролюбивы,
Дари им и сули за вести справедливы:
Они невольники; монарх у них тиран,
Так их достоинства — измена и обман,
А извиненье им — оковы их и бедства.

Зенида

Царице угодить употреблю все средства.

ЯВЛЕНИЕ 2

Сорена

(одна)

Вот злейшие часы для сердца моего!
Иль всё я возвращу, иль вдруг лишусь всего.
Душа моя теперь — колеблемое море!
В любви, отчаяньи, в надежде, страхе, горе!
На чем остановлю несчастную себя?
Гнушаюсь жизнию и жизнь мою любя,

От неизвестности Замировой судьбины
Во всем я нахожу к тоске моей причины!
О вы! которых я неложно в сердце чту
И коих гордый враг, считая за мечту,
Желает истребить — желает христианство
Нам в души поселить чрез наглое тиранство, —
Доколь вы будете презрение терпеть
И подданных своих в постыдном рабстве зреть!
Потерпите ли вы толикие досады?
В темницы ваши днесь преобращенны грады,
В них стонет ваш народ, в них кровь течет
граждан,
Везде насилие, грабительство, обман;
В пренебрежении и алтари и храмы,
И лишь Мстиславу в честь курятся фимиамы;
Не вы днесь боги, он: он жизнь дает и казнь,
Его за бога чтет народная боязнь.
Злодеям торжество, а нам порабощенье!
Иль ждете, чтоб Замир соделал им отмщенье
И от лютейших зол народ избавил свой?
Спешн! . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Сорена и страж.

Страж

Уже твой царь и повелитель твой,
Желая зреть тебя, вошел в твои чертоги.

Сорена

Мой царь! . . Мстислав мой царь! и повелитель? . .
боги! . .

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Мстислав, Премысл и стражи.

Мстислав

Пришествием моим хоть рушен тот устав,
Который предписал мне твой жестокий нрав,
Который мне судил тобою страсть вперенну
Рассудку хладному соделать покоренну;

Но если ведаешь хоть мало ты любовь
И веришь, что она к тебе зажгла мне кровь,
То сей поступок мой, сие любви стремленье
Не будет почтено тобой за преступленье.
Не зреть твоих приятств!.. такой устав
сносить...

Нет, нет! еще хочу Сорену спросить:
Доколе будет мне тиранкою казаться?
Доколе мне велит, любя ее, терзаться
И тщетной жертвой быть презренья своего?
Но чем достоин я несчастья сего?
Что ненависть твою к Мстиславу возбуждает?
Иль тем против себя в тебе ее рождает,
Что хочет он возвесть тебя на русский трон,
Где будешь зрети ты премножество корон,
Мстиславовой рукой в Россию принесенных,
И подданных тебе владельцев побежденных?
Ужель тебя я тем, дражайшая, гневлю?
Иль тем, что я тебя всех более люблю,
Что прелестью твоей я взоры насыщаю,
Что сердце я тебе и душу посвящаю,
Что взора твоего я раб среди побед?
Сия ль, сия ль вина всех мук моих и бед?
Я страстен, ты хладна, я рвуся, ты спокойна;
Но зря, что ты моей любви недостойна,
Что радуешься ты страданью моему,
Я всё тебя люблю и предпочту всему,
Всему, что в свете есть, величеству и славе!
Люби!.. И всё найду в Соренином уставе.
Но ты, жестокая, моих не внемлешь слов!
Чем угодить тебе?.. вещай!.. на все готов.
В покорности моей не будешь зреть препоны,
Мстиславу страстному твои слова законы.
Что должен предпринять?

Сорена

Сорену позабыть
И похищенный трон Замиру возвратить,
И в нашей тем стране спокойствие восстановить;
Не варварством себя, щедротою прославить.
Вот всё, что я могу Мстиславу повелеть.

Мстислав

Довольно! ты велишь Мстиславу умереть.
Тиранка быв его, ты хочешь быть убийца!
Неблагодарная!.. Лютейша в свете львица!
Змея, сосущая мою по капле кровь!
Так вот награда мне за всю к тебе любовь!
Когда мое в тебе блаженство заключаю,
Когда тебе, когда весь свет с собой вручаю, —
Ты требуешь... увы!.. чтоб я тебя забыл?
Чтоб мучился?..

Сорена

Чтоб ты великодушен был,
Склонился к истине и к должности героя
И, вредну страсть в себе рассудком успокоя,
Из нашей области отшел к твоим странам
И с вольностью вручил блаженство прежде нам.
Вот требуют чего от гордого Мстислава
Сорена, долг и честь... .

Мстислав

Погибни честь и слава!
Погибни всё тогда, всё счастье людей,
Когда не буду зреть Сорениных очей!
Любовь, которой все подвластны смертны роды!
Владычица сердец, владычица природы,
Превыше всех страстей, законов и ума:
Она в подсолнечной всему закон сама;
И мужество и честь бессильны перед нею,
Она сотворена природы быть душою,
Она судила мне тобою век гореть!
А ты судила мне мучения терпеть.
Так в чем, жестокая! я винен пред тобою?
Сражайся не со мной, сражайся в том с судьбою
И, строго вооружась на слабо вещество,
Вини! но не меня, творца и естество.

Сорена

Когда невинен ты, невинна и Сорена.
Мне мил Замир, и мне чужда в любви измена.
Замиру верной быть есть первый мой закон,
В Сорениной душе запечатлелся он.

Но знай, что я любовь не чту за преступленье,
К несчастливой любви имею сожаленье,
В мучениях ее ничто не превзошло,
Но быть изменницей считаю я за зло.

Мстислав

Когда бы ты любовь к Мстиславу ощущала,
О правилах таких ему бы не вещала.
Ты мысли бы своей отверзла путь иной,
Суровости твоей твой хлад ко мне виной.
Но вижу, что мое старание бесплодно,
Что всё тебе... что всё в Мстиславе неугодно:
Его к тебе любовь, внимание и честь,
К которой он тебя с собой желает взнесть,
Его сокровища, его гремяща слава;
В очах твоих ничто Российская держава
И блеск других корон, подверженных ему.
Сорена гордая не внемлет ничему!
И если бы владел престолом я вселенной
И с ним тебе вручил мой дух, тобою пленный,
Ты б и тогда ко мне бесчувственна была!

Сорена

Замиру и тогда б я сердце сберегла.
Мстиславу, всем царям... и всем престолом мира
Сорена предпочтет единый взгляд Замира!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Мстислав и Премьсл.

Мстислав

Постой!.. Не внемлют мне! Бегут от глаз моих!
Что должен предпринять в сраженьи чувствий злых,
В любви, отчаяньи, в лютейшей мне досаде?
И тени... тени нет... увы! к моей отраде!
Но сам несчастью, я сам иду вослед.
О заблуждение!.. Вот плод моих побед!
Вот для ради чего искал оружием славы
И расширял предел подвластной мне державы!
Вот для ради чего лил кровь моих граждан,

И троны низвергал, и сделался тиран,
Последуя одной честолюбивой воле,
Чтоб, соверша всё то, терзался на престоле!
И зря у ног своих трепещущих князей,
Был сам рабом жены... и пленницы своей;
Чтоб, жертвуя всегда своим тщеславью веком,
Льстясь свыше быть людей, был тем же человеком.

(Упадает в креслы.)

Пр е м ы с л

Что вижу, государь!.. Мстислав ли тако слаб?

М с т и с л а в

Мстислав уже не царь!.. Мстислав Соренин раб!
Вотще против ее себя вооружаю;
Вотще презрение, досады вображаю,
Которые она всечасно мне творит;
Вотще рассудок мне и слава говорит:
Мстислав, опомнися!.. беги любовной страсти,
Герою ли носить ее оковы власти;
Твой жребий не любовь, полсвета пред тобой,
Владыка россов ты, победа жребий твой,
А мзда твоих побед — вселенной удивленье.
За бога чтить любовь не слабость, преступленье;
Душ низких бог она! великих душ раба!
Ты князь! пример других! в тебе ль душа слаба?
Тебе ли для забав свой долг возненавидеть?
Тебя ль у ног жены вселенна будет видеть?
Вотще мне сей дают полезнейший совет...
Я внемлю, внемлю им, когда Сорены нет.
Но лишь очам моим тиранка чувств предстала,
Вскипела кровь моя!.. душа вострепетала!
Не внятен глас ума, зря блеск ее очей,
Мстислав себя забыл... и всё подвластно ей.

Пр е м ы с л

Так удали от глаз своей причину муки.

М с т и с л а в

Сорену удалить?.. Умру от сей разлуки!
Минуты без нее Мстислав не проживет;
Темницей... адом мне казаться будет свет.
С Сореной разлучусь по смерти лишь, не прежде.

При ней отрада мне осталась хоть в надежде.
Нет, нет! не лести себя склонить меня на то.
Коль разум ослабел, совет друзей ничто!

Премысл

Но вспомни...

Мстислав

Знаю всё, что ты сказать мне хочешь;
Я знаю, что в своем монархе ты порочишь
И чем от сна его ты мыслишь пробудить.
Но тщетно: страсти мне ничем не победить!
Ни честолюбием, ни гордостью, ни местью.
Страсть борется со всем: с рассудком, долгом,
честью,

И, побеждая всё, лишь царствует одна,
Ей сердце предано, и ею мысль полна.
Я ведаю, что я Сорену оскорбляю,
Что страстию моей ей сердце отравляю,
Что я злодей ее, мучитель и тиран,
Что истребитель я подвластных ей граждан,
Отечества ее, и враг ее супруга,
Что я чудовище всего земного круга,
Себя питающий лишь кровию людей,
И человечества и божества злодей;
Что бога я забыл, за славу чтя тиранство,
И, кланяясь Христу, бесславлю христианство.
Я ведаю, что я Соренин век гублю,
Я ведаю, что я... что я ее люблю,
Что ею я живу и ею умираю,
И больше ничего я ведать не желаю.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Сорена и Зенида.

Сорена

Ах, где Остан? Где сей Замиров верный друг?
Дай зреть его скорей и успокой мой дух!
Он может лишь один решить мое сомненье,
Умножить мук моих и уменьшить мученье.

Но ах! что медлит он увидеться со мной?
Иль смерть Замирова, увя! тому виной?
Коль так, почто мои скрываешь ты напасти?
Или из жалости к моей лютейшей части?
Жестокая! вещай: «Скончался твой супруг»,
Сим словом извлечешь трепещущий мой дух.
Жить в свете без него я чту за преступленье.
Злодейством я твое считаю сожаленье!

Зенида

Твой страх не праведен... приди в себя, приди.

Сорена

Коль жалость чувствуешь... Остана приведи.

Зенида

Приказа твоего исполнить мне не можно.

Сорена

Так нет его!..

Зенида

Он здесь, вещаю то неложно;
Но он под стражею и множество других
Пришедших с ним граждан освободить своих.

Сорена

Вот новые еще от варвара досады!
О боги! так ни в чем не будет мне отрады?
Блеснет надежды луч и скроется тотчас,
Знать, вечно мне от слез не осушати глаз!
Куда ни обращусь, о чем ни помышляю,
Едины горести и муки исчисляю;
Везде перед собой отверсту пропасть зрю.
Но ах! что медлю я и тщетно говорю? .
Не прменяется от слов судьбина злая.
Мне должно действовать... Зенида дорогая!
Поди к Мстиславу ты... проси его, чтоб он
Хотя смягчился раз на горестный мой стон,
Хоть на минуточку бы освободил Остана.

Зенида уходит.

Ах! если б я могла склонить к тому тирана,
Чтоб пленных мне узреть, чтоб мне от них познать:
Умреть мне иль еще в надежде мне стонать;
Но тщетно льщусь! Мстислав не укротится в страсти;
Любовь его сулит едины мне напасти.
О боги! вас прошу: смягчите дух его,
Откройте мне судьбу супруга моего,
Иль выньте, ах! скорей мой дух, Замиром страстный.
Мстиславов глас!.. идет... О сердцу вид ужасный!

ЯВЛЕНИЕ 2

Сорена, Мстислав, Зенида.

Мстислав
(Зениде)

Я просьбы чрез тебя внимати не хочу;
Из уст дражайших мне познать ее лечу.

(Сорене)

То правда ли?.. Но что!.. мой зрак тебя смущает!
Предстал Мстислав... и взор Сорена отвращает!
Не может зреть его без гнева ни часа.
С какою смешана жестокостью краса!
А я... я той, увы! минуты ненавижу,
В которую тебя, жестокая! не вижу.
Отсутствие мне твое и самой смерти злей,
Нет счастья для меня без прелести твоей.
Душа моя к тебе навеки прилеплена:
Коль нет тебя, пуста мне кажется вселенна,
Природа без приятств и всё плачевно в ней,
И остаюся я с одной тоской моей.
Ты правишь днесь одна Мстиславовой судьбою,
И утешаюся и мучуся тобою.
Ты смесь моих, ты смесь мучений и забав:
И мертв и жив тобой несчастнейший Мстислав.
Ты хладом смерть даешь, красою оживляешь,
И сердца моего лишь раны растравляешь.

Сорена

Коль нежность не чужда днесь сердцу твоему,
Внемли, о государь! прошенью моему.

Мстислав

Ты можешь повелеть: не просьба, взор твой нужен,
Чтоб был перед тобой Мстислав обезоружен.
Я жизни для того не пощажу моей,
Чтоб тень хотя узреть ко мне любви твоей.
Вещай! И если то любви не прекословит,
Так всё тебе Мстислав в минуту уготовит.

Сорена

Вели же, государь! тех пленных свободить,
Которы, предприяв умереть иль победить,
В сей день сюда пришли граждан своих избавить
И были...

Мстислав

И еще мученья мне прибавить,
Тем случай дав тебе уведати от них,
В какой теперь судьбе совместник чувств моих.
Сей враг, от коего люблю тебя беспечно,
Сей враг, который мне рвет душу и заочно
И к утешению надежды не дает.
Вот просишь ты о ком!..

Сорена

Ты дал мне слово...

Мстислав

Нет.

К погибели своей мне слова дать не можно.
Но если я и дал, я дал неосторожно.

Сорена

Замир уж мертв, а ты завидуешь ему.

Мстислав

Он мертв, но он еще мил сердцу твоему.
Сореной он любим, и вот его злодейство.

Сорена

По смерти гнать врагов не есть героев действие.
Какой быть может вред для сердца твоего,
Что буду знать судьбу супруга моего?

Мстислав

Ты, мертвым чтя его, ко мне неколебима!
А если жив?.. Любя и будучи любима,
Помыслишь ли о мне, от пленных то узнав?
Помыслишь ли тогда, что в свете есть Мстислав,
Тобою страждущий, тобою вспламененный?
Нет, варварка! тогда Мстислав, тобой презренный,
Хоть кровь свою прольет рекою пред тобой,
Не будешь тронута его судьбиной злой!

Сорена

Коль знаешь власть любви, почто ж меня
тревожишь
И бедствия свои моими только множишь?
Ты страстен, я страстна; ты мной, Замиром я;
Чего же требует еще любовь твоя?

Мстислав

Любви... твоей любви!..

Сорена

Нельзя принудить чувства.
Плененного другим пленяти нет искусства.
Хоть смертный для того все силы ополчит,
Двух скованных сердец в любви не разлучит.
Погибни хитростью присвоенна утеха!
Для сердца нужен взгляд; минута для успеха.

Мстислав

Я первое познал чрез чувство мое;
Дай знать последнее чрез чувство твое!

Сорена

Замира я люблю, и им равно любима.

Мстислав

Тем больше страсть моя к тебе непобедима...
Тем больше чувствую я власть моей любви!
Коль хладом бы тушить лзя было огонь в крови,
Давно бы погашен мой был тобою пламень;
Но тщетно: хоть вложи мне вместо сердца камень
И током слез моих кипящу кровь туши —

Умножишь только мне страдание души,
Но пламень мой к тебе всё пламенем пребудет.

Сорена

Сорена никогда Замира не забудет
И чувства своего к тому не переменит,
С которым коль не жизнь, так смерть соединит.

Мстислав

И станет ввек терзать несчастного Мстислава!

Сорена

Герою к счастью одна потребна слава.

Мстислав

Я славу при тебе считаю за мечту:
Не славу... я тебя моим блаженством чту!

Сорена

Жалею о тебе!

Мстислав

Я жалости не внемлю;
Из жалости любовь презрением приемлю:
Позорно для меня счастливым быть ей.
Не жалость мне нужна, любовь души твоей.
Люби иль ненавидь, тем чести не поносишь;
Хоть первым жизнь даешь, последним жизнь
уносишь.

Сорена

Почтение мое...

Мстислав

В устах твоих его
Я ненавистью чту.

Сорена

Так больше ничего
К Мстиславу в сердце мне имети невозможно.

Мстислав

Увы!

Сорена

Но если б ты любил меня неложно,
Почтенья моего отринуть бы не мог
И к просьбе моя толико не был строг.

Мстислав

Чтоб пленных свободить?

Сорена

Будь истине послушен!
Преодолей себя и будь великодушен.
Хоть на минуту мне дай пленных ты узреть!

Мстислав

Чтоб после осудить Мстиславу умереть?

Сорена

Смягчися надо мной! Взгляни на слезны токи!
Взгляни на скорбь мою!

Мстислав

Минуты прежестоки!
Какое чувствую волнение в крови!

Сорена

Коль любишь ты меня, так для ради любви
Склонися, государь, к прошению несчастной!

Мстислав

Люблю ль тебя? люблю ль... вопрос души
бесстрастной!

Пролив любовный яд во чувствие мое
И преселя в меня всё бытие свое,
Ты сомневаешься? Нет! кажешься в сомненьи,
Чтоб обольстить меня, соделать мне мученье!
Ты лишь ругаешься над страстию моей!..
Но ведай, что сама коварностью ты сей
Мстислава сберегла от слабости и бедства.
Он был уже готов тебе доставить средства
К познанию судьбы совместника его.
Вот точные плоды притворства твоего!
Теперь о пленных мне не говори ни слова;
Темница жребий их, коль ты ко мне сурова.

Сорена

И скорбь не трогает тебя моей души?

Мстислав

Бесплодно всё теперь... надежду утуши:
Не будешь вечно знать Замирову судьбину.

Сорена

(упав на Зениду)

Тиран!.. Так смерть вкусить даешь ты мне
причину!

Мстислав

Что вижу я?

Сорена

Увы!

Мстислав

Без чувств! в моих очах!
Сорена!.. смесь страстей!.. Любовь! досада!
страх!
Какое зрелище!.. Мне... мне сразить любезну?
Приди в себя!..

Сорена

Оставь... дай жизнь окончить слезну.

Мстислав

Нет! Нет!.. Живи! и знай, колико ты властна!
Я пленных свободжу.

Сорена

Мне жизнь тобой дана.

Мстислав

Но помни, что сие к Сорене снисхожденье
Есть страсти моя последнее принужденье.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Сорена, Зенида.

Сорена

Зенида! речь тебе понятна ли сия?
Мстиславом лишь на то спасенна жизнь моя,
Чтоб в новые беды повергнути Сорену,
Ей волю дав избрать мученья иль измену.
Вот любит как тиран! Вот страсть души его!
Таков ли был Замир для счастья моего?
Имела ли я с ним сию лютейшу долю,
Чтобы законом чтить души моей неволю?
Мой взор, мой смутный взор в нем страх производил:
Он счастье в моем лишь счастье находил.
О боги! Хоть сие пошлите мне в награду,
Чтоб умерети с ним имела я отраду!
Чтоб, отделяя дух от тела моего,
Минуту дали мне воззрети на него.
Но если он, увы! погиб от рока злого,
Пошлите смерть ко мне!.. я с ней найду драгого.

Зенида

Безвременно себя не должно сокрушать.

Сорена

Отчаянны сердца бесплодно утешать.
Предчувствую себе лютейшие напасти!
И лъзя ль иного ждать от рук тиранской власти?
Хоть жив, хоть мертв Замир, — мне всё грозит беда;
И с ним и без него страдать моя чреда!
Но что нейдет Остан? что я не вижу пленных?
Я сил лишаюся от чувствий переменных!
Зенида, ах! поди...

Зенида

Премысла вижу я.

Сорена

О небо! Отчего смутилась мысль моя?

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Премысл.

Премысл

В угодность царь тебе всех пленных освобождает:
Явятся пред тебя, их страж препровождает.
Я их в преддверии велел остановить.

Сорена

Почто сие? вели... вели ты их впустить.
В сих гордых почестях тираны честь находят;
Не подданны мои, друзья ко мне приходят.

Премысл выходит.

Зенида!.. Трепещу!.. не знаю отчего!
Кровь обливается вокруг сердца моего!
Объята радостью, смешенною с тоскою!
Но ах! давно уже лишена я покою,
В надежде живучи, надежду потеряв!
Отсутствием Замир, присутствием Мстислав
В Сорениной душе посеяли страданье.

Зенида

Граждане к нам идут: прерви свое роптанье.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Замир и пленные.

Сорена

Что вижу?.. Не мечта ль?..

Замир

Сорена!..

Сорена

(упав в руки Зениды)

Мой супруг!..

В котором вольностью и счастьем всяк гордился,
Что я увидел в нем? .. О боги! .. О судьба! ..
Везде... везде встречал тирана иль раба!
Всё представляло мне граждан ужасно бедство!
В одних унылость зрел, в других я зрел
свирепство;

Иль мертвое лицо, или кровавый взгляд,
В отечестве моем нашел я сущий ад! ..
И если б не любовь мне душу подкрепила,
Когда б отчаянью Замира уступила,
Зря бедствия граждан и зря толико жертв,
От горести б одной я пал на землю мертв!

Сорена

Ах! если б ведал ты, что я претерпеваю!

Замир

Зря без оков тебя, я всё предузнаваю!
Тиран тобой пленен? ..

Сорена

Увы! для лютых бед.

Замир

Везде несчастье спешит за мною вслед!
Сорена! .. Мысль одна... мне муку причиняет
И мщением к врагу всю кровь воспламеняет!
Отнявши мой престол и грады истребя,
Он хочет у меня отнять и тебя! ..
Сорену! .. Жизнь мою! .. Нет! более стократно
За сердце мне твое вкусити смерть приятно,
Но, зря тебя в руках злодея моего,
Снести? не умереть? не умертвить его?
О боги! сколько вы против меня ни злобны,
И вы того, и вы соделать неудобны! ..
Противу вас любовь вооружить готов.

Сорена

Я то же учиню: ни бедствий, ни оков,
Ни тысящи смертей мой дух не утрашится:
К Замиру верности Сорена не лишится.

З а м и р

Достойна ты меня!.. но что теперь начать?
Открыться ль мне врагу или еще молчать?
Но ежели тиран очам моим явится,
Могу ль стерпеть я?.. нет! злоба обновится.
Лишь слово изречет, и вспыхнет кровь!..
Ах! чем спокоеить вдруг и мщенье и любовь?

С о р е н а

Пождем; но если враг бесчувствен к нам до гроба,
Отмстим, коль можно то... коль нет, жизнь
кончим оба.

З а м и р

В намерении сем я дух Соренин зрю!
И ярость хоть с трудом, но в сердце затворю.
Бояся бед твоих, я мщенье успокою!..
Превозмогу себя!.. в себе Замира скрою!..
Но если б ты!..

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Премысл.

Премысл
Иди в темницу.

С о р е н а
(упав на Зениду)

Гнусный враг!

З а м и р

Сорена!..

С о р е н а
Варвар злой!

З а м и р

Превзыдь печаль и страх!

С о р е н а

О боги!.. бедная!.. помедли хоть минуту!

Премысл
Угодно то царю: вини судьбину люту.

Сорена
Злодей!..

Замир
Прости... не рвись.

Сорена
(тихо)

Разрушься, бытие!

Замир
Скрепимся днесь!..

Сорена
Постой!..

Премысл

Прощание сие
С несчастным пленником Мстислава оскорбляет.

Замир
С несчастным пленником!.. Что месть останавливает?
Прости!.. прости!.. страшусь Сорену погубить.

(Уходит.)

Сорена
Увы!..

Зенида
Спокой себя...

Сорена
Льзя ль горечь истребить!
На то ль, несчастная, надеждой ты питалась,
Чтобы, узря его, с ним паки ты рассталась?

Зенида
Почтись любовью Мстислава умягчить.

Сорена
В злодеях злости нам не можно излечить.
Всё в добрых есть добро; в тиранах всё тиранство.
Осталось избирать иль смерть, или подданство.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Мстислав, Премысл.

Мстислав

Они прощались... с стенанием!.. тоскою!..
Сорена... с пленником!.. изменник! пред тобою...
И ты... любимец мой!.. и ты злодейску грудь...
Вещай... вещай мне всё... ни слова не забудь...
Представь очам моим малейше их движенье,
Их дерзость... смерть мою!.. насыть воображенье,
Воспламени во мне досаду, ярость, месть,
Дай способ наказать предательство и лесть,
Вещай... вещай... скорей...

Премысл

Что было мне приметно,

Я всё тебе донес.

Мстислав

Не всё! их зол несчетно,
Ты им потворствуешь... Преступник! ждал ли я
За милости мои... измены твоя?

Премысл

Измены?.. Государь! Коль виши пред тобою,
(став на колени)

Казни... Любя царя, я жертвую собою.

Мстислав

О небо!.. что творю?.. восстань... я вне себя!
Премысл!.. в отчаяньи... я оскорбил тебя.

Премысл

Я оскорбляюся, лишь зря твои мученья.

Мстислав

Но мне от них уж ввек не будет облегченья:
Терзался от любви, утехи в ней не зря;

Теперь от ревности желаньем мстить горя,
Лишился разума, сугубо я терзаюсь:
Сей пленник... слезы их... Премысл, я ужасаюсь!

Премысл

Ты думаешь...

Мстислав

Замир... Смутилась мысль моя!
Замир то может сам... всего страшуся я.

Премысл

Единым, государь, терзаться подозреньем?
Спокойся... отгопи мечту сию презреньем.

Мстислав

Презреньем?.. Ах! мой друг... не знаешь
страсти ты:

Движенье, слово, взгляд, малейшие мечты,
Малейшая молва мученья нам наводят,
Как скоро страсти в нас рассудок превосходят,
Как скоро сердце в нас любви покорено.
Всё в мире с горестью, мой друг, сотворено:
Престол и хижина наносят огорченья,
Нет счастья без страстей, нет страсти без мученья.
Природа излила с утехой яд любви,
Могу ль спокоен быть?..

Премысл

Так пленных призови;
Узнаешь истину, и после...

Мстислав

Что осталось?

Премысл

Великодушие.

Мстислав

Чтоб сердце ввек терзалось?
Чтоб Тартаром тогда казался мне престол,
Когда совместник мой, избегнув лютых зол,

В объятиях любви... в объятиях Сорены
Сладчайших будет чувств испытывать премены.
Злодей!.. дай лучше смерть, чем сей даешь совет!
Сорену уступить!.. совместнику?.. нет, нет,
Скорее жизнь отдам!.. одно воображенье
Приводит кровь мою в ужасное движенье!
Не то предпринял я... ты пленных мне представь,
Но не на то, чтоб был рабом у них Мстислав,
Чтоб душу уступил с Сореной он злодею;
Великодушия я в страсти не имею,
И не хочу иметь... нет места никому
В том сердце, в коем быть мне лестно одному, —
Но чтоб, открывши ков, сплетенный мне любовью,
Обиду мне омыть преступниковой кровью...
Поди, представь мне их, представь очам врага.

Премысл уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мстислав
(один)

Умрет злодей, умрет!.. в нем жертва мне драга;
Остан или Замир, в том нужды нет Мстиславу.
Тот должен умереть, кто мне дает отраву,
Кто смеет ту любить, котору я люблю.
Вселенну за нее, вселенну истреблю!
Когда Соренина меня лишают взгляда,
Пойду против небес... пойду противу ада;
Любовию моею пресилю естество.
Сорена для меня едино божество!
Увы! к чему меня лютейша страсть приводит
И от чего мой ум в сомнение приходит?
О чем стению и злюсь?.. но вздохи... слезы их!
Ах всё... всё их винит теперь в глазах моих, —
Обман, любовь моя и их любовь друг к другу!
Отмстят, я должности соделаю услугу.
Казню совместника! Сорену погублю!
И страсть до искры я из сердца истреблю!
Надежда мне вредна; отчаянье полезно.
Погибни то навек, что мне к бедам любезно.

О небо!.. кая злость мне в душу пролита?
Слова наперсника... и, может быть, мечта
Должны ль причиной быть такого исступленья?
Сорену умертвить есть свыше преступленья!
Пускай лишь враг один...

ЯВЛЕНИЕ 3

Мстислав, Премысл.

Премысл

Все пленники пришли.

Премысл вводит пленных.

Мстислав

Представь. Вотще креплюсь!.. все страсти
возросли!

ЯВЛЕНИЕ 4

Мстислав, Замир, Премысл, пленные и стражи.

Мстислав

(в сторону)

Что зрю?.. Сей вид!.. Сей взор!

Замир

(в сторону)

Как скрыть свою
досаду?

Мстислав

Пришед с оружием к подвластному мне граду,
Какое ты имел намеренье?

Замир

Отмстить

И вольность прежнюю гражданам возвратить.

Мстислав

Намеренье твое хоть было дерзновенно,
Но ты в моем плену, так мной оно забвенно.

З а м и р

Но незабвенны мной обида и урон,
И кровь граждан моих, и горестный их стон —
Что всё соделано тобой для тщетной славы.

Мстислав

Какие вспоминать о том имеешь правы?
И кто их дал тебе?

З а м и р

К отечеству любовь.

Проливши кровь граждан, мою ты пролил кровь.
Могу ли позабыть... то время я плачевно,
В которо к нам тебя послало небо гневно;
Как, стены разоря, ты вшел с оружием в град
И в ярости своей лил всюду смертный яд;
Где храбрость половцев числом была объята,
Где муж лишен жены, где брат лишился брата,
Где старец на одре, младенец у груди
Для пищи варварства и лютости твоей
Без сожаления на члены раздирались;
Где дома, улицы во гробы претворялись,
Где злоба адская, с корыстью съединясь,
Несчастнейших граждан сокровищем пленясь,
Мешала с воплем их мечей тиранских звуки:
Одним питался слух, другим питались руки...
Какое зрелище!.. И льзя ль его забыть?
О ужас! льзя ль сие из мысли истребить!
Там груда мертвых тел, там кровь течет рекою,
Там умирающий с стенанием, тоскою
Ждет смерти, мучаясь от ядовитых ран!
Куда ни обратись, иль жертва, иль тиран!
Всё зверству твоему и аду покорялось,
Всё адом и тобой в минуту пожиралось.
Забыто было всё, природа, божество;
Зря тварь в тебе свою, стыдилось естество.

Мстислав

Довольно я терпел от пленника несчастна,
Или забыл, что мне судьба твоя подвластна,
Что ты монарха зришь, я зрю в тебе раба?

З а м и р

Подвластна лишь одним богам моя судьба!
Сей пленник на тебя без ужаса взирает;
Сей пленник... сей твой раб Мстислава презирает!

Мстислав

Вступите!..

З а м и р

Умерщвляй!.. Замир перед тобой!

Мстислав

О небо!.. предузнал!

З а м и р

Замир!.. совместник твой!

Узнай его! узнав, исчисли оскорбленья,
Досады смертные!.. Исчисли преступленья,
Которые пред ним тобой учинены;
И ежели тебя для бедства сей страны,
Для истребления, для лютых мук и злобы
Послали фурии из адския утробы,
То совершай скорей определенья их!
Искореня уже граждан... друзей моих,
Не чрез оружие, чрез подлые измены,
И мысля, наконец, лишить меня Сорены,
Дерзая льстить себе, что будешь той любим,
Которая давно мне с сердцем уж своим
В награду нежности свою вручила руку,
Ты должен осудить меня на смертну муку
Или, отдав мне меч и обнаживши свой,
Низвергнуться во ад Замировой рукой!
Умри!.. иль умерщвляй! мне жить теперь поносно.
Тиран в моих странах, а рабство мне несносно:
Свободы не лишусь, хоть весь восстанет мир,
С свободою рожден, и с ней умрет Замир.

Мстислав

(в сторону)

От твердости его мой дух изнемогает!
Чем можно утратить, коль смерть пренебрегает?
Но он совместник мой!.. он должен умереть.
Под стражу...

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Сорена.

Сорена
(вбежав)

Ах, тиран!..

Замир
Сорена!..

Мстислав

Мне ль терпеть?

В темницу!..

Замир
В ад пойду, злодея презирая!..

Сорена

Смягчись!..

Мстислав

Веди!..

Сорена
Замир!..

Замир
Прости!..

Сорена

Судьбина злая!

ЯВЛЕНИЕ 6

Мстислав, Сорена, Премысл.

Сорена
(став на колени)

Бесчувственный Мстислав, источник бед моих!
Смотри... несчастная... лежит у ног твоих
В отчаяньи, слезах, стняща, полумертва.

Смягчись!.. или рази!.. перед тобою жертва!
Но без Замира жить минуты не хочу,
Вослед за ним и в ад с весельем полечу!
И лъзя ли без него мне в сем остаться мире,
Когда душа моя заключена в Замире?
Коль смерть ему нарек, Сорене нареки
И, медля казнь мою, не множь моей тоски!
Вынь меч!.. и обагри в крови невинной руки!
Вынь меч!.. и пресеки мои несносны муки!
Вот грудь, в которой я храню драгому вздох;
Вот сердце, где Замир!.. в нем!.. в нем Соренин бог:
Пронзай его!.. ты двум дашь смерть одним ударом.
Отмщай! прославь себя души тиранской даром.

Мстислав

О небо! кая смесь досады и любви!
То душу рвет любовь, то гнев кипит в крови!
Отвсюду и во всем едины вижу бедства!
Люблю!.. жалею!.. рвусь!.. И нет к покою средства.

(Упадает в креслы.)

Сорена

Коль в сердце не совсем Мстислав окаменел,
Коль власти несколько мой взгляд над ним имел!

Мстислав

(взглянув на нее с великим чувством)

Сорена!..

Сорена

Ах! прости, коль я тебя тревожу,
Коль словом искренним твою досаду множу!
Замиром я клянусь, что нет коварства в нем,
Мое желание лишь в чувствии твоём
Хоть малое родить к щедроте склоненье!

Мстислав

К щедроте?.. Смертное мне сделав оскорбленье,
Мучительную казнь, удар любви такой,
Наполня сердце мне грызущею тоской
И не оставя мне малейшия отрады,
Ты смеешь требовать... о рок! тиранския досады!

Чтоб я, жестокая, к щедроте дух склоня,
Злодея моего с тобой соедини,
Умножил мук своих и мучился всечасно?
Щедрота вредная!.. возмездие ужасно!..
Нет, нет! не льсти себя надеждою такой!
Не внемлю более щедроте никакой!
Нет жалости к тебе и впредь ее не будет!
Любовь моя своей уж пользы не забудет.
От нисхождения мой жребий стал жесток:
Теперь уже ни вздох, ни слезный твой поток,
Ни жалоба, ничто меня не востревожит.
Рыдай!.. рыдание мою лишь страсть умножит.
Довольно я сносил презренья от тебя,
Довольно от любви позабывал себя,
И был твоим рабом, и был тебе покорен;
Нет больше милости!.. Мой будет дух упорен.
Когда упорна ты к горячности моей,
Жестокостью воздам жестокости твоей.
Умрет совместник мой!..

Сорена

О боги! о тиранство!

Мстислав

Мстиславовой душе наскучило подданство.
Уж время чувствовать Мстиславу притекло,
Что он не раб, а царь. Забвенье то прошло,
Которое меня толико унижало
И бедствия мои и муки соружало.
Я счастлив быть хочу: я быть хочу любим;
Или, по крайности, желаньям своим
Не буду я иметь уж более препоны.
Мой бог теперь любовь. Мне власть моя законы.

Сорена

Жестокой... ах!.. постой!..

Мстислав

Не внемлю ничему.

ЯВЛЕНИЕ 7

Сорена
(одна)

Что мыслить?.. что начать?.. прибегнуть к кому?
Кто помощь мне подаст?.. Гонима... притеснена,
Оставлена судьбой... Замира я лишена!
Мучитель! ах! почто меня не умертвил?
Суля Замиру казнь, ты мне ее сулил!
О боги!.. но уж вы престали быть богами;
Бессильны вы теперь, бессильны пред врагами!
Всё страждет!.. гибнет всё, всё злейшей ждет чреды:
Угрозы, ужас, казнь, гонение, беды —
Вот жребий половцев... вот наши оскорбленья,
И вот Мстиславовы пред вами преступленья!
А вы... вы медлите злодею отомстить!
И вас, и вас тиран умел преобратить
В ненужны существа для своего злодейства!
Какие боги вы, коль боги вы без действия?
Увы! что изрекла в отчаяньи моем?
Рассудок ли то рек? нет, нет, во мне он нем!
На смертном мы одре рассудка не имеем,
А я на смертный одр осуждена злодеем!
Иду, мое иду разрушить бытие.

Уходит, но Зенида ее останавливает.

ЯВЛЕНИЕ 8

Сорена, Зенида.

Зенида

О небо! ах! к чему отчаянье сие?

Сорена

К тому, чтоб смерть ко мне приблизилась скорее.
Судбины моя не может быть лютее:
Всего лишена я!.. погибла я навек!
Любезну моему мучитель смерть нарек!
Нарек!.. а я дышу!.. а я не умираю!
И только в жалобах вотще слова теряю!
Изменница!.. в тебе нет чувства!.. нет любви!

Погас уж пламень твой!.. остался хлад в крови.
Замир... тобой забыт... забыт без сожаленья!
Он мертв... а ты жива!.. се слыше преступленья
И всех превыше зол... твой долг не жить, умереть,
Твой долг во гробе днесь свое блаженство зреть!
Он мертв!.. о боги!.. кто мне в ум сие влагает?
Он жив еще!.. но дух... томится!.. содрогает!
Предчувствие!.. мой страх!.. сбылись мои мечты!
Навек уже Замир... что... что вещаешь ты?

З е н и д а

Безмолвствую.

С о р е н а

Чего ж страшишься?.. ты бледнеешь!
Какую страшну весть сказать мне робеешь?
Почто меня терзать, надеждою маня?
И ты уже, и ты восстала на меня!
И ты несчастнейшей Сорене изменила!
Судьбина на меня все злобы съединила!
Преступница!.. мой друг! ах! сжался надо мной,
Скажи мне истину! реши ты жребий мой!
Коль мертв уже Замир, влечи из тела душу!
С весельем жизнь мою от рук твоих разрушу.
Вскрой грудь мою... я то наградою почту...

З е н и д а

Опомнись, прогони ужасную мечту!

С о р е н а

Замир!.. Замир!.. уж я навек тебя лишилась.

З е н и д а

Не думай, чтоб его судьбина совершилась:
Минуты нет тому, как зрела ты его;
Спокой смятение рассудка твоего!

С о р е н а

(помолчав)

Спокою, но на то... на то себя спокою,
Чтоб грудь тиранскую пронзить своей рукою,
Чтобы отмстить врагу за кровь дражайшу мне

Чтоб вольность возвратить отеческой стране
И после умереть и с тем соединиться,
К кому стремилась и буду ввек стремиться,
За кем мое вослед блаженство потекло
И без кого мне жизнь беда, мученье, зло!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Мстислав

(один)

Чем дух смятенный мой себя ни ободряет,
Любовь в минуту всё во слабость претворяет!
Ум с страстью борется, но побеждает страсть.
Ищу отрады я — встречаю лишь напасть.
Жду сладостных утех, а ощущаю горе.
Все чувства во мне между собою в споре!
Злы фурии себе, для мук моих и зол,
Во сердце днесь моем воздвигнули престол!
Злы страсти!.. фуриям тогда они подобны,
Когда не к радости, к терзанью лишь удобны.
Увы! всё мужество любовью погубя,
В самом, в самом себе не нахожу себя!
Мстислав уже не тот! в Мстиславе нет Мстислава:
Он женствует! ему не льстит гремяща слава,
Ее страшится он и бегаёт ее!
Он в неге, в праздности блаженство зрит свое!
Увянул лавр его!.. Он гонит добродетель
И хочет смерти быть невинного содетель.
Злодейски повелел уже готовить яд!
Для счастья временна я прочу душу в ад.
На муки вечные себя приготавливаю!
И мерзостный пример потомству оставляю!
О строгий судия деяния людей!
Бог равнодушия! Раб пламенных страстей!
Рассудок! коль тебе в нас сердце не подвластно,
Почто против него бунтуешь ты всечасно?
Бунтуй!.. Не допускай злодейство к торжеству!
Дай силы новые душе и веществу.

Всё тщетно!.. от тебя я помощи не вижу!..
Злодейка!.. скоро я тебя возненавижу,
Уж скоро страсть мою во ярость претворю.
Всё... ложно... ложно всё, что я ни говорю!
От капли слез ее вмиг ярость усмирится,
От вздоха одного ей сердце покорится.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мстислав, Премысл.

Премысл

Исполнил, государь! желание твое,
И яд уже готов...

Мстислав

Желание мое!..

Вот злейший плод любви. Но средств иных
не видя,
Пойдем злодейству вслед, злодейство ненавидя;
Поди... постой... Увы!.. к чему стремится дух!
Сореной он любим... но он ее супруг!..
Чего же требовать?.. Какое преступленье!..

Премысл

Когда в душе твоей бунтует сожаленье,
Мужайся, государь! Долг честью подкрепи!
И власть ему в себе над страстью уступи.
Мы рабствуем, когда надеждой страсть питаем;
Но тотчас силу мы рассудка обретаем,
Когда ее в себе надеждой не маним.
Отчайся в ней! Любовь отчаяньем одним
Из сердца, государь, нередко истреблялась.

Мстислав

Нередко от любви вселенна погублялась.
Погибель и моя в ней... в ней заключена!
Она погибель мне, и счастье мне она.
Я побеждать себя уж более не властен.
Сореной я и был, и есть, и буду страстен.
Терзаться и любить мне небом суждено.

Премысл

Но буде сердце то другому отдано,
Которое иметь толико ты желаешь, —
Виновно ли оно, что ты к нему пылаешь?

Мстислав

Невинно для тебя; виновно для меня.
И больше не хочу жить, в страсти я стена.
Приятно ль будет мне величество и слава,
Сокровища, престол, Российская держава
И всё, что на земли душам великим льстит,
Когда Сорена мне Замира предпочтит,
А мне за всю любовь оставит в награжденье
Уныние, печаль, стон, хладно рассужденье
И мнимое мое над страстью торжество?
Я душу вознесу... но бедно вещество
Получит ли покой душевным возвышеньем?
Как скорбь делить души с вещественным
мученьем?

Премысл

Прибегнув к разуму, он способ даст тебе
Любви бесплодной власть преодолеть в себе.
В нас сердце для страстей, в нас разум для
спокойства,
Последовать ему есть действия геройства.

Мстислав

Могу ли в том успеть?.. Никая в свете власть
Не может победить мою к Сорене страсть.
Хоть каждый взгляд ее, движение и слово
Душе моей сулят всегда мученье ново,
Хоть яд с любовью мне в сердце пролила,
Хоть злюсь, терзаюсь, рвусь, — мне всё она мила.
Я лучше соглашусь сносить мученья люты,
Чем потерять навек те сладостны минуты,
Которы чувствую, взирая на нее!
Приятно с нею мне мучение мое!
И ей несчастлив я и счастлив ей одною.
Она в моих глазах... и всё забыто мною!
Ах! если хочешь ты, чтоб я престал любить,
Соделай, чтоб она мила престала быть,

Лишилась бы приятств и сих красот небесных,
Которы вижу я в очах ее прелестных;
Чтоб не была она подобна божеству
И украшением надменну естеству,
Созданьем в ней одной толико совершенства;
Чтоб не была виной отрад, утех, блаженства
Того, к кому хоть раз с приятностью воззрит.
Когда сие Премысл мне чудо сотворит,
Когда вселенна с ней всех прелестей лишится, —
Тогда его, тогда желание свершится.
Но видя зрак ее... сей взор... сии уста,
На коих трон себе воздвигла красота,
Которы чрез одно свое прикосновенье
Сулят душе восторг и райско наслажденье,
Могу ли к ней, увы! мой пламень истребить?
Могу ль минуту я Сорену не любить?
Старание о том всё было б бесполезно.
Нет, нет! хоть сердце ты вложи в меня железно
И в кровь мою, и в кровь пошли ужасный хлад,
Едва Соренин я узрю приятный взгляд,
Железно сердце вмиг в нежнейше пременится,
Погибнет хлад в крови и кровь воспламенится.

Премысл

Но быть убийцею... Мстиславу... для любви!..

Мстислав

Престань, и должностью души моей... не рви.
Не поминай о том... не поминай мне боле,
Последовать чему не есть в моей уж воле.
Умрет совместник мой... умрет... о люта часть!
О злодеяние! о пагубная страсть!
Сулимая тобой ужасна мне отрада!
Ты, рай суля душе, ведешь во бездну ада!
Вот счастье людей, предавшихся любви!
Рассудок, должность, честь... Замир!.. тиран!..
живи!

Я мщенье... но увы!.. что станется со мною...
Умри!.. но сам своей будь смерти ты виною.
Отсрочу казнь его, отсрочу, но лишь с тем,
Чтоб веры истинной родить познанье в нем,
Коль хочет жить еще, да примет христианство.

Премысл

Намеренье сие являет лишь тиранство.
Прости, о государь! прости сию мне речь,
Которую могло усердие извлечь!
Люблю Мстислава я; но не забуду чести.
Погибни навсегда вещатель гнусной лести!
Погибни подлое творение сие,
Которого царю зловредно бытие,
Которое на то монарха усыпляет
И слабости его, пороки похвалает,
Чтобы сокровища разграбити его
И, в насыщение тщеславья своего,
В несчастной бедности отечество оставить,
Себя обогатить, монарха обесславить!
Нет! если, государь, тебе угодна лесь,
Уволь меня... дай смерть, или оставь мне честь.
На титулы истины вовек не променяю,
Любовь мою к царю я с ней соединяю,
Она в моих устах с монархом говорит;
Он славу тем свою в бесславье претворит
И привлечет к себе всего презренье мира,
Коль для ради любви лишит он дней Замира.
Проникнул в умысел твоей любви я,
Не рвением ко Христу объята мысль твоя;
Желанье обратить Замира в христианство
Показывает мне к любви твое подданство.

Мстислав

О небо! чувствую всю истину сих слов.
Но что? .. где умирать есть право за врагов?
Имеv в своих руках все средства к наслажденью,
Мне ими жертвовать врагу?

Премысл

И рассужденью,
И чести твоя, и должности царя.
Отдай Мстислава нам, страсть долгу покоря.
Все веры суть равны, коль бога чтут за бога,
К блаженству истинна для всех одна дорога.
Хранящему ее в бесчестье ль истукан?
Блажен язычник с ней; тиран всё есть тиран.

Намеренье твое не есть необходимость,
Мстислав, монарх, герой, чтить должен он
терпимость.

Мстислав

Нравоучения тогда противны мне,
Когда они сулят лишь муки мне одне.
Не внемлю им... представь и пленных и Замира,
Спасется их живот и княжеска порфира
Врагу отдастся мной, коль веру пременят.

Премысл

Исполню. Но тебя лишь страсти тем манят!
Напрасно пленных ты на помощь призываешь,
Ты в умысле своем без оных успеваешь,
Без них останется Замир в законе тверд,
И будет столь велик, сколь ты немилосерд.

Мстислав

Безмолвствуй и иди, куда повелеваю.
Премысл уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Мстислав

(один)

Вотще любовь мою я верой затмеваю;
Против желанья во мне обнажена.
К чему моя душа, к чему приведена!
К злодейству... мерзости... отрады нет несчастну!
Сорена!.. ты вина намеренью ужасну;
Ты кровь мою зажгла; ты ум смутила мой;
Ты сделала, что я не властвую собой,
Что я преступник стал, враг чести, враг закона,
Что воздух от меня наполнен горька стона.
Ты всё... ах! нет, не ты! я сам тому виной!
Я в бездну сам иду, имея путь иной!
Почто иду в нее?.. иль вольно погибаю!
Творец! открой мне то, чего не постигаю.
В сомненьи бедственном нам помощь лишь в тебе;
Две силы равные я чувствую в себе;
Одна влечет к любви, любовь другая гонит;

К единой чувствия, к другой рассудок клонит.
То сладость в яде мне, то в сладости мне яд;
В чем сердце видит рай, в том разум видит ад.
Отколе сей раздор и чувствий смесь ужасна,
Которой наша жизнь счастлива и несчастна!
Ты царь, вознесшийся над нашею судьбой;
Ты всё для нас: живем и правимся тобой!
Все действия наши суть твое соизволение!
Ты праведен: почто ж мы знаем преступление?
Ждем казней от тебя? Зло в свете есть почто?

(Став на колени)

Открой, всеведущий, открой, творец, мне то;
Ты создал всё, всему довлеет быть причина.

(Восстав)

Куда я мысль простер... о таинства пучина,
В котору смертному проникнути нельзя,
К которой вечно нам неведома стезя!
Тебя лишь знает тот, кто правит небесами;
А если б знали мы, мы боги были б сами.

ЯВЛЕНИЕ 4

Мстислав, Премысл.

Премысл

Замир и пленные...

Мстислав

К чему судьба вела!
Едва изрек «Замир»... и ревность кровь зажгла!
Сорена!.. Варварка!.. нет! нет! сего довольно.
Моя тиранка ты. Я твой тиран невольню.
Представь!.. помедли!.. мне ль?.. что совесть
утишит?
Коль так... введи... пускай Сорена то решит.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Премысл
(один)

Несчастнейший монарх! Россия пренесчастлива!
Вот следствия, когда в царе душа пристрастна!
И вот каков тогда закон венчаных глав!
Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле!
Льзя ль ждать блаженства там, где гордость
на престоле?

Где властью одного все скованы сердца,
В монархе не всегда находим мы отца!

(Отворяя дверь пленникам)

Вступите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Замир, пленные (в оковах) и стражи (вдали).

Замир

Нет ее!.. Сорены нет... увы!..
За что оставили меня, о боги, вы!
Без трона я, в плену, и к бедству совершенну
Я зрети осужден Сорену, притесненну
Порочной страстию злодея моего,
И силы не иметь исторгнуть дух его!..
Вы ль, боги! терпите такое злодеянье?
Ужель угодно вам души моей страданье?
Но в чем преступок мой? за что наказан я,
И предана за что врагу страна сия?
За то ль, что половцы, когда меня имели,
Подобному себе зла делать не умели?
В довольстве, вольности, гордясь хранить закон,
Познав, что общества едина крепость он,
Щадили правого, искореняли злого;
Что бедствие свое зря в бедствии другого,
Привыкнув жизнь свою для чести лишь любить,
Страшились истину и в малом оскорбить?
На троне был их друг, и были все счастливы!

За то ли мстите мне, о боги справедливы!
За то ли рабство, казнь и муки лишь одни
Рассеяны теперь в подвластной вам стране?
Иль дерзкой властью попранная свобода,
Сие сокровище и счастье народа,
Не возбуждает в вас...

(увидя Сорену)

Сорена!..

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Сорена.

Сорена

Ах, Замир!

Замир

Блаженство дней моих! дар свыше всех порфир!
Так боги не совсем ко мне ожесточенны,
Я зрю тебя еще!..

Сорена

Беды неизреченны!..

Потребна твердость вся теперь душе твоей!..

Замир

Что случилось еще?..

Сорена

Мстислав!..

Замир

Вещай!..

Сорена

Злодей!..

Сей варвар требует... о лютое тиранство!
Чтоб ты забыл богов... и принял христианство,
Коль хочешь избежать определенных мук!..

З а м и р

Мне изменить богам? мне из злодейских рук,
Из уст чудовища приять другую веру?
Поработить себя тирану, лицемеру?
Расстаться с истиной? вещать едину лесть?
Продать за жизнь мою закон, свободу, честь,
И чтоб на несколько продлить течение века,
Бездельством осрамить название человека?
И он... и он слывет героем меж людей!
Тиран! не повредишь ничем души моей!
Умрем!..

(К воинам своим)

Друзья мои! защитники природы!
Лишася мы богов, отечества, свободы,
Лишася надежды всей тирану отомстить,
И идолам в венце не приобикши льстить
И поклоняться им, чтя рабство преступленьем,
А на рабов их зря с презрительным жаленьем, —
Ужель захочем мы ждать милостей иль мук?
Умрем; но не от них, умрем от наших рук.
Коль гонят вольность, честь, а мужество
без действия,
В самоубийстве нет тогда уже злодейства;
Оно есть долг тогда; а жизнь беречь позор.
Умрем и пресечем несносный к нам презор,
Бесчестье упредим и бедствия народны, —
Нам руки скованы, но души в нас свободны.
Великости души что может нас лишить?
И властен ли тиран глас сердца заглушить,
Когда рассудок нам дает его законом?
Он раб тогда, друзья! он раб и с пышным тронном,
Не страшен нам тиран.

П л е н н и к

Готовы всё презреть.

В с е п л е н н и к и

Готовы мы с тобой за вольность умереть.

З а м и р

В ответе сем Замир друзей своих находит.

Сорена

Увы! к чему тебя отчаянье приводит!

Замир

(в исступлении)

К желанью упредить позорну казнь мою,
И в том надеюсь на помощь я твою.
Ты можешь днесь одна друзьям, себе, супругу
При крае бездны их соделати услугу.

Сорена

Услугу!.. Жизнь отдам... но что я зрю!..
твой взгляд!..

Замир!..

Замир

Замиру днесь блаженство меч иль яд.

Сорена

О боги!

Замир

Если глас тебе природы вятен,
Дай способ мне умереть: жить мерзко, свет развратен.
Исчез взаимства долг; нет к ближнему любви,
И человечество потоплено в крови.
Уставы естества тиранами презренны;
Здесь тигры царствуют, а люди униженны;
Умрем... но ах! почто тебе свой век губить?
Живи, дражайшая, ты жизнь должна любить.
Родясь быть для всех прекрасна и любезна,
Народу своему ты можешь быть полезна.
Отечество с тобой не будет бедства зреть;
Живи... твой жребий жить... мой жребий умереть.

Сорена

О небо! ах, Замир! Замир ли то вещает?
За что несчастнейший супруге отомщает?
За что к страданию ей жизнь беречь велит?
Иль душу днесь свою с ее душой делит?
Мне жить, коль ты умрешь, и в жизни быть
счастливой?
Бесчувственный Замир! супруг несправедливый!

Какое сделала в свой век я зло тебе,
Что хочешь лютой сей предать меня судьбе?

З а м и р

Ты плачешь!.. ах, престань хоть для ради любви!
Мне капля слез твоих моей дорожке крови!

С о р е н а

Почто ж терзаешь дух советом мне таким?

З а м и р

Воображению и чувствам моим
Ужасна смерть твоя: ужасно то представить,
Что свет, сей хочешь свет и ты навек оставить.

С о р е н а

Об участи моей нимало не крушись.
Не смерти моя, бесчестия страшись.
Мой робостию дух себя не обеславит;
Не робость, месть теперь моей душою правит.
Когда б лишена средств спасти тебя была,
С весельем бы тогда с тобою умерла.
Но средство есть. Отмщю, хоть мщенья ненавижу.
Близ пропасти Замир, и в мщеньи зла не вижу.
Уж время избавлять себя от лютых бед!
Мне боги, мне любовь к тому покажут след.

З а м и р

Ах! можно ль, чтобы мы могли отмстить злодею,
Всего лишены, мы?

С о р е н а

Надежду я имею.

З а м и р

Надежду! в чем она?..

С о р е н а

В Сорениной руке.

З а м и р

Ты хочешь?..

Сорена

В бешенстве, в отчаянной тоске
И зря вокруг себя едины злость и муки,
В крови мучителя мои омывши руки,
Любезного, себя и страждущих граждан
От лютых зол...

Замир

Престань! идут...

Сорена и Замир

(увида Мстислава)

Се наш тиран!

Сорена

Настал жестокий час моей с тобой разлуки.

Замир

Будь ты тверда душой, а я готов на муки.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, Мстислав, Премысл и воины.

Мстислав

Открыла ли ему намеренья мои?

Сорена

Увы!..

Мстислав

(Замиру)

Коль хочешь ты продлить дни свои,
Так должен бога чтить российского народа.

Замир

Мой бог вселенной бог; закон моя свобода.
Иных законов я не буду знать вовек;
Торгует вольностью лишь подлый человек.

Мстислав

Необходимость всё на свете пременяет.

З а м и р

Великая душа сей крайности не знает.
Она всегда равна как в счастье, так в бедах.
Не власть тиранская ее приводит в страх;
В себе имея всё, она не знает плена,
Приводит в страх ее свободе лишь измена.

М с т и с л а в

Не ослепит меня высока речь сия.
Ты честолюбия такой же раб, как я.
Я власти над людьми достиг мечом и кровью;
Я страхом их сковал, ты ложной к ним любовью.

З а м и р

Прибавь, что я их друг, а ты мучитель их;
Что ты забыл людей в мечтаниях своих.
Я вольность их хранил; ты их привел в подданство
Чрез преступления, чрез лютое тиранство.
Ты, ближних и богов и честь и долг презря,
Для титла громкого, для имени царя,
На злодеяние дерзал и днесь дерзаешь;
Невинного казнишь, преступника лобзаешь,
Льсти внемлешь, гонишь честь и, позабыв себя,
Страшишься истины, тиранство возлюбя,
Тиранством славишься, народным стоном дышишь
И кровию людей свои злодейства пишешь.
Твои достоинства меч, казни и обман;
Кто ж больше — друг людей или в венце тиран?

М с т и с л а в

Коль так, ты сам себя на казни осуждаешь:
Ты сам Мстислава, сам к тиранству принуждаешь.
Влеките, воины, преступника от глаз!
В темнице смерть его...

С о р е н а

Злодей... о, лютый час!..

З а м и р

Пей кровь мою, насыть свою тиранску жажду!
Темница мне алтарь, коль в ней за честь постражду.

Умру, но не рабом живот окончу мой.
С свободой, гордостью, гнушаяся тобой. . .

Мстислав

Исчезни от меня, создание несчастно.

Воины окружают его и уводят.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, кроме Замира и пленных.

Сорена
(Мстиславу)

Замир!.. Лютейший тигр!.. чудовище ужасно!
Ты фурий превзошел в терзании людей!
Замир!.. о небеса!.. о боги!.. о злодей!..

(Упадает в креслы.)

Мстислав

Я гордости твоей преположу границу;
Не буду зреть в тебе любовницу, царицу;
Но варварку мою, тиранку и рабу,
Достойную сносить нижайшую судьбу.

Сорена

Рабу!.. Мстислав рабой Сорену зреть желает?

Мстислав

Не страстью уж Мстислав, но яростью пылает.

Сорена

Тиран! не льсти себя: готова всё презреть,
Угрозы, муки, казнь, умею умереть.
Когда отмстить врагу я силы не имею,
Рази... я покажу лютейшему злодею,
Как должно умирать за вольность наших чувств.
Без страха смерть вкусить дар свыше всех

искусств;

Неведом он тому, в ком царствуют пороки;
Он чужд тебе; твой дар кровавы лишь потоки,
Твое веселие рождать в народе страх;

Род человеческий без чувств в твоих глазах.
Тиран, заграбя власть в позор его же века,
Не человек, а тигр противу человека.
Казни! умру, к тебе презрением дыша.
Мой жребий стал иной; но та ж во мне душа.
Не убоюсь ввек чудовища вселенной.
Казни!.. или страшись любви раздраженной.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Мстислав, Премысл.

Мстислав

Что слышал я?.. И мне ль дерзнула угрожать?
Мстислав!.. Мстислав презрен!.. и медлит поражать.
Злодейка... нет уже во мне к тебе любви!..
Досаду я мою в твоей омыю крови!..
Премысл... мой друг! поди... и сей кинжал вонзи...
Вонзи в злодейску грудь... злу гидру порази...
И тем меня избавь от слабости и муки.
Постой... ах! в чьей крови велю омыти руки!
Исполни... предприял... тиранку погубя...
Умру... умру и сам!.. постой... я вне себя!..
Мятуся в страсти!.. рвусь!.. я разума лишаюсь!..
Премысл!.. о небо!.. я... я... сам себя гнушаюсь!

(Падает в креслы.)

Премысл

Се многих князь держав!.. се наш монарх отец!
Се тот, кому во власть полсвета дал творец!
Трепещет свет его, а он от страсти стонет!

Мстислав

Укоры, польза, долг, ничто меня не тронет;
Решился! мне любовь иной дает совет!
Сорена мне мила! Вот свету мой ответ!
Пренебрегаю всё — победы, славу, царство.
Коль власть не действует, употребим коварство:
Едва наступит ночь, представь Замира в храм;
Мстиславова судьба должна решиться там.

Когда душевного в Замире постоянства
Не мог поколебать я силою тиранства,
Так страхом божества потщимся в том успеть,
Обманом... Страстен я... и всё могу презреть.
Да веру в ужасе алтарь представит храма,
Свет томный, тишину, куренья фимиама,
Гробницу, вид Христа, кровавые черты,
Глагол из уст его... Премысл... трепещешь ты!

Премысл

Страшусь тебе внимать! Страшусь и убегаю!

Мстислав

Постой, злодей!.. тебя не меньше содрогаю!

Премысл

В какие пропасти тебя низводит страсть!
Или забыл, что есть твоей превыше власть?
Оставь, о государь, намеренье ужасно!

Мстислав

Оставляю... буду жить на то, чтоб жить несчастно,
Чтоб сладостных утех мне в жизни не иметь,
Чтоб страстью мучиться и вечно в ней кипеть:
С Сореной разлучась, разлукою терзаться...
С Сореной!.. что изрек! с Сореной мне расстаться!..
Не зреть ее очей! не зреть ее зараз!..
Нет, нет, исполни мой, исполни мой приказ.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет ночь.

ЯВЛЕНИЕ 1

Мстислав и два воина с свечами.
Мстислав выходит на сцену, а воины остаются у храма.

Мстислав

Приблизась к храму, я страшуся в храм войти,
Страшуся моего там бога обрести;
И ах! возможно ли мне бога не страшиться,
Коль именем его хочу на зло решиться?

Злодейский умысел мя в действо произвести,
Стремлюсь преобратить закон в коварну лесть;
Под видом святости, под видом рвенья к богу
Прокладываю вновь злой страсти лишь дорогу.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мстислав, Премысл.

Премысл

Исполнил твой приказ: Замир введен во храм.

Мстислав

И бездна адская отверзется мне там!
И слава навсегда побед моих затмится!
И имя моего ввек память посрамится!

Премысл

Коль чувствуешь сие, так умысел оставь;
Преодолей себя и прежний будь Мстислав.
Яви, что слабости не царствуют в герое.

Мстислав

Явлю, мой друг! коль дашь мне чувство другое;
Коль сердце извлечешь, то сердце из меня,
Которое, себя надеждою мапя
Замира ослепить и получить Сорену,
Дерзает и творцу соделовать измену.

Премысл

Но кои мнишь плоды с коварства ты собрать?

Мстислав

Престань мое, престань ты сердце раздирать.
Не вопрошай... хотя намерение дерзко,
Хоть знаю, что оно безбожно, гнусно, мерзко;
Но и гнушаясь им, я вслед за ним лечу;
Всё вижу... и всего я видеть не хочу.

Премысл

Но, чая ослепить Замира чудесами,
Сам ослепляешься, играя небесами.

Хоть в веру истинну и обратишь его, —
Не будешь ты вкушать плода и от того.

Мстислав

Нет! буду, коль Замир богов своих оставит;
К надежде тем моей он новый луч прибавит.
Сорену он тогда престанет чтить женой;
Он свой разрушит брак, прияв закон иной;
А страсть... любовь тогда получит права новы —
Мстислава увенчать чрез брачные оковы.
Всё примет вид иной. Замиру трон отдам
И с воинством моим пойду к моим странам.
Сорена будет мзда Мстиславовой щедроты;
В чем зрели б умысел, в том станут зреть доброты.
Усердие мое к закону моему
Наружный вид добра причину даст всему,
Заставит оправдать любовь мою к Сорене,
Сокроет слабости и право даст измене.
Мой выбор, мой союз похвалит целый мир,
И, новой верою смягча свой дух, Замир,
Другие восприяв и мысли и законы,
За возвращение отеческой короны
Обратно получа свободу и венец,
Сорену уступить решится наконец.

Премысл

Политика царей не есть закон коварства,
Но добродетели и целость государства.
Свет можно обмануть, но бога никогда.
Злодейство перед ним злодейство есть всегда.

Мстислав

Что, варвар, произнес в прибавок злой мне муки!
Коль я злодей... омой в крови моей ты руки!
Пронзи монарху грудь, лишь тем исторгнешь страсть,
Которая теперь творит мою напасть,
Бесчестие мое, бесчестие природы;
Несчастнейший монарх!.. о бедные народы!
Кому подвластны вы? кто даст примеры вам?
Злодейства судия творит злодейства сам.
Вот, власть, твои плоды, коль смертным ты законы,
Не скроют царских зол ни титлы, ни короны;

Но если и цари покорствуют страстям,
Так должно ль полну власть присвоивать царям?
Такое на себя монархов надеянье
Невольно их влекло нередко в злодеянье.
Невольно днесь и я, в руках имея власть,
Коварством льщусь теперь мою насытить страсть.
Хотел бы я в сей час последним быть в народе.

Премысл

Ты плачешь?..

Мстислав
Друг мой!..

Премысл

Плачь! дай полну власть
природе.

Героем создан ты, не обеславишь век.

Мстислав

Ах! в страсти и герой всё тот же человек;
Но должно: напряжем все силы мы душевны,
Предупредим позор и следствия плачевны.
Хоть страсть, лютейша страсть в крови моей кипит,
Я льщусь, что мой творец мне душу подкрепит.
Пойдем во храм. Замир да будет в том свидетель,
Что мне и в страсти злой любезна добродетель.

Премысл

И смертных превзойдет Мстислав победой сей!

Мстислав

Мой друг!.. Единый миг... и паки я злодей!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Премысл и Сорена, вступая на театр.

Премысл

Правитель естества! избавь его от страсти!
Умножь над слабостью его рассудка власти:
Да будет он в своем намерении тверд.
Яви, что к смертным ты и в гневе милосерд.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сорена

(одна)

Премысл!.. Се он вещал... он в капище сокрылся:
Так к мести путь уже Сорене отворился.
Правдива весть дана: мой враг, конечно, там,
Во храме. И ему гробницей будет храм.
Настал желанный час к отмщенью справедливу,
Чтоб душу наказать злодейству горделиву
И бедствия пресечь в отеческой стране.
О боги! вас прошу! поборствуйте по мне.
Любовь, отчаянье, опасность, страх, досады,
Вопль страждущих граждан, опустошенны грады
И казнь, сулимая драгому моему, —
Твердитесь теперь Соренину уму!
Все преступления, тираном сотворенны,
Вперяйтесь в чувства, любовью раздраженны!
Вся сила ярости потребна мне в сей час;
Но в сердце уж проник ее ужасный глас.
Объята ею мысль и кровь воспламененна,
Со всеми чувствами она соединенна!
Умри! тиран, умри!.. Замир! спасу тебя,
Но если враг тобой насытил уж себя,
Коль слух о том не лжив... бегите, мысли люты,
Бегите от меня!.. Мне дороги минуты,
Спасти любезного иль за него отмстить —
Вот всё, надежда чем должна теперь мне льстить!
Вот сердца моего прямое ощущение!
Убийство подвиг мой, венец мой отмщенье!..
Да сниду... Некто вшел!.. Ужель спасется враг?

ЯВЛЕНИЕ 5

Сорена, Зенида.

Зенида

(в конце театра)

Везде ужасна тьма!.. объемлет душу страх!
Где скрылася она?.. Царица, ах! несчастна!

Сорена
Зенидин слышу глас?..

Зенида
(приближаясь к Сорене)

О ночь! о ночь ужасна!

Сорена
Зенида... ты ль со мной?..

Зенида
Сорена?.. небеса!..
Зачем ты здесь?.. Увы!..

Сорена
К отмщенью жду часа.

Зенида
О боги!..

Сорена
Способов к спасенью не имея,
Хочу моей рукой пронзить я злодея.

Зенида
Что предприняла ты?.. о ужас!.. о напасть!..

Сорена
Любовь к отечеству, мой долг, к Замиру
страсть! —
Пред целым светом мне послужат в оправданье.
Тирана истребить есть долг, не злодеянье,
И если б оному внимали завсегда,
Тиранов не было б на свете никогда;
Имел бы на земли закон единый царство.
Вина их бытия: тщеславье и коварство.
Вина их торжества: безумие и страх.
Но где рассудок цел, где мужество в сердцах,
Где рана общая есть собственная рана,
Недолго слышно там название тирана.
Злодейство ль учиню, Мстислава погубя?
Иль варварство его не вредно для тебя?

Или бесчувственна к стенанью ты народа?
Без сердца ли тебя произвела природа?
Коль нет, должна ли ты царицу отвращать
От твердого ее намеренья отмщать?
Не ужас представляй к намеренью Сорены.
От робости твоей не будет в ней премены.
Но ах! представь ты ей несчастье ее:
Представь растерзано отечество свое,
Градov развалины, домов опустошенье,
Родни, друзей, граждан всеобщее лишенье;
Представь на мысль ее текущую их кровь,
Их трупы, члены их, — представь те бедства вновь,
Которы были нам тираном причиненны,
И после ты представь, к чему мы осужденны,
Что впредь для бедствия готовит нам тиран.
Тронь слух Соренин, тронь оковами граждан.
Припомни, что они соделаны рабами,
Что варвар нашими гнушается богами,
Что хочет в новую нас веру обратить,
Что хочет... ах, тиран!.. Замира погубить!
И погубил уже... мне сердце предвещает!
Замир из гроба мне «отмсти... отмсти» вещает.
Пойди... пойди... узнай, во храме ли злодей,
Могу ль туда идти за жертвою моею.

Зенида уходит.

Предчувство некое!.. мой дух!.. я содрогаю!
Но смерть Замирова!.. всё, всё пренебрегаю!
Уже готов кинжал... и ужас удален!
Очам моим предстал Замир окровавлен.
Я раны зрю его... внемлю его стенанье,
О мне его, о мне последнее вздыханье!
Замир!.. увь!.. одну твою объемлю тень!
Пожди, драгой! к тебе едина мне ступень!
Пронзя тирану грудь, соединюсь с тобою;
Но если ты спасен от рук его судьбою,
Какое счастье Сорена ощутит!
Нет, нет! судьба мне здесь тебя не возвратит.
Противу нас она всей злобой ополчилась,
Навеки я с тобой в сем мире разлучилась!

ЯВЛЕНИЕ 6

Сорена, Зенида.

Зенида

Отверста трапеза, и никого в ней нет;
В середине капища лишь виден томный свет,
И если не мечта, не страх тому причиной,
Так был мне слышен там Мстиславов глас единый.

Сорена

Пойдем! уж время мне тирану смерть нести;
Молись, но бог тебя не может уж спасти:
Не внятно небесам коварных душ моление,
В устах твоих Христос, а в сердце преступленье.
Привыкши в гордости себя за бога чтить,
Ты мыслишь своего и бога обольстить,
Но тщетно: скоро ты погибнешь и с обманом:
Рука моя с тобой поступит как с тираном.
Очистится земля от лютости твоей.
Не здесь, во Тартаре престол тебе, злодей!
Пойдем, избавимся бесчестья и позора.
Пойдем!.. отмстим!.. Замир!.. мне тень твоя
подпора.

(Уходит.)

Зенида

(одна)

Постой!.. как молния сокрылася от глаз!..
Объемлет страх меня!.. дрожу!.. ужасный час!
Ужасные мечты!.. о бедная царица!
Погибнет и тиран, погибнет и убийца!
К спасенью твоему ни малых видов нет,
Я слышу шум!.. идут!.. увы!.. никто нейдет.
Всё кажется!.. всего душа моя страшится!
Предчувствие мое, конечно, совершится!
Узнают умысел!.. узнали!.. небеса!
Гоните бег сего ужасного часа!
Нет!.. нет!.. идут!.. идут!..

ЯВЛЕНИЕ 7

Сорена, Зенида.

Сорена
(с кинжалом в руке)

Где я?

Зенида
Сорена... Боги!..

Сорена
Где я!.. куда иду!.. мои трясутся ноги!..
Охладенела кровь!.. Зенида!.. нет ее!..
(Садится в креслы.)

Зенида
Я здесь, невозмоги смятение свое!
Что совершила ты?..

Сорена
(встав)
Тирану отомстила.
Но ах!.. когда к нему... Сорена приступила,
Смешенный с жалостью... почувствовала страх.
Дрожала я... ослаб... кинжал в моих руках.
Представь... меня... в дверях у капища стоящу,
Досадой, мщением и яростью кипящу.
Но скоро вышел враг, пред ним Премысл, по нем
Познала лишь врага в смятении моем.
Свет томный от свечи... в обширности чертога,
Различны чувства... души моей тревога —
Мешали мне узнать Мстиславовы черты.
Казалось мне... увы!.. Приятные мечты...
Казалось мне... что зрю... Замира пред собою.
Смягчался дух во мне... единою мечтою;
Но вспомня, что Замир... тираном умерщвлен,
Скрепилася... мой гнев стал паки обновлен.
Поднявши мой кинжал... тирана поразила.
В злодейску грудь его я весь кинжал вонзила!
Он пал... я скрылася... Премысл бежал за мной,
Но старость лет его... Зенида... я с тобой.

Зенида

Уйдем отсель, уйдем.

Сорена

Уйти?.. чего страшиться?

Отмстила я, и дней мне долг велит лишиться.
Замира нет уже...

Зенида

Но ежели он жив?..

Сорена

Дошедший слух ко мне не может быть лжив.
Об истине его мне сердце предвещает,
Надежды более оно не ощущает,
Оно наполнено грызущею тоской.

(Скрывает кинжал.)

Я слышу шум!.. чей глас!.. что сталося
со мной!

Мстислав

(за кулисами)

Не скроется злодей... чертоги осветите.

Сорена

Чей глас?.. трепещет дух!..

Зенида

О боги! защитите!

ЯВЛЕНИЕ 8

Сорена, Мстислав, Премысл, Зенида и множество
воинов с пламенниками.

Сорена

Мстислав!.. несчастная!..

(Упадает в руки Зениды.)

Зенида

О небо!..

Мстислав

Что я зрю?..

(В сторону)

Сорена!.. чем ее несчастье предварю?

(Сорене)

Зачем ты в сих местах... несчастная царица?
Здесь кроется злодей... здесь кроется убийца.
Страшись его!..

Сорена

Ты жив: убийцы не боюсь,
Ты жив, и жизни я с охотою лишусь.
Жилище в аде мне назначено судьбою;
Оставь все поиски... убийца пред тобою.

Мстислав

Что слышу? Правда ль то?

Премысл

О лютый рок!

Сорена

Отмщай.

Сореной варварство, Сореной насыщай.
Когда вместо я тебя, тирана злого,
От пагубной судьбы пронзила, ах! другого,
Когда ты был спасен, мучитель, от небес, —
Карай меня, губи, надежды луч исчез.
Жить больше не хочу... жить мерзко для Сорены!
Терзай меня и рви мои на части члены.

Мстислав

Терзать... тебя терзать? несчастная!.. познай...
К удару смертному себя приготавливай!

Сорена

Готова я на всё...

Мстислав
Твой разум заблужденный
Считал, что мной Замир, ко смерти осужденный,
Скончал уж свой живот; но он... он жив еще...

Сорена
Что слышу? небеса!

Мстислав
Ты мстила мне вотще.
Хотя моя душа поднесь тобой прельщенна,
Но ты уже... ты мной Замиру возвращенна.
Решась... сказав ему: Сорена уж твоя,
Мой дух вострепетал и чувств лишился я.
А он, от радости в сей счастливой премене,
В минуту бросился с известием к Сорене.
Но ах!.. твоя рука!..

Сорена
Так жертва?..

Мстислав

Пред тобой.

Зри умыслов плоды.

При сих Мстиславовых словах воины разделяются, и отверстая дверь показывает Замира умирающего, которого поддерживают воины и потом выводят его на сцену.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мстислав, Сорена, Замир, Премысл, Зенида.

Сорена
(трепеща)
Замир!.. он мертв!.. и мной!..
(Упав без чувств)

О злодеяние!..

Замир
Он жив!.. еще он дышит...
Он счастлив... глас еще... своей любезной слышит...

Довольно сил на то... оставлено ему...
Чтобы простить... увы!.. убийце своему,
Чтобы в последний раз... в сию минуту слезну
Облобызать свою преступницу любезну.

Мстислав
(бросаясь к ногам)

Объятый жалостью, раскаяньем, стыдом,
Быв добродетели гонителем, врагом,
Паду к ногам твоим, гнушаясь сам собою.

Замир

Дав слово соединить супругу ты со мною,
Загладил все вины... не на меня взирай,
Сорену зри без чувств... и помощь ей подай.

Мстислав

Бегите!..

Сорена
(приходя в чувство)

Всё твое... напрасно... попеченье...
(Бросаясь к Замировым ногам)

Замир!.. возлюбленный!

Замир

Не множь мое мученье.
Спокойся... и живи... отечество любя.

Сорена
(восстав)

Мне быть спокойною!.. мне жить, пронзя тебя?
О, варварство!.. но я укору сей достойна,
Советуй... мсти мне... да... да... я теперь
спокойна...

Без страха... радостно иду я в вечну ночь.

Замир

Мстислав... предупреди!..

Мстислав

Что хочешь ты?..

Сорена

Прочь, прочь.

Уж смерть в моих руках... все силы презираю,
Замир!.. смотри... тебя я прежде умираю.

(Закалывается.)

Мстислав

(бросаясь к ногам ее)

Сорена, я пресек твои цветущи дни...

Замир

О небо! вынь мой дух и с ней соедини.
Будь половцам отец, я их тебе вручаю,
Будь им другой Замир... прости... я жизнь кончаю.

Мстислав

Мой друг! и ты уж мертв!.. Что, боже, медлишь ты?
Карай меня, губи, грянь с горней высоты...
О чем молю?.. уж ад я в сердце ощущаю!
Ад совесть мне... себе я ею отомщаю.
Зри плод злодейства!.. ты в невинных меч вонзил.
Сорена!.. тень твоя!.. тиран!..

(Упав в руки воинов)

Лишаюсь сил!

**ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ
НАРЕЖНЫЙ**

Василий Трофимович Нарезный родился в 1780 году в местечке Устовицы, Миргородской сотни, Гадячского повета. Отец его был мелкий шляхтич.

Первоначальное образование Нарезный получил, как предполагает Н. Белозерская, в черниговской семинарии.¹ В 1792 году Нарезный был отдан в гимназию при Московском университете.

Через шесть лет Нарезный был принят в число студентов университета и, согласно тогдашнему уставу, в течение года проходил общий подготовительный курс. По окончании этого курса, называвшегося курсом «словесных наук», Нарезный поступил на философский факультет.

В годы пребывания в университете Нарезный начал печататься. Его первые произведения были опубликованы в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехи любословия». В первом журнале появились в 1798 году принадлежащие Нарезному переводы, а также оригинальные стихотворения на исторические темы («Брега Алты», «Освобожденная Москва»), проникнутые патриотическими настроениями. Во втором журнале была напечатана в 1800 году трагедия Нарезного «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова».

В октябре 1801 года Нарезный, уволившись из университета по прошению, поступил на службу при вновь назначенном тогда правителе Грузии Коваленском. Впечатления, вынесенные Нарезным из пребывания в Грузии, легли в основу сатирического романа «Черный год, или Горские князья». В этом романе подвергнуты резкой критике управлявшие Грузией царские чиновники и грузинская знать. Он вышел из печати лишь в 1829 году, после смерти Нарезного.

В 1803 году Нарезный переехал из Тифлиса в Петербург и поступил на службу в министерство внутренних дел. В 1804 году была

---

¹ См.: Н. Белозерская. Василий Трофимович Нарезный, ч. 2. СПб., 1896, стр. 6—8.

напечатана трагедия Нарезного «Димитрий Самозванец», написанная еще в 1800 году. Кроме «Кровавой ночи» и «Димитрия Самозванца» Нарезный написал еще несколько крупных драматических произведений в романтическом духе. К ним принадлежит прозаическая пьеса «День злодейства и мщения», опубликованная без подписи автора в седьмой части «Иппокрены» за 1800 год (здесь «благородный мститель» Черномор вместе с казаками и крестьянами наказывает жестокого польского помещика за его зверства, закапывая его живым в землю), а также трагедия в пяти действиях «Мертвый замок» (1801), обличающая деспотизм (напечатана не была¹). По свидетельству Н. И. Греча, Нарезным также написаны пьесы: «„Елена“, трагедия в обыкновенных шестистопных стихах», «„Светлосан“, трагедия в таких же стихах», «„Святополк“, трагедия, писанная, в подражание Шиллеру, пятистопными белыми стихами».² Последняя была в 1806 году запрещена театральной цензурой, так как цензура сочла неприличным выводить на сцену князя Владимира, считавшегося святым.

В мае 1807 года Нарезный перешел на службу в Горную экспедицию. Получив больше досуга и оказавшись в лучших материальных условиях, чем на службе в министерстве внутренних дел, Нарезный усиливает свою литературную деятельность. В 1809 году выходит в свет первая книга его повестей, написанных на исторические темы, — «Славянские вечера». В 1814 году появились первые три части романа «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова». Последующие три части романа были запрещены цензурой. Это запрещение нарушило планы Нарезного, мечтавшего целиком отдаться литературе. Он возобновил свою служебную деятельность, прерванную в 1813 году. Но писатель упорно продолжал трудиться над созданием новых произведений. За «Российским Жилблазом» последовали роман «Аристион, или Перевоспитание» (1822), «Новые повести» (1824), знаменитый роман «Бурсак» (1824) и повесть «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825).

В сентябре 1821 года Нарезный прекратил свою службу в инспекторском департаменте при Главном штабе, где служил с 1815 года, и окончательно вышел в отставку.

Умер Нарезный 21 июня 1825 года.

---

¹ Текст хранится в Государственном историческом музее.

² «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. Изданы Николаем Гречем». СПб., 1812, стр. 447.

КРОВАВАЯ НОЧЬ, ИЛИ КОНЕЧНОЕ ПАДЕНИЕ ДОМУ КАДМОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Этеокл, царь Фивский	}	дети Эдипа от Иокасты.
Полиник, брат его		
Антигона		
Исмена	} сестры их	
Креон, брат Иокасты, дядя их.		
Евридика, супруга его.		
Адраст, царь Аргивский.		
Полив.		
Стражи, вестники, народ.		

Действие в Фивах на площади и за стенами на поле.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Народная площадь. Народ, собравшийся перед чертогами Этеокла. Креон и Антигона выходят на площадь.

1

Хор

Беда вослед беде!
Рок фивян язвоносной тучей
Простерся крыльями над градом
И сыплет бедствия
Железною рукою. С тех,
С тех самых пор, как Кадм,
В степях блуждая диких,
Орал судьбу фивейцев

И не дракона зубы —
Фивейцам слезы сеял; с тех,
С тех самых пор, как Амфион
Сладчайшим лирным звуком
Дал твердым камням жизнь
И вокруг поставил пышна града, —
С тех пор карает небо нас.
К Олимпу в тучах шлются стоны,
И Тартар полон наших теней.

И днесь, когда несчастный,
Лишенный зренья старец
После ревущих громов,
После палящих молний
Возлег при Колонее,
И днесь взгнетился пламень
Всеобщего паденья.
Уже и над его могилой
Камыш сребристый вырос;
Качая звонкою головкой,
Вещает странникам:
Эдип уж прах!
Уже завяли розы и яцинты,
Рукою дочери насажденны:
Но Этеокл, Полиник
Слезами, потом, кровью фивян
Их паки оживляют.
Падет несчастный град, и волны
Свирепых бедствий от лица
Земли его изгладят.
Усталый путник, проходя
И видя средь развалин гордых
Полынь растущую и змей,
Гнездящихся у наших прахов,
Вздохнет: «И это были Фивы!»

К р е о н

Так, фивяне! так, так! Судьба карает
Несчастный Кадмов дом. — Полиник,
Сей хищный, дерзкий возмутитель, сей
Честолюбивый тигр, что вашей кровью
Кипящую челюсть прохлаждает, — днесь

Покрыл кровавой тучей горизонт
Прекрасного фивейска неба и —
Мечтает вашим быть Эдипом. Но
Я должен вам сказать: он прав! народ!
Он прав! — Я от стыда отворочусь —
И покраснев — я дядя им обоим;
И пожалев — я дядя им обоим;
И плача — я фивейский гражданин;
Скажу: он прав! —

Эдип оставил так!

Сей изнуренный несчастливец, как
Узнал свою судьбу и сам своих
Законов сделался невольником, —
Велел — он вашим был еще царем, —
Велел, чтоб Этеокл, Поли́ник,

Погодно правя Фивским царством,
Исполнили свою судьбу. — Так было.
Что бедственнее царству может быть,
Как всякий год иметь царя! Один
Начнет, другой то всё оставит и
Цветуще древо посечет. Постигнул —
Постигнул Этеокл — и, — фивяне! не для
Блистания венца и диадемы, —
Для вас, для ваших чад и ваших внуков,
Для счастья фивян — отказал. Поли́ник,
Воспитанник Адрастов, друг, склонил
Аргивянина легковерна, — и полки
Его обстали фивски стены. — Боги!
Цари Олимпа! неужель за гордость,
За буйство одного мы будем все —
Мы, мужи, старцы, дети, — будем лить
Потоки слез и реки — крови? . .

Антигона

Креон!

Но прав ли Этеокл? исполнил ли
Отцово завещанье? О! он, изверг,
Забыл, как страждущий Эдип, лишенный
Надежды, бодрости — и падши под ударом
Свирепья судьбы — рыдал — рыдал —
И при последнем миге царска сана
Вещал: «Полиник! Этеокл! я гибну. . .

Так быть! того желают боги —
Гублю народ — и это огорчает
Последнюю минуту жизни! Если
Я бедствие навлек на фивян; если
За преступление царя они
Несут со мною казнь, — то дети,
Полиник, Этеокл, соделайте — отец,
Погибший ваш отец вас молит:
Соделайте их участь лучшею
И облегчите тяжесть зол моих!»

Креон

И тот, кто столь был мудр, что мог
Решить загадку Сфинкса,

(ругательно)

тот

Не видел, что у нас нет солнцев двух;
Иначе, съединясь своим палящим
Огнем, они сожгут всю твердь или
Друг в друге пламень уничтожат.

Антигона

Но

Неужли свет луны не сладостен?
Она склоняется от взоров братних;
И как он, утомленный, сидит
В пучины Амфитриды — тут
Взойдет она — и свет ее любезен!
Так точно Этеокл мог с братом
Меняться царством — и всяк, видя,
Сказал бы: «Кастор так и Полмуks
Меняются на тверди!»

Креон

Антигона!

Но кто внушил тебе слова сии?

Антигона

Любовь к отечеству.

Креон

Отечеству?

Антигона

И к брату моему.

Креон

Злодею?

Антигона

Благоговение к любезной и
Священной памяти родителя
Эдипа. — Ты клеветешь; брат
Иокасты, дядя мой клеветет
Несчастну память добродетели
И мечет на него проклятья. — Если
Твой Этеокл не для себя, не для
Блистания венца, могущества,
Тиранской власти, — если он
У брата хитит скиптр для блага
Фивейцев — и днесь зрит, что тем самым
Наносит бедство им, льет слезы, кровь, —
То для чего твой Этеокл не снимет
С себя короны? для чего он,
Человеколюбивый князь сей, для
Чего не возвратит венца и скиптра
И счастья фивян? Так, Креон, так! он
Человеколюбив; он плачет над
Убитым трупом и велит на место
Его идти под меч десятерым.
Смотри вокруг себя, смотри! Вот старец —
Он рубищем покрыт; смотри другой —
Он бос, с открытой головой на солнце;
Вот третий — видишь, третий плачет, а
Зачем — зачем? — твой Этеокл, радея
О счастье их, на поле битвы вывел
Сынов их, и лишил их пищи,
Одежды и спокойствия!

Креон

Царевна!

Отец твой так, Эдип, не говорил
Со мной. Я дядя твой. . .

Антигона

Я дядю чту

В тебе — злодея ненавижу!

Креон

Но,
Как если силу я употреблю
И дерзости твоей скажу границы —
Опомнишься! — но поздно.

Антигона

Нет!
Нет! дух отца тогда призрит ко мне;
Он улыбнется, руку даст — спасет. . .
Но вы! улыбки сей, как молнииной, —
Улыбки — изверги! — не пренесете.

2

Прежние. Евридика и Исмена.

Евридика

Супруг! или не слышал ты трубы,
Звучащей брань? Уже герольды
Велят составить ряд — уже вожди
Воссели на коней и копыя взяли —
Жрецы моленья шлют к Олимпу. . .

Антигона

Так
Настал свирепый час? и братня кровь
Прольется?

Евридика

Но миценские послы
В чертогах царских ждут тебя. — Явись
Пред ними.

Креон уходит с Евридикою.

3

Хор

Владетеля Олимпа
Великий, грозный сын —
Арей! склонись к фивейской
Невинной стороне.

Дай силу ей и мощность,
Дай бодрость ей твою,
Да поразит аргивцев
Подле фивейских стен.

Падет иноплеменник!
И внукам возвестит,
Сколь тягостно сражаться
Против тебя, Арей,
Великий, грозный сын
Владетеля Олимпа!

И с м е н а
Мы взойдем на стену —
Посмотрим, как Эмон разить врагов
Аргивских станет; как...

А н т и г о н а

Ступай!

И с м е н а
А ты? неужли без веселья будешь
Смотреть на храбрость жениха? Сестра...

А н т и г о н а

Он не жених теперь. — Его отец
Убийца наш!.. Сестра!

(С горячностью схватывает ее за руку и вдруг опускает)

Но нет, нет! ты,
Ты так спокойна, так рука твоя
Холодна; нет ни капли крови для
Полиника?

И с м е н а
Для этого убийцы?

А н т и г о н а
(долго смотрит ей в глаза)

Исмена! помнишь ли еще отца?

И с м е н а
О! он не выйдет никогда из сердца
Сей дочери своей!

Антигона

Ты помнишь ли
Несчастный опый час — при Колонее —
Когда нас трое — я — и ты — и он...

Исмена

Когда ревел перун...

Антигона

Лились потоки
Губящих молний в небесах...

Исмена

Когда
Казнящая Немезис, с взором буйства,
С бичом постигла старца...

Антигона

Как,
Лишенный зрения, отягощенный
Печалью, скорбию, отчаяньем,
Пал и дрожащими устами рек:
«Исмена! Антигона! не забудьте
Советов старца и отца! Любите
Друг друга! и тогда мой дух,
Блуждая в пропастях неизмеримых,
С улыбкою над вами станет».

Исмена

Так!
Так! Так! «Когда же, — он вещал, —
когда же
Вы будете вражду питать друг к другу...»

Антигона

«Тогда моя печаль удвоится —
Я буду цепи влечь — оковы; буду
Страдать и мучиться».

Исмена

Ах! — так; но —
Но братья наши...

Антигона

Беззаконный,
Преступный Этеокл всему виной.

(С нежностью)

Сестра! взойдем на стену мы — взойдем,
Посмотрим на Полиника: когда
Увидим, что он ослабнет в мышцах —
Когда над ним взвьется братний меч
И отразить его не в силах будет, —
Тогда, Исмена, мы к нему вскричим:
«Полиник, брат! за Фивы и за нас!» —
Он, верно, будет слышать, верно, будет;
Наш взор придаст ему отважности;
Он отведет удар. Пойдем!

Исмена

Пойдем!

Антигона

Подай мне руку.

Исмена

На.

Антигона

Я прежде не
Могла любить тебя — всегда казалась
Я для тебя чужой; теперь...

Исмена

Теперь...

Антигона

Опять сестры мы —

(обнимаются)

и Эдипа дочери!

Пойдем!

Идут на стену; в некотором отдалении множество народу.

Уже готово всё, и скоро кровь
Аргивцев и фивейцев напоит
Сухую землю.

Молчание.

И с м е н а

Скоро ляжет полк
Бездушных трупов — их щитов и копьев
И стрел обломки — всё засеют поле.

А н т и г о н а

Смотри на запад — там вдали — вдали —
За той лесистой крутизною — там —
    Между кустарников еловых —
Смотри полки волков — они напьются
Фивейской крови; вои их наполнят
    Отзывом страшным Фив руины.

И с м е н а

На юге — там — простерлась туча черна:
То чернокрылы, плотоядны враны
Летят терзать бездушны трупы — ах! . .

Звук труб.

А н т и г о н а

Ах! ах! уже подвиглися — идут!
Смотри — сближаются фивейцы со
Аргосом: скоро — скоро. . .

И с м е н а

    Кто. . . смотри, сестра, —
Кто тот ужасный вождь? — его полки
Как тигры голодные, — он хищный лев!

А н т и г о н а

Конечно, дальних стран — Кавказских иль
Рифейских, — там, где вечны льды. . .

И с м е н а

И в голове — и в сердце лед. . .

Где лед

Антигона

Конечно, скиф или сармат свирепый...

(К подле стоящему старцу)

О старец! приступи —

(с удивлением)

ты плачешь?

Старец

Плачу —

Я плачу о сынах Эдипа.

Антигона

Так!

Всегдашни слезы возвещают об
Эдипе, — память чтут его слезами;
Но горе — горе, коль клянущими
Слезами!

Старец

Зевс и весь Олимп меня
Да поразит, когда я несчастливца
Виновным клятв почту, — он только что
Несчастлив.

Антигона

Только, только что несчастлив.

Но ты поведай нам, коль ведаешь, —
Кто сей ужасный вождь? кто он? оң пеш,
С дубиною в руке — подобен сыну
Зевса и Алкмены; кто?

Старец

Тидей свирепый,
Энеев сын; он весь облит железом,
И под его ногой тяжелой стонет
Земля.

Исмена

А это кто? он виден — там —
По правую страну седого старца,
Покрытого священным покрывалом;

В задумчивости он своей подобен
Луне в затмении.

Старец

Гиппомедон.

Антигона

А видишь ли там — посреди стоящих
Высоких копьев — кто? его суровый,
Свирепый взгляд дрожать заставит воев!

Старец

Партенопей.

Исмена

А сей — что на копье
Склонясь стоит, как дуб, навесясь
Над пропастию водною?

Старец

Капаней.

Антигона

А этот? — так! так это вождь аргивский!
По сединам его, по лаврам и
Златой короне — всяк узнает в нем
Адраста добродушного.

Старец

Так, он!

Уже зима холодною рукою
Покрыла инеем главу его —
Уже допрядывает нить Лахеза,
Но он еще здоров.

Антигона

И скор к защите.

Великий, благородный старец! ты —
Ты враг нам, но я чту тебя;
Ты кровью фивской кропишь поля
Фивейски, но ты спас царевича —
Ты принял в дом к себе изгнанного

Полиника и днесь ему желаешь
Похищенный отдать престол. Великий,
Великий человек!

И с м е н а

Но где ж Полиник?
Где главная пружина битвы? иль
Он не явился, в ставке дремлет?

С т а р е ц

Смотри, Исмена, и ты, Антигона,
Смотрите — видите ль вдали гробницу,
Воздвигнуту в честь Кадму? видите ль —
Вы видите ль траву, поросшую
Со всех ее сторон? там сплелся терн
С шиповником, и едкая полынь
Гнетет фиалку; — там стоит — узнайте —
Кто он? склонив главу к гробнице —
Неколебим стоит; — возле него
Вонзенное копье, и ветер бунтует
В его власах? кто он?

А н т и г о н а

Ах! из одной
Черты я узнаю Полиника; готовясь
К сраженью — плачет он; рыдает
Об ослепленьи брата! так — слезами
Кадм Фивы основал, слезами
Они питались — и падут слезами.
Се участь наша!

Молчание.

С т а р е ц

Участь наша!

Молчание.

А н т и г о н а

И

Сия ужасна дума отравила
Последний час Эдипов; он готов
Был умереть. «Преступник был я, — рек
Он к нам, — и боги казнь мне шлют; за что ж

Страдает мой народ? за что?» — он говорил —
И плакал, — и мы плакали — Исмена,
И я, и он — и все мы плакали. —
Но, старец! ты, мне кажется, пред всеми
Берешь участие в нас, в несчастии
Эдипа и детей его! Фивейцы
Рыдают — но о чем? о бедствии
Своём; но ты — ты плачешь о судьбе
Эдипа! или ты пред прочими
Облагодетельствован был?

Старец

Царевна!

Царевна добрая! я боле — боле
Знал твоего отца, чем фивяне,
И оттого-то плачу.

(Выразительно)

Может быть,
Эдип не сделался б преступником
Против богов и человек, если б
Я — я, несчастный старец, к сожаленью,
Судьбы его — не проложил пути.

Антигона

Старик! ты говоришь загадку; я
Тебя совсем не понимаю.

Старец

Ты

Поймешь ужасную загадку и,
Быть может, на меня возропщешь; может
Быть, проклянешь меня — и это будет
Достойно: я виною был, что царь
Эдип достиг оракулова предвещанья;
Когда б не я — он не был бы супругом
Иокасты; не родил свирепых бы
Сынов; небесный гнев нас не постиг бы
Ужасной язвой, — и теперь бы Фивы
Цвели в спокойствии, как роза в Темпе;
Я сделал всё сие.

Антигона

Чудовище!

(Отступает назад и смотрит на него с диким недоумением.)

Чудовище! всё это ты... злодей!

Старец

Я — я. Но если бы не так — то ты,
Исмена, и весь царский фивский двор
Не видел света бы дневного.

Антигона

Так ты —

Бесчестный клеветник...

Старец

Моим стараньем

Вы воздухом дышите.

Антигона

Пусть бы, пусть бы

Я не рождалась в свет, пускай бы
Не видела тебя, светило дней,

Тебя, светило ночи; — пусть бы
Лежала вечно я в утробе, как
Незродившееся семя внутри
Земли, — чем видеть мать, отца и братьев
В ужасном бедствии. — Но как — как мог
Ты, бедный, беспомощный старец, всё
Так сделать? — я до сих пор не пойму тебя.

Старец

Виною был я, но виной
Безвиной; слушай — и

(с горестью)

суди! Судьба,
Толь бедственно гоня несчастна Кадма,
На чадах чад его и внуках внуков
Остатки ярости излить желала —
И Лаий от Феба получил, что сын

Его, единокровный сын лишит
Престола, жизни, чести — и, взошед
На брачно ложе матери своей,
Иокасты, ей родит детей. — Сия
Ужасна весть сразила Лаия, — и
Он повелел новорожденного
Казнить; — но мать, Иокаста, не терпя
Текущей видеть крови, поручила
Надежну воину убить его, — и сей, жалея
Младенца кровь пролить, повесил
На ветви дуба: «Он и так умрет», —
Сказал он и, не внемля воплям
Младенца, — удалился. — Видите ль,
Как всё устроено коварною
Судьбою? — Тут она
Управила мои стопы; ища
Заблудшего ягненка, я нашел
Младенца в самом горьком положеньи.
Умилосердился — и взял к себе.
Там грудью он жены моей питался
И рос к погибели своей, супружней
И всех вас; но я невиновен —
Я пастырь — и не знал велений царских.

Антигона

Нет, добрый и великодушный старец!
Не виноват ты — дай мне руку,
Соединим мы слезы и мольбы
К богам, да пощадят невинного —
Несчастливого Эдипа.

Исмена

(которая до сих пор, не занимаясь сестрою, смотрела на поле битвы)

Смотрите, уж сошлись ряды, и битва
Настала. Боги, как ужасно!

Антигона

Ах,
Исмена! удалимся — не могу
Смотреть на братню кровь.

И с м е н а

Ступай, а я

Останусь.

А н т и г о н а

Старец! Ты водил Эдипа
На помочах — теперь ты дочери его
Поможешь — ах! сойдем, сойдем. Ужасно!
Звук труб и литавр.

С т а р е ц

(подает ей руку)

Пойдем, царица! удалимся; ты,
В высоком сидя тереме с супругой
Креона, Евридикой, можешь видеть
Ужасное сражение братьев.

(Уводит Антигону.)

4

Х о р

О ты, верховный Громовержец!
Зевес и весь Олимп,
Излейте благость
На чад Кадмейских! Ах!
Мы долго плакали — но дайте, дайте
Нам ныне улыбнуться.
Мы тщетно кровь лием,
Мы тщетно жизнь губим —
И наши главы,
Как посеченны ветви
Младого дуба,
В пыли валяются.
Без помощи отцы,
Без пропитанья жены,
Их груди высохли.
Ища млека, младенцы
Пиют их слезы:
Умилосердитесь!

Даруйте силу воям,
Да поженут аргивцев,
Да поразят аргивцев
И прах их по полям фивейским
Развеют вихрем.
Хор идет на стену.

СЦЕНА ВТОРАЯ

1

Хор
(на стене)

Кто видел, как воздушный столп,
На море стоя, волны давит?
Винтом подьѐмлет мрачну бездну
И пену хлещет к облакам?

Так Агеноров сын,
Из дому праотцѐв изгнанный,
С дружиною своѐй ходил
В пустынях древняя Эллады,
И где теперь Фивейски грады,
Где пышны Фив чертоги,
Там были степи непроходны —
Берлоги хищных всех зверей.

Сражался он со львами,
Сражался он с людьми;
И наконец достигнул
Беотии лесов.

Тогда подземны боги,
Ревнуя славе мужа,

Дохнули адом —
И Марсиас родился.
Он целый лес окинул
Чешуйчатым хвостом
И раменами двигал
Утесы и скалы.

Как буйных ветров вое —
Таков его был свист;
Как яркий пламень рдяный —
Таков огонь очей.

Беотия рыдала,
Защитника прося;
Ее услышал стоны
Сюда прибывший Кадм.
«Кто может стать со змием?
Кто змия победит?» —
Гласила Слава сильным,
И Кадм потек к нему.
Копье его казалось
Иглистою сосной;
Он шел к пещере змия,
И холмы ныли под пятой! —
Почул свою годину
Необоримый змей;
Он яд излил рекою,
Глазами жег траву.
Трикраты Кадм подвигнул
Копьем вокруг главы;
И в пасть его кроваву
Стремительно вонзил.
Тогда из челюстей пещерных
Небесный слышал глас:
«Возьми ты плуг алмазный
И землю изори;
Возьми ты зубы змея,
И ими здесь засеи».
Тут взял он плуг алмазный
И землю изорал;
Исторгнул зубы змея,
Засеял ими грунт.
Мгновенно из утробы
Холодные земли
Родились мужи сильны,
Покрытые броней;
Они родились бранью,
Скончали бранью век —
— То вы ли, их потомки,
Ослабнете в бою?
Вспомните, фивейцы,
Над вами Кадм теперь —
Златою полосою
Невидимо парит;

Он ждет от вас геройства
И мужества в сей час;
Сражайтесь, чада фивян!
Сразите аргивян!
Отцы, мы к вам взываем,
И сонмы матерей.

2

Антигона и Полив, приходят на площадь.

Антигона

Как! в стан аргивцев ты идешь — идешь
К Полинику?

Полив

Иду, иду! я дни свои
Отважу для него. Он здесь найдет
Сподвижников своих. — Сюда-то я
Препровожу его. В чертогах царских
Постигнет Этеокла он, и Фивы
Престанут кровь точить!

Антигона

Ах! нет, Полив!

Не выводи его оттуда; пусть идет
Он сам своей судьбой; она его
Путеводитель. Если он падет
На битве, то потомство скажет: «Он
Героем умер — не разбойником».

Полив

Но мне хотелось, Антигона, мне
Хотелось раз его увидеть и
Закреть глаза, уж утружденные
Кровавым зрелищем. — Наместо
Эдипа я его благословил бы
И с радостью отца поплакал на
Груди его.

Антигона

Ступай! ступай! но только
Не проводи его; — скажи ему, что я —

Его сестра, рыдаю об его
Судьбе; — что я не знаю ни часа
Покойного. — Скажи, скажи, что я —
Страдаю всякой день о брате
Полинике — и если он хоть слезу.
Прольет об Антигоне — эта весть
Мне будет вождедена.

Хор
(на стене)

Погибель, вечная погибель!
Свирепый, грозный рок —
Сразил тебя, Эмон!

Антигона
(с ужасом)

Царь небес!
Эмон! — ужасно! ах! почто, почто
Разишь ты одного одним ударом?

Хор
Рыдайте, Фивы, плачьте, плачьте!
Креонов дом, рыдай!
Он пал, как юный дуб
Валится под секирой.

Антигона
Пойдем, старик! пойдем в чертоги!
Ты отведешь меня — я сил лишаюсь.

Хор
Рыдай, царева дочь, рыдай!
Жених твой пал! — погибель,
Погибель вечная, свирепый рок
Сразил тебя, Эмон!

Полив
(поддерживая Антигону)
О горе, горе, горе Фивам! — пал
Герой; — Креону горе — сын сражен!
Но кто опишет грусть твою, царевна! —

Ты в нем лишилась жениха? Отец
Небес! глава бессмертных! скоро ль, скоро ль
Заплатят Фивы дань?

(Уводит Антигону.)

3

Хор

(бежит со стены с ужасом)

Бегите, фивяне,
От фивских стен!
Страшитесь, фивяне,
Фивейских чад!
Разбиты, прогнаны
И кровью окроплены,
Вы в Фивы вломитесь
Без коней и без шлемов.

На площади.

Без матери, отца,
Без хижины, покрова, —
Без пищи, без одежды —
Изрублен, изувечен,
Покрытый рубищем,
Покрытый пылью, потом,
Придет фивский ратник
Ко градам чуждым; тамо
Протянет полруки;
И голосом смущенным,
Запекшимся языком
Гостеприимства
Попросит у врага!
«Сражался я за Фивы
И плату получил!»
Он скажет, возрыдает
Фивейский ратник: боги!

Креон выбегает на площадь; за ним Евридика, ломая руки.

Креон
(к страже)

Остановите мать; остановите!
Она не выдержит явления; — где отец
Страдает, мучится — то там мать
Задóхнется от стонов. — Ратники!
Остановите мать!

Стражи, останавливая Евридику насильно — уводят с площади.

Но где, где он?
Где труп, бездушный труп несчастного
Эмона? где сей гордый, благородный,
Великий юноша? где мой венец? моя где радость?
Аргиянин поперет его ногою —
Полиник посмеется нашей скорби. —
Но где он, где?

Несколько воинов вносят Эмона на щитах. Долго смотрит Креон, не говоря ни слова.

Так это ты, Эмон?
Но где девалась живость, где проворство,
Где сила мышцы сей?
(Легко берет его за руку и вдруг опускает с легким
содроганием.)

Увял — и не
Распустится, не расцветет цветок!
(Хладнокровно)
Быть так! — он пал за Фивы — за народ;
Он мертв — и мы умрем подобно; —
От раны мертв — он воин, так и быть! —
По крайней мере щит его? где щит?
Он не исколот? где?

Воин
Он в головах его.

Креон
Он спит на нем. . . о! этак спать
Приятней, сладостней, чем спать

На ложах нежно-мягких. . .

Молчание.

Но кто его сразил? кто мог?

Воин

Эдипов сын! Полиник.

Креон

Как! Полиник?

Полиник?

Воин

Собственной своей рукой.

Креон

(с яростью)

О! это превосходит всё понятие!
Спокоен был я, думая, что враг
Сразил Эмона; но теперь — теперь
Клокочет Тартар в сей груди. — Враг может
Сразить — и эта смерть прелестна для героя.
Но пасть бунтовщиком, пасть извергом,
Дерзнувшим стать против отечества, —
Пасть от Полиника — и больно и
Бесчестно. — О друзья мои, поверьте,
Поверьте воплям — я отец, но я
И гражданин, — поверьте — посмотрите
На грудь его — и на широку рану:
Она получена от хищника; —
На кровь запекшуюсь: она пролита
От хищника. — Неужли вы еще
Не чувствуете, фивяне, обиды?
Неужли вы позволите лить кровь —
Кем? — кем? убийцей, возмутителем?
О! нет, друзья мои! нет! нет! да не
Смеются нам враги, да не поносят
Нас слабыми детьми, или женами,
Что только воплем и слезами мстят!
Да не стенают тени предков наших,
Услыша нашу слабость. Фивяне!

Пойдем, пойдем за стены — и я сам —
Я сам начальник ваш. — Воспомни,
Воспомни всяк о сыне, друге, брате, —
Они все им же сражены. — Воспомни,
Воспомни сирых жен и матерей,
Воспомни слезы их и вопли и
Страданья — и ступай за стены!

В о и н

Куда спешишь, Креон? уже мы сбиты,
Расторгнуты ряды, — победа на
Аргивской стороне.

К р е о н

(стоит в исступлении, потом с яростью исторгает меч)

Пойдем, пойдем! мечом —
Я сим мечом восставлю битву, приведу
Ряды в порядок. — Тень Эмона — тень,
Грозящая отмщеньем, нам предъидет.
Пойдем!

Спешит, но за стенами слышны вопли, и Этеокл врывается;
за ним разбитое войско. — Долгое молчание на площади. Креон
вонзает меч в землю.

5

Прежние и Этеокл.

К р е о н

Опять? о Этеокл! опять?

Э т е о к л

Опять свирепы божества, опять наслали
Беду фивейцам!

(Берет его за руку)

О Креон, мой дядя!

Возри на бледный сына труп. . . он пал
И кровью окропил аргивские
Доспехи! — Креонов сын склонил свои
Весы — фивейцы пали!

Креон

Пали — и

Уж больше не восстанут.

(Берется за руку)

Этеокл!

Падем и мы — и паки не восстанем.
Не будем чувствовать себя — пока бичи

Подземной мстительницы дел
Народных не докажут нам, что мы
Живем — хотя не здесь; и чувствуем —
Хотя не будем чувствовать другого,
Кроме ее ужасных истязаний.

Этеокл

За что? за что свирепый Тартар мстить
Желает, коль на нас Олимпа царь
Пускает бедствий гром? — Отдай, отдай он
Свой дремлющий перун — увидит,
Как смертный поразит бессмертных сих
Слепцов, которые, на троне сидя,
Владеют скиптром, как слепой младенец
Смертельною стрелой.

Креон

Племянник! вспомни —

Ты средь народной площади; народ
Есть утвержденье царских тронов и
Небесных алтарей; а мненье
Его — хотя бы было заблужденье —
Есть гений, охраняющий покой,
Подпора пышных олимпийских храмов.
Кто хочет быть на троне тверд, поставь
Его на общем заблужденье
И суеверьем укрепи.

Воин

Креон!

Смотри — сюда спешит твоя супруга, —
Сокройте труп.

Креон

Фивейцы! унесите
Из глаз моих его; ступайте — и

Поставьте в храме Весты — и курите
Всегдашний фимиам, доколе не
Предам его огню, — ступайте!

Воины поднимают труп.

Х о р

Проникнет кто твои суды,
О вечный! кто дерзнет
Испытывать тебя? — Давно ли
Креонов новый сын,
Гордясь величеством, красою —
Как мирт цветущий
Склоняется к пушистой розе,
Так он склонялся
К бьющемуся сердцу
Прекрасной Антигоны.
Теперь, омытый кровью,
Лежит на окровавленном щите,
Как туча громовая на
Багреющей луне;
И факел брачный,
И брачно ложе,
И брачны песни —
Всё дымом улетело.

6

Е в р и д и к а (вбегает)

Остановитесь — ах! остановитесь! —
И опустите труп, и опустите
Сей труп. — Куда несете? где сокрыть
Вы можете от взоров матерних? —
Да будет проклят твой убийца — сын!
Да будет проклят кровь твою проливший —
Да будет проклят!! — да падут несчастья
На злополучную главу его,
Как град небесного убийства... о!
Да обратится воздух в яд — и кровь,
Им пролитая, в адски реки! — да
Почувствует он судороги страшны

На смертном ложе! — да не будет
Руки, могущей поддержать главу
Его, томящуюся адом смерти; —
Языка, чтобы мог его утешить! —
Пускай живет он — и живет пусть вечно
Такою жизнью!

(Сдирает покрывало с Эмона и в иступлении отступает.)

Так! в нем крови нет
Ни капли — и холодно сердце!
*(Прикладывает руку к сердцу — и с недоумением
радости)*

Боги!
Креон! — в нем есть жизнь — сердце бьется —
Смотри — смотри — он отворил глаза,
Из ран пустилась кровь — он жив — он жив!
(Падает на труп с воплем.)

Креон
Возьмите, воины, и отнесите
В храм сына Фебова; препоручите
Сей труп жрецам, — быть может, что стенанье
И вопли матери проникли своды
Олимпа.

Воины поднимают труп и уносят.

Евридика
Я сама иду во храм —
Сама я буду при одре его —
Я буду раны перевязывать,
А матернее сердце лучшим может
Быть исцелителем.
(Уходит.)

7

Без Евридики.

Хор
Благодаренье небесам!
Они кичливость в гроб свергают —
Из гроба кротость вызывают —
Благодаренье небесам!

Сойди с лазури неба
На фивские поля,
Священная Игея!
Сорви в целебных рощах
Благоуханных трав
И чистою рукою
Со тщанием богини
Их выжми сок.

В глазах простыл огонь —
Уста запекшиеся — боле
Не дышат радостию, —
Завял нераспустившийся цветок,
И смерть, представ у ног,
Крылом своим волшебным
Болезни навевает
На падшего Эмона. —
Сойди, сойди с Олимпа
И ветвию оливной
Коснись его щекам!
Румянец чувства разольется,
Забьется жизнью сердце.

Э т е о к л

Довольно пролито фивейской крови — и
Конца не видно. — Изверг преклонил
Судьбу — и Фивы терпят горе.
Фивейцы! днесь снимаю я венец
И царску диадему; днесь снимаю
Царево украшенье; всё — всё кровью
Обрызгано. Довольно! коль судьбе
Угодно, чтоб я пал, — чтоб Этеокл,
Эдипов первородный сын, пал в поле
От братския руки, — скорей, скорее
Свершу мою судьбу. — Пойду, пойду —
И буду биться до последней капли крови.
Креон! я объявляю поединок.

К р е о н

К чему, о Этеокл! к чему ты хочешь
Отважить жизнь, коль в Фивах есть герои,
Которые готовы за царя
На поле битвы пасть?

Хор

Встанем, вооружимся!
Пойдем на поле смерти,
Со славой победим!
Но если так угодно
Свирепым дочерям Орка,
Чтоб Фивы ныне пали —
Поверглись в прахе —
Падем! падем!
Повергнемся во прахе!
Пусть гордый воссмеется
Над гробом падших Фив;
Он сам когда-либо падет —
И внуки наших внуков
Презрительно попрут
Развалины Аргоса.

Этеокл

Нет, фивяне! нет! нет! решился,
Решился я — и буду непреклонен.

Полив! ступай во стан кичливых
Аргивцев и скажи Полинику,
Что я — что старший брат его желает
Окончить бранью прю, — луна взойдет
Над трупом одного из нас. Ступай!

Полив уходит.

Помедли, царь небес! пресветлый Зевсов
Любимец! сын! помедли, — может быть,
Последний луч твой, омоченный кровью
Моею, гроб мой осветит.

С Креоном уходит.

8

Хор

Небесная дочь, святая,
Олимпа лучший луч!
Звезда, светяща небу —
Надежда! сниди к нам!
Сойди со дщерью своею —

Беспечною златою,
Се ныне молим вас!
Где днесь витеаете? куда мольбы восшлем?
К каким странам безвестным?
К каким народам чуждым?
К цветущей Лидии, иль Тиру и Сидону,
Иль диким поясам Рифейских исполинов?
К Кавказским пропастям
Или долинам Темпе?
Где днесь витеаете? куда мольбы восшлем?
К каким странам безвестным?
К каким народам чуждым?
Но где б вы ни были,
Небесные богини!
Сойдите к нам на землю,
Сойдите к падшим Фивам!
Воззрите — и поблекши розы
На наших расцветут щеках;
Воззрите — и текущи слезы
В перловой радости падут.
Благоволите нам —
После толиких слез, печалей,
Толикой скорби, муки, бедства —
Впервые улыбнуться!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Поле за Фивскими стенами. Несколько гробниц.

1

Полиник

*(один стоит долго в безмолвии, смотря на гробницу
Кадмову)*

Итак, гробница Кадма окропилась
Фивейской кровью? . .

(Отступает несколько шагов назад.)

Правнуки его

Чтут память Кадмову слезами
И кровью сограждан! — Виновен ли —
Виновен ли в сем я, когда свершаю

Мою жестокою судьбу? — По лезвиям
Сверкающих мечей ведет она
Меня; — бичи ее, свирепые
Бичи ее женут — и я — и я,
Подобно робкому младенцу, над
Нетвердым темем коего гремит
Перун, у коего в глазах пылает
От молний небо — я ему подобно
Бегу — не зная сам куда. — Жестокий
Сей день лишил меня друзей, — и кто —
Кто виноват? кто повелел Эдипу
Так царство разделить? кто повелел,
Чтоб брат мой Этеокл, изгнав меня
Из дому праотцов — из собственных
Палат — меня принудил возвращать
Кровавою рукой свое наследство?

Молчание.

Латонин сын бросает луч кровавый
На Фивски стены. — Падшие уже
Оледенели — и Креонов сын
Теперь в селеньях предков. — Там он будет
Всем возвещать мою жестокость; — там
Повергнется пред раздраженным нашим
Родителем; — покажет раны на
Груди — и, может быть, Эдип — о! верно,
Эдип заплачет — коль возмогут плакать
Бесплотны существа. — Родитель мой!
Неужли я — любимый сын — неужли
Преогорчу тебя в селеньях вечно-
Цветущей радости? — Не верь, не верь,
Эдип, не верь сему ты! . .

Как! не я ль?

Не я ль сразил его? не я ль омыл
Свой меч в его крови — не я ль сразил
Эмона? — о родитель мой! покойся,
Покойся, тень святая! я — в последний —
В последний раз лил кровь! — Что мне в венце,
Коль каждый лист омыт в крови фивейской?
Что в диадеме мне, когда она
Составлена костями сраженных трупов?
Что в царском скиптре мне, когда владеть им,

Как тать кипжалом, буду? — Прочь! прочь все!
Живи и царствуй, Этеокл! Полинник
Тебя не востревожит боле — царствуй!

2

Полинник и Адраст.

А д р а с т

Уже готово всё — всё! и как скоро
Взойдет луна — мы стенобитные
Велим подвезь машины. — Изощренны
И копья, и мечи; — смущенные
Фивейцы узрят тучу над главою
Пагубоносных стрел.

(Берет его за руку)

Полинник! завтра —
Надеюсь — завтра — ты, на фивском сидя троне,
Закон Беотии подашь. — Но ты
Печален, пасмурен. . . Полинник! иль ты
Не победитель? — Посмотри — фивейски
Долины и бугры фивейской полны
Пролитой крови и в их черепах
Уже пируют хищны враны. — Сын,
Иль ты не победитель?

П о л и н и к

Царь Аргивский!
Адраст! так! — победитель — так —
Фивейцев я сразил — прогнал, рассыпал —
Их слышал вопли, слышал стоны; — так —
И ратники твои меня венчали
Лавровыми венками; — так! сразил,
Сразил Эмона я — он пал, и рать
Твоя меня превознесла; — но, ах, Адраст!
Печален я, — я, победитель, плачу.
И ты — ты не поверишь — в этом мне —
В ужасный этот миг, как все мою
Победу празднуют, — к Олимпу шлют
Богаты жертвы, и как мне везде
Поют победны гимны, — я — Адраст —

Ты не поверишь — ад бунтует в сердце,
Клубится черна грусть в груди — и я
Охотнее б желал с фивейцами —
С разбитыми фивейцами бежать,
Стенать от ран, облиться кровью и
Задохнуться от пыли, чем теперь
Торжествовать победу.

А д р а с т

Сын Эдипов!

П о л и н и к

О! не смотри так, не смотри, Адраст!
Великодушный старец, царь Аргивский!
Не укоряй меня! ты сам — ты сам,
Быв мною, то же б, то же сделал.

А д р а с т

Я

Тебя не понимаю.

П о л и н и к

Царь Адраст!

(С жаром схватывает его за руку)

Кого я победил?

А д р а с т

Фивейцев.

П о л и н и к

А

Мой меч кого сразил, кого?

А д р а с т

Эмона.

П о л и н и к

Так! так! фивейцев я сразил — они
Соотчичи мои, Адраст,

(тронутый)

Эмона

Сразил я — он мне брат — мне брат. Теперь,
(вырывает руку свою из Адрастовой руки)

Теперь загадку знаешь — знаешь ты вину
Моей печали — и — ты будешь упрекать?

А д р а с т
(обнимая его)

Любезный юноша! так! так! и буду
Грустить с тобою, — ах! ты был бы
Великим человеком. . .

П о л и н и к
Что ж мешает?

А д р а с т
Венец и фивский трон. — Полиник! знай,
Что добрый царь земным быть может богом.

П о л и н и к
Поверь, Адраст, поверь — не мы одни
Прекрасные места, Элизиум
Зайдем; поверь! покрытый рубищем,
В лесах живущий, в пропастях быть также
Великим, добрым может. Скиф — поверь —
Полунагой, зверообразный скиф,
Сей варвар пред лицом Эллады целой,
Средь пропастей Кавказских живший — там,
Там — там — за той страной Стикса — вместе
С Адрастом венценосным сядет и
Из кубка одного пить будет
Веселье рая. — Царь, не оскорбись!

А д р а с т
Мне оскорбляться? Принц! ты друг мой —
Мой сын — мне оскорбляться? — нет!
С охотой я твою б решимость принял,
Велел бы отступить полкам аргивским, —
Но для тебя, для одного тебя
Сего не сделаю. — Хочу тебя
На троне фивском в диадеме видеть.

П о л и н и к
Но ежели потомство — сей судья
Нелицемерный царских дел — но если

Потомство скажет: был Полиник — и
Его венец облит был предков кровью!
Сии ужасные слова мне будут
Палящим Стиксом и Коцитом страшным; —
Они сожгут мою всю внутренность.

3

Прежние и Страженачальник.

Страженачальник

Аргивский государь! какой-то старец,
Из Фив сюда пришедший, хочет видеть
Полиника — к нему посланником
Он прислан от Креона.

А драст

От Креона?

Полиник

От дяди?

Страженачальник

И от Этеокла.

Полиник

Как!

От брата Этеокла? — что ж? вели
Предстать.

Страженачальник уходит.

Чего они желают?

А драст

И

Чего б желать могли!

Прежние и Полив.

Полив

Полиник! сын!

(Падает к ногам его.)

Полиник

Любезный старец! как! еще тебя
Я вижу! как! Полива?

(К Адрасту)

Государь!

Ты видишь старца, — он воспитывал
Эдипа — и моим был некогда
Путеводителем. — Полив он!

Адраст

Как!

Полив? — так ты несчастного Эдипа
От смерти спас?

Полив

(со слезами)

И был причиной
Лютейших бедствий.

Молчание.

Полиник

(поднимая его)

Но зачем, зачем
Прислал тебя Креон и Этеокл?
Ужель склонился сей гордец — и хочет...

Полив

Он хочет умереть — иль умертвить тебя.

Полиник

Меня?

Адраст

Полика в моем стану
Желает Этеокл?

Полив

Один желает

Иль пасть за всех — или сразить тебя.
Он требует, Полиник, поединка.

Молчание.

Адраст

Нет! нет! нет! я не допущу, чтоб ты
Так вверился судьбе — один тут миг —
И нет тебя — я не позволю, всем,
Всем воинством сразимся; — и пусть сила,
Пусть храбрость, мужество людьми владеет,
А не слепой лишь случай. Нет, Полиник. . .

Полиник

Кто брату мысль сию внушил? она
Прекрасна! Фивяне доселе лили
Свою кровь, а теперь для них и мы
Прольем. — Адраст! я принимаю
Сей поединок — и сегодня. . .

Полив

Этеокл

Хотел сегодня быть на троне иль
Во гробе.

Полиник

Иль во гробе?

Полив

При стенах

Фивейских ждать тебя он будет
С Креоном дядею — и частью стражи.
Ты столько ж можешь взять с собою — и
Полиник с братом Этеоклом станет
Оружьем прю решить.

Полиник

Я буду — буду. . .

Сыны Эдиповы свою исполнят
Жестокою судьбу. — Адраст! позволь мне,
И повели принести богам богаты жертвы;

Быть может, я уже в последний раз
Стою своей ногою на земли;
Быть может, эта полоса, покрыта
Репейником, крапивой, — будет гробом
Полинику.

(С живостию)

Полив! любезный старец!
Ты некогда благословлял Эдипа,
Когда, из хижины твоей идя
К золатым верхам фивейских мудрых храмов,
Он шел к гибели тогда своей.
Благослови меня — я сам иду
К гибели.

Полив

Зевес и весь Олимп!
Благоволите днесите с высот святых
Воззреть на мрачну землю и на нас!
Мы днесите приносим жертву — чистую,
Не тучных мы тельцов, не золото, не
Богатство, но сердечную покорность,
О боги! вам приносим.

Полик становится на колени.

Коль еще

Хотя малейшее в сей жизни для меня
Осталось счастье, коль вы
Благоволите, чтоб сей дряхлый старец
Еще раз в жизни улыбнулся; коль
И для меня цветет еще цветок
В прекрасном саде матери Натуры
И радость хоть одна готова пасть
Ко мне из рога вожделений, — всё,
Всё отнимите вы — и дайте сыну
Эдипа — он достоин — он достоин!
Встань, встань, мой сын! прижмись ко мне,
К сему биющемуся сердцу; ах!
Оно и для Эдипа билось! — сын!
Прижмись к груди сей; к ней Эдип прижавшись
Сказал: «Родитель мой!» — сыновняя
Слеза запечатлела истину — и я
Отеческой слезой отвечивал.

Прижмись, Полинник.

Полинник падает в его объятия.

Так! та самая
Горячность, нежность, чувство, кои все
В груди Эдиповой тогда клубились.

Полинник

Родитель!

Полив

Так! тот самый тон —
Полинник — сын мой — сын! О, если б боги
Мне дали умереть скорее, я
Пришел бы во страны Элизиум —
Я там увидел бы Эдипа и
Сказал: «Отри слезу, тобой пролиту
Для Этеокла! твой Полинник — ты
Другой!» — и он бы улыбнулся; так!
И он бы улыбнулся.

Полинник

Ну! Прости,
Полив, прости, родитель! — и ступай
Во град, и там скажи Креону-дяде
И брату Этеоклу, что я их
Здесь ожидаю, что — и умереть
И умертвить готов...

(Закрывает лицо руками)

И умертвить!

Полив

Прости, Полинник, сын!

Полинник

Прости, родитель!

Адраст, Полиник.

Адраст

Итак, Полиник...

Полиник

Может быть, сегодня
Владеет Фивами...

Адраст

Итак, Полиник...

Полиник

Сегодня, может быть, на поле сем
Пред Фивскими стенами распространяется.

Адраст

О друг мой! сын! ты видишь, сам ты видишь,
Сколь может случай нам повелевать!
Из червя на престол — и со престола
Свергает атомом. — Мой сын! прошу
Тебя — меня, меня послушай!

Полиник

Бог,
Мне попустивший до сего дожить,
Моею и теперь рукой управит.

Адраст

Страженачальник!

Страженачальник
(входит)

Государь!

Адраст

Поди
И принеси мой щит, копьё и меч,
И лук с колчаном стрел.

Страженачальник

Внимаю.

(Уходит.)

Адраст

Теперь меня послушай, сын! в таких
Отважных случаях всегда, как можно,
Ты хладнокровен будь; смотри, не слишком
Спеши, но и не медли; — всё ошибка,
И здесь она пороком будет страшным —
О жизни дело. — Не давай наружным
Предметам развлекать себя; и крови
Стремленье сильное опасно: — я —
Я сам предметом был насмешек и

Ругательств, как мне должно было
За стадо ста тельцов, этольцами
Украденных, сражаться. — Выслушай!
Ужасен был герой — отважен — и
Строптив — и не было тогда во всей
Элладе мужа, кто бы с ним возмог
Равняться в мужестве и силе; — я
Отважился. «О Зевс! управь моей
Рукой», — сказал я и пустил стрелу.
Но ах! стрела моя как ветер мимо
Главы его со свистом пролетела.
Холоднокровно взял он лук, стрелу
Холоднокровно наложил, пустил
Холоднокровно — но ах! я упал
Пронзен, своей залившись кровью. Так-то,
Полиник, действует горячность! — слушай
Отца и друга своего.

Страженачальник

(с доспехами)

Здесь всё.

Адраст

Возьми, Полиник, и владей, как я
Владел им некогда. — Сие копье
Блаженной памяти родитель мой
Мне подарил, когда я возмужал;

Он сам сражался им — и не бывал
Преодолен; всегда соперничьи
Доспехи от него в щепках летели,
Хотя б их сам Вулкан закаливал
В Этнейских пропастях.

Полиник, взяв копье, втыкает пред собою; рассеянность видна
на лице его.

А д р а с т

Да и сию
Стрелу, и этот черный щит Астреев.

П о л и н и к

Астреев!

(Отступает с недоумением.)

А д р а с т

Самый тот, которым он
Прикрывши грудь свою, — стрелюю сею
Пронзил отцову грудь. Сию стрелу
И самый Марс не отвратит своим
Щитом семилистовым. — Он ее
В крови отцовской закалил.

Полиник с трепетом берет лук и стрелу и облакачивается на
копье; мрачное молчание.

А д р а с т

Полиник!
Что сделалось с тобой? или какая
Нечаянная слабость?

П о л и н и к
(с движением)

Слабость — слабость —
Старик! или не видишь ты, как здесь,
Под этим медным панцирем, трепещет
Стальное сердце? — Ах, Адраст! сия
Нечаянная слабость не дает
И дух перевести.

А д р а с т

Полиник!

Полиник
(с кротостию)

Не думай ты, не думай, государь!
Что я твои забыл мне завещанья;
Нет, нет!

Адраст

Но отчего ж такой в тебе
Смятенный дух? — Ребенок!

Полиник

О!

Когда б и здесь я мог явиться мужем
И следовать словам твоим, поверь,
Когда б двадцатилетний человек —
В подобных случаях, ужасных, редких,
Когда б он в точности исполнить мог
Совет седья головы; когда бы
Кипяща кровь огнями буйной Этны
Потухнуть хладом твоя могла, —
Тогда, Адраст, поверь, я стоил бы
Корон и скиптров всей Эллады,
Европы, всей вселенной; — нет! — и то,
И то всё мало; и сам царь богов
Не может иногда владеть собой;
Он в ярости огнями добрых <губит>,
Намерясь злых губить; поверь, Адраст,
Когда б я и теперь был столь же, как
И ты, холоднокровен, то тогда
Я стоил бы Зевесовых венцов
И олимпийских пышных храмов.

Подле Фивских стен показываются Этеокл и Креон с гвардией. Долго стоит Полиник, устремив на них глаза, потом отворачивается с горестию.

Адраст

Что

С тобой? ты плачешь?

Полиник

О, когда б я мог
Хотя слезу пролить — она бы мне

Стеняшу облегчила грудь. — Теперь
Клубится Тартар в ней, и сонмы фурий
Сосут в ней сердце — весь Коцит течет
В моих волнующь жилах. — Ах, когда б
Я мог хотя слезу пролить!

А д р а с т

Но вот

Герольд от брата.

П о л и н и к

Как! от брата? — так

Настал тот час?

6

Те же и Герольд.

Г е р о л ь д

Креон и Этеокл,

Владыка Фивский требует, чтоб ты,
Аргивский повелитель, с воинством
Своим стоял в стану; — а там,

У Фивских стен, Креон со стражею
Один стоять желает. — Братья здесь,
У Кадмовой гробницы, биться будут.

А д р а с т

Ступай, мы ожидаем.

Герольд уходит.

П о л и н и к

Братья, братья!

Сказал он: так! одним отцом, одною

Мы матерью рождены — но их брачный

Светильник — был светильник фурий —

Их брачны песни были стоны ада —

Наш первый детский плач был страшным визгом,

Который и одним лишь отголоском

Их душу напоял боязною, страхом;

И этот отголосок был символом

Грядущих бедствий. — Так, мы братья — братья;

Но нет под солнцем крови, коя бы
Горела большим отвращеньем
Одна к другой.

А д р а с т

Оставим, всё оставим!
Нам время дорого. Страженачальник!

С т р а ж е н а ч а л ь н и к
(приходит)

Что повелишь?

А д р а с т

Скажи Амфиараю,
Верховному жрецу, чтоб он сейчас
Зевесу дань принес богату; чтоб
Простер мольбы к Олимпу за всех нас,
Да мощная его рука спасет
Адраста и Полиника. — Ступай!

Страженачальник уходит.

Прости, Полиник! — обними меня
Еще однажды; — и сию слезу,
Висящу на твоих ресницах, князь,
Пролей на грудь мою!

(Обнимаются.)

Прости!

П о л и н и к

Прости!

Родитель!

Адраст с горестию уходит в стан. Полиник с бешенством подбегает к гробнице Кадмовой.

Кадма тень! Священная
Родоначалника фивейска тень! —
Неужли ты меня осудишь? — ах!
Неужли на меня произнесешь
Твое проклятие? — Умилосердись —
Умилосердись над несчастным сыном
Эдипа, — он страдает, горестно

Страдает — нет языка, чтобы мог
Его утешить.

(Падает на колени)

Царь небес! — о сила
Всего живущего! Ты влил в нас чувство —
Святое чувство бытия! — воззри —
Воззри на этого червя, тобою
Созданного, — он ищет цвету на
Стебле; вползает — и живет спокойно.
Поставь против него терновую
Иглу — коснись — и он сгибается;
Досадует, что мы его блаженству
Мешаем. — И в бескровном сердце, и
Под хладною насечкою, в груди
Столь малой, чувство есть, — то я ль
Бесчувствен буду, коль во мне клубится
Кипяща кровь и пламень в жилах!

(Вскакивает)

И в сей груди трепещет сердце бытия,
И чувствует — ох! — чувствует!

Между тем Этеокл приближается и останавливается в некотором отдалении. Полиник, усмотрев его, с трепетом отступает. Долгое молчание.

7

Полиник и Этеокл.

Этеокл

Полиник!

Уже заходит солнце. . .

Полиник

(приступая к нему)

И завтра

С красою новой возвратится; — ты
Падешь — и веки, впредь грядущие,
Не возвратят тебя.

(Вынимает стрелу из колчана.)

Этеокл
Меня?

Полиник

Одна

Блуждающая тень твоя, со стоном
На месте лобном завывая,
Потомкам возвестит, что так гниет
Эдипов сын; и отрок, проходя,
С стесненным сердцем скажет: «Здесь погиб
Братоубийца — трона похититель!»
Рази меня!

Этеокл

Братоубийца? так!

И трона хищник? — внуков наших внук,
Покрытый бедствием наследным и нося
На вые клятвы подданных, — и стыд,
Покрыв его главу, пригонит к месту,
Где будет гнить братоубийца; там
С проклятьем ступит он на череп,
С проклятьем раздробит — и тень его,
Братоубийцы тень, заночует под
Ударами разящей Тизифоны, —
Хочу братоубийцей быть, Полиник!
Хочу братоубийцей быть!

Полиник

Стой! стой!

Чудовище, отколь в тебе такая
Свирепость, кровожадность? брат! мы, видно,
Родились под несчастными звездами.

Этеокл

Ребенком был я в колыбели, и
Уже мой дух прельщался диадемой;
Несмежно взором я покоился
На венценосной голове Эдипа, —
И в то ж мгновение готовил месть,
Ужасну месть тому, когда дерзнет кто
Ее оспаривать. — Полиник, защищайся!

Полиник

Никто из смертных никогда не знает
Определения судьбы. Быть может,
Что эти жадные престола вежды
Закроются, — и кровь, клубяся
В груди честолюбивой, обагрит
Сей привезенный прах из Арга на
Копытах конских.

Этеокл

О! тогда уже,
Сия жестока мысль! другой на троне
Моем сидит и Фивами владеет —
Меня не потревожит!.. Если так
Угодно небесам, чтоб я не правил
Фивейцами, так пусть же и другой
Эдипов сын падет со мною. — Пусть
Эдипу скажут: «Сыновья твои
Идут по тернам и шиповникам».

Полиник

Оставь его, оставь в покое.

Этеокл

Пусть
Он плачет об обоих.

Полиник

Этеокл!

Прошу, оставь несчастного отца
В покое; — пусть живые мучатся,
Терзаются, рыдают — мертвые
В покое должны быть.

Этеокл

И если мстящий
Бич Тизифоны бедного разит,
Что он родил убийцу Этеокла, —
Так пусть удвоятся ее удары!
Полиник хочет быть убийцей — будет!

Полиник
(с решимостью)

Да покарает гнев меня небесный,
Когда я хоть слезу свою пролью.
Родитель! так! прочь всё — прочь скиптр и власть!
Всё окровавлено, омочено
Слезами — и проклятья носятся
Над тронем и чертогом. — Этеокл!
Владей —

(влагает стрелу в колчан)

владей, и на себя прими
Все бедства и проклятья — я не буду
Ударов умножать Эдипу.

Этеокл

Как!

Ты хочешь отказаться от престола?

Полиник

Хочу, хочу, хочу! владей; и если
Ты, лежа некогда на ложе тирском,
О брате вспомнишь — о! и непременно
Ты должен вспомнить, — то мои проклятья,
Проклятья граждан, на тебя обрушась,
Гееннскою горой тебя покроют!
Вздохнуть захочешь — ты захочешь плакать —
Но ни одна слеза — и ни один
Не облегчит вздох груди твоея.
Как жабы ядовитые, мои
Слова вопьются к сердцу твоему;
Кровь будут пить — а яд распустят в жилах;
Ты ложе будешь честь иглами, и
Объятия заботливой супруги —
Почтешь объятиями Тизифоны.
Владей фивейцами и радуйся
Победе.

Этеокл

Таж прощай! ступай в свой Аргос —
Пусть легковерный старец, царь Аргивский,

Тебе хоть всё владение отдаст.

Молчание.

Так точно!

(С яростью)

Придет время, и когда
Увидит он, что я или с врагами
В войне и развлечен, или в болезни, —
Похочет он тогда нечаянно,
Как тать, напасть.

(Хочет, бьет его по плечу)

Полиник! ты Полиник,

Не так ли?

Полиник

Брат!

Этеокл

Или червей придворных
Богатством ослепить, чтоб я — чтоб я —
От яда пал? — не с тем ли? О! клянусь
Зевесовым перуном — умысел твой,
Твой я постигнул.

Полиник

Брат!

Этеокл

И наконец,
Взошед на фивский трон, моих детей
Сковать цепями, весть в триумфе и
Рабами сделать?

(Берет его за руку)

Брат! опять ты вынь
Стрелу — и пусть теперь у каждого
Сомненья все исчезнут — одному
Надлежит умереть!

Полиник

Эдипов сын!

Неужли так спокоен ты теперь?

Неужли ты в груди не чувствуешь
Того мученья, той борьбы, того огня —
Гееннского огня. . .

Э те о кл

Преступник только
Всё чувствует сие! его судья
Гласит ему: «Ты изверг!» и он сам —
Сам чувствует вину свою; — и между
Тем, как спокойна совесть озарит
Грудь правого весельем, он внимает:
«Злодей! преступник!» и трепещет —

(с ругательством)

И он трепещет!

Полиник схватывает лук с яростию — и опять роняет.

Он, исполнившись
Смятения, стыда, кичливости, желает
Отмстить — кому? себе; — хватает лук,
Но добрый, правосудный дух его

(хладнокровно натягивает лук)

Невидимой рукою исторгает
Сей лук из рук его.

Полиник

Фивейцев свет!
Латонин щедрый сын! прости, что я —
Быть может — твой последний луч в крови
Омою. . .

Э те о кл

Может быть!

Оба вдруг пускают стрелы — и Этеокл падает.

Злодей! злодей!
Злодей! ох! ох!

(Захватывает рану рукою.)

Полиник

(долго стоит в бесчувственности, потом бросает лук далеко и кидается к Этеоклу)

Брат! брат! прости — не мне —
Прости судьбе, о Этеокл, судьбе!
Мой злобный дух моей рукою правил...

Адраст из стана идет со стражею вдали.

Этеокл

Прости, брат! — и владей фивейцами.

(Протягивает к нему руку)

Забудь несчастного гонителя —
Ужасно он наказан!

Полиник

(в отчаянии бросается на тело его)

Брат! стой!
Или возьми меня!

Этеокл

(пронзая его кинжалом)

Ступай! ступай!

(Вынимает кинжал и далеко бросает.)

Полиник

(вскочив, трясется)

Я умираю... боги! победитель,
Я умираю! — брат! по крайней —
По крайней мере, дай мне руку — обними
Меня — и мы умрем по-братски. Дай
Мне руку, Этеокл — я света боле
Не вижу, — ужас, трепет, страшные
Конвульсии меня терзают; я
Паду... земля кружится подо мною;
Неужли это значит умереть?
По крайней мере, дай мне руку, брат!
И обними меня.

Этеокл

(полуокостенелою рукою отталкивая его)

Прочь, прочь, злодей!

Мы там, пред нелицеприятным взором
Владыки Тартара, рассудим прю свою,
Свою, — прочь, прочь!

(Умирает.)

Полиник

Не осуди его —

Не осуди, правейший из судей!

Прости все, все прости, — Адраст, родитель,
И Антигона, — все, все!

(Умирает.)

8

Адраст

*(с гвардиею прибегает и падает с воплем на труп
Полиника)*

Сын! Полиник!

Ты мертв уже! — зачем, зачем я сам
Тебе дозволил поединок?

(Плачет.)

9

Креон

(стремительно вбегает с гвардиею; долго смотрит хладнокровно на трупы принцев, потом оборачивается к одному воину)

Мертв

И Этеокл?

Воин

(поднимая труп)

Он хладен, и вся кровь
Из жил его ушла: как лед...

Креон

Возьмите

Его — и отнесите в Фивы, и
Поставьте в храме, — завтра с честью,
Прилично царю, предам его
Огню — возьмите.

Несколько воинов берут Этеокла на щиты и относят.

Царь Аргивский! мы
Теперь быть можем — не врагами: вся
Войны причина с ним повержена;
Оставь его — и если хочешь ты
Фивейцам другом быть, пойдем в мои
Чертоги — там ты будешь гостем;
Когда же нет — ступай с полей фивейских!

Адраст

Пойду, пойду! — и для кого теперь
Мне лить фивейцев кровь и кровь своих
Аргивцев? — Я иду, Креон, но я прошу —
Я одного прошу: дозвожь с собою
Мне в Аргос взять Полиника!

Креон

Сей труп

Бунтовщика, злодея?

Адраст

Бунтовщик

Сей и злодей был мне любезен — сын!

Креон

Нет, нет! Я не дозволю; пусть он здесь —
Здесь, на открытом поле, — пусть гниет
И будет пищей псам и плотоядным
Зверям. — Адраст, я не дозволю.

Адраст

Ты,

Быть может, хочешь выкупу?

Креон

Я не

Разбойник.

Страженачальник Адрастов
 Государь! весь стан в смятеньи:
 Все полны ужаса; в тревоге все,
 И вои и вожди...

Адраст
 Что? что?

Страженачальник
 Когда
 Амфиарай на жертву белого
 Заклал тельца — и подложил,
 Внезапно потряслась земля, и пламень,
 Исторгшийся из пропасти, пожрал
 И жертву, и Амфиарая.

Адраст
(с ужасом)

И

Амфиарая?

Страженачальник
 И Амфиарая.
 Всё воинство подвиглось к страху; всяк
 Спешит в свои палатки, и всеобщий
 Мятежный ропот усугубил страх
 Вождей. — Они тебя желают и
 Потом в Арголиду.

Адраст
*(стоит в изумлении, потом бросается на труп, обнимает
 его и долго на него смотрит)*

Полиник! скоро
 Увидимся мы там — уже мои
 Власы белеют — скоро — скоро.
(Поспешно уходит.)

Креон
(Герольду)

Ты

Ступай в Фивы — и там объяви,
 Что занял я осиротевший трон.

Некоторые из гвардии
Да здравствует Креон!

Креон

Потом во граде
Поведай, что Полиник, как разбойник
И хищный бунтовщик, лишен святого
Сожжения — и здесь добычей будет
Зверям и птицам плотоядным, и
Всяк, видящий сие, пускай страшится
Подобной казни; — возвести во Фивах
Сие.

Герольд удаляется.

Гвардия

Да здравствует Креон!

Креон

*(несколько времени стоит в рассеянии, потом подбегает
к Полинику и грудь его пронзает копьем троекратно)*

Убийца!

Бесчестный тать!

Иступление.

Но, ах! не чувствует —
Не чувствует он боле ярости
Отца.

(К гвардии)

Фивейцы! не откроет ли
Кто чародея мне, который бы
Наполнил эти побелевши жилы
Живою кровию и это сердце
Заставил чувствовать? — иль чародейцы
Не знает ли кто, чтоб могла открыть
Глаза, сомкнутые печатью смерти?
Чтоб он, сей падший честолюбец, мог
Свое несчастье чувствовать, несчастье —
Быть падшим честолюбцем? — О! тогда
Сей адский стон, сие хрипенье в груди
Проникли бы растерзанную душу.

Пусть жил бы он — и смерть себе считал
Блаженством, посланным с небес! —
О, как неправосудны боги, что
Одним себе присвоили казнить
Злодеев! — Обижен я — я мщу.
Какая радость мне, что он во аде
Под Тизифониным бичом стенает?
Не вижу — и не слышу; — а я видел
Пронзенный сына труп, и слышал вопли
Отчаянной жены — и матери.

11

Герольд
(из города)

Фивейцы ждут тебя, Креон, и радость
Их — неописанна. Междоусобье
Прекращено; аргивские знамена
Уже далеко развеваются
От фивских стен. — Уже готовы жертвы,
И юноши и девы ждут тебя,
Да песни и священные хороводы
Составятся при жертвеннике Весты,
Великой матери богов.

Креон

Пойдем

Во град.

(Герольду)

Ты повели наполнить чаши
Вином и кубки увязать венками.
Пусть с каждой искрой льется в сердце радость —
И все забыты будут горести,
Болезни и стенанья, кои Фивы
В жестоку брань сию перенесли.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Место действия прежнее; ночь. Труп Полиника лежит у гробницы. Полив и три работника копают яму.

1

Полив

Сын Кронов вам воздаст, друзья мои!
За ваше дело. — Ах! когда б фивейцы
Все тако думали, Эдипов дом

Еще б не рушился. — Простите!

Вы не получите подарков —

Ни злата, ни сребра вы не

Получите; но мысль: мы помогли

Царевичу, и труп его земле

Мы предали, — та мысль одушевит

На смертном вас одре; с улыбкой

Умрете вы, надеясь встретить там

Не злобу фурий, но Полиника

С объятиями распростертыми.

Он днесь скитается при бреге

Клокочущего Стикса, и скитаться

Через целое столетье будет. — Там

Не погребенные на сей земле

Злодеи, хищники, убийцы бродят —

И тень Полиника скитаться тамо

Не перестанет. — Ах! когда кинжалом

Свирепый брат пронзил его и он

На хладну землю пал в своей крови, —

А! в тот ужасный миг, прощаяся

Со светом, с Фивами, с друзьями и

Родными, он — он улыбался; — но

Когда свирепый дядя их велел

Не предавать его земле, тогда

Полиникова тень произнесла

Стенанья — и я сам — я сам внимал

Сии стенанья — и скорбел. Однако

Я был уверен, что во Фивах есть

Еще фивейцы — и надеялся —

На вас надеялся, друзья! — Простите!

Простите! Я один его сокрою.
Ступайте в Фивы!

Работники уходят.

Как повсюду мрачно!
Повсюду глухо! — Раздраженное
Злодейством небо мечет луч туманный
На бледный труп. Могильны свисты меж
Гробниц звенят — и сердце ноет, ноет,
Немое эхо отвечает им,
И тени с ужасом взирают на
Людскую злобу.

(Берет Полиника и с трудом переносит к яме.)

Но что вижу я!
От Фивских стен сюда спешат
С светильником? — неужли тут, — и тут
Предательство? — Ах! здесь повсюду люди,
А от людей желать и верности,
И к ближнему любви — всё то ж, что и
Желать, чтоб и в пещерах Орковых
Блистал Латонин светлый сын. — Пускай —
Пускай Креон меня увидит и
Осудит к смерти, — пусть сии власы,
От скорби поседевшие, и эти
Ланиты побледневши орумянит
Моей холодной кровью!

2

Антигона приходит с факелом с двумя невольницами;
она бросается на труп Полиника и рыдает.

Антигона

Брат! мой брат!

Полив

*(долго стоит молча, смотря на небо; потом подходит
к Антигоне)*

Царевна! Антигона! прекрати
Печаль свою — она безмерна; вспомни,
Твой брат теперь еще не погребен,

И тень его блуждает в Орковых
Пределах.

Антигона
(встает с ужасом)

Старец! ты ли, ты ли
В глухую полночь ноешь при гробницах?
Любезный старец! — и ты не поведал
Сестре его — и сам хотел сокрыть —
Один хотел сим благом насладиться
И после поносить мою холодность!

Полив

Уведомить тебя, царевна, я
О сем не смел; — мужчин едва я мог
Склонить, чтоб яму вырыли; — то ты ль,
Ты, дева, будешь здесь присутствовать
Без страха?

Антигона

Я сестра, любимая
Его сестра! — он брат — любимый брат!
Но мы напрасно медлим: Сервия!
Амикла! помогите нам его
Спустить в могилу.

Полив

Дух Полиников!

Как если истина, которую
Внушали нам с младенчества; как если
И днесь, блуждая в пропастях бездонной
Неизмеримости, не потерял
Той чувственности бытия, какая
Одушевляет в жизни нас, — воззри
И улыбнись! мир праху твоему!

Антигона

Мир праху твоему, Полиник, брат!
Мир праху твоему!

Все медленно опускают его в могилу. Полив стоит в иступлении,
склонив голову на заступ; Антигона в мрачном рассеянии.

Антигона
Довольно!
(К невольницам)

Вы
Оставьте здесь свои цветы — и в город
Ступайте! — я за вами буду.

Сервия
Но,
Царевна! ты одна — в глухую полночь —
За Фивскими стенами — Антигона! —
Ужасно ночь темна — и факелы
Тускнеют...

Антигона
Братня тень мне верной
Путеводительницей будет — я
За вами буду; удалитесь.
Невольницы уходят.

3

Полив
Но,
Царевна! помнишь ли Креонов ты
Указ? — Прикосновение к сему
Несчастному нам жизни может стоить.

Антигона
И ты, старик, и ты сего страшишься;
Когда я — дева — презираю — я
Отважилась идти сюда! — и если б
Креон стократно угрожал, пошла бы.
Он царь — я дочь царева, — и Эдип —
Я очень помню — мой отец — недавно
Его владыкой был.

Полив
Царевна! так —
Но злобный сей тиран не смотрит на
Народ, на пол, на слезы — ни на возраст.

Антигона

Что ж в том мне? я сама на все его
Не посмотрю угрозы — и предам
Земле несчастный братнин труп.

Полив
(с ужасом)

Царевна!

Раба твоя опять сюда спешит.

Антигона
(с недоумением)

Как! Сервия? опять сюда? зачем?

4

Сервия

Спешу, царевна! прочь спешу! измена —
Ужасная измена — и Креон
Со всею стражею идет сюда. —
Моя подруга — иль иной кто всё
Открыл — Креон известен обо всем.
Спешу заблаговременно!

Антигона

Креон известен?

Полив

Обо всем? Фивейцы!
Вы этого пятна не смоете
С себя ручьями слез, реками крови.
Спасайся, Антигона!

Антигона

Ты, старик,
Ты шутишь? иль я показала робость
При этой вести? Верная моя
Подруга Сервия! скажи, каким
Злосчастливым образом Креон узнал
Об этом? иль враждебный демон наш
Открыл ему?

Сервия

Об этом я сама

Не знаю; только был тогда Креон
При Евридике и Эмоновом

Одре, как получил известие
Сие, — и ярость в нем заклокотала.
Немедленно он страже повелел
Собраться — и, не внемля воплям и
Молениям Евридики и стенаньям
Эмоновым, бежит сюда.

(С ужасом)

Смотри!

Вдали показываются факелы.

Погибли мы!

Антигона

Ступай сюда! ты их
Минешь и придешь в град проходом тайным.

Сервия с робкою поспешностью уходит.

Полив

По крайней мере, мы его землей
Покроем хоть немного. Антигона!
Спасайся! я один останусь и
Умру с Полиником.

Антигона

(в исступлении, но потом радостно)

Старик, покроем
Его землей. — Креон, быть может, и
Захочет откопать его...

Оба вбрасывают земли в могилу.

При крае сей могилы посажу
Цветы сии — пускай они ему
Благоухают.

Креон приближается. Антигона вскакивает с веселою миною сумасшествия и схватывает Полива за руку.

Но — вот и Креон!

Креон со стражею.

Креон долго смотрит на Антигону со всем гневом и презрением;
потом оборачивается к Поливу.

Креон

И ты! а! подлый раб! и ты своими
Преступными руками прикоснулся
Бунтовщику сему — разбойнику?

Полив

На сих руках носил я некогда
Эдипа; ими же погреб сего
Несчастливого! он сын Эдипов!

Креон

Стражи!

Окуйте злобного раба! велю,
Чтоб чрез три дни его во всей моеї
Беотии следа не видно было.

Полива отводят на сторону, оковывают; он стоит неподвижно.

Креон

(Антигоне)

И ты, преступница! ко мне приближься!
Как ты могла послушаться меня?
Меня — и дяди — и владыки! — Как
Осмелилась с Поливом, подлым сим
Рабом, украсться из оград фивейских?
Безумная! безумная!

Антигона

(после малого молчания)

Смотри,

Смотри ты на меня, Креон! неужли
Ты видишь хоть малейшу тень боязни?
Смотри — я улыбаюсь, я смеюсь —
Твои угрозы презираю — а тиран —
Я сколько знать могу — тогда неистов,
Когда перед собой зрит трепетных.

Креон
(в удивлении)

Не понимаю я — отколь в тебе
Сия кичливость?

Антигона

Не кичливость, а
Решимость умереть — и ты мне боле
Со всем усилием не можешь сделать.

(Подходя к нему ближе)

Смотри, Креон, как мал пред тем тиран,
Кто не боится смерти!

Креон
(с яростию)

Мы посмотрим!
Посмотрим. Стража! приступи!

Стража подходит к нему.

Возьмите

Преступницу, и я хочу, чтобы
Она была с Полиником в одном
Сем гробе.

Полив подбегает к гробнице Кадмовой, падает на колени и, склонив голову к камням, пребывает в сем положении. Стражи подходят к Антигоне.

Антигона

Фивяне! я дочь Эдипа!

Стражи отступают.

Креон

Бездушные! ее страшитесь? кто
Здесь государь? — Эдип-кровосмеситель
Иль я?

Антигона

(с ужасом отступает тихо, с робостию)

Кровосмеситель!

(Погружается в задумчивость.)

Креон

Я или

Эдип-кровосмеситель?

Стражи подходят к Антигоне.

Антигона

(с бешенством Креону)

А! злодей!

Злодей! — чем оскорбил тебя несчастный
Отец наш, что ты так его бесстыдно
Поносишь? — О тиран, тиран! иль тем
Ты мнишь в своих рабах возжечь к нему
И ненависть, и злобу? — о безумный!
Ты злобен на меня — за что же, изверг,
За что порочишь ты несчастного?
Ты смертью меня стращаешь? — Что,
Что смерть? она хамелеон, — и для
Тебя, чудовище, хамелеон
Сей будет гнусным остовом, каким
Изображают смерть: она взнесет
На адскую твою главу косы своей
Булатно жало — и своими — так!
Своими хладными руками гроба
Откроет крышку; — но меня другая
Постигнет смерть: младенец кроткий, милый,
Младенец нежный даст мне розу — я
Украшу ею грудь — и наслажусь
Ее благоуханий — и в могиле
Засну спокойно.

Креон

(с яростию)

Стражи!

Стражи толпятся к ней.

Антигона

(удерживая их)

На минуту

Постойте, — я готовлюсь умереть
В сей тесной мрачной яме; — так, Креон!
Так, так! я вижу на твоем лице
Довольство, радость — улыбнись, Креон!

Ты только улыбнись теперь — и будешь
Подобие разящей фурии!
Рассмейся! . .

Короткое молчание.

Нет, нет, нет! бывает миг,
Что и тиран воспоминает, что
Он также человек; — но я умру,
Умру в могиле сей, — и мысль, сия
Блаженна мысль: «Я умираю с братом
Полиником» — придаст мне радости,
И я умру спокойней, чем Креон
На тирском засыпает пухе!

(Становится на колени)

Брат!
Прими меня в свои объятия!
*(С воплем бросается в могилу;
долгое ужасное молчание.)*

Креон
(хладнокровно)

Стражи!
Землей засыпьте яму!

Стражи засыпают яму землю.

А теперь
Пойдем во град! — мне жаль царевны; но
Она преступница — и мой закон —
Мое желание — исполнить должно. —
Пойдем!

Стража стоит с ужасом.

Но что там — я — мне кажется,
Я вижу свет?

Один из воинов

Креон! се Евридика!

Креон

Супруга? средь полуночи? зачем?

Евридика с невольницами.

Евридика

(с бешенством подбегает к нему)

Куда, куда, злодей, укрыться хочешь?
Тень сына моего — повсюду за
Тобой стремиться будет. — Зри, злодей!
Смотри! я вся в крови — в крови сыновней —
И ты виной всему! — О боги! где
Перуны ваши?

Креон

Где, супруга, твой

Рассудок?

Евридика

Ах, злодей! злодей! злодей!
Но тигру говорить о жалости!
Что можно говорить? — глаза твои
Пылают кровью — как! не я ль тебя
Молила, чтоб ты пощадил сие
Невинное дитя, царевну? — не
Молил ли на коленях, изверг, не
Молил ли и Эмон тебя? он плакал —
Стенал — и ты — ее сразил! — злодей!

Креон

Я не был в Мёмфисе и не умею
Отгадывать таких иероглифов.

Евридика

Иероглифов? — о Креон! — и ты
Смеешься! — знаешь ли, что эта
Улыбка будет некогда тебе
Бесчисленных конвульсий стоить — там,
Где чуждую с тебя сорвут корону?
Увидишь, как смеяться будет царь,
Смеявшийся здесь воплям бедных!

Креон

Стража!

Возьми и отведи ее во град!
Быть может, утром возвратится к ней
Рассудок.

Евридика

А! тиран! ты так со мной
Осмелился! — но что — что с извергом
Возможно говорить? злодей! — знай, я
Из града шла, чтобы опять в него
Не возвращаться боле; и на гробе
Царевны, и в крови сыновней — а!
Ты видишь эту кровь? — и в сей крови
Сыновней пасть — и путь тебе, злодей!
Предуготовить.

Креон

(к страже)

Воины! пойдём.

Евридика

(удерживая его)

Предуготовить путь тебе, злодей!
Я адские места наполню воплем;
Наполню стоном и слезами, и
Вооружу против тебя все тени
И добрых, и злодеев — прочь, тиран!
Ступай теперь! — постой! постой! — тебе
Была приятна кровь его, упейся —
Упейся и моей!

(Закалывается.)

Ужасное молчание; Креон дает знак одной из невольниц, чтоб она
приблизилась.

Креон

Что это? ты

Мне можешь объяснить, что это?

Невольница

Ах!

Твой сын теперь повержен — мертв твой сын.

Креон
(с ужасом)

Эмон мой мертв?

Невольница

И Евридика, не
Возмогши перенести удара, видишь —
Сама себя сразила.

Креон

Но кто сына

Сразил?

Невольница

Он сам, как скоро он увидел,
Что непреклонен ты к его мольбам —
И хочешь Антигону смертию
Казнить — он раны растерзал и пал
В крови произнося проклятья.

Креон
(с трепетом)

На

Кого?

Невольница

Прости рабе!

Креон
(с яростию)

Проклятья? на

Кого?

Невольница
(вполголоса)

Креона.

Креон
На Креона!
(Улыбается.)

Молчание.

Я

Теперь всё знаю.

(Подходит к Евридике, вынимает из груди кинжал, улыбается — и бросает на могилу.)

Страженачальник

Государь! ты бледен!

Креон

Мы завтра погребем их, а теперь
Пойдем во град.

(Идет; подходит к телу Евридики и трепещет.)

Страженачальник

Креон, о государь!

Ты ужасаешь нас.

Креон падает без чувств на землю; всеобщий ужас; воины поднимают его и поддерживают.

Воин

Страженачальник!

Гонец из Фив сюда спешит. — Конечно...

Страженачальник

Конечно, новы бедствия разят
Несчастный град.

Вестник

(прибежав)

Где государь? где он?

(Увидя Креона, стоит в недоумении.)

Страженачальник

Что сделалось еще во Фивах? что?

Вестник

Спешите в город, — там смятенье, бунт.

Страженачальник

Смятенье? бунт?

Креон

(как бы просыпаясь, вполголоса)

Смятенье? бунт во граде?

(Вырывается из рук стражи)

Прочь, прочь, изменники! связать меня
Хотели вы, или сковать — злодей! —
Кто смел меня держать, когда во граде
Пылают бунты? А! предательство,
Измена! — и рабы мои — и черви —
И прахи ног моих ползущие
Кичатся...

Стража с трепетом отступает.

Страженачальник

(приступив к нему)

Государь! неправо ты
Поносишь нас изменой, если мы
Готовы кровь пролить за государя. —
Мы сами ничего не ведаем
Ни об изменах, ни предательствах.

Креон

(к Вестнику)

Откуда ты? зачем? какие вести
Принес ты мне?

Вестник

Прости, когда они
Не будут радостны тебе. Как скоро
Сюда пошел ты, чтоб казнить царевну,
Уже молва, везде спешащая,
Дала знать Фивам, что ты и казнил
Уже ее. — Вскруженные вином,
Фивейцы бросили свои бокалы,
Подъяли копья — и вломились в храм,
Где сын твой был с твоей супругой. Там
Они поведали об Антигоне —
Об участи ее и смерти, и Эмон,
Произнеся ужасные проклятья на
Тебя, раскрыл в груди смертельны раны —
Упал у ног твоей супруги. — С воплем —
С рыданием она спешила вон;

И прежде, нежели ушла за стены,
Является Исмена средь народа; — и
Мы ахнули! — мы восстенали, видя
Несчастную царевну: — яд уже
В груди ее свирепствовал. Глаза
Едва-едва мелькали слабым светом;
Запекшиеся губы не могли
    Нам изъяснить ее стенаний;
Она рыдала — и мы все рыдали.
Последние ее слова: «Я смерть
    Приемлю за сестру и братьев!» —
Сии слова уже последни были.
Народ в волнении — и храм твой и
Чертог наполнен, — поспеши во град
И успокой.

Креон

*(долго стоит молча; но на лице его видны
    знаки ярости; он, потрясая копьем)*

Кого мне успокоить?
Червей кичащихся? под прахом ног
Моих они задохнутся!

(Убегает.)

Воины спешат за ним; невольницы уносят тело Евридики.

Полив

(встает)

    Пойду,
Пойду, — и в самом аде быть ужасней
Не может.

(Бежит)

Ах! куда? и не проливши
Ни слезки на могилу сих несчастных?

(Падает на могилу.)

О ты! Отец всего! неужли я —
Один я для тебя не внятен? — я,
Презренный от людей, поруганный,
    Изгнанный! — нет! нет! кто возможет
Внимать червя жужжанию, коль на тверди

Гремят перуны и небесны своды
Трещат? — кто, кто, кроме тебя, отец
Зевес! един внимаешь ты как червю,
Так и гиганту; их стенанья ли или
Восторги радости; — ты внемлешь и
Меня, которого презрели люди,
Который исключен из общества
Живых — ты внемлешь и меня. — Даруй,
Чтоб эта, сединой покрытая
Глава, после сея кровавой ночи,
Уже не озарялась более
Восходом солнечным! молю! молю!

*(Преклоняет голову к земле и пребывает
долго в сем положении.)*

**СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ГЛИНКА**

Сергей Николаевич Глинка родился 5 июля 1776 года в селе Сутоки, Духовищенского уезда, Смоленской губернии. Учился в Петербурге, в Сухопутном шляхетском корпусе (1782—1795). В годы ученья Глинка начал писать стихи. Первым напечатанным его произведением была ода «Песнь великой Екатерине» (1794).

По окончании шляхетского корпуса Глинка служил в армии (1795—1800). Живя в Москве, он сблизился с актерами С. Н. Сандуновым, Я. Е. Шушериным, В. П. Померанцевым, П. А. Плавильщиковым и стал переводить с французского оперы для известного антрепренера Медокса. Некоторые из этих опер были напечатаны («Тайна», «Странная предприимчивость, или Притворный жокей» и др.).

Не чувствуя призвания к военной службе, Глинка вышел в отставку с чином майора. После трехлетнего пребывания на Украине, где он жил в качестве учителя в доме одного помещика, Глинка вернулся в Москву и возобновил свои занятия в театре, при котором он теперь состоял в звании «переводчика и сочинителя» (до 1808 года). В 1802 году в Москве была с успехом представлена его «героическая опера» «Наталья, боярская дочь», написанная по мотивам одноименной повести Н. М. Карамзина. Позднее эта опера была переделана Глинкой в четырехактную «героическую драму» с хорами. Первое представление этой драмы на петербургской сцене состоялось 30 августа 1805 года. Роль Алексея Любославского исполнял А. С. Яковлев. В роли Натальи выступала Е. С. Семенова. По словам рецензента, «публика была весьма довольна драмою г. Глинки». ¹ В Москве эта пьеса ставилась вплоть до 1817 года. Она была издана дважды — в 1806 и 1808 годах. Двумя изданиями — в 1806 и 1817 году — вышла и трагедия С. Н. Глинки «Сум-

---

¹ «Северный вестник», 1805, № 9, стр. 373.

бека, или Падение Казанского царства». Вслед за «Сумбекой» появилась другая его трагедия — «Михаил, князь Черниговский» (М., 1808). Затем были написаны: опера в двух действиях «Ольга Прекрасная» (1808), «отечественная драма» «Минин» (1809 и 1817), «героическая драма» «Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей» (1810), «героическая драма» «Антонио Гамбо, сопутник Суворова на горах Альпийских» (1817) и др. Деятельность Глинки-драматурга была замечена современниками. Не отличаясь глубиной идейного содержания и высокой художественностью, его пьесы действовали на публику заключающимися в них намеками на современность и яркостью их театрального оформления. П. А. Вяземский писал в статье-некрологе о Глинке: «Русская сцена оживлялась в свое время его трагедиями, операми, драмами; в том числе «Сумбека», «Наталья, боярская дочь», «Михаил, князь Черниговский» памятны и поныне театральным старожилам».¹

В 1808 году Глинка начал издавать журнал «Русский вестник», прекративший свое существование в 1824 году. «Русский вестник» находился на правом фланге тогдашней журналистики и имел оттенок «квасного» патриотизма.

1812 год был временем наибольшей известности Глинки, развернувшего кипучую деятельность в качестве первого ополченца. Он выступал с речами на площадях, на рынках, на улицах, призывая народ ополчиться против врага. По словам П. А. Вяземского, «Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства».²

После 1812 года популярность Глинки и его «Русского вестника» стала быстро падать. В жизни Глинки началась полоса материальных затруднений. В 1816 году он приступил к печатанию своей «Русской истории», выдержавшей три издания. С 1827 по 1830 год Глинка служил цензором в Московском цензурном комитете. Ему принадлежат интересные автобиографические «Записки», отрывки из которых были опубликованы при жизни автора. Отдельной книгой «Записки» вышли в 1895 году.

С. Н. Глинка умер 5 апреля 1847 года.

---

¹ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., 1879, стр. 336.

² Там же, стр. 341.

СУМБЕККА, ИЛИ ПАДЕНИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Трагедия в пяти действиях

ТВОРЦУ РОССИАДЫ

К бессмертию себе, Казани покоренье
Увековечил ты в эпических стихах:
Как в Риме Тассово, твое так песнопенье
Гремит у россиян в сердцах.
Восхитясь им, и я дерзнул идти к Парнасу;
Внимая Мельпомены гласу,
Низверженну во прах Казань изобразил;
Изобразил страстей содействия мятежны
И бедствия от них державам неизбежны.
Быть может, что себе невольно возвестил
Судьбину, равную с Казанью!..
Когда души моей к несносному терзанью
То сбудется со мной,
Утешусь, если взор животворящий твой
На разрушение Казани обратится:
Мой слабый дар твоим воззреньем озарится.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сумбекка, царица Казанская.	Хор прислужниц Сумбекиных.
Осман, князь Тавризский, влюбленный в Эмиру.	Народ.
Сагрун, честолюбивый и коварный вельможа двора Сумбеки.	Войско.
Сеит, первосвященник.	Дружина Асталонова.
Эмира, воспитанница Сумбеки, любовница Османа.	Послы русские.
Асталон, богатырь.	Вестник казанский.
	Вестник от царя Эдигера.
	Начальник Сумбекиной стражи.

Действие в Казани.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет внутренность Сумбекиных палат.

ЯВЛЕНИЕ 1

Сумбека и Осман сидят на диване; в некотором отдалении от них Эмира и прислужницы Сумбекины с разными музыкальными орудиями.

Хор

Любовь! любовь! душа вселенной!
Воззри, сколь силен твой закон.
В сем месте твой чертог священный,
И здесь твой лучезарный трон.
Сумбека, правя мрачным адом,
Одним Османа нежным взглядом
Живет и вечно хочет жить,
Чтоб, в нем всё зря, его любить!

Эмира

(поет)

Пусть для Османа век блистает
Веселий непревратных свет,
А если он печаль узнает,
Пусть сладость он и в ней найдет.
В любви и слезы, и мученье
Приносят сердцу утешенье.

В сию минуту встречаются взоры Османа и Эмиры.

Осман

Эмира!

(В сторону)

Ах, какой восторг я оказал!
Негодованьем дух Сумбекин воспылал.

Сумбека в гневе сходит с дивана; по знаку ее Эмира и прислужницы удаляются.

ЯВЛЕНИЕ 2

Сумбека и Осман.

Сумбека

Какое изъявил в сей час ты восхищенье?
Внезапное мой дух объемлет подозренье!
Эмиры произнес ты имя предо мной. . .
Эмиры! . . Так! для ней явил восторг ты свой.

Осман

Каким сомнением ты разум свой смущаешь!
К кому, к кому меня в любви подозреваешь?
Царице ли сих стран сомненье в чем иметь!
Влечения сердца нам не можно одолеть.
Природой ты пленять всех души сотворенна,
Судьбиною на верх величья вознесенна,
И, смертными родясь всеильно управлять,
Ты можешь власть свою и в Тартар простирать.

Сумбека

Одна мне власть мила, власть над твоей душою!
Забыв престол, себя, живу одним тобою.
Осман! судьбу мою в очах я зрю твоих;
Не для тебя ль Алей из мест мной изгнан сих?
Ты знаешь, Росский царь, его считая другом,
Хотел, чтобы моим назвался он супругом;
Хотел, чтобы со мной делил он трон и власть:
Но, кроме сердца, кто законы сердцу даст?
Клялся ты мною жить. . . но если обольщаешь!
Или неистовства ты ревности не знаешь?
Сколь страстно я люблю, столь люто мстить могу.
Нет! нет! лишь одному сердечных чувств врагу
Приличен лести яд! . . Коварство обольщает.
Любовь за страсть души любовью отвечает.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Вестник.

Вестник

От камских берегов прибывший в град Сеит
Велений ждет твоих, чтобы сюда вступить.

Сумбека

Вели ему войти.

Вестник уходит.

Небесно изречение,
Осман, душе моей отдаст успокоенье!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Сеит.

Сеит

О небеса! Осман сей не оставил град!
Итак, неложну нам вещал погибель ад.
Себя, престол и нас спасай, спасай, царица:
Уж мстительных небес простерта к нам десница.
Велением твоим на Каму удален,
Ходил я к тем местам, где храм сооружен
Духам, блюстителям величия Казани;
С жрецами их вотще я простирал к ним длани
В течение десяти дней скорбных и ночей.
Томясь отчаяньем, лишась надежды всей
Узнать, кто победит в войне теперь кровавой
И будет ли Казань еще греметь со славой,
От алтарей духов уже стремились мы,
Как вдруг — покровами неизреченной тьмы
Смятенна ужасом природа облеклася,
Ударил гром, духов обитель потряслася,
Со берега Камского вихрь бурный восшумел;
Казалось, что тогда мир рушиться хотел.
Среди сих ужасов слова сии мы вяли:
«Почто моленьем вы меня обременяли, —
Воскликнул вождь духов, — несчастный смертных
род,
Кто бедствия тебя предузнавать влечет?»

Я гибну! и, навек лишаясь сил прежних,
Казанцам возвещу о бедствах неизбежных,
Чтоб от погибели предохранить их град.
Коль Крымский князь Осман, притворства льющий
яд,

Сумбекою из стен извержется Казани,
Вотще россияне на вас воздвигнут брани,
Но горе, коль она не разлучится с ним!
Падет, падет Казань; падет!» — и с словом сим
Во мрачных облаках гром ярый повторился;
А дух, вещавший мне, на запад устремился
И в виде огненной змеи повергся там.
Царица! ты подать спасенье можешь нам.
К защите наших стран вновь призови Алея;
Османа изгони: в нем зрит Казань злодея.
Вещай! Уже перун небес греметь готов.
Что власть людей пред тем, кто власть низверг
духов?

Сумбека

Сумбеке ль верить сим пророчествам ничтожным?
Сумбеке ль дух смущать предвестием столь ложным?
Иль всё то истина, чем глас волхвов гремит?
Сильней пророчеств всех нам сердце говорит.
В Османе божество оно мне представляет;
Взор, слово от него уставом почитает.
Не прорицаю, лишь сердцу верю я;
Заставит ад молчать волшебна власть моя.

Сейт

О непреклонное упорство лютой страсти!
Внимая гром небес и зря пути к напасти,
Стремишься ускорять удары ты судьбы!
Но в страсти суетны все к небесам мольбы.
Царица! вспомни, с кем готовишься ты к брани?
Чьей силою возник Свяжск в виду Казани,
Кем некогда Мамай пал Дона на берегах,
В чьей грозной длани смерть, а бог и царь
в сердцах;
Мир удивить кого судьбы определили, —
Те россы уже стан близ стен сих учредили!
Их царь, сам вождь полков. . .

Сумбека

Царь может их узнать,
Как гордость иногда способна ослеплять!
Не тех ли царь он стран, которы, в униженье
Дань принося ордам, от них свое владенье
Покорства своего приобретали в дар?
От Крыма может быть готов ему удар.
В кичливости своей льстясь овладеть Казанью,
Иль к нам, иль к Крыму он пойдет с позорной данью.

Сеит

Небесныя судьбы устав неодолим!
Сей царь, которого у стен Казани зрим,
Не принимать, рожден предписывать законы.
Я свято чтил всегда величие короны,
Но лести не хочу ничтожным быть рабом.
Царица! поразить нас должен россов гром;
От сильной длани их престол твой сокрушится.
Пылая ревностью, и Асталон стремится
Сумбеке отомстить; он скоро будет здесь;
Очувствуйся, услышь вещание небес.
Один, один Алей, Касимовский владетель,
В сих бедствах может быть Казани благодетель:
Его Российский царь дает в подпору нам.

Сумбека

Тот враг отечества, кто друг его врагам.

Сеит

Не мы ль против себя Алея раздражили?
За искренность его коварством мы платили;
За благости — ему уготовляли смерть.
Сколь твердый, редкий дух тому должно иметь,
Кто к пользе общества усердием пылает!
Для блага общего себя он забывает.
Для нас мучитель тот, кто наших враг страстей;
Вот пред Казанью чем виновен стал Алей.

Осман

Сумбека! исполняй небесное веленье;
Готов я вечное претерпевать мученье.
Коль требуют того и небеса и ад,
Изгнанием меня спаси, спаси сей град.

Сумбека

Мне, мне изгнать тебя! хотя бы вся вселенна
Во гневе на меня была вооруженна,
Всех смертных ярость я и гнев небес стерплю,
Но от души моей тебя не отдаю.
Когда падет Казань, свершится то судьбиной;
Сеит! всех наших бед она одна причиной.
Искала ль я венца и трона здешних стран?
К неволе тягостной величья жребий дан.
Ах! в жребии моем спокойном и безвестном,
В каком веселии я дни вела прелестном!
Невинны радости, любовь моих подруг,
Беседы нежны их мой услаждали дух.
Вкушая мирный сон, к отраде пробуждалась!..
Отрада дней моих навеки миновалась.
К престолу я судьбой была осуждена;
За пышну власть царей Сумбека продана.
В порфире и в венце я слезы проливала,
Не тронов — для себя душа души искала.
Явился здесь Осман! он жизнь мне возвратил!
И неба глас велит, чтобы он изгнан был!..
Над чувствием сердец и небеса невластны.

Сеит

Итак. . .

Сумбека

Сеит! твои советы все напрасны.
Поди пророчеством невежество смущать,
Но впредь не смей раба ты должность нарушать.

Сеит уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сумбека и Осман.

Сумбека
(в сторону)

Я прорицалища веление отвергла,
А муки тем моей сердечной не избегла.
Я ревность чувствую. . . О, лютое терзанье!

Не возмущай меня, ты лишь одно мечтанье.

(К Осману)

Сегодня разделишь со мной ты власть и трон;
Казани, подданным моим вешай закон
И взором вечны мне предписывай уставы.
Ты будешь для меня залогом счастья, славы. . .
Осман! ты от моих смущаешься речей?
Ужели нежности и дар любви моей,
Дар сердца моего тебя обременяет?

Осман

Кого из смертных блеск величья не прельщает!
Но если сбудутся Сентовы слова
И если праведна народная молва,
Страшусь, страшуся быть виной твоей напасти.

Сумбека

Едина мне напасть — твоей премена страсти.
Узнай, Осман, узнай, как я тобой горю:
Я неминуему Казани гибель зрю.
Я знаю, что престол мой должен сокрушиться,
Что бог, России бог, здесь должен водвориться. . .

Осман

Что слышу! . .

Сумбека

Уж давно велел предел небес,
Чтобы российский царь владычествовал здесь.
Я предрекла сама сие определенье:
Ты помнишь время то, как наше ополченье,
Супругу моему идти стремясь вослед,
В Россию принесло стечение всех бед,
Рождаемых войной, губительницей смертных.
В то время Сафгирей, среди торжеств несметных,
Смутивши Вологду, град Галич, Кострому,
Пришед в Казань, спешил ко взору моему
Торжеств, побед своих явить венцы блестящи.
В одре меня тогда держал недуг палящий:
Но, дивной силою в тот подкрепяся час,
К супругу моему я сей простерла глас:
«Оставь, оставь свое ничтожно ликованье!

Ах! смертных торжество есть только сна мечтанье.
Чей в мир сей первый шаг со гробом сопряжен,
Величием своим тот тщетно упоен.
О, Сафгирей! я зрю ужасное то время,
Когда твои страны постигнет люто бремя
От тех, кому теперь напасть ты причинил:
Их в жертву христиан злой рок определил».
Осман! быть может, час уж скоро тот ударит,
Когда Сумбека трон и бытие оставит!
Но вечность мне ничто пред мигом тем одним,
В который зрением питаюсь твоим;
Милее жизни мне любви одно мгновенье.
Прости! иду приять о царстве попеченье
Не для себя, но чтоб тебя лишь сохранить!
Сего дни вечной нас союз соединит;
А завтра, важную имел к тому причину,
Хочу переменить Эмирину судьбину.
Оставить навсегда Казань она должна;
Ты нужен мне один; в тебе — мне жизнь дана!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Осман
(один)

Нет! нет! вотще грозишь Эмире ты изгнаньем!
Любя, я не прельщусь величия сияньем.
Эмира! жребий нас один соединил!
От первых дней моих судьбой гоним я был,
И ты с младенчества терзалася мученьем.
Не утешалась ты родителей воззреньем,
Сим первым счастьем чувствительных сердец.
Сумбека! отдавай другим ты свой венец...
Твой трон — мой гроб... но чем, чем помогу Эмире?
Ах, кто участвует в страдальцах в этом мире!
Погибнуть должно нам во цвете наших лет...
Погибнуть... Нет! любовь мне подает совет:
Сагрун! давно блистать ты алчешь на престоле;
Имей всесильную власть, Казанью правь по воле,
Лишь мне с Эмирою к спасенью путь яви:
Сколь сердцу сладостно всем жертвовать любви!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет площадь: по одну сторону дворец царей казанских, по другую — великолепная мечеть; на конце театра видна река Казанка, на правом берегу оной некоторое возвышение.

ЯВЛЕНИЕ 1

Сагрун

(в сопровождении народа)

Казанцы! вам ли дух отважности терять?
Привыкли гордых вы давно врагов смирять.
И днесь росс, суетной надеждой обольщенный,
Строптивостью своей к стенам сим привлеченный,
Едва явитесь вы, пред вами в прах падет,
Когда, заслуги чтя, ваш голос изберет
Вождя, способного сопровождать вас к брани.
Сагруновы давно привыкли уже длани
Владеть оружием и лавры пожинать.
Когда б я чтил мечты, я б мог еще сказать,
Сколь мой отличен род случайностью породы,
Но должно ль разбирать тогда различны роды,
Когда отечества стнящийся слышим глас?
Я славой озарен, известен я чрез вас.
И кто же в мире сем, из славимых героев,
Велик лишь был собой среди кровавых боев?
Всё вам принадлежит! . Царице вы своей
Явите, кто престол делить способен с ней;
Кто может сим стенам и ей быть в защищенье:
Я собрал вас к тому, внушив ее веленье.

Один из народа

Кто, кроме Сагруна, достоин власти сей?
Ты сохранишь народ отважностью своей.

Сагрун

Так! так! вы отрасль тех героев знаменитых,
Гремевших славою и лаврами покрытых,
Которых некогда мир целый трепетал.
Их тот же самый жар бесстрашья воспалял!
Воскреснут снова в вас Чингисы и Аттилы;

Рассыплет ваша длань россиян горды силы.
Россия целая есть нашей славы храм!
Но если в сих местах пришлец царь будет нам,
Коль князь, лишившийся отеческого трона,
Всевластным будет здесь подателем закона,
Когда Осман, кем дух царицы воспален,
Нам будет в этот день владыкой наречен, —
Сколь лютому тогда подвергнемся позору!
Нам зреть в стране своей от чуждых рук подпору!
Сей нестерпимый рок предупредим, друзья!
Не за себя, за вас стремлюсь в опасность я.
Лишася славы, жить на что на свете боле?
Готов подвергнуться ужаснейшей я доле,
Чем быть свидетелем столь люта торжества;
Друзья! народа глас есть голос божества.
От вас могущество властители приемлют,
Чрез вас законам их пределы мира внемлют;
Вы учреждать должны избранье на престол:
Священнее всех прав народа произвол.
Не жизнь, но славу дел своих вы соблюдайте;
К правленью пришлеца мечом отпор являйте.

Один из народа

Сагрун! во граде сем иль будешь ты царем,
Иль мы за честь свою и за тебя умрем.

(Извлекает меч, и все ратники то же делают.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Сейт, Сагрун и народ.

Сейт

Куда стремитесь вы? К чему мечи сии?
Сагрун! вот замыслы коварные твои.

Сагрун

В чем ты винишь меня?

Сейт

В тщеславии мятежном.
Зря град и сограждан в несчастье неизбежном,
Бразды правления заgrabить алчешь ты.

Сагрун

Кто обо мне внушил тебе сии мечты?

Сеит

Твое желание владеть граждан умами.
Лия народу лесть коварными устами,
Ты в сердце пагубу готовишь для него.

Сагрун

Животворя в нем дух, ужель гублю его?

Сеит

Ты пагубен ему, в нем гордость возжигая
И власть ему на то мгновенну присвоая,
Чтоб прихотям твоим невольно он служил;
Коварства завсегда народ игрою был.

(К народу)

Народ! покорен будь уставам вышней власти;
От безначалья шаг к тиранству и напасти.
Ласкателей своих коварный глас отринь;
Любостяжание для них устав один.
Среди развалин царств оно чело возносит
И, алча всем владеть, всё в дань страстям приносит.
Любостяжание, геенны люта дщерь,
Отверзло в этот мир всем злоключеньям дверь.
На разрушение, на гибель всей вселенной
Возрело бы оно усмешкой ухищренной,
Когда бы льстилося в том выгоды найти;
Бог, вера и закон — вот к счастью пути!
Велик народ, в душах почтенье к ним хранящий,
Он славен в счастья, и даже рок разящий
Не может твердости его поколебать.
Друзья! не Сагруну, стремитесь им внимать
Или небесного страшитесь пораженья...

Сагрун

Так от бездействия мы ждать должны спасенья?
Как агнцы пред врагом должны мы трепетать?
Должны ему себя и город сей предать?
Сеит! не власть небес и трона отвергаю,
Но честь свою хранить казанцев подвигаю.

Согласен я, пускай Сумбека изберет
В вожди того, кто блеск Казани соблюдет. . .
Но вот она! Сеит, забыв свои раздоры,
На благо общее прострем мы наши взоры.

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и Сумбека, в сопровождении стражи.

Сагрун

Здесь собранный народ велением твоим,
Ужасным жребием смущаяся своим,
Царица! глас к тебе усердия возносит,
Казани от тебя защитника он просит:
Твой зыблущийся трон над бездною стоит,
Уж над главой твоей гром яростный гремит,
И небо, кажется, нам боле не внимает. . .

Сумбека

Оно правителя Казани назначает —
Осман владыкою здесь будет наречен.
Став брака узами со мною сопряжен,
Явит достойного владыку он Казани.
Казанцы с ним греметь на поле будут брани.
Он твердость сохранит священных наших стен.
Кичливый будет росс Османом покорен.

Сеит

Царица!

Сагрун

(в сторону)

Можно ль мне терпеть сие презренье?

Сеит

Или забыла ты небесное веленье?

Сумбека

Мне волею небес к правленью скипетр дан,
От них же наречен супругом мне Осман.
Ему была Казань обязана спасеньем,

Когда россияне единым появлением
Мечтали низложить сей город навсегда;
Героя наградить пришла теперь чреда.
Героев слава всё собою украшает,
Она мгновенну жизнь бессмертию вручает.
Герою трон отдать есть мой священный долг!
Осман то утвердит, что защитит он мог.
Пусть, скипетром моим и царством владея,
Заступит место он в сем граде Сафгирея.

При сем словс ударяет гром, и берега реки Казанки колеблются.

С е и т

Вот знаменье еще неложное небес.
Судьба! коль хочешь ты, чтобы народ исчез,
Ты ум его владык ввергаешь в ослепленье;
У самой пропасти гордыни обольщенье
Внушает им, что всё к их упадет ногам.
Воззри! и Асталон несет оковы нам.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Асталон, в сопровождении своей дружины, сходит
с возвышенного берега реки Казанки.

А с т а л о н

Зри гром в руках моих, тебя карать готовый;
Еще ль сразишь меня упорностью суровой?
Коль не откажешь днесь ты руку мне свою,
Забуду прежнюю обиду я твою.
Один я укрошу врагов твоих строптивость,
Один низвергну в прах их буйну горделивость;
Освобожденная рукой моей Казань
От славы вечный лавр себе получит в дань.
Вселенная, ее величьем изумленна,
Узнает, чьей рукой была она спасенна.
Уж дерзновенный росс, кичением влеком,
Принес к стенам твоим молниеносный гром;
Готов он рушить град, тебя низвергнуть с трона,
Но вспять он побежит, увидев Асталона.
Сумбека! ты еще молчание хранишь?
Иль слабого во мне защитника ты зришь?

Иль силу ты мою ничтожной считаешь,
Иль новый мне еще отказ готовишь?

Сумбека

Кто усомнится в том, что силен Асталон,
Коль с удивленьем сам о том вещает он?
Я верю, что пред ним всё в мире вострепещет;
Что длань его перун неотвратимый мечет;
Я верю. . . но почто ж он усомнился в том,
Что тщетно он в Казань с угрозами влеком?

Асталон

Сумбека! мне терпеть столь лютое презренье?
Казанцы! ваших стен и града разрушенье
За скорбь души моей заплатой будет вам!
В минуту повелю идти моим полкам;
Еще Российский царь в Свяжске днесь коснеет;
Близ стен, поставя стан, он приступить не смеет.
Я, я то совершу, чего страшится он!
Сразив вас, на него ударит Асталон.
Казанцы! глас к своей царице вознесите,
Свирепство в ней смягчив, себя и град спасите.
Народ готов преклонить колена.

Сумбека

Что вижу? можете ль вы подлыми столь быть,
Чтоб от чужой руки спасения просить?
Где ваш геройский дух, где к славе то стремленье,
Всю приводившее вселенну в изумленье?
Где почитание к бессмертным тем мужам,
Которые закон умели дать судьбам?
Супруг мой, Сафгирей! не ты ль по славной брани
Россию усмирял, предписывая дани.
Забыли славу мы, победы, нашу честь:
Не может твердый дух уничиженья снести.
Казанцы! будем ли рабами мы позора?
Среди лютейших бед отважность нам подпора.
Нет! нет! скорее ад и землю возмущу,
Чем помощи искать чужой вас допущу!

Асталон

Зови на помощь ад, а я в моей деснице
Найду, чем отомстить гордящейся царице!

Здесь каждый ужасом я мой означу шаг,
Казань и твой престол навек низвергну в прах.
Всю силу моего тогда познает мщенья:
Могу ли жертвой быть сего сопротивленья?
Презрительный еще могу ли зреть отказ?
Чтоб мне противустать, дай Тартару приказ.
Небесну власть, тебя и ад я презираю;
Уже лютейшим я отмщением пылаю,
И лишь на то хочу мой гром теперь сдержать,
Чтобы решительный удар Казани дать.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Вестник от царя Эдигера.

Вестник

Царица! Эдигер с ордами поспешает;
Любовь к отечеству его вооружает.
Известна всем ордам казанских гибель стран;
Росс хочет, чтоб венец Алею был здесь дан.
Царь Эдигер и с ним всех орд вожди вещают,
Что россы силу их оружия узнают.
Они надеются, что, зря врагов у стен,
Твой град, честь наших орд, им не отдастся в плен.

Сумбека

Скажи им, что Казань, цenia их уваженье,
Тогда их призовет к себе на вспоможенье,
Когда почувствует бессилие в себе
Противоборствовать и россам и судьбе.
Коль к помощи чужой без нужды прибегаем,
Паденья своего мы время ускоряем.
Прибавь еще ордам, что россам в помощь днесь
И Асталон свое оружие принес.

Асталон

Не россам помогать, но за себя отмщая,
В груди моей теперь гееннский жар питая,
Против тебя, против ордынских всех царей
Бесстрашно устремлюсь с дружиною моей.

(К Вестнику)

Скажи, что видел ты в Казани Асталона,

Что верным будет он рушителем в ней трона;
Что всех стремящихся ей вспоможенье дать
Врагами будет он своими почитать.

(К Сумбеке)

Сумбека! страсть мою к тебе позабываю,
Отмщением одним я дух мой услаждаю.
Любовь есть слабых душ ничтожная мечта!
К затмению умов сияет красота.
Пред силой в мире всё и слабо и ничтожно;
Кто властвовать рожден, всё для того возможно.
Иду — и горе вам! лишь возвращусь сюда,
Сей град с лица земли исчезнет навсегда;
И смерть тому, кому отдаст Сумбека руку;
Не небеса — мой меч я ставлю в том в поруку.

(Уходит в сопровождении ратников своих.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, кроме Асталона.

Сумбека

Грозящий суетно себе наносит стыд;
Казанцам слава их незыблемый есть щит.
Сагрун! устрой полки: лишь торжество свершится,
В которое со мной Осман соединится,
Мы в нападении врагов предупредим.

(К Вестнику)

А ты немедленно спеши к вождам своим;
Скажи, что им подать успею извещенье,
Коль нужно будет нам полков их вспоможенье:
Для стран своих родных должны мы жизнь хранить.

Вестник уходит.

(К Сеиту)

Сеит! спеши во всех мечетях возвестить,
Что тот, кого явлю властителем Казани,
В дни мирные отцом — героем будет в брани.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет внутренность Сумбекиных палат.

ЯВЛЕНИЕ I

Осман, Эмира.

Осман

Эмира! прекрати души своей мученье;
Нас смерть лишь разлучит, а не людей гоненье.
Сагрун нас защитит для выгоды своей.
Он алчет пышности, он счастье видит в ней.
К венцу стремится он; Осман всё отвергает:
В Эмире жизнь его, для ней он жить желает.

Эмира

Ты страждешь от меня, и жить ты хочешь мной!
Почто мы свиделись? я бед твоих виной:
В чертогах пышных сих душой я умираю;
Пустыни страшный вид вселенна мне являла.
Ни гласом матери, ни взорами отца,
Ничем, чем нежные пленяются сердца,
Не услаждалась я, ничем не подкреплялась;
Казалось мне, что я сама себя чуждалась...
Но вдруг от крымских стран пришел ты в город
сей...

Приход твой новый мир открыл душе моей;
Отверзло небо мне очей твоих воззренье.
А я, а я за то должна в вознагражденье
Тебе все бедствия собою причинить!
Стремись! тебе здесь трон и царство предстоит;
Стремись к судьбе своей, забудь гониму роком...

Осман

Что слышу я? В моем мучении жестоком
Ты можешь ли меня так люто поражать?
На блеск венца могу ль любовь я променять?
Твое мне сердце — трон, твоя любовь — вселенна...
Любовь любовью лишь быть может награжденна.
А ты, ты счастья во мне не хочешь зреть...

Э м и р а

(бросаясь в объятия Османа)

Не верь, Осман! — С тобой готова умереть!
Могу ль чего желать? — я всё теперь имею;
Сумбеке скипетр дан — а я тобой владею!
Но, ах! любя тебя, могу ль тебя спасти. . .

О с м а н

Любовь твоя мне всё, в ней всё могу найти.
Изгнанием тебе Сумбека угрожает
И завтра твой отъезд отсюда назначает. . .
Намеренья ее предупредим в сей день.
Лишь благотворныя прострется ночи тень,
Вверх участь мне свою; мы поспешим из града,
Куда все ужасы переселились ада.
Оставим злобный мир, где гибель одного
Другому к счастью путь; где золото — царь всего;
Где страждущим одна гробница утешенье,
Где с тронном предстоит мне вечное мученье.
Во мрачных скроемся пустынях и лесах:
Свет, жизнь и счастье — всё, всё у нас в сердцах!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Саг р у н.

О с м а н

Саг р у н! молю тебя, Османов будь спаситель,
В Эмире — дней моих несчастных будь хранитель!

С а г р у н

Узнай! лютейшие тебе судьбы грозят!
Сумбека, ревности в душе питая яд,
Эмиру заключить дала приказ в темницу.

О с м а н

Эмиру!

С а г р у н

Так; ничто не отвратит царицу
От ярости, чем дух в ней страстный воспылал;
Из смертных ей никто уставов не давал,
Неодолимое души ее киченье

К стенам сим привлекло России ополченье;
Для ней один закон — порыв ее страстей.
Страшись. . .

Э м и р а

Осман! живи; пусть я умру одна;
Для злополучия Эмире жизнь дана;
Но смерть мне за тебя и счастье и награда.
Я жертвую собой. . .

О с м а н

Пусть ужасами ада
Сумбека мне грозит! не разлучусь с тобой.
Мне жить, и ей отдать на волю жребий твой?
Нет! я не требовал ни скипетра, ни трона;
Пусть на челе ее сияюща корона
Подобострастие внушает сим странам:
Не власть ее — любовь дала уставы нам.
Сейчас я поспешу к владычице надменной;
Явлю презрением к ней дух мой воспаленный,
Пусть на меня прострет отмстительную длань. . .

С а г р у н

Отчаянью души отдав рассудок в дань,
Эмиру вовлечешь ты в пропасть неизбежну.
Свой жребий Сагруна вверх чувству безмятежну;
Рассудка голосу внимать не может страсть
И, сердце возмутья, ввергает нас в напасть.

Э м и р а

Будь, будь спасителем Османа дней бесценных.
Коль будет счастлив он, я в чувствах возмущенных
В последний жизни час весельем оживлюсь.

С а г р у н

Я к вашей выгоде единственно стремлюсь.

О с м а н

Ах! в первый раз жалеть я должен той судьбины,
Когда речение, когда мой взор единый
Отважные полки на брань могли стремить.
Но то, что отнял рок, — любовь то возвратит;
Эмирой я живу — погибну для Эмиры.

Сагрун

Но не раскаешься ль, отвергнув блеск порфиры?

Осман

Мне, мне раскаяться, отвергнув блеск венца!
Величие мертвит, а не живет сердца.
Не казни, не оков — престола убегаю!
Пустыню — пышности чертог предпочитаю.
Там, в отдалении от мест смущенных сих,
За трон, за блеск честей там в чувствах моих
Я непревратную за всё найду награду.
Эмиры нежному покорствуя там взгляду,
Отверсты небеса зреть буду пред собой!
Любовь! и мрак пещер украсится тобой.

Слышен за театром шум от приближения стражи Сумбекиной;
Эмира оглядывается.

Эмира

Сумбека к нам спешит...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Сумбека, в сопровождении стражи.

Сумбека

Теперь всё понимаю!
Весь ад души твоей коварной открываю.

Осман

Клянуся пред тобой и пред лицом небес,
Что для Эмиры я притворства бремя нес.
Для ней стерплю твой гнев и тяжкую неволю;
Легко могуществу стеснять невинных долю.
Престолом, скипетром ты льстишь душе моей,
Эмире смерть грозит, и я стремлюся к ней!

Сумбека

(к страже)

Преступницу сейчас в оковы заключите,
В ужаснейшу ее темницу отведите.
Пусть образ изверга с собой туда несет,
Пускай в любви к нему смертельную казнь найдет.

Э м и р а

Так! с образом его пойду во мрак темницы!
Люблю. . . и не страшусь гонения царицы.
Нет! нет! страшусь всего. . . у ног твоих молю —
Осмапа не губи. . . всё для него стерплю.

О с м а н

Не унижай себя; Сумбеке повторяю,
Что душу, жизнь мою в Эмире заключаю.
Эмира! оживись.

Э м и р а

(встав)

Жизнь — слово мне твое!
Забыла я в сей миг мучение мое.

С у м б е к а

Сумбека! что теперь твой скиптр, твоя порфира?
Ты рвешься, мучишься, — а счастлива Эмира!

(К воинам)

Ведите! . .

Воины уводят Эмиру.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме Эмиры.

О с м а н

Нет ее. . . всего Осман лишился!
Осталась жизнь, почто я с ней не разлучился!
Сумбека! если я тобою был любим,
Пусть поражусь в сей час отмщением твоим.

С у м б е к а

Нет, варвар! не прерву я дней твоих ужасных,
Томись в отчаяньи и горестях всечасных!
Стенанья тщетные к Эмире посылай;
Страданием одним свой зверский дух питай.
Злодей! я верила. . . а ты пылал другою.
Я шла против небес, чтоб только жить тобою. . .
А ты, тиран! а ты клятвопреступным стал!

Зачем меня своей любовью обольщал?
Кого мне предпочел в своем ты ослеплень?
Ничтожную рабу! — Какое униженье!
Здесь самодержица к венцу тебя зовет;
Власть беспредельную, порфиру, скиптр дает...
Не торжествуй, злодей! последнее воздыханье
Совместницы моей прервет мое страданье!..
Но что я говорю?.. Пускай она живет;
Ужель мне смерть ее отраду принесет?
Так! пусть живет она, пусть жизнь ее терзает;
Рыданием своим пусть слух мой улаживает!
В забвении себя, в забвении всего,
Всё в жертву принесу отмщенья моего,
И ты отчаянной власти страсти испытаешь...
Ты всё еще молчишь?

Осман

Ты смерть уготовляешь
Эмире... И меня тем хочешь ты склонить?

Сумбека

На всё отважусь я, чтоб ревность утолить.

Осман

Эмира! я твоим убийцею быть должен!

Сумбека

Тиран! чтоб обо мне был дух твой встревожен,
Чтоб, устроясь в разлуке быть со мной,
Ты поразился бы отчаяньем, тоской;
Тиран! за скорбь сию и за сие смятенье
Сумбека б отдала всё дней своих теченье!..
Несчастливая! о чем дерзаешь ты мечтать?
С восторгом будет он на смерть твою взирать...
К блаженству здесь его — лишь жизнь твоя
преграда...

Нет! поглотят меня скорее бездны ада,
Чем дам торжествовать совместнице моей!..

(К Сагруну)

Османа верности вручаю я твоей;
Пускай недремлющей он стражей оградится,
Доколе праведный мой гнев над ним свершится.

Сагун отводит Османа в сопровождении стражи.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сумбека
(одна)

Отмстим!.. Увы! кому, кому хочу я мстить!
Сразив его, могу ль единый миг прожить?
Мне погубить его!.. Доколь в нем сердце бьется,
Быть может, что ко мне любовью привлечется...
Ко мне? Несчастливая! не можешь льститься ты:
Надежды все твои теперь одни мечты.
Пусть тягота оков его обременяет;
Пусть о любви моей ему напоминает
Темницы вечной мрак... Я ль это говорю!
Я казнию его себе лишь казнь творю!
Пойдем к нему, пойдем...

ЯВЛЕНИЕ 6

Сумбека и Сеит.

Сеит

Царица! над тобою

Ударил гром небес! Мятежною толпою
Весь град стал в лютое смущенье вовлечен.
Упорностью твоей народ разогорчен;
Повиновения уставы нарушает
И с воплем речь сию мятежну возглашает:
«Увы! Сумбека нас приносит россам в дань;
Падет пред мощною десницей их Казань!
Алея, чьей рукой спасаемы мы были,
От нас суровости Сумбеки удалили».
Царица! скорбный вопль ты внемлешь чад своих!
Иль хочешь, чтоб твой скиптр был казнию для них?
И, глас самих небес всеильный презирая,
Их хочешь власть узнать, свой трон и жизнь теряя?

Сумбека

Разите, небеса, всей яростью меня,
Паду от ваших стрел, ваш гнев я не вина!
Там слышу ропот я народа возмущенна,
А в сердце страсти злой отчаяньем сраженна.
Не я ли царствие мое хранить клялась?
Ах! от самой себя Сумбека отрелась!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет густой лес; под тенню мрачных сосен видно несколько гробниц, между которыми отличаются великолепием: гробницы Мамая, Батяя и Сафгирея. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ 1

Сумбека

(одна)

В покое смертные, в покое вся природа!
Еще луч утренний не светит с горня свода,
А я, в смятении оставя одр и сон,
В обитель гробную несу с собою стон.
Внушеньем ли небес, иль сердца гласом тайным,
Или предвещием каким необычайным,
Влеклася я сюда... Сюда! Ах! здесь и там,
Повсюду он моим является очам;
И сна в мечтах он льстит надеждой мне коварной!
Ты льстишь!.. Погибнешь ты в сей день,
неблагодарный!
Свершится участи решенье здесь твоей.
Лишь Тартар челюстью пылающей своей
Мне возвестит твое ехидство непреложно,
Ты будешь в Тартаре!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Сумбека и Сент.

Сент

(не видя Сумбеки)

Итак, Казани должно
Погибнуть навсегда! Священный прах царей!
В час ночи к помощи стремлюся я твоей.
О вы! кем правилась Казань с гремящей славой,
Сумбеки видя дух, объятый злой отравой,
В спасительных мечтах вы ей предстаньте сна!
Быть может, вам явит покорствие она.
Проснитесь! ваших стран несчастное паденье
Всё в вечное с собой повергнет истребленье.

Стеняща вся Казань со мною к вам гласит.
(Готовясь преклонить колена, усматривает Сумбеку)
Что зрю?

Сумбека
Слова твои я слышала, Сеит!

Сеит
Ах! если чувством ты царицы оживилась,
Коль к прежней ты в душе Сумбеке обратилась,
К Сумбеке, кем предел Казанский весь гремел, —
Яви ты нам ее сияньем прежних дел.
Возри! здесь смерть сама, величья тлен стрегуща,
Смерть, с трона пышного во мрачный гроб влекуща;
Здесь смерть к тебе гласит; смерть! всей природы
страх!
Батый! Мамай! где вы? — Здесь ваш единый прах.
Где ваших блеск торжеств, где слух молвы
гремящей;
Где лести фимиам, вас к небесам взносящей?
Всё смерти мрак сокрыл! — Лишь тот велик один,
Над смертью и судьбой тот только властелин,
Кто, от небес прияв короны тяжко бремя,
Благотворением летящей жизни время
Умел из тьмы веков бессмертию предать.
Друг человечества не может умирать! . .

Сумбека
Так, я спасу сей град! — Спеши в стан Эдигера;
Его и нас одна одушевляет вера;
Оружие свое мы с ним совокупим,
Грозящих россов нам мы сами устроим.
Быть может, что одно счастливое мгновенье
Стыд панесет врагам, нам возвестит спасенье.

Сеит
Когда бы, как Сагун, я тронем был пленен,
Тогда, зря рок сих стран, я был бы устремлен
Очам твоим являть незыблему их славу.
Но я скорей умру, чем гнусную отраву
Ласкательства вкушу. Отвергнув бога, честь,
У пропасти всех зол ум ослепляет лесь.

Проникнув внутренне владык своих движенье,
Она на нем свое созиждет возвышенье.
Зря гибель царств земных, о счастья их гласит
И, злоковарствуя, приемлет кроткий вид.
Я небу дал обет всегда быть трону верным,
Быть другом сограждан моих нелицемерным;
В свидетельство теперь приемля сей обет,
Царица! повторить дерзаю мой совет:
Чтоб тучи отвратить готовящейся брани,
Алея избери в правители Казани.
Спасенье наше в нем; он царство охранит.

Сумбека

Покорство ко врагам для глав венчанных стыд.

Сеит

Их долг священнейший есть царства соблюденье.

Сумбека

Не гибель — для держав лишь страшно униженье.

Сеит

Унизится ль когда спаситель чад своих?

Сумбека

Сеит! не для себя зову орды, для них.
Страданья не страшусь: для скорби мы родимся;
В безмолвьи лишь могил покоем насладимся.
Уже в душе моей глас смерти вопиет;
Но для души моей покой единый — смерть!
Спешите! быть может, здесь я скоро водворюся...
Спешите! здесь с адом я беседовать стремлюся!
Он мрачность всю свою во грудь мне преселил;
Он для меня... в себя мир целый претворил.

Сеит

(отходя в ужасе)

Священный прах царей! храни сей град несчастный,
Волнению страстей и бедствам всем подвластный.
Колена преклонив, он молит вас со мной:
Сумбеку от нее спасайте вы самой!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Сумбека
(одна)

Безвестной силою в места сии влеченна,
Здесь в собеседницы зову тебя, геенна!
Из уст моих тебе известный вняв приказ,
Из мрачных пропастей возвысь ко мне свой глас.
Вещай: коль страсть моя должна быть безнадежна,
Коль, век любя, страдать мне участь неизбежна,
Гробницы царские в сей час поколебай
И громом яростным мой рок мне возвещай.
Вместилище всех зол, ты производишь страсти,
Царей и подданных влекущие в напасти.
Ответствуй мне! Но что, ты всё еще молчишь,
Иль более во мне Сумбеки ты не зришь?

Голос

Коль хочешь ты узнать судьбы своей решенье,
На Сафгиреев гроб иди в сие мгновенье.

Сумбека

На Сафгиреев гроб!.. могу ль ему вещать?
Прибегнем! бедства все решимся испытать.
Пойдем... Но отчего мой взор слезящий тмится?
Ах! страсть преступная природы всей страшится.

*(Устремясь ко гробу Сафгирея,
упадает на колена.)*

Стенанием моим подвигнись, мой супруг!
Смятенный горестью ты успокой мой дух!
Уже ты чужд теперь волнений всех во гробе;
А я, лютейших бед подверженная злобе,
И ад и небеса безжалостными зрю:
Не страсти, пламнем геенны я горю!
Коль правда, что любовь и мертвых возбуждает,
Ужель супруг во мне супруги не узнает?

Голос Сафгирея

Османа изгони! Иль ты, Казань, твой трон
Погибнете навек... Таков судеб закон.

Сумбека
(встает в беспмятстве)

Что слышу? Небеса! со всех сторон гонима,
Отчаяньем, тоской ужаснейшей томима,
Еще ль я тягость дней моих влачить должна?
Супруг мой! гибель мне тобой изречена. . .
Исчезнет твой народ, падет твоя держава!
Нельзя судьбины злой исполнить мне устава;
Хочу, но не могу тебе покорной быть!
Казань падет. . . нельзя мне страсти победить.
О Сафгирей! встань, встань из мрачна гроба;
Вот грудь моя, рази! Пусть смерти лютой злоба,
Пожрав меня одну, тьму жертв других спасет;
Клятвопреступником душа моя живет!

Гробница Сафгиреева колеблется. Молния блесит, и слышны удары
подземного грома.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сагрун и Сумбека.

Сагрун

Царица!

Сумбека

Чей еще здесь голос раздается?
Ужель всех прах царей меня сражать проснется!

Сагрун

Каким отчаяньем дух возмутился твой?

Сумбека

Что вижу? в сих местах Сагрун передо мной!
Страшись! В сии места геенна преселилась!
Но воле я небес покорствовать решилась.
Сагрун! поди скажи, чтобы Осман сейчас
В пределы дальние бежал навек от нас. . .
Чтоб он бежал! . . Душа ль моя о том вещает?
Она ль преступника отсюда удаляет?
Мне удалить его? Мне знать, что он живет,

Что узы брака он с другою сопряжет,
Что, не пленяясь ни тропом, ни порфирой,
Презрев мою любовь, жить будет он Эмирой.
Мне это чувствовать? . . . Преступницу сразив,
Смерть казнию ее Османа предварив,
В веселии души, отмщеньем восхищенной,
Самоубийством условлюся с геенной,
Чтобы и в ней моим злодеям отомщать. . .

Сагрун

Кому, царица, ты гроб хочешь отверзать?
Осману? . . . А к тебе я прислан от Османа
Сказать, что твоего стеньяща сердца рана
Болезнию своей его терзает грудь.
«Сагрун, — он говорил, — перед Сумбекой будь
Сердечных чувств моих вещателем нелестным;
Скажи, что, пламенем к ней воспылав безвестным,
Лишь ею и для ней хочу отныне жить!»

Сумбека

Ты думаешь, что он душой то говорит!
Коварство слов своих он сердцем отрицает.

Сагрун

Итак, Осман в цепях жизнь бедственно скончает!
Эмира бы ему жизнь в жертву принесла.

Сумбека

Эмира! так, она Османа бы спасла!
Но я живу! . . . И я тем буду ей преградой.
Чтоб насладиться ей дала я сей отрадой! . . .
Эмире жребий мне Османов поручить,
Их счастьем казнь себе лютейшу сотворить! . . .
Пойдем! Коварные любовники узнают,
Какой они себе предел уготовляют!
В казнь вероломных душ оставим вечный страх. . .

Сагрун

(отходя)

Чтоб трон мне получить, еще один лишь шаг.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет ту же площадь, что и во втором действии. Непосредственно по окончании музыки раздаются за театром пушечные выстрелы. Казанцы в ужасе вбегают за Сагруном.

ЯВЛЕНИЕ 1

Сагрун

(с жезлом вожденачальства)

Казанцы храбрые! отриньте страх напрасный;
Сумбека, принося любви всё в жертву страстной,
В ожесточеньи к вам, вас в пропасть вовлекла;
Но Сагруна судьба в защиту вам дала!
Сей бранноносный жезл в руках вождей Казани
Умел и мир давать, и в кроволитной брани,
Быв чести знаменьем, залогом был побед;
Сумбека мне его к спасенью вас дает.
Позорной страстию на троне усыпленна,
Она губить свою державу устремленна.
Осман ей богом стал, а нам даст честь устав:
Гремящих слава битв священнее всех прав.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Сумбека.

Сумбека

Готовы ли полки, назначенны ко брани?
Пусть воинов моих непобедимы длани
С тобою понесут на россов смерти гром.
Извне вы с дерзостным сразитесь врагом,
А здесь хранителем Османа я оставлю.

Сагрун

Царица! скоро лавр побед тебе доставлю.
Твое веление — глагол для нас небес!
Поверь, что тщетно враг свой стан к стенам принес.
К ним близость — с смертью есть его соединенье.
Осману поручив Казанских стен храпенье,
Твердейший для себя избрала ты щит;
Любовь верней всего залог любви хранит.

Осман раскаялся, он будет жить тобою;
Оковы ты сняла с него своей рукою.
Сумбека и Осман порукою в том нам,
Что мы дадим устав несметным племенам.

Сагрун отходит в сопровождении воинов.

ЯВЛЕНИЕ 3

Сумбека и Вестник.

Вестник

Царица! Русские послы во град вступили;
Они от своего владыки получили
Веление предстать перед лице твое.

Сумбека

Им возвести на то согласие мое.

Вестник уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сумбека
(одна)

Чего от стран моих Российский царь желает?
Не друга ль своего он вновь мне предлагает?
Алея! так, пускай Алей придет сюда
Тогда, как смерть возьмет во власть сии места.
Еще ль, еще ль в сей день должна я зреть
преграды?
В тот самый миг, когда блеснул мне луч отрады!..
Осман реченьем уст мне душу возвратил,
Страдания мои он взором истребил.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сумбека и Послы.

Первенствующий посол

Царица! россос царь среди гремящей славы,
Законом чтя небес спокойствия уставы
И каплей дорожа от крови чад своих,
Мир хочет водворить в местах смущенных сих.

Уж возвестили вам торжественные громы,
Что царь, свершением судьбы сих стран влекомый,
С тем из Свяжска к сим днесь поспешил местам.
Он гибельным еще велит молчать громам;
Алей друг россиян: вновь призови Алея,
Так царь наш повелел. . . с Алеем здесь владея,
Из сих Османа стен должна в сей день изгнать
И от Российских стран законы получать.

Сумбека

Мне получать закон от Росского владыки?
Или забыл твой царь, лишь в дерзостях великий,
Что никогда Казань рабою не была,
А ваших стран давно ль неволя протекла?
Алей, твой царь и все противники Казани
Не могут преклонить меня к позорной дани.
Героев сей страны из гроба слышу глас:
«Сумбека! не бесславь ты малодушьем нас!»
Спокойтесь, верьте, вас достойною явлюся!
С престолом, с царством я и с жизнью разлучуся,
Но данницы во мне не будете вы зреть!
Ступайте! от меня вещайте сей ответ.

Посол

Россияне угрозу тщеславных не страшатся;
Чем болес препон, им тем славней сражаться,
Но воли ты небес не можешь одолеть;
Нам бог определил страну сей владеть.
Под именем болгар славяне здесь гремели;
Отсюда устрашать царей они умели,
Стремившихся давать устав всем племенам;
Отсюда Богарис нес Греческим странам
Славян достойный страх и гордым поражение.
Здесь с верой он святой приял соединенье,
И бог, бог, чтимый им, отвержен вами здесь...

Сумбека

Мечтайте, что народ любимый вы небес!
Бог, поклоняемый народами Казани,
Не раз для россов был велик и страшен в брани.
Сей бог и днесь еще быть может грозен вам.
Неодолимый он закон вещает нам.

Посол

Страшися! скоро здесь разверзется геенна,
Несчастливая Казань вся будет поглощенна!
Гром казни праведной всё, всё на вас влечет.
Здесь кровь, кровь россиян отмщеньем вопиет!
Они с Алеем здесь спокойство водворяли,
За братьев, за друзей казанцев почитали.
И вы простерли к ним убийственную длань.
Ужель коварствовать способна лишь Казань?
За кровь их жертвовать своей мы будем кровью;
Жизнь россиян — гореть к отечеству любовью.
Алей у стен твоих с монархом наших стран:
Едва отсель тобой изгонится Осман,
Алеем навсегда престол твой утвердится, —
Иль трудно благодати уставу покориться?

Сумбека

Что благодать для других, позор то для царей.
Когда бы Русский царь искал в стране моей
Союза иль ему полезна вспоможенья,
Быть может, приняла б его я предложенье.
Но чтоб его приказ священным почитать,
Чтоб чувства мои во власть его отдать!..
О мысль ужасная! И он то предпринимлет!
Мечтательному он сему тщеславию внемлет.
Ступайте, лишних слов я тратить не хочу;
Пусть гибну, коль в себе спасенья не сыщу.

Посол

Итак...

Сумбека

Напрасно всё, не прекословь мне боле,
Твой царь вне стен, а здесь моей покорствуи воле.

Посол

Коль благодати царя не хочешь ты внимать,
Коль хочешь небесам самим противустать,
Царица! пред тобой стрелы сей преломленье
Рушенья стен твоих есть верно предреченье.

Посол повергает на землю переломленную стрелу и уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Сумбека

(одна)

Вооружилось всё против меня в сей день!
Супруга моего грозящая мне тень,
Ад, небеса, враги... остался мне Осман!
К отраде бедствий всех он мне судьбою дан;
Рукой моей его расторглись оковы;
Блаженнейши часы нас увенчать готовы...
Нас брачный ждет алтарь... но если и к нему
Он лютый понесет жар сердцу моему?..

ЯВЛЕНИЕ 7

Сумбека и Начальник стражи.

Начальник стражи

Царица! пусть меня твой гнев в сей час сражает,
Пусть мщенье мне твое все казни изрекает!

Сумбека

Скажи, что разум твой отчаяньем мятет?

Начальник стражи

Рази меня, рази! — Эмиры уже нет!..
Осман, от Сагруна притворству наученный
И сонмом воинов его сопровождаемый,
Распространившийся повсюду видя страх,
Как молния предстал внезапно в тех местах,
Где отдана была Эмира в сохраненье.
Влекомый страстию, в единое мгновенье,
Свергая всё мечом, он путь открыл себе;
Им пали ратники, покорные тебе.
В сем подвиге, толпой мятежной подкрепляясь,
На все опасности бесстрашно устремляясь,
Осман, преступницу исторгнув из цепей,
Уже спешит в сей час из града скрыться с ней.

Сумбека

*(стоявшая некоторое время в окаменении, постепенно
воспламеняется)*

Судьба! всю ль надо мной ты лютость истощила?
В сей день Осману жизнь я в жертву приносила,
В сей день хотела я делить с ним трона власть,
В сей день я увенчать нежнейшу льстилась
страсть;

К пределу всех блаженств душа моя стремилась,
И я в единый миг всего того лишилась! . . .
Бежит, злодей, бежит, предавшись другой;
Бежит, и в торжестве смеется надо мной.
Ах! если б я еще геенною владела,
Геенне б поглотить злодеев повелела. . .
Но тщетно в ревности терзаюся своей;
Исчез ад для меня! . . . Нет! — ад в душе моей.

(К Начальнику стражи)

Беги, вооружись, спеши вослед злодея;
Всем жаром моего отмщенья пламеня,
Клятвопреступницу срази своей рукой!
Когда ж, зря кровь ее, тиран восстонет мой,
Скажи, что от меня ты в том приял веленье;
Их смерть — последнее Сумбеке утешенье.
Беги, спеши. . . злодей не медлит на пути. . .

Начальник стражи уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Сумбека
(одна)

Где мне убежище от мук моих найти? . . .
Ты плачешь! Ах! тогда б ты слезы проливала,
Когда неверному ты жизнь свою вручала!
Ты плачешь! и сама, расторгнув цепь его,
Причиной бедствия ты стала своего!

ЯВЛЕНИЕ 9

Сумбека и Асталон.

Асталон

Спасенья нет тебе: враги всё одолели;
Сагрун, твои полки их взоров не стерпели.
Робея, трепеща, ничтожный вождь бежал.
Летела смерть за ним; он жертвой россов стал.
Вотще днесь и Сеит к ордынцам поспешает,
В надежде суетной он время потеряет.
Я здесь, здесь Асталон!.. Спокойна можешь быть!
Но ты должна сейчас судьбу мою решить.
Сумбека! миг еще, и всё здесь истребится...

Сумбека

(не внимая ему)

Итак, уж никогда Осман не возвратится!

Асталон

Осман! он в ад понес свою к Эмире страсть!

Сумбека

Османа нет!

Асталон

Он пал! и всё так должно пасть,
Чтоб усладить мое пылающее мщенье;
Я с жизнью пресек Османа дерзновенье.
Слепой любовью, отчаяньем стремлен,
Он мнил, что Асталон им будет поражен.
Он мнил — и меч его сверкнул лишь надо мною,
Уже его глаза покрылись вечной тьмою.
Возженный в грудь его мой смертоносный меч
Злодейску жизнь умел в единый миг пресечь.
Эмира, воздух весь стенаньем раздирая
(И я, я был смягчен, на вид ее взирая!),
Как молния на труп поверглася его.
«Осман! не отнят ты от сердца моего,
Я счастлива! умру в единый час с тобою!» —
Сказала и, схватив отчаянной рукою
Османов меч, свою пронзила грудь она.
Сумбека, ты моей рукою отомщена!

Твоим, твоим тогда я гневом воспаялся,
Когда в пути со мной злодей твой повстречался,
Мстя за тебя, мой меч преступника сразил...

Сумбека

Злодей! в душе своей ты целый ад вместил!
Злодей! в устах твоих кровь вопиет Османа...

Асталон

Что слышу? .. Зри во мне мучителя, тирана,
Переселяй в меня ты весь гееннский жар;
Коварной кем любви был нанесен удар,
Поверь, тот даст устав гордящейся царице:
Увидишь, что сих стран судьба в моей деснице,
Что в лютоści моей тебя я превзойду!
По трупам россиян я в город сей войду.
Падут трепещущи ордынцы предо мною!
Окровавленную тогда моей рукою
Тебя порабощу всей тягости оков...
Пойдем, свершим, друзья, моих вещанье слов.
Среди несметных сил мой страшный меч заблещет;
Пускай передо мной мир целый вострепещет!

(Быстро уходит в провождении своей дружины.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Сумбека

(одна)

Пусть рушится весь мир и на меня падет,
Ничто меня в боязнь теперь не приведет.
Довольны ль, небеса, Сумбекиным терпением?
Но если мало то, стремитесь новым мщеньем
Еще меня разить; я всё теперь стерплю,
Османа нет! — и к вам я жалоб не пошлю!

За театром раздаются пушечные выстрелы.
Мой рок пришел! но я пред ним не содрогаюсь:
В пределы смертные с восторгом устремляюсь!

От начинающегося действия подкопа низвергается часть Казанских стен, за ними виден лагерь русских.

Итак, погибнут мной народ мой и Казань!

(Упадает на колена)

В последний раз молю: прости к ним, небо, длань!
Спаси несчастных жертв отчаянья Сумбеки.

(Встает)

Что вижу? вокруг меня текут кровавы реки!
Какими воплями сражается слух мой?
Так! адски пропасти разверзлись предо мной.
Ты здесь, Осман! . . ты здесь. . . меня ты призываешь;
Ко мне, ко мне ты взор последний обращаешь!
Постой! но кто еще спешит тебе вослед?
Осман! . . против меня он целый ад ведет!
Не льстись, злодей! везде преступницу открою;
Присутствием моим я казнь твою удвою.
Злодей! ты не хотел со мною трон делить,
Пускай же Тартар нас навек соединит!

Сумбека закалывается. — Стены Казани разрушаются. Вдали сражающийся Асталон падает от мечей россиян.

<1806>

**МАТВЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
КРЮКОВСКОЙ**

Матвей Васильевич Крюковской родился 16 ноября 1781 года в Петербурге, в семье коллежского советника. Он получил образование в Сухопутном шляхетском корпусе, где в свое время обучался и Озеров. Из корпуса Крюковской был выпущен поручиком в армию. Затем служил офицером при корпусе. Перейдя на гражданскую службу, Крюковской поступил переводчиком в Комиссию составления законов. Здесь его сослуживцем был известный просветитель, один из основателей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств В. В. Попугаев. В Комиссии Крюковской перевел книгу Гереншванда «О новейшем государственном хозяйстве». Перевод был издан «по высочайшему повелению» в 1807 году.

В 1804 году М. В. Крюковской был принят в число членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В периодическом издании этого общества был напечатан в том же году принадлежащий перу Крюковского «Проект благотворительного сбора в пользу бедных девиц». Свидетельствуя о чувствительности молодого автора, данный проект одновременно говорит и о ярко выраженной благонамеренности Крюковского, принадлежавшего, видимо, к числу наиболее далеких от радикализма членов Вольного общества.

В 1807 году появилась на сцене и в печати трагедия Крюковского «Пожарский», написанная под влиянием Озерова. Трагедия имела огромный успех у публики. Этот успех объяснялся не столько достоинствами пьесы, сколько актуальностью ее содержания. Трагедия появилась на сцене незадолго перед Фридландским сражением и заключением Тильзитского мира. Патриотические чувства автора соединяются в трагедии с благонамеренностью и политическим консерватизмом.

Успех трагедии «Пожарский» побудил Александра I обратить свое «благоклонное» внимание на ее автора. «Император Але-

ксандр I, — пишет А. Карабанов, — приказал спросить у автора: чём можно бы его порадовать?» Крюковской пожелал отправиться за границу для усовершенствования в драматическом искусстве. «Ему назначили хорошее содержание и отправили в столицу Франции». ¹ За границей Крюковской находился с 1808 по 1810 год. Однако он не сумел должным образом воспользоваться командировкой. Ведя рассеянную жизнь, он лишь расстроил свое здоровье. После «Пожарского» Крюковской написал только одну стихотворную трагедию «Елизавета, дочь Ярослава», изданную посмертно в 1820 году. В пьесе усиленно проповедуется христианская мораль. По своим художественным достоинствам трагедия «Елизавета, дочь Ярослава» стоит ниже «Пожарского».

Умер М. В. Крюковской в 1811 году.

---

¹ А. Карабанов. Основание русского театра кадетами первого кадетского корпуса. СПб., 1849, стр. 81.

ПОЖАРСКИЙ

Трагедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Пожарский.	Бельможи.
Ольга, супруга его.	Вожди.
Георгий, сын их.	Воины.
Минин.	Дружина Пожарского.
Заруцкий, казацкий гетман.	Дружины Смоленская и Вяземская.
Есаул войска Заруцкого.	Казаки и Народ московский.
Вождь Смоленской дружины.	
Славен, оруженосец.	
Начальник дружины.	

Действие происходит у Москвы, во время междоусобия в России, и продолжается несколько часов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под Москвою в стане Заруцкого.

ЯВЛЕНИЕ 1

Заруцкий и Есаул.

Есаул

Так, гетман, в замыслах судьбы к тебе суровы
Величья на пути препятства ставят новы:
Пожарский прибыл к нам, и соим полков своих
Поставил вежами у таборов твоих.
Поляки, средь Москвы, сим видом возмутились
И в ревности твоей к их пользам усомнились.
Пришедших войск хоругвь к Москве обращена;

Они у самых стен развили знамена
И, поле преградив багряными щитами,
Провозглашают брань булатными мечами.
Я зрел оружия блеск и копий лес густой,
И бурных их коней, и весь их ратный строй. . .

За кулисами трубят.

Ты слышишь, государь, в их стане трубны звуки.

З а р у ц к и й

Се гул потешный их, а я терплю здесь муки!
Пожарского приход не столь врагов страшит,
Сколь смелу моему намеренью вредит.
Предвидеть мог ли кто, чтоб, достигая цели,
Внезапно в нем себе преграду мы узрели?
Уже с восторгом я на наш успех взирал;
Надежды светлый луч в душе моей блистал;
Вдова Димитрия признать была готова
Во мне на царский трон наследника прямого.
Мы, хитро пользуясь раздорами, войной
И слабостью вельмож, сей правящих страной,
Облечься в праздную готовились порфиру
И, тронем овладев, в венце явиться миру.

Е с а у л

Пожарский примет скиптр. В нем равного ты зря,
Увидишь сей страны венчанного царя.
Ему свободу, трон — тебе, в сурову долю,
Рок бедственный сулит презренье и неволю!

З а р у ц к и й

Успеху вредное отчаянье умерь
И более моей отважности поверь.
Заруцкого еще ничто не устрашало,
Когда идти вослед за славой надлежало!
Я дам иной всему перед Пожарским вид;
Речь хитрая моя сомненье отвратит.
Не может он того обидеть подозреньем,
Кому по виду все обязаны спасеньем.
Вменю в заслугу я, что у Москвы стоял
И к благу общему вниманье устремлял;
А ты меж тем спешу, с поляками во граде,
Устроить новый ков, души моей к отраде!

Е с а у л

Чья в жертву нам еще пролита будет кровь?

З а р у ц к и й

Мы верой поразим к отечеству любовь!
Полякам дай совет, склонили б Гермогена,
Которому в Москве духовна власть врученна:
Да веры силою вспять войско обратит
И ратовать с Литвой под клятвой запретит.

Е с а у л

Но если от угроз успеха нам не будет
И долга своего святитель не забудет?

З а р у ц к и й

Подпора сильная намереньям моим
Те страсти, что всего мы в свете выше чтим.
Я в помощь призову то чувство неизменно,
Что в сердце нам самой природой впечатленно.
Пожарский не один: супруга, сын его
Залогом ныне здесь успеха моего.
Они, во весь поход его сопровождая
И шуму ратного на время убегая,
Поблизости сих мест успеха битвы ждут.

Е с а у л

Какое нам они пособие дадут?

З а р у ц к и й

К супруге сильна страсть, отцовска нежность к сыну
Суть чувства, в коих зрит Пожарский мзду едину.
Напастью их мы в нем природу возбудим:
В вожде сразив отца, от войска удалим.
Москву, и стан, и долг, всё бросит, их спасая!

Е с а у л

Надеждой новою душе своей лаская,
Иду: от хитрых мер жди верного плода...
Пожарский сам идет со стражею сюда...

Заруцкий смущается.

Преодолей себя, скрой зависти терзанья!

З а р у ц к и й

Противен мне сей час с соперником свиданья!

ЯВЛЕНИЕ 2

Пожарский, Заруцкий, вожди, дружина.

Пожарский
(обращаясь к Москве)

Любви к отечеству сильна над сердцем власть!
Российских воинов она едина страсть.
То чувство пылкое, творящее героя,
Покажем скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро нам время возвратить,
Добро! . . что мы всего привыкли выше чтить:
Свободу общества, законом огражденну,
Что игу чуждому мы зрим порабощенну.
Иль хищника под сей стеною погребем,
Иль, славой венчаны, во мрачный гроб сойдем.

Заруцкий

Я радость общую усердно разделяю,
Что у московских стен Пожарского встречаю.
Ты, презирая скорбь жестоку тяжких ран,
Сей трудный предприял поход из дальних стран.

Пожарский

В часы, в которые отечеством крушуся,
Не собственных своих опасностей страшуся.
И можно ль было мне о ранах помышлять? . .
Я шел отечество от ига избавлять!

Заруцкий

Кто храбрости всегда священны чтит законы,
Тот должен умереть граждан для обороны.
И сердцу близкая забота твоему
В России быть чужда не может никому.
Но чаяньем себя не ложным ли ласкаешь
И меч, к спасенью всех, не поздно ль извлекаешь? . .

Пожарский

Коль надобно граждан оковы тяжки рвать
И лютого врага за дерзости карать,
Тогда, последуя любви и мести гласу,
Не должно избирать ни времени, ни часу.

З а р у ц к и й

Усердствую и я сограждан кончить стон,
Но множество сему усердью зрю препон.
Страшусь, чтобы, стремясь от ига дать свободу,
Бед новых не навлечь российскому народу.
Или не знаешь ты, сколь власть врагов сильна?
Изменой предана им вся сия страна,
И те, которые упорность сил являли,
Усердие свое бесплодно утомляли.
Не тщетно ль кровь граждан мы будем проливать? . .

П о ж а р с к и й

Служа отечеству, со славой умирать
Не жертва тщетная, а праведная плата.
Не крови дорога россиянам утрата,
Но чести! что нам жизнь, когда ей спутник стыд;
Когда в ней слабости являть всё будет вид?
Погибни лучше всё! и град, порабощенный
В отеческой стране рукой иноплеменной,
Готов разрушить я, в прах здания попать,
Во храмы бросить огонь и пламенем объять
Их гордые главы, что в золоте сияют
И блеск прошедшего величия являют:
Да пепл родимых стен потомству возвестит,
Что славу росс свою всех выше благ ценит!

З а р у ц к и й

Все способы равны, коль кончат неустройство;
И если Владислав дарует нам спокойство. . .

П о ж а р с к и й

Блаженство хочет кто России возратить,
Совета тот не даст пришьельцу скиптр вручить.

З а р у ц к и й

Я волю чтил бояр, согласных Владиславу
В правленье поручить Российской державу.
Не в их ли обществе отечество живет?
Россия вся в Москве, другой России нет!
И в дальнем что краю на мере положили,
То в думе бы вельмож с презреньем осудили,

П о ж а р с к и й

Россия не в Москве, среди сынов она,
Которых верна грудь любовью к ней полна!
Не тот россиянин, кто славу забывает
И гордое чело под иго преклоняет;
Но прямо русский тот, кто из дальнейших стран
Спешит под царский стяг, в наш ратоборный стан.
Столица, сонм бояр не в граде сем мятежном,
Но с честью, вольностью в убежище надежном:
На ратном поле... там, где росс иль победит,
Иль славной смертью жизнь позорну заменит!

З а р у ц к и й

Но если Владислав дни мирны обещает? . .

П о ж а р с к и й

Но так ли царь любовь народу изъясляет?
Он с пламенем, с мечом в пределы к нам вступил;
В залог спокойных дней столицу разорил;
Убийством, грабежом, свирепостью прославил
И самозванцев всех в себе одном представил!

З а р у ц к и й

Но мы должны в Литве союзников признать,
Которых цель была пособие нам дать. . .

П о ж а р с к и й

Ты обрати свой взор на храмы опаленны,
Селенья выжженны, поля опустошенны;
На добытый трудом расхищенный запас,
Что должен был питать в сурову зиму нас;
На разоренные убежища невинны,
И бедный где хранил права гостеприимны:
Не их ли то дела? не их ли дар суров?
Убогой хижины они развея кров
И удалив жену от верного супруга,
Отторгли буйственно оратая от плуга;
Луга, притоптаны, увяли в красоте;
Оставлен пепл один в наследство сироте!
Они и в сердце нам разврата яд вливают
И нравы негою постыдной расслабляют.

Обычай суетный почто перенимать
И рабски чуждому примеру подражать?
Не пользу от сего, как мыслят, обретаем,
Но русский дух в мене толь низкой мы теряем.
Изделий роскоши не зная росс ценить,
Умел карать порок и добродетель чтить.

(Обращается к Москве)

О Русская земля! отечество драгое!
Узрим ли время мы опять твое золотое?
Заставим ли врага, как прежде, трепетать?
Коварных замыслы успеем ли попрасть?
И водворим ли вновь в сердцах доброты редки,
Что завещали нам в залог почтенны предки?

З а р у ц к и й

Прошли навек сии счастливы времена,
И истинных сынов Россия лишена.
Отечество у нас одно лишь изреченье,
Существенность ему дает воображенье. . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и Славен, за ним Смоленский вождь.

С л а в е н

(прерывая речь Заруцкого)

От стран Смоленских вождь, приведший нову рать,
Желает пред тебя с дружиною предстать.

П о ж а р с к и й

Да вступит!

С м о л я н и н

Храбрый вождь, на Волге ополченный!
Смоляне, вязьмичи, молвою извещенны,
Что братья их спешат отечество спасти,
Не мыслят польз своих от общих отделять.
Стремясь последовать великому примеру,
Пришли мы победить иль умереть за веру!

Чтоб твердо нашу грудь на деле испытать,
Нам место повели средь брани указать!

П о ж а р с к и й

Постройтесь в самое почетное меж нами:
Хоругви царския вы будете считами.

(К Заруцкому)

Ты зришь, отечества колико силен глас!
По самый гроб священ пребудет он для нас,
Почтенный Филарет в плену изнемогает,
Но чувству сему в душе не изменяет.
Пример усердия нам Палицын явил:
От искры тлеющей он пламя воспалил,
И на берегах Москвы Россия, в прах сраженна,
У светлой Волги им ко славе оживленна.
Он в Нижний Новоград, от сих унылых стен,
Намереньем спасти Россию приведен,
Гражданам описал плачевну братьев долю,
Врагов жестокости, отечества неволю.
Пылая ревностью напасти отвести,
Народ не видел средств отечество спасти.
Тут Минину любовь к России речь внушила:
«К успеху средство нам наш меч и божья сила!
Пришлец не посетил наш изобильный край,
И в низовых странах земной мы видим рай.
Всех лучшее даров творца употребленье —
Отечеству в беде усердно вспоможенье!»
Он рек — и с словом сим к ногам их рассыпал
Промышленности плод, блестящий тот металл,
Что в дар приносит нам Сибири дно златое.
Тогда народ явил усердие прямое:
Отечеству, его в душе боготворя,
Воздвиг он горы в честь и злата, и сребра!
Сынов тут матери на брань благословляли
И лишь с победой вспять идти им завещали.
Граждане дали всё. Богатый стал убог;
Но щедростью пред ним хвалиться б царь не мог.
Булат остался их единственно стяжанье:
Булат! обиженных и храбрых достоянье!
Ударили в щиты, и воспылала кровь;
Всех в броню облекла к отечеству любовь!

З а р у ц к и й

Но кто меж смертными навек себя прославит?
Великий подвиг кто в потомстве чтить заставит?
Кто Минин сей, кому Российская страна
Воздвигнуть памятник незыблемый должна?
Безвестен в мире он и не гремит молвою;
Иль в низком жребии поставлен он судьбою?

П о ж а р с к и й

Похвальней в низости величием блистать,
Чем высша сана блеск ничтожеством помрачать.
Любовь к отечеству последнего в народе
Возводит в сан вельмож, знатнейших по породе.
Не предки, Минин сам почтенный род начнет...

(Обращаясь к Минину)

Се он! се верный сын отечества идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние и Минин.

За ним вносят на богатых коврах золотую и серебряную монету
и разные драгоценности.

М и н и н

Князь! Царство Русское не рушится врагами,
Доколь ограждено толь верными сынами!
Россияне, любви усугубляя жар,
Отечеству несут последне злато в дар.

З а р у ц к и й

(к Минину)

Я к обществу любовь с тобою разделяя,
Дивлюсь, деянию похвальному внимая.

М и н и н

И птица разорять гнездо свое претит,
А мы, которых грудь к отечеству горит
Любовью пламенной, России верны дети,
Ужель дадим ее злым хищникам под сети?
Усердые, что храним в ретивых мы сердцах,
Старались явить во скудных сих дарах!

П о ж а р с к и й

Муж добродетельный, достойный уваженья!
Грядущий век, судья заслуг и преступленья,
Бессмертной памятью дела твои почтит:
Великими людей потомство лишь творит!

М и н и н

Я мужа славного почтеньем успокоен.
Потомства позднего вниманья ты достоин.
Не ты ль, в высокий сан вельможи облечен
И родом, почестью, заслугой отличен,
С ничтожным мной в совет войти не погнушался,
Когда совет сей благ для общества казался?
Не именем ли я Пожарского живил
Усердье, что народ к словам моим явил?
Кто собрал воинство? Под чьими знаменами
Толпились ратники бесстрашными рядами?
В походе твердости всех боле кто имел?
Кто, ранами покрыт, ненастье бурь терпел
И дня палящий зной? С утра до темной ночи
Чей был на страже слух, чьи не смыкались очи?

Н а ч а л ь н и к д р у ж и н ы

Ты нашим был отцом, душой радел ты нам.
Веди нас! по твоим готовы течь следам,
И от твоей главы мы нашей не отложим;
Где ляжет ниц твоя, и мы свои тут сложим!

П о ж а р с к и й

В час утренний я вас на приступ поведу!

(К Заруцкому)

Коль друг России ты, стань с нами на ряду
И, смелых ратников твоих для ободренья,
Яви собой пример отважного стремленья.
Звучащих стрел колчан на сильных раменах
Да будет, в страх врагам, рассыпан на стенах!

З а р у ц к и й

За мужество своих я воинов ручаюсь
И братским здесь с тобой союзом сопрягаюсь
Против терзающих отечество врагов.
Я буду на заре ко приступу готов!

Минин

Усердие твое на деле будет видно;
Кто слову изменит, тому да будет стыдно!

Заруцкий

Так мы союзников не будем ожидать?

Пожарский

Нет! стыдно будет нам союзников искать;
Без них довольно мы врагов искореняли
И славы с пришлецом досель не разделяли.
Народа русского способность я проник:
Займства не терпя, собою росс велик!

(Обращаясь к воинству)

Когда же хищник гнев наш праведный познает,
Когда свободы луч нам с миром воссияет,
Тогда клянитесь мне вы, храбрые в боях,
И ты, Заруцкий сам, клянитесь на мечех:
Врагом считать того, кто, действуя по страсти,
Коварством достигать дерзнет верховной власти!
Народа, всех бояр и войска глас решит,
Кому венец царей и скиптр принадлежит!

Вожди

Клянемся!

Заруцкий

Я... клянусь!

Пожарский

Теперь, друзья, к покою.
Брань люта закипит с багряною зарею!

(Берет щит)

Полет сего орла вам к славе путь явит,
И первый меч врага мой твердый встретит щит.
Я храбрость окажу, одним лишь вам известну,
И если встречу смерть, толико в брани лестну,
Тень грозная моя восстанет меж рядов
И воспалит ваш гнев и ярость на врагов!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В стане Пожарского.

Ночь. Театр представляет шатер к. Пожарского. При поднятии занавеса он сидит, погруженный в думу; шлем его лежит на щите.

ЯВЛЕНИЕ 1

П о ж а р с к и й
(один)

В отечестве драгом, в родимой стороне
Как мило сердцу всё, как всё любезно мне! . .
И предки славные, отечески законы,
Священны алтари, царей любимых троны,
И гробы праотцев, обычай их простой. . .
И пот кровавый мой, за граждан пролитой,
И слава от того, и честь приобретенны. . .
Угрюмы скал верхи, и гор пещеры темны. . .
И стены, камни, всё, и даже самый дым
Жилищ отеческих я в сердце чту святым!

ЯВЛЕНИЕ 2

П о ж а р с к и й, С л а в е н, потом О л ь г а и Г е о р г и й.

С л а в е н

Супруга, сын идут часы уединенны
С тобой проведеть.

О л ь г а

Уже полки вооруженны
На поле брани ты готовишься вести;
И я, долг матери желая соблюсти,
Пришла к тебе в сей час, предшественный
сраженья,
Для сына твоего просить благословенья.

П о ж а р с к и й

Хвалю усердное намеренье твое,
Ты упредила сим желание мое.
Свиданья служит час сердечной нам утехой,
И в должности любовь не будет мне помехой.

Не теми ль чувствами к отечеству дышу,
Которые всегда я в сердце к вам ношу?
Приветливость жены и ласки нежны сына
С отечеством тесней спрягают гражданина.

Г е о р г и й

Родитель мой! ты сам меня всегда учил,
Чтоб боле я всего отечество любил;
Мне жаль, что не могу, сей слабою рукою
Схватив булатный меч, идти на брань с тобою.

П о ж а р с к и й

Достигнув зрелых лет, сравниешься с отцом,
Творцу служа душой, отечеству мечом!

О л ь г а

Героя сыном быть он с юных лет гордится
И славу видит в том, чтобы с тобой сравниться.
В очах его, твоим подобно, огонь блистал,
Когда из уст моих дела твои внимал.
Ты в нем родишь восторг. Любить героя лестно!
И с чем могу сравнить я чувство то прелестно,
Как быстрая молва, победу возгласив
И сердце каждого сей вестью оживив,
Средь горьких слез меня обрадует внезапно!
Как будет для меня внимать тогда приятно
Супругу храброму хвалу во всех устах,
Глас трубный, вестник дел, врага приведших
в страх!

Средь поля ратного оказанны заслуги
Послужат детям в честь, в отраду для супруги!
С победой возвратясь к родимой стороне,
Ты с милыми вести жизнь будешь в тишине.
Я, грозный шлем тогда и броню сняв златую,
Слезой радости омою кровь драгую!

П о ж а р с к и й

Под кров отеческий нас мир соединит
И в нежные меня объятья возвратит.

О л ь г а

Настанут ли, увы! те дни стократ блаженны?
И храбры воины, трудами утомленны,
Обратно в дом отцов воспримут скоро ль путь?

Ветр тихий родины им встречу будет дуть
И грусть разлуки прочь от сердца их ответит;
А солнце их страны кровь хладну обогреет.
Родительских лесов для них священный мрак
Увеселит в дали нетерпеливый зрак. . .
Но может быть, увы! не возвратится боле,
Кто всех страшнее был врагу на ратном поле!
Ах! солнце красное одну меня средь туч
Застанет, может быть! и, знойный бросив луч,
Не будет освещать, в пыли, под знаменами,
Тебя, идущего пред храбрыми полками!
Твой с битвы вынесут окровавленный щит,
Копье блестящее, и меч, и шлем избит. . .
И тело на щитах положат предо мною. . .
Что станется тогда с несчастным сиротою? . .

П о ж а р с к и й

Се ль мужество, что ты должна ему внушать?
Престань, увы! и мой дух твердый сокрушать.
Мне бодрость днесь нужна! уж время наступает,
И скоро в сей руке меч острый засверкает!

(Надевает шлем.)

О л ь г а

(к сыну)

Нам слабость сил претит последовать за ним,
Но мы усердие и в немощи явим:
Молитвою смягчить всевышнего потщимся,
Да прекратит печаль, которою крушимся;
Победу дав, граждан осушит токи слез.

П о ж а р с к и й

Его ужасен гром, карая злых с небес!
Усердья твоего в достойную награду,
Славен! родных тебе вверяю я в ограду.
А ты, минуты с кем я грустны разделял
И жизни краткой сей путь трудный услаждал, —
Впоследний, может быть, твой светлый взор
встречаю;
Но нежности в залог я сына поручаю.
Когда отец его со славою падет,
Он пусть в тебе отца мне равного найдет.

Внушай, чтобы душой, не титлами гордился;
Не родом, а одной заслугой возносился;
И памяти моей коль хочешь быть верна,
То сколь к отцу была, столь к сыну будь нежна!
Приблизься, сын! прими мое благословенье,
А с ним отцовское последнее наставленье!
И в сей предшествующий кровавой битве час,
Который разлучить в сей жизни может нас,
Средь стана бранного и в сонме сих героев,
Врагу отечества толь страшных среди боев,
Над сокрушительным клянися сим мечом
Отвергнуть чуждого владычества ярем,
Под коим, нам в позор, отечество стонает
И недостойных в нас сограждан укоряет!
Когда же, силы все бесплодно истощив,
И кровью жертвуя, и жизни не щадив,
Надежды принужден ты будешь всей лишиться,
Брегися и тогда пришельцам покориться!
И лучше русских стыд в жилище тихом скрой,
Где наши праотцы, любимые тобой,
Погребены лежат: на свете жив для славы,
В могилу не снесли стыда своей державы!
Клянися!

Г е о р г и й

Я клянусь исполнить твой завет.

П о ж а р с к и й

Простите!

О л ь г а

Сын, пойдем! уж строгий долг зовет.

Г е о р г и й

Мы скоро будем ждать тебя обратно с бою.

П о ж а р с к и й

(к Ольге)

Прости! он при тебе не будет сиротою.

ЯВЛЕНИЕ 3

Пожарский
(один)

Всевышний! я тебе вручаю их во власть!
Ты силен отвести грозящу им напасть;
Ужель дашь сиротам, вдовицам огорченным
Дни слезны под ярмом влачить иноплеменным?
О, участь горькая отечества сынов!
Под игом зреть его, зреть и не рвать оков!
Забыто ныне то, что мы славян потомки,
Забыта слава их, дела забыты громки;
И росс, что свой перун за синий Дон метал,
За Волгой, за Днепром кичливых низлагал;
Тот самый росс теперь чело свое склоняет,
Отраду жизни сей бессмертие теряет!
Сих кратких дней рубеж конец ли бытия?
В щедроте нам своей всемирный судия
Край жизни положил, но славе нет предела!
О, если б прежни дни Россия вновь узрела! . .
Дни звучны славою, дни счастья и побед,
Как вихрь промчались вы, оставя мрачный след!
Входят вожди.

ЯВЛЕНИЕ 4

Пожарский, Минин, вожди и дружина.

Пожарский

Питомцы храбрые великой сей державы!
Защитники, друзья отечественной славы!
На храбрый подвиг вас не нужно побуждать,
На славу предков вам довольно указать.
Вспомним дальних стран владыку Святослава,
С победой давшего нам Правду Ярослава. . .
Героев древних сонм! в восторге к вам парю,
И вашим жаром я к отечеству горю! . .
Донского витязя, велика Иоанна,
Которым сильна власть златой орды поприща;
И Невского — при ком вся Готфская страна
Узрела с трепетом российски знамена!
Минулися для нас сии блаженны годы;
Не славы алчем мы — отечества свободы!

Жить можно без побед, но лъзя ль дышать рабом?
Да гнусну нашу цепь расторгнет брани гром!
Честна в свободе смерть, в неволе жизнь позорна.
Победа храброму не может быть упорна:
Что русский властен в ней, мы свету то явим,
И души праотцов собой возвеселим.
О вы! в полях побед проливши токи крови,
Вы! жертва пламенной к отечеству любви,
Дружины храбрые! восстаньте от гробов,
Вдохните в нашу грудь месть яру на врагов!

Минин

Месть будет праведна. Враги, в свирепстве люты,
Злодейство новое творят в сии минуты.
Желая в воинстве раздоры поселить
И твердый наш союз в вражду преобратить,
Поляки кабалу в России разрешают
И вольности мечтой сограждан обольщают.

Пожарский

(к дружине)

Вы, слуги верные России! горе вам,
Когда склоните слух к толь суетным молвам!

Начальник дружины

Нет! Мы от чуждых рук не примем увольненья,
Священнее всего нам долг повиновенья.
Не люблю, государь, что в русскую страну
Стараются вводить опасну новизну!
Иль угодить тебе мы службой не умели?
Труд, жажду, зной и глад не мы ль с тобой терпели?
В златое стремя ты когда без нас вступал?
Вспомни сечу ту, где замертво ты пал:
Мы копья и мечи булатны притупили,
Твой плавал шлем в крови, и стрелы грудь пробили...
Кто, кто тебя исторг из груди мертвых тел?..
Без нас давно бы враи крылом тебя одел!

Пожарский

Так! с вами я прошел пути опасны славы!
Извели давно мы трудностей уставы;
По-прежнему я жизнь свою вручаю вам.
Меж вами каждый был на страх, на смерть врагам

Под звуком повит труб, под шлемом возлелеян!
Друзья! наш краток век, но славою усеян!
Родима крова мы отстали с юных лет,
И страннический наш пустыни зрели след.
Гор страшны крутизны и быстры рек теченья
Отважных не могли остановить стремленья.
В суровость зимних вьюг земля нам одр была;
Нам красная весна в дни брани не цвела;
В отраду нам заря сей жизни не сияла,
И юность наших лет средь непогод увяла.
Мы старостью своей ужель подорожим?
Последний жизни вздох России посвятим!

(Готовясь на брань)

Уж скоро трубный глас знак битвы провещает:
К оружию, друзья! час битвы наступает.
Готовьте вы свои булатные мечи,
Да в славе озарят нас солнечны лучи!

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и Славен.

Славен

Спешу в поместье, князь, родных для избавленья!
Супруга с сыном ждут от рук твоих спасенья.

Пожарский

Какую страшну весть?..

Славен

Украинский гетман

Поляков пропустил изменою сквозь стан:
Они, во тьме ночной, нас тайно обложили,
В поместье ворвались и дом твой окружили.
Я выбился мечом, но вверенный залог
От рук ночных убийц освободить не мог.
Спешу их выручать и, храбрых взяв с собою,
Готовься с хищником к кровопролитну бою.

Пожарский

(идя к поместью)

За мной, друзья! пойдем невинных кончить плен
И с новой яростью у сих явимся стен.

ЯВЛЕНИЕ 6

Прежние и Смолянин.

Смолянин

Измена, государь! Заруцкий отступает
И вылазку врагам из града очищает.
Робеет враг, твое не смея зреть чело,
Он с тылу нам грозит сбить правое крыло. . .

Пожарский
(обнижает меч)

Мы грудью встретим их! . . друзья! на ратном поле
Он русского в лицо увидит поневоле!

Славен

Куда? остановись! ужель забыл родных?
Ужель в сей скорбный час не внемлешь воплю их?

Пожарский

Родные? Но Москва не мать ли мне? . . Россия
Простерла днесь ко мне объятия драгие! . .

Славен

Остановись! смотри. . . пылает терем твой. . .
Обрушась, сокрушит покинутых тобой. . .

Виден сильный пожар.

Пожарский

О ужас! . . сердце рвут мое ужасны муки!

Слышны вблизи пушечные выстрелы.

А! . . вас ли слышу я, о смерти грозны звуки!
Гремите. . . страшный гул, что слышен брани в час,
Да заглушит в душе природы сильный глас! . .

(К дружине)

Вы, братья ратные! усердые окажите
И за любовь меня, за раны наградите!
Отраду дайте мне в ужасной сей тоске,
Спешите избавлять родных моих. . .

(К воинству)

К Москве! . .

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В Москве на Красной площади.
Во всех концах города бьют в набат, вдали слышна пальба.

ЯВЛЕНИЕ 1

З а р у ц к и й

(входит со стражею и разделяет ее на два отряда)

Спешите на стенах с Желковским соединиться!
Вы пленнице сей час велите здесь явиться.
Ступайте!

(Один)

Я в Москве... последний сделан шаг,
Уже известно всем, что я России враг!
И здесь не гром торжеств Заруцкого встречает...
Набата стон меня в измене укоряет.
Но что? иль дерзкий мой в коварствах робок дух?
Нет, нет! в груди моей огонь прежний не потух.
От Гермогена жду я бедствий отвращенья,
Он должен обуздать Пожарского стремленья...
Уж есаул идет... но сей смущенный вид
Не новою ли мне опасностью грозит?

ЯВЛЕНИЕ 2

З а р у ц к и й и Е с а у л.

Е с а у л

Ужасно зрелище смятения виною,
В котором, гетман, зришь меня перед собою.
Союз, злодействами соединявший нас,
Я разрываю в сей несносной муки час!
Главу повинную иду сложить на плаху...

З а р у ц к и й

Что слышу я? ужель и ты причастен страху?

Есаул

Внимай и трепещи! ты богу дашь ответ!
Поляки в ярости, склоняясь на твой совет,
Ко Гермогену шли, грозя ему напастью,
Да патриаршего верховна сана властью
Он воинству идти на приступ запретит
И князю власть вождя сложить с себя велит.
Святитель пребыл тверд, все муки презирая.
«Блажен, когда умру, народ освобождая. . . —
Вещал. . . — И в храме сем, в присутствии божества,
Среди страдальческой кончины торжества,
Благословляю тех, которые поборают
По боге, по царе и братий защищают;
А царства русского рушителей клянусь!»
И праведника тут в небесную страну,
К блаженству вечному душа переселилась.
Священна кровь его пред алтарем дымилась,
Где он за добрых чад колена преклонял. . .
Христу подобно, он их кровью искупал. . .
А над тобой его проклятие гремело!
Усеченну главу и уязвленно тело
Приял Московский ток: он бег остановил,
С благоговением кровавый труп носил. . .
Сей страшный вид меня преследует повсюду.
Злодей, раскаяньем я ввек терзаться буду!
Всечасно буду зреть ужасные мечты,
Тень старца, бледный лик, кровавые черты. . .
О горе! память зла не может истребиться.

Заруцкий

О, робкий! и ты мог мечте поработиться? —
Тот славен, кто себя успехом мог венчать.
Злодейства смертные готовы нам прощать,
И ныне в рубище кто ими презираем,
В сиянии венца тот завтра обожаем!

Есаул

Успеха нет тебе. Объял Литвою страх,
Последню стражу я оставил на стенах.
Все бедства над твоей главой совокупились;
Казачи от твоей крамолы отложились.

Оставлен всеми ты, всем взор ужасен твой;
И я на казнь иду, гнушаяся тобой!

З а р у ц к и й
(один)

Достоин казни тот, кто твердости лишится.
Упорству счастья мой дух не покорится!
Отряд ко мне родных Пожарского ведет,
Из пламени я их исторг для новых бед.

ЯВЛЕНИЕ 3

Заруцкий, Ольга, Георгий и стражи.

О л ь г а

Так ты, предатель, всех сих ужасов виною!
Злодейский ков твоей устроен был рукою!
Тот день, который росс любовью освятил,
Изменой гнусною Заруцкий помрачил!
Любовь к отечеству, что всех одушевляла,
Ужели одного тебя не согривала?
О стыд! и русский мог к измене дух склонить!..

З а р у ц к и й

Коль виновен я, со мною других должна винить.
Пожарский побужден надменностью одною;
Не долг, но трона блеск его понудил к бою.

О л ь г а

Кто благородных чувств не может понимать,
Простительно тому невинность клеветать.
Пожарский крови, ран глубоких в воздаянье
Ни славы не искал, ни почестей сиянья;
Он русский вождь! ему почтение людей
Дороже, чем венец и светлый трон царей.

З а р у ц к и й

Коль добычи такой в виду не полагает,
Когда с мечом в руках не трона достигает,
Тогда, без жертвы, в вас спасет он кровь свою.
Во власти вы моей, но я вам жизнь даю,
С тем, если от Москвы Пожарскому осаду
Сей час велите снять и дать свободу граду!

О л ь г а

Что слышать я должна! ты мне ль сие вещал?
Предать отечество — ты мне ли предлагал?
И можно ли тебе надеждой было льститься,
Чтоб россиянка... я могла на то склониться?
Ах! я блажу тогда ничтожну смертных часть,
Когда за общество могу терпеть напасть.
Изменник! научись, жен робких по примеру,
Как русский чтит царя, отечество и веру!

З а р у ц к и й
(указывая на Георгия)

Но юна грудь его возможет ли питать
Восторги, что тебя удобны ослеплять?
Еще он мнимого отечества не знает,
Смерть горестну ему разлуку представляет...

О л ь г а

Счастлив, дней на заре кто с честью умрет!
Мать слезы горькие на гроб его прольет.
Мы в детях не вольны; залог сей драгоценный
Есть дар, отечеству драгому посвященный!
Напрасно будем мы лелеять юность их,
Коль русскими не быть им в цвете лет своих!
Под игом вскормлены, не станут ли гнушаться
Судьбою, что велит пред хищником смиряться?

З а р у ц к и й

Достигнуть должно мне намерений своих.
Приблизьтесь, воины, и разлучите их!

О л ь г а

Злодей, изменою сражающий бессильных!
Убийца слабых жен и отроков невинных!
Пол нежный и лета, что к жалости влекут,
Ужель в тебе одном жестокость обретут?
Рази! но матери не разлучай ты с сыном.
Обоих будет смерть в ударе пусть едином.
В объятых сих узрел он горестный сей свет,
Пусть в них теперь его увянет ранний цвет!

Та грудь, которая к бедам его вскормила,
Грудь матери ему пусть будет и могила!
И наша в сих местах дымящаяся кровь
Явит тебе, явит к отечеству любовь!
Мой сын, ты, верно, смерть стыду предпочитаешь
И лучше умереть, чем изменить, желаешь?
Ответствуй мне!

Г е о р г и й

Готов я умереть с тобой:
Смерть презирать учил меня родитель мой.

О л ь г а

Так, так! в пример тебе, в опасности нам равной,
Он, жизни не щадя, свершает подвиг славный!

Пальба усиливается.

Внимай!.. в сих громах ты его услышишь глас!
Блестит молния, и близок мщенья час!

(Упадает на колени)

Спасай, спасай его, небесный покровитель!

Г е о р г и й

Кто смело в бой идет, тот будет победитель!

Тревога вблизи.

З а р у ц к и й
(к Ольге)

Решись! последуй мне! иль в ярости я сам
По трупам повлеку обоих вас к стенам...

Хочет вести Ольгу и Георгия силою; в сие время трубят.

Но трубный глас?.. ужель мне новую препону
Готовят здесь? друзья, постройтесь в оборону!

(Оставляет Ольгу и обнажает меч.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние и Начальник дружины с воинами.

Начальник дружины
Предатель! покорись!

Устремляется с мечом на Заруцкого. Они сражаются.

Заруцкий
(увидя бегущую стражу свою, роняет меч)

О стыд! отряд бежал!

Начальник дружины
Кто, клятвы преступя, измены умышлял,
Тот жертвой стал измен!

Ольга

Живи, мой сын! Свобода!

(К Начальнику дружины)

Пожарский? . .

Начальник дружины
Мстит врагу российского народа!
На приступ поспешил, а вас поверил нам.
От стен пылающих, за вами по следам,
Во град мы ворвались. . . но слышны восклицанья! . .

Ольга

С Пожарским бог!

Заруцкий

О час лютейшего страданья!

Смолянин

(за кулисами)

Ура! наш враг сражен!

Народ и воинство при входе: Ура! Ура!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Прежние, Пожарский, Минин, вожди, вельможи, народ и воинство.

Пожарский
Россия спасена!

Ольга
Твоя к отечеству любовь награждена.

Пожарский
О радость! это вы...

Георгий
Ты жив, о мой родитель!

Пожарский
Всевышний! ты им был в напасти покровитель.

Минин
На промысл вышнего кто станет уповать,
Тот может средь крамол спокоен пребывать.

Пожарский
(к дружине)
Они возвращены мне вашею рукою.

Начальник дружины
Мы долг исполнили. Злодей твой пред тобою!

Пожарский
(к Заруцкому)
Неблагодарный сын отеческой страны!
Что может в свете быть гнусней твоей вины?
Зри, добрых как сынов луч славы озаряет;
Тебя отчаянье свирепое терзает.
По смерти будут их во храмах прославлять;
Погаснешь ты, и прах твой станут проклинать.
Для граждан даже их и гробы будут милы;
Никто не оросит слезой твоей могилы.

З а р у ц к и й

Свершилось! торжествуй! вот замыслов конец.
Что медлишь? возлагай похищенный венец!
Народ! перед царем колена преклоните;
Я видеть не хочу... на смерть меня ведите!

Уводится стражею.

С м о л е н с к и й в о ж д ь

Пожарский новое бытие России дал;
Сраженную ее из гроба он подъял.
Глас воинства его на царство избирает;
Пред ним хоругвии и копыя преклоняет!

Преклоняют мечи и хоругви.

П о ж а р с к и й

Чтоб я, похитив скиптр, вельможи долг забыл
И царского венца сиянье помрачил?
Нет, нет, россияне, восторгом ослепленны!..
Цари от бога нам бывают нареченны.
И мне ль отяготить порфирию чужой
Ту грудь, что ранами украсил славный бой?

С м о л е н с к и й в о ж д ь

Трон празден; божий гнев постиг Российску землю.

П о ж а р с к и й

Щедроты к нам его благой устав я внемлю.
От крови царския он отрасль сохранил,
И благости его залогом Михаил!
Романов славный род правами не гордился,
Но выше всяких прав заслугой возносился;
И старец царственный, почтенный Филарет,
Оковы тяжкие за общество несет.
Да юный сын его, ко царствию рожденный,
Сорвет скорей венец с главы иноплеменной!
Правлению, от лет, не может быть препон,
Коль юному царю на троне свят закон.
Его поборником небесна будет сила.
Друзья! провозгласим на царство Михаила!

М и н и и в е л ь м о ж и

Да здравствует!

Н а р о д и в о и н с т в о

Ура! ура!

П о ж а р с к и й

В сей день бог сил

Рукою вашею кичливых сокрушил.

Он попускает злых мгновенно возвышенья,

Чтобы ужаснее соделать их паденье:

Как дым, с лица земли исчезнет их совет,

И трона хищник в прах перед царем падет.

1807

**ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ
ДЕРЖАВИН**

Гаврила Романович Державин (1743—1816), не будучи драматургом по призванию, был автором целого ряда драматических произведений. Созданные им оперы и трагедии уступают в художественном отношении его лирике и потому не снискали ему особой славы. Однако взгляды Державина на драму, ее задачи и форму были для его времени интересны и значительны. Это поставило Державина во главе группы драматургов, стремившихся к поддержанию гражданской традиции в русской драматургии.

Первые произведения Державина, написанные в драматической форме, относятся к 80-м годам XVIII века. Это были прологи, создававшиеся в связи с теми или иными торжествами: «Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II» (1786), «Пролог на открытие в Тамбове театра и народного училища» (1786), «Родственное празднество на брачное воспоминание князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитишны Вяземских» (1791) и т. п.

К драматическим произведениям большого объема — трагедиям, операм — Державин обратился лишь в начале XIX века, то есть в последний период своего творчества. Это обращение было вызвано глубоким недовольством поэта тогдашним репертуаром русского театра. Державина не удовлетворяли ни обычные для того времени «волшебные» оперы типа «Русалки», которые, по его мнению, были лишены смысла, так как писались «без всякого соображения и последствия»,¹ ни элегическая драматургия Озерова и его последователей, в которой героическое, гражданское начало было приглушено и ослаблено.

В 1804 году Державин выступил с оперой «Добрыня», где сказочный элемент и сценическая яркость сочетаются с пропагандой серьезных идей. За «Добрыней» последовало «героическое предста-

---

¹ Г. Р. Державин. Сочинения, т. 6. СПб., 1871, стр. 154.

вление в четырех действиях, с хорами и речитативами» — «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806).

«Пожарский» представлял собой героическую оперу в духе высоко ценимого Державиным итальянского поэта Метастазіо, превратившего оперное либретто в самостоятельный литературный жанр, рассчитанный на музыкальное сопровождение. Оперы Метастазіо, «проповедника героев», по выражению Державина, были очень близки к тому пониманию оперы, которое сформулировал потом Державин в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811—1815). «Нигде не можно лучше и пристойнее, — писал Державин, — воспевать высокие сильные оды, препровожденные арфою, в бессмертную память героев отечества и в славу добрых государей, как в опере на театре». Следует отметить, что жанром героической оперы интересовались позднее декабристы. В. К. Кюхельбекер написал, очевидно не без учета драматургии Державина и его высказываний об этом жанре, трагедию-оперу «Любовь до гроба, или Гренадские мавры», используя при ее создании сюжетные мотивы трагедии Кальдерона «Любовь после смерти». ¹

Борьба за героический театр побудила автора «Фелицы» приняться и за создание трагедий. Уже после появления «Эдипа в Афинах» Озерова обнаружилось резкое различие в понимании двумя поэтами сущности и задач драматического творчества. Отвечая с некоторым опозданием на восторженное посвящение ему этой пьесы, Державин сопроводил свой ответ подробным критическим разбором «Эдипа в Афинах», сделанным от имени его единомышленников. Замечания в адрес пьесы и задержка державинского ответа оскорбили Озерова. Отношения между двумя поэтами еще более обострились с того момента, когда Державин, будучи при дворе, высказал по просьбе присутствующих свое чистосердечное мнение о только что появившейся тогда трагедии «Димитрий Донской». Слух об этом разговоре дошел до Озерова, который, как свидетельствует Державин, объяснил поступок последнего авторской завистью. Это побудило Державина, по его словам, испытать свои силы в трагическом жанре. Первой трагедией его явилась «Ирод и Мариамна». Непосредственным поводом к созданию этой пьесы послужил конкурс на сочинение стихотворной трагедии, объявленный Российской академией (см. об этом стр. 606). Вслед за «Иродом и Мариамной» Державиным были написаны исторические трагедии на отечественную тему:

---

¹ См.: В. А. Бочкарев. «Неопубликованная трагедия-опера В. К. Кюхельбекера «Любовь до гроба, или Гренадские мавры». — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. 19, 1960, вып. 6.

«Евпраксия» (1808) и «Темный» (1809). Позднее Державин написал оперу «Грозный, или Покорение Казани» (1814). Ему принадлежат также «детская комедия в одном действии, с хорами» «Кутерьма от Кондратьев» (1806), «комическая народная опера в трех действиях» «Дурочка умнее умных», «опера в трех действиях» «Рудокопы» и неоконченная опера «Батмендий». Из переводов Державина должны быть отмечены: перевод оперы Метастазιο «Фемистокл», трагедии Расина «Федра», сокращенный перевод оперы Метастазιο «Титово милосердие» и перевод трагедии Де-Беллуа «Зельмира».

Из всех трагедий Державина на профессиональной сцене была поставлена только «Ирод и Мариамна».

«В последние месяцы» жизни Державин работал над трагедией «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи», которую он, по словам Я. К. Грота, «не успел кончить».¹

---

¹ Г. Р. Державин. Сочинения, т. 4. СПб., 1867, стр. 476.

ИРОД И МАРИАМНА

Трагедия в пяти действиях

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Угодно было сему почтенному сословию предложить в Ведомостях о сочинении трагедии. Многие были представлены, из коих одна и увенчана награждением. — Но я не с тем, чтоб состязаться с изящными талантами или получить награду, а единственно, чтоб исполнить волю Академии, решившись испытать сил своих в сем роде стихотворства, которым я никогда не занимался, сочинил трагедию, при сем прилагаемую, под названием «Ирод и Мариамна», посвящая оную Российскому Парнасу.

Сочинитель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Желая показать опыт ничтожных моих способностей в драматическом искусстве, избрал я, по мнению моему, удобнейший к тому отрывок из древней истории, оставленной нам Иосифом Флавием, писателем о войне иудейской, в котором описывает он жизнь царя Ирода и его супруги таким образом, что могут они в самых твердых душах произвесть сожаление и ужас. Волтер сие самое событие обрабатывал в трагедии своей, названной им «Мариамною». Он

представил Ирода, кажется мне, со стороны только ревности к его супруге; а Мариамну со стороны привязанности к ее детям. Первая, по возвращении супруга из Рима, боясь сурового его нрава, соглашается от него уехать под покровительство Августа с князем Согемом, любовником Соломии, сестры Ирода. Сия жестокая душа, мстя за то, оклеветывает ее в любви к Согему пред Иродом. Он из ревности приказывает умертвить свою супругу; но после, узнав ее невинность, раскаивается и сходит с ума. Самый сей знаменитый писатель при первом издании помянутой своей трагедии в предисловии говорит, что содержание сие, дабы представить его более трагическим, требует обширнейшего поля, чем описанные им только ревность мужа и сварливость жены по домашним их ссорам. Он объясняет, что с одной стороны государь, названный народом своим великим, влюбленный страстно в прекраснейшую жену в свете, терзаемый к ней ревностию, борющийся между добродетелями и злодеяниями, мучимый по минувшим и настоящим жестокостям своею совестью, переходящий быстро и беспрестанно от любви к ненависти, а от ненависти к любви, подстрекаемый честолюбием сестры и хитростию министров; а с другой стороны царица, его супруга, находящаяся в жестоком положении, что, при всей добродетели, красоте и славе, видит супруга своего беспрестанно к ней ревнующего, самых ближайших ее родственников преданных им смерти, и при всем том долженствующая любить его, образуют в себе важнейшие предметы к трагическому представлению и к большему писателей подвигу. Я, таковое славного сего трагика примечание взяв в соображение, покусился, следуя его совету, распространить мое поприще сколько сил моих и способностей достало, но не из одних моих вымыслов, а большею частию из самой истории, которую читатели ежели благоволят прочесть, то увидят, что не токмо действующие лица (кроме Кады), но и мимоходом упоминаемые также происшествия и даже некоторые мысли взяты оттуда. Впрочем, жестокие кровожадные выражения, а также и восточный слог употребил я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнее представить характер еврейского народа, из коего суть все почти действующие лица. Погрешил бы, кажется, и был бы подвержен справедливому осуждению художников благоразумных, ежели бы палестинцев заставил я изъясняться чувствами и оборотами французов. Главное правило писателей — следовать природе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ирод, царь иудейский, простого идумейского происхождения.
Мариамна, его супруга из царского поколения Иудина, или Асмонеев.

Соломия, сестра его, названная Антипатру мать.

Антипатр, сын его от первой жены Дорисы; наместник Иерусалима.

Александр } дети его малолетные от Мариамны, 12 и 11 лет.
Аристокл }

Архелай, внук его, воспитанный в Риме.

Соверн, сродник Мариамны, наперсник Иродов, пристав у нее и у детей.

Варр, проконсул римский.

Када, наперсница Мариамны.

Юда, виночерпий.

Юноши и девы, составляющие хоры.

Сендарин или Сангедрин, сенат иудейский

Придворные

Воины римские и еврейские

} без речей.

Действие происходит в Иерусалиме, во дворце Ирода.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Притвор чертогов царских, из арк косяго виден город.

ЯВЛЕНИЕ 1

Соломия и Антипатр.

Соломия

Как, Антипатр! ты здесь? Вы прибыли из Рима?
А где же царь, мой брат?

Антипатр

Толпа необозрима

Граждан, стеснив его среди градских ворот,
Препятствует идти. — Он, радостный народ
Зря вокруг себя, стоит, внимает плесков грому.
Я о прибытии его светлейшу дому
Дал Мариамне весть, устроил въезда чин,
И се пришел к тебе.

Соломия

Народа плеск! О сын!
И Мариамне весть! Такое изречение
Кинжал во сердце мне. — Ах! прежде б порученье
Как совершил мое, спешил ты мне сказать,
Увеселяют ли так дети нежну мать?
Знав Соломию ты, презренну Мариамной,
Дерзнул ее ласкать мне вестью нежеланной. —
Но по внушениям что сделал ты моим,
И письмам, посланным к тебе недавно в Рим?

Антипатр

Что можно было, — всё.

Соломия

Но как же мог явиться
Тиран обратно здесь? Сему не можно б сбыться,
Когда б ты в действие совет мой произвел
И хитростью к мете назначенной дошел.
Ужели подтверждать должна тебе я снова,
Что он хотя мой брат, но изверга столь злого
Не может более сносить уже народ;
Что долг твой истребить весь Асмонеев род;
Что быть счастливою не может Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Делами, именем со мной в тебе не зрит.
Нам к цели сей дойти был необманчив вид.
Я, управляя здесь им порученным царством,
Щедротой, милостью и сладких слов коварством
Умела чернь, вельмож в свою вовлечь так сеть,
Что мнила всех сердца в руке своей иметь;
А доведя все те злодействия до Рима,
Какими от него страна сия томима,
В те дни, как уж его Антоний друг и бог,
Ниспадный с высоты, помочь ему не мог,
Как Август, всем друзьям Антония мстя злобно,
И Ироду был враг, — во время толь удобно
Могла ль я жребия себе такого ждать,
Чтоб Мариамне вновь рабынею мне стать?

Антипатр

Знать, рок так положил.

Соломия

Вотще винить судьбину:

Добра и зла в себе содержим мы причину. —
Нет, если б более ты ревности имел,
Препятства бы самой судьбы преодолел.
Но ты не чувствуешь к отечеству любви,
Не тщишься унимать его потоков крови,
И деда снисканный достоинством венец
Не хочешь, чтоб взложил твой на тебя отец,
Но младшим братьям даришь его в наследство.
Не трогает тебя, знать, и мое уж бедство,
Что с Селием меня он разлучил драгим
И Мариамниным насмешкам предал злым?
Но как же, Антипатр, ах! как сие случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось
И паки наш он царь?

Антипатр

Зри опыт в нем ума

И духа твердого, — и удивись сама;
Потом скажи ты мне, что делать было можно?
Иной бы размышлять стал прежде осторожно,
Как к повелителю вселенной подступить,
Как гнев того к себе на милость преклонить,
Пред троном коего патрициев соборы,
Седый сенат царей, вокруг ликторские взоры,
Блестя с секирами, как молнии горят;
Пред коим узники в венцах у ног лежат?
Но Ирод, не смотря на всё сие, — свободно
Предстал пред сонмом сим, — и важно, благородно,
Как венценосец сам, так цезарю сказал:
«Познай, в Антонии я друга потерял. —
Угодно так судьбе. — Но верь, не мною стало,
Что верх твое над ним оружие одержало. —
От Клеопатры нег совет мой был отстать
И вновь отважно весть на бой ее всю рать,
Чтоб твой оспорить лавр против и рока злого;
На помощь грудь ему сия была готова.
Я думал, наш союз и истинная честь
Велели мне себя против тебя так весть;
Но как он пренебрег сей верный опыт дружбы,
То право дал искать и у тебя мне службы. —

Угодна ли она? — Прими меня в покров. —
Я разделить с тобой добро и зло готов. —
Все пользы сохраню твои и в Палестине,
Как для Антония я их хранил поныне;
Сбирал богатство там, могущих низил часть;
Но тем поддерживал я только Рима власть». —
Так рек. — И после столь великого признанья
Тьму привезенных в дар сокровищей блистанья
Он в Капитолии, как бездны звезд, открыл:
Октавия умом, Рим златом победил.

Соломия

О дерзостный хитрец! — Но что ж по письмам тайным?

Антипатр

Развратный Рим не счел то чудом чрезвычайным,
Супругу что в любви супруга неверна. —
Но чтоб была в кого царица влюблена,
Не верил я и сам. — Однако же искусно
В знатнейших я домах пересказал изустно,
За тайну между жен рассеял под рукой,
Что мой отец не так счастлив второй женой;
Что ты, ее храня от общества дурного,
Страдалицей сама должна быть нрава злого. —
И в сем-то я успел. — До Ирода сей слух
Едва достиг, смутил надменный, скрытый дух.
Однажды, возвратясь с любовных игр позора,
Вздыхал и, на меня бросая стрелы взора,
Пытливо он спросил: не знаю ль я чего,
Происходящего в семействе у него?
Я — как бывает то с придворными нередко —
Внимал его словам и молча целил метко,
В котору сердца часть пустить ему стрелу;
Приметя ж взор его, как огонь блестящ сквозь мглу,
От ревности к своей супруге несравненной,
С улыбкой, хитрою в полслова речью темной
Раздул пожар. — Когда ж твой с перлами ковчег
Чрез Акму к Юлии принес, то средь утех
Она, однажды с ним занявшись Мариамной,
Рекла, что красоты сей образ зрела славной
В вещах Антония у Августа в руках. —
Как гром, слова сии его расшибли в прах;

Как разума с тех пор неистово лишенный,
В молчаньи Рима он спешил оставить стены;
Но на пути открыл терзания свои.
Днесь восшипят в сердцах супругов сих змии.

Соломия

Удачен подвиг твой, довольна я тобою —
Здесь можем довершить. — Пускай себя собою
Ревнующий дух рвет.

Слышны трубы.

Я слышу трубный глас.

Будь скромн и поди, с двором сосдишься.
Я встречу здесь царя.

Антипатр уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Соломия

(одна)

Так много мне послушен!

А я боялася, что он неравнодушен

К сопернице моей. — Но и на сей конец

Мой вымысл был бы вдруг удар для двух сердец:

Тому по ревности, сему по неудаче. —

Да если б весь Сион погряз в крови и плаче,

Что в том? — а только бы мне Антипатра ввесть

Как соучастника, свершить желанну мечь,

А там — о! верно так! такими лишь путями

Из мглы кометы вдруг блистают со звездами.

ЯВЛЕНИЕ 3

Ирод и Антипатр с одной стороны входят в великолепном последовании римских знаменосцев и ликторов под хором юношей; а с другой с придворными Мариамна, Александр, Аристул, Соверн, Юда и Када, с хором дев, встречая царя в том же притворе. — Соломия к ним присоединяется. Юноши и девы держат в руках оливныя и пальмовыя ветви.

Хор

(общий)

Воскликните врата Солима!

Плещи руками Иордан:

Грядет четверовластник Рима,
Владыка Палестинских стран;
Грядет муж равный Соломону.
Играй Эсфирь, ликуй Агарь!
Великолепье храму, дому
Ведет с собою славы царь.

Х о р
(царицы)

Как роза юна гор средь лона
Ждет майския к себе росы,
Царица нежная средь трона
Так ждет царя лобзать красы.

Х о р
(царя)

Как горлик с высоты небесной
На горлицу глядит в тени,
Супруги образ так прелестной
Желал царь зреть разлуки в дни.

Х о р
(общий)

Воскликните врата Солима!
Плещи руками Иордан:
Пришел четверовластник Рима,
Владыка Палестинских стран,
Пришел муж равный Соломону. —
Играй Эсфирь, ликуй Агарь!
Великолепье храму, дому
Привел с собою славы царь.

И р о д

О как я восхищен и сердцем и душой,
Что вижу здравых вас, любезнейших, со мной!
(Обнимая, целует Мариамну, Соломию и детей.)

М а р и а м н а

Стократно счастлива, утешна я, блаженна,
Что пред собою зрю супруга возвращенна. —

Отсутствен от меня и удален ты был,
Но из души моей на миг не исходил.

И р о д

Приятно, мило мне, любезная супруга,
Коль прежнего во мне и ты находишь друга.

М а р и а м н а

Как друга прежнего? — когда тобой дышу,
То почему твое сомнение ношу?

И р о д

О! верю, верю я, ни в чем не сомневаюсь,
На сладость лестных слов, как прежде, полагаюсь.

М а р и а м н а

Но не слова одни, ты видишь вздохи, взгляд;
Что я в тебе одном моих ищу отрад,
Что я страданья все разлуки забываю,
И сердцем и душой любя тебя, встречаю. —
Ты видишь. . .

С о л о м и я

(перебивая речь)

Видишь ты, любезный брат, как двор
Весь на тебя стремится с восторгом жадный взор;
Но наше искренно ль тебя теперь лобзанье,
Узнаешь лично сам в твоём здесь пребыванье.

И р о д

(с приязнью)

Я цену дружеских твоих всех знаю слов;
С тобою в нас течет одноутробна кровь;
И разлучение тебя не прохладило,
Но паче опытом союз наш утвердило.

А л е к с а н д р и А р и с т о б у л

(обнимая у Ирода колени)

Как счастливы твоих лобзаньем мы колени!

А р и с т о б у л

Как радостны, что к нам родитель возвращен!

М а р и а м н а
(с нежностью)

Блаженство паки нам!..

И р о д

(посмотря на нее с подозрением, к прочим)

Велик господь в Сионе!

В первосвященницей и царской я короне. —
Столицей мира днесь, как прежде, отличен;
Как был Антонием, так Августом почтен;
Сенат и весь народ могущественна Рима
Союзника во мне того неколебима
И друга верного опять себе признал,
Который в бранях с ним врагов его сражал;
Кем галл, и парф, и грек, аравы, сирияны
И цельты с мидяны, с египтяны попраны, —
И словом, римлянам кто столь стяжал побед,
Колико на себе сия грудь ран несет. —
В награду за сие свою являя дружбу,
Поверили они мне их орлов на службу,
Которых быстрый гром поможет скоро мне
Иону с Товием увидеть в тишине.
С Ефратом Иордан, глагол мой вняв со трона,
С берегов их смоют прах оставший Антигона.
Один я стран сих царь, сим градом овладеу;

(взглядывая сурово на Мариамну)

И горе! горе тем! кто мой возбудит гнев.

М а р и а м н а

Винят одни дела.

И р о д

И мыслью ополчиться

Кто на меня дерзнет, тот с смертью обручится. —
Народам покажу в владычестве моем,
Как им благоговеть надлежит пред царем;
Как слово, взор его разить их может грозно. —
Преступным предо мной раскаяние поздно,
И словом, кто мою потрясть предпримет власть,
Тех горестна, бедна и смертоносна часть;

Кровавых рек следы за ними псы полижут,
И домочадцы уст своих к ним не приблизут;
Развею самый прах!

Соломия

Гнев правды царской строг.

Мариамна

Царь мудрый праведен и милосерд, как бог.

Ирод

Потщусь представить я величье бога в славе
Судом и милостью в подвластной мне державе.
Коснется он горам — и горы кроет дым:
Так на врагов сверкну я и мечом своим.
Посмотрит он на дол — и дол в цветах пестрится:
Так на моих друзьях щедрота просветится.
Пребудет скиптр мой жезл неумолим для злых,
А осенением смиренных и благих.
Исполню я во всем законы Моисея
В сынах Вахидовых, в сынах и Асмонея:
За око — око я, за зуб исторгну зуб.
Внемли мне, Антипатр! завтра с гласом труб
Вели в украшенном изящней Соломона
Мной храме огонь возгнесь, и жертв среди амвона,
Да всеожжением святая во святых
Горé, как дым с кадил, взойдет вздох чувств моих
К отцу моих отцов, ко богу Авраама:
Сердечный жар ему приятней фимиама. —
Открой народу всех сокровищей корван,
Рассыпь пред сонм вельмож и злато и ливан.
Но праздник чтоб сей был днем светлым, днем
правдивым,
Вкруг стен градских воздвигнь кресты в позор
кичливым,
Да распнутся на них. — Глав буйных не терплю. —
Не пощажу и тех, которых и люблю.

Грозно взглянув на Мариамну, уходит, а за ним и прочие, кроме
Антипатра и Соверна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Антипатр и Соверн.

Соверн

Царь принял холодно приветствие царицы
И гневно, отходя, к ней обращал зеницы.

Антипатр

Услужники двора сквозь сердце могут зреть.
Улыбка, слово, взгляд им царский — жизнь иль смерть. —
Так, тонкий царедвор, пловец в морской пучине,
Близ берега плывет, и волн плывет в середине;
Умеет парусом попутный ветер ловить,
Путями разными до пристани дойти.
Что мне ты возвестишь о встрече сей холодной?

Соверн

Как знать?

Антипатр

Нет, нет! скажи.

Соверн

В душе сей честной, скромной
Открыто всё тебе. Уверить не могу;
А в том, что знаю я, конечно, не солгу.
Единый из певцов, искуснейший в музыке,
Певал нередко с ней духовны песни в лике.

Антипатр

И в Риме был сей слух. — Но царь как от тебя
Отчету спросит в том, царицу столь любя,
Что скажешь ты тогда? Иль он внушен тобою?

Соверн

Нет.

Антипатр

Не хочу ж я быть сей спутан новизною;
А делайте, что вам ваш тонкий ум велит;
Но ведай, ревностью гнев яростней кипит.
О дети бедные! несчастна Мариамна!

Как душу, вас люблю; но наша жизнь печальна.
Соверн! брегись сих туч!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Соверн
(один)

Что сделал я? напасть!
О пагубна к вестям и пересказам страсть!
Но если сведал царь вселенная в столице,
Что я предатель был и тайн его царице, —
Куда сокроюсь я? чья защитит приязнь?
Неизбежима мне позорна, люта казнь!

(Подумав)

Но тонким ли я быть вельможей не умею?
О хитрость! я к тебе днесь обратиться смею.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Внутренние чертоги царицы.

ЯВЛЕНИЕ 1

Мариамна и Када.

Мариамна

Хоть радует меня супружеский приезд,
Но грусть какая-то уныло сердце ест.
Уж не еще ли что сплетает Соломия?
Чего ждать от жены столь гордая, столь злая?
Когда власть царскую должна с себя сложить,
На мне урон венца не думает ли мстить?
Препнув с царем мне речь из тайныя досады,
Бросая на меня презрительные взгляды,
Дала мне чувствовать всю ненависть свою;
А мой супруг ласкал презорщицу мою!

Увы! что сделалось? — Не ведаешь ли, Када,
Причины ты сему?

Када

По общу слуху града,
До Юлии дошла отселе будто весть,
Мрачащая твою пред нею дружбу, честь.

Мариамна

Пред Юлиею честь мою? — Не понимаю.

Када

Какой-то образ твой в дар цезарю. . .

Мариамна

Не знаю!

Када

И без супруга здесь в забавах ты жила.

Мариамна

О! не страшна сия уж для меня хула.
От Соломии баснь сия, знать, происходит.

Када

Не менее она царя на гнев наводит.

Мариамна

Не дивно, и легко сие возможно быть:
Крутой, горячий нрав нетрудно возмутить.
Ты знаешь Иродом владеющие страсти:
Привязан жен к красе и блеску царской власти,
Кипит и рвется в нем к ним ревностью дух;
Наперсница сама и самый лучший друг
Противеют ему, из сердца вон женутся,
Коль скоро слабостям сим нежным прикоснутся.
Опасен первый гнев.

Када

Не раз он гроба дверь
Невинным отверзал. — И мил тебе сей зверь?

М а р и а м н а

Не сокрушай меня таким напоминаньем.

К а д а

Нельзя и не мерзить гнуснейшим злодеяньем.

М а р и а м н а

Молчи! Не нам судить деяния царей.
Их участь связана с блаженством их людей.
Пускай их судит бог; а мы, благоговей,
Пороки, страсти их оплачем, сожалея.
Ты в том свидетель мне, я в горестях каких
Известья лютые сама печалей злых,
Близ гроба будучи, не раз переносила,
Как смерть насильственна моих родных косила:
Иржан, мой добрый дед, из Парфов возвратясь,
Несчастно кончил век, в темнице глаз лишась;
Священного сего защита быв Солима,
Мой дядя, Антигон, позорно пал средь Рима;
Мой брат, Аристокбул, цвет истый, образ мой,
В купальне задушен подкупленной толпой;
О матери моей сама ты мне сказала,
Что с кровию свой дух от яду излияла. —
Но что мне исчислять беды минувших лет,
Когда я днесь. . .

К а д а

Ужель Соверн новейший вред
Какой тебе еще предвозвещает ныне?
В смущении его я зрела наедине.
О тайне, в робости, какой-то он твердит.

М а р и а м н а

А может быть, о том, раскаявшись, грустит,
Что им открыто мне двукратное веленье
Царево: умертвить меня здесь в заточеньи,
Когда бы от него Рим отнял царску власть,
Чтоб мне к Антонию иль к Августу не впасть. . .

К а д а

В блестящий плен? . . . — страшась. . .

М а р и а м н а

Се возблагодаренье
За дружбу, за любовь, за скиптра приношение.
Какой же впрямь судьбы должна себе я ждать?

(Плачет.)

К а д а

Так что ж ты думаешь теперь начать?

М а р и а м н а

Страдать.

К а д а

Иль средств уж нет спастись?

М а р и а м н а

Их тьма, и пред очами:

На троне, на одре тиран меж палачами;
Но промысл вышнего помазанных блюдет,
И царство он кому восхощет, тем дает;
Я волю чту его, законам покоряюсь
И на мою одну невинность полагаюсь.

К а д а

Скажи ты лучше, что твоя слепая страсть
Ревнивцу над тобой дает такую власть.

М а р и а м н а

Ах! может быть и так, любезнейшая Када;
Но сердцу нежному какая бы отрада
На свете быть могла без дружбы, без любви?
Я ей живу одной — она в моей крови.
От самых юных лет к великим дарованьям
Супруга приучась, к приятностям, к познаниям,
К геройским качествам, к победам, торжествам,
К нему, — и страсть сию не предпочту ль страстям
Я всем? — И ревность та, он в гнев от коей входит,
Не от любви ль ко мне единой происходит?
И самый страшный меч, кровь милую что льет,
Нам ненавистен ли, коль целость царств блюдет?
Благословлю я зло, творимое для правды.

Соверн
(указывая на детей)

Усердием к тебе и к сим птенцам горя,
Хощу тебе внушить я вести небезважны.

(В сторону)

Замкну ей сим уста — моей не вынести тайны.

Мариамна

Что хочешь ты сказать?

Соверн
(вполголоса)

Хоть веселится чернь,
Но скоро радость ту затмит печали тень —
Глас мудрых книжников не тако рассуждает,
Как Ирод говорит, вся площадь подтверждает:
Он проповедует, что милости нам льет,
Но милости ли то? — последний хлеб берет.
Он разумом своим и мужеством кичится,
А наша кровь в войнах не престаёт струиться.
Он возвещает, что союзник с нами Рим,
Но куплен сей союз не золотом чужим.
Он хвалится, что друг мемфийской был царицы,
Но не талантами ль с Давидовой гробницы?
Он благочестия пример подать мнит нам,
Но богу он богов тогда исправил храм,
Как велелепные воздвиг ужobeliski
Антонью, Августу, и жертвенник пифийский,
И олимпийских игр возобновляя съезд,
Вкруг мрамором облек тьмы градов чуждых мест,
Театров, пристаней, бань, стогнов, водоводов,
И с кровью содранных с отечества доходов
Рассыпал тьмами тьмы на роскоши дела,
Чтоб лишь в язычниках неслась о нем хвала:
Богов, чудовищ их, внес даже в дом свой ныне.
Ах! сим ли славиться владыкой Палестине?

Мариамна

Раб должен ли давать царю толь мрачный вид?

Соверн

(возвыся голос и бия себя в грудь)

Кровь Асмонеева, усердые говорит.

Мариамна

Но кто же был щитом ее у Месаиды?
Чье мужество и чьи всепрозорливы виды
От плена нас парфян блистательно спасли
И самого тебя на сан сей вознесли?
Неблагодарнейший!

Соверн

(с жаром)

Отечества подпора,
Сей самый сан велит.

Мариамна

От моего вмиг взора
Исчез бы клеветник, но чту в тебе мой род.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Када.

Када

Царь возвестить велел к царице свой приход.

Мариамна

(к детям)

Друзья, градских забав подите зреть к народу,
Оставьте мне с отцом поговорить свободу.

(Про себя)

О если бы снискать опять его любовь!

Соверн

(отходя с детьми, в сторону)

Удержится теперь от откровенных слов.

Соверн, Александр, Аристокл и Када уходят

ЯВЛЕНИЕ 4

Ирод и Мариамна.

Ирод

(встречаясь с Соверном, указывает на комнату)
Останься здесь, Соверн.

(Оборотясь к Мариамне)

Не скорбь ли уж какая?
Что так ты смущена, супруга дорогая?

Мариамна

Нет.

Ирод

Что ж?

Мариамна

Тринадцать лет, дражайший мой супруг,
Как страстным пламенем к тебе возжен мой дух;
Тринадцать лет, как я с тобою сопряженна
И всякий час тобой, как в первый раз, плененна. —
Но что мне изъяснять любви сей давность лет?
Не с самых ли тех пор, как я познала свет,
Как из пелен моих во цвете дев явилась,
В супруги я тебе судьбой определилась?
Так верь ты, верь сему: едва я стала жить,
Уж мне назначено судьбой тебя любить;
Лишь чувства нежные во мне вскрываться стали,
Желания мои лишь счастья взалкали;
Уж некий тайный глас в груди моей вещал,
Любовником тебя, супругом называл. —
Не знала я тебя, но я тебя искала.
Не зрела я тебя, но зреть тебя желала.
Вообразя красы вселенных мечтой,
Средь дня под тенью древ, средь ночи под луной,
В чертогах, во садах, где воды с гор катятся,
С Авессаломом дух летел мой повстречаться,
Вирсавию ему, Сусанну чтоб явить
И взор твой на меня незапно обратить. —
Ах! так, средь пышности и роскоши азийской,
Египетских искусств и неги ассирийской,

В толпе блистающей поклонников отца,
Где в плен брала князей, вождей влекла сердца,
И цепь бесчувствием я на царей метала,
Тебя мне одного судьба не представляла;
Недоставало мне лишь в сердце искры той,
Которая б весь дух воспламенила мой;
Ничьи достоинства, к прельщению удобны,
С предметом мысленным мне не казались сходны.
Но ты предстал лишь мне, — и се, как некий бог,
Единым взглядом мне все чувства возжёл;
Супруга моего, которого искала,
В речах твоих, в чертах, в поступках я узнала,
И сердце трепетом вещало мне: се он!
Не воспротивился ни сан, ни род, ни трон,
Ни власть родителей всеильной сей судьбине, —
Ты руку взял мою, — она твоя поныне. —
О, как я счастлива!

И род
(умягченно)

И я счастлив тобой. . .

М а р и а м н а

Я мыслю, всем женам завиден жребий мой.
Мне кажется, глядит вся на меня вселенна,
Что вознеслась я так, что так тобой блаженна! —
В улыбке, в радости, в восторге вне себя,
Не насыщаясь смотреньем на тебя,
Мечтаю иногда, против тебя сидяща
И взор мой на тебя и душу всю стремяща,
Что если б не было положено судьбой
Быть сопряженною на вечность мне с тобой,
Чело бы я твое венцом не увенчала,
Порфирию моей рамен не украшала,
И ты на низкой бы степени исчезал,
Но личным только бы достоинством блистал;
А я бы, зная тебя, твой ум и сердце знала,
Но страстью не к тебе, к другому воспылала:
Каких бы благ тогда лишила я себя,
Вообразя, что я живу не для тебя!
Презренною себе самой бы я казалась,
Что именем твоим гордиться отказалась. —

Но ты теперь мой царь, мой купно и супруг,
И всё, что мило мне, и всё, что свято, вдруг.
О! соберитесь всех красот лучи блестящи,
Как солнце на морях зари златогорящи,
Но вы пред мной ничто; а титло мне, венец,
Что ты любовник мой, друг, царь, супруг, отец.

И р о д

О! как возносишь ты меня теперь хвалами,
Но обливаешься и горькими слезами. —
Ласкаешь и крушишь, — что сделалось тебе?
Скажи!

М а р и а м н а

(бросаясь к нему на шею, с плачем)

Ах! возврати меня, мой друг, себе.

И р о д

(обнимая)

Я, Мариамна, твой, тебя я лобызаю.

(Целует)

Твой! Если ты моя!

М а р и а м н а

Увы! не доверяю.

И р о д

Откройся, изъяснись.

М а р и а м н а

Зачем, ах! мне твой взор
В собраньи днесь явил холодность и презор?
Сим самым я тебя уж мню быть отлученна.

И р о д

Да не мрачит тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнан я из сердца твоего.

М а р и а м н а

Тебя из существа исторгнуть моего,
Которым я живу, которым я сгораю,
Кто б мог? — того себе вообразить не знаю.

И р о д

Так прежнего себе могу блаженства ждать?

М а р и а м н а

Ах! нужно ли сие вновь клятвой подтверждать,
Когда я грудь твою слезами печатлею?

И р о д

(обнимая нежно)

Спокойся, — я уже сомненья не имею.

М а р и а м н а

Небесна ангелов румяна радость как
У Сарры и Агарь осиявала зрак,
Так, нежный мой супруг, тобой я восхищенна,
Днесь по разлуке злой счастлива и блаженна!

И р о д

В Италии, в Греции, в Иберьи красных жеп
Я пренебрег любовь, всегда пося твой плен,
И от владык земных столь сильного народу
Лишь вольность получил, то сердце и свободу
К тебе опять принес.

М а р и а м н а

По-прежнему любить?

И р о д

Что ж может сладостней сего союза быть?

М а р и а м н а

Но в блеске солнечном не видны ль черны пятны?

И р о д

(в смущении)

Какой вопрос? — есть — нет — они невероятны.
Ах! что ты чрез сие мне мыслила сказать?
Или по нежностям чем хочешь упрекать?
Я признаюсь тебе, что в Риме слухи злые
Едва не прервали те цепи золотые,
Которы вяжут нас. — Я мнил, ты неверна,
И лютых мук с тех пор душа моя полна.

М а р и а м н а

Как быть то возмогло? — ужель ты не стыдился
Подозревать меня к кому, — и омрачился
До крайности такой? — Ах! над собой коль дал
Поверхность царь рабу, — раба он ниже стал.
Но я до низости сойти сей неспособна;
Супруга я царю, и я царю подобна.

И р о д

Так благородно ты союз и честь храня,
Стыдишь твоим умом и чувствами меня. —
Я вишен пред тобой.

(Целует руку.)

М а р и а м н а

Передо мной? — Ах, нет!
Кто любит, тот обид на сердце не берет.
Я даже в том тебя, мой друг, не упрекаю,
В чем оправданья нет, — молчу и забываю.

И р о д

(с замешательством в сторону)

Так тайна, знать, моя уже известна ей!
(Оправясь, бросается на колена, держа ее за руку.)
Не верь ты никому, а верь любви моей.

М а р и а м н а

(подымая его)

Ах! можно ль на твоих словах не уверяться,
Супруг возлюбленный!..

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Соломия, с стремительным бешенством.

С о л о м и я

Царю так унижаться!
Не стыдно ль, государь, что властелин, из стен
Приехав Рима днесь, жене повергся в плен?
Давно Соверн там ждет и прочи власти царства.
Ты всё забыл!

И р о д
(в неудовольствии)
Вели войти.

С о л о м и я
(с злобною усмешкою взглянув на Мариамну)
Иль есть препятства?

И р о д
(к Мариамне с нежностью)
Оставь меня теперь.

М а р и а м н а
(обнимаясь с Иродом)
Взаимная любовь,
Хранитель ангел наш, да будет мой покров.
(Проходя мимо Соломии, в сторону)
Ехидна так в цветах бывает ухищрена.

И р о д
(Соломии)
Изыдь, сестра, и ты.

С о л о м и я
(уходя с досадою, про себя)
Пожри вас всех геенна!

ЯВЛЕНИЕ 6

Ирод и Соверн.

И р о д
(с злобою)
Изменник царских тайц, раб гнусный, низкий
льстец,
Как ты осмелился отравой быть сердец
Супругов, нежною толь страстью сопряженных,
И стал предатель дум, тебе мной порученных?
Вещай и трепещи!
(Замахиваясь кинжалом.)

Соверн

(открывая грудь, с твердостью)

Пронзай, о государь!

Но прежде выслушай твою последнюю тварь.

Ирод

Что скажешь, не внушил моей глубокой тайны
Ты вероломностью во уши Мариамны?

Соверн

(упади на колена)

Я думал, нет вины.

Ирод

Как, нет?

Соверн

Чтоб спасти тебя,
Ласкательно во всем я ей открыл себя,
Дабы чрез то извлечь взаимну откровенность.
Се здесь прочти. И зри ее к себе ты верность.

(Подает из-за пазухи хартию.)

Ирод

(читает)

«Я в царску ложницу введу...»

(С злобою)

Когда? Кого?

Соверн

(прерывчиво, с трепетом)

Певца, — в отсутствие твое...

Ирод

(посмотря, бросает хартию с бешенством)

Что злей сего?

Царицына рука! о стыд! о Мариамна!
Скорпии может ли болезненней быть рана?

Бывал ли молнией так холм свирепо сжжен,
Как лютой я твоей изменой поражен?

(Отворя дверь)

Наместник, Антипатр! скорей войди сюды.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Антипатр, с ужасом вбегают.

Антипатр

Какие, государь, грозят тебе беды?

Ирод

Ужасней для меня быть можно ль приключенью!

(Указывает на хартию)

Вняв, сын, родительску жестоку оскорбленье,
Скорее поспеши мою обиду мстить,
Лютейшей смертью преступника казнить.

Поднимая хартию, Антипатр и Соверн уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Ирод

(один)

Се, сколько речь ее обманчива и злобна,
Что к низостям она постыдным неспособна!
Се из прекрасных уст как сладкий капал яд,
Что неприметен был ее мне и разврат!
Кого же предпочла она мне вероломно?
Что и судить того с собою мне позорно. —
Но в чем же виновен он, коль завлечен женой?
Ах! где и кто бывал не поражен красой?
Кто в случае таком не преступал границы?
Нет! — мысль злодейство уж — о прелестях царицы!
Да совершится казнь, — и я узрю потом,
Какой и на кого еще мне бросить гром,

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сад царский с изображением сфинксов, крокодилов, львов и прочих животных, между которыми несколько кумиров богов языческих; из первых бьют водоскаты и водометы.

ЯВЛЕНИЕ I

Соломия и Антипатр.

Антипатр

Сейчас от цезаря с безвестным повеленьем
К нам прибыл Архелай, и с крайним поспешеньем.

Соломия

Что б значило сие? не к нашим ли бедам?

Антипатр

Нам нужно меры взять приличны временам.

Соломия

(подумав)

Безбеден скрыт удар, стороннею рукою. . .

Антипатр

Правдиво; то не кознь, кто действует собою.

Соломия

Втай должно пагубу царице нанести.

Антипатр

Чтобы самим спастись.

Соломия

Пусть скажет лишь *прости*,
Мечтая быть к себе супруга страстна, нежна;
И с словом сим одним ей смерть уж неизбежна.

Антипатр

Я слышу пение.

Слышится вдали нижеследующий хор.

Соломия

К прохладе, зная, идут
Царица в сад иль царь. — Иди, свершай свой труд.
Удаляются за деревья в разные стороны; но Антипатр, остановясь,
смотрит вслед Соломии.

Антипатр

Так мною занята, что и глядит толь страстно;
Иль матерня любовь? — Нет! мщенье то ужасно
К враждебной ей красе, которую зря, горю.

(Смотря на входящую Мариамну)

На что ж решусь? — Взять скиптр, — обеих покорю.
(Скрывается.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Мариамна и Када.

Хор

Цветы, благоухайте,
Древа, несите плод;
Зефиры, повевайте,
Блестя шуми, скат вод:
Се идет голубица,
Прекрасная царица,
Любовию горя,
В объятия царя.
Да в виноград свой вшидет
Желанный ею царь,
Лобзания примет,
Как от весенних зарь
Дыханье ароматно.
Да склабятся приятно,
Как с сладкого сота,
Червленные уста.

Мариамна

Уныло пенне душе моей природно.
Музы́ка тихая льет сладость в сердце томно.

В спокойствии себя подобном вижу я,
Как ток, по буре, спит при гласе соловья. —
Я примирилася. — Тоска дух не тревожит.
Супружняя любовь везде мне радость множит.

К а д а

Желаю зреть тебя в блаженстве я таком,
Когда возможно то при нраве толь крутом
Супруга и царя.

М а р и а м н а

Сколь пылок он, столь нежен;
В минуту строг и благ, он и врагам прибежен.

К а д а

Нрав сносен может быть сей у простых людей.
Но мысль и действия вдруг суть часто злы царей;
А паче вокруг кого советники такие,
Как злейшая змея, коварна Соломия;
Погрязнув, кажется, со Антипатром в страсть,
Пронырствует, себе присвоивая власть. —
Не тщетно в ночь сию мне зрелся сон ужасный:
Что будто с ним она цветы тебе прекрасны
Рассыпав под стопы, кровавою рукой
На Ирода хитон надела золотой,
В раздранной быв сама одежде гнусной, черной,
И будто град течет к царю волной смятенной,
А он к нему с лицом смеющимся идет.

М а р и а м н а

Как суеверна ты! — Счастлив владетель тот,
Которого толпа народа окружает.

К а д а

Напротив, страшный сон меня сей склоняет
К предчувствиям некаким печальнейшим и злым. —
И се уж к нам бегут.

М а р и а м н а

Се знак: наш царь любим.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Александр и Аристокбул, выбегая из толпы народа,
остановившегося за воротами сада.

Александр
(трепеща)

О ужас! о позор!

Аристокбул
(тоже)

О злейшее свирепство!

Александр и Аристокбул
(оба вдруг)

Любезнейшая мать!

Мариамна
(обнимая их)

Что сделалось? — Иль бедство
Какое вам грозит?

Александр
Певец изящный тот,
В чертогах у тебя нередко что поет. . .

Аристокбул
На древе пригвожден, по воле царской власти,
И тьмою острых стрел рассечен в мелкие части;
Жизнь с сердцем у него из груди извлекли.
Слова и на тебя позорные рекли.

Када
Как?

Мариамна
Кто?

Александр
Злой Антипатр.

Мариамна
Он?

А р и с т о б у л

Так звероподобно!

М а р и а м н а

Невинность погубить столь люто, столь безбожно! —
Чудовище! Но как случиться то могло?
Спокоен Ирод был. — Но где же не могло
Коварство с клеветой к своей достигнуть мете?
О добродетель! как страдаешь ты на свете!

А л е к с а н д р

Убийца жертву сам при казни сожалел.

А р и с т о б у л

И нам являл, что спасти с тобой и нас хотел.

М а р и а м н а

А вы враждебные, таинственны такие
Внушения внимать осмелилися злые
Против державного родителя, царя,
И матери своей?

А л е к с а н д р

Как с братом говоря...

М а р и а м н а

Так, Антипатр вам брат; по...

А л е к с а н д р

Дружбы зрим в нем
пламень.

М а р и а м н а

Коварный, хитрый друг — подводный, скрытый
камень!

Какой он может вам благой подать совет,
А разве в сеть свою какую вас ведет.
На ваш престол его вся цель и ухищренья.
О дети юные! страшитесь наущенья
Против родителей; кто б что ни говорил.

К а д а

(в сторону)

Не неусерден, мною, рассказ Совернов был.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Ирод и Архелай, который, при входе в сад увидя Мариамну, возвращается, дети и Када удаляются.

Ирод

(оглянувшись на Архелая)

Вам, Архелай, даст знать час Антипатр с Соверном...

(Подходя к Мариамне)

О уважении Октавия отменном,
Я мню, ты слышала?

Мариамна

Благодарю за честь.

Ирод

И для меня сия весьма приятна весть. —
Но на лице твоём печаль я обретаю
И вместо радости зрю грусть, — не понимаю,
Тревожусь без причин, тебя смущенну зря. —
Неужто смерть певца?..

Мариамна

Жизнь, смерть — в руке царя.

Поставлен укрощать народа он строптивость.
Но, Ирод! если царь творит несправедливость,
Есть над царями царь, сей царь царей есть бог,
Которого перун крушит гордынь их рог.
О! если он бросать его на нас восстанет,
За слезы и за кровь Юдеи не достанет.
Ах! трепещи, мой друг, прогневать ты его.

Ирод

Какие бы сего укора твоего
Причины важные мне были, Мариамна?
Ничтожна рабища кровь казнию пролиянна
Не стоит слов твоих.

Мариамна

Иль раб не человек?

О мой любезнейший! еще ль твой славный век
Ты тмить не престаешь таким поспешным гневом?

Еще ли мало был за то разим ты небом?
Не смею защищать, но смею говорить:
Царь должен миловать; закон, судя, казнить.

И р о д

Я думал, кротостью покрыта наша ссора;
Но ты еще винишь, — зачем без приговора
Казнен мой дерзкий враг. — Так знай: целенье раи
Владык принадлежит к числу глубоких тайн.
Открытое суда в сем случае решенье
Монаршу было бы величью унижение. —
Сим всё тебе сказал, безмолвствуй, понимай —
И трепещи меня. . .

М а р и а м н а

Когда винна, карай!
Но прежде объяви мое ты преступленье.

И р о д

Не обличенна ль ты во царском оскорбленье?
Певец был не вводим во ложницу мою?
Сейчас велю терзать изменницу свою.
Возьми, прочти свою сама ты здесь неверность
И казни жди своей.

(Бросает хартию.)

М а р и а м н а

(подняв и прочтя, равнодушно)

Какая легковёрность!
Не Соломона ль песнь прибрачная сия,
Которую, твоей невестою быв я,
Своею для тебя рукой переписала
И пред тобой не раз в любви своей певала,
Как нежна горлица с высот во знойный день
Сзывает горлика к себе древес под тень?
Я пела песнь сию с тобою и в разлуке,
В моей тебя всегда воображая скуке,
И повторял ее под арфой часто мне
Певец тот в лике дев. — Сие ли днесь к вине
Моей перед тобой причислить ты желаешь
И беспорочно жизнь в порочноую вменяешь?

И р о д
(с удивлением)

Ты права, может быть. — Однако ж общий слух
Мне вероятностью колеблет сильно дух.
Почто бы и сию знать без меня забаву
И в сердце мне вливать толь страшную отраву?
О Мариамна! мне колико ты мила,
Изменницею бы несноснее была. —
Красы и прелести, бесценны сердца узы,
Переменились бы в страшилища Медузы.

М а р и а м н а

Льстецы малейших чувств в нас склонности
Каких они цепей твердейших не прервут? блюдут.

И р о д

На что ж и подавать пронырствам их причины
И двигать тайные души моей пружины?
Ты знаешь, я ревнив.

М а р и а м н а

О нежный мой супруг!
Приди, облобызай, сладчайший сердца друг!
Открытое твое признание такое
Мне счастием творит несчастье даже злое.
Что делать, коль сия тобой владеет страсть?
Но ах! любящихся и в ней завидна часть,
Не буре коль она, а ветерку подобно,
Животворя, огонь не задушает злобно
В сгорающих сердцах.

И р о д
(нежно)

Так любишь ты меня?

М а р и а м н а

Дай руку и коснись ей в сердце сем огня,
Измерь вздыхания, исчисль его биенье
И, нежных чувств моих вообрази волнение,
Познай, что нет сильней моей к тебе любви.

И р о д

Ты весь мятешь мой ум, жизнь гасишь во крови.
Не знаю, что начать; борюся я с собою.
Виновна ты, ах, нет! — я винен пред тобою.
Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрением захочешь отомстить?
Реши мою судьбу.

(Бросается на шею и обнимает ее со слезами.)

М а р и а м н а

Желание прощенья

От горьких слез меня возносит в восхищенья.
Природа вокруг меня берет эдемский вид,
Пресветлый ангел мне в супруге предстоит. —
Бессмертными его плененна красотами,
Дышу блаженством я, ношуся небесами!
Не будь лишь ты таков, как перед сим мне рек,
Что недостойн быть судимым человек,
Подозреваемый царя во оскорбленье. —
Нет, друг мой! гордое такое изречение,
Презренье вышнему, что ты, его судом
Не уважая, мнишь собою быть царем.
Поверь, что сила всех владык, вельмож коварства,
Надежда на себя — не сберегают царства,
Когда всевышняя рука их не хранит.

И р о д

Святая истина твоя меня разит. —
Отныне никого не огорчу я гневом.

М а р и а м н а

(увидя идущего Антипатра)

Да утвердишься в том ты милосердным небом.
Да будет за меня порукою оно;
И непорочность лишь свидетельство одно.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

И р о д

(один, не видя Антипатра, из стороны вышедшего)

Что может говорить святее добродетель?
Ее невинности я сам теперь свидетель. —
Но сердце царское подобно той мете,
Блестящей в очи всем на горней высоте,
Котору тучи стрел отвсюду поражают, —
Так доблесть и моей супруги помрачают.

(Оглядывается)

Как, Антипатр, ты здесь?

Антипатр

Лишь ляжет солнце в понт,
Предстанет Архелай.

И р о д

Мое на горизонт

Взошло уж из-за туч. — О сын! остерегайся
И на молву людей отнюдь не полагайся.
Мне Мариамнина невинность так видна,
Как на небе в ночи блистающая луна.

Антипатр

Царь рек...

И р о д

То истина, и верь.

Антипатр

Благоговею.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Ю да, держащий в одной руке кубок, а в другой мешок со
златом; вышел вдруг из лесу, упадает на колена.

Ю да

Жив Юды бог! жив царь! их раб, представить смею:
Здесь злато, а здесь яд. — Царицыны они,
Чтобы пресечь твои ей ненавистны дни.

И р о д

На жизнь мою тебе прислала Мариамна?
Вострепещи, злодей! — ложь, кознь то несказанна!

Ю д а

Всевышний сердце зрит!

И р о д

(с ужасом отступает)

Ужели так сия

Сирена, сладостный свой глас в мой слух лия,
В ласкательствах своих была преухищренна,
Что не проник я их? — О хитрость беспримерна!
Скорее, Антипатр, сие мне испытай. —
Или теперь тут ад, где зрел сейчас я рай?
Как беден, жалок царь в злодейском здешнем мире!
Вьют гнезда у него скорпии и в порфире, —
Вблизи они, вдали — везде распложены,
Ползут, льют яд. — Ах! что лукавой злей жены?

(К Антипатру)

Иди, пускай весь град умрет во истязанье.

Антипатр с Юдою хотят уйти.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Соломия с поспешностью из-за деревьев вбегает.

С о л о м и я

Твое ль, любезный брат, толь страшно восклицанье
Я слышала, древес сидя в тени густой?
Что сделалось тебе? — Ах! — что? вещай!

И р о д

(Юде)

Постой!

Скажи ты ей, отколь, кому и что в прохладу
В сем кубке приносил?

Ю д а

От Мариамны яду.

Когда возжаждет царь, велела мне подать.

Соломия

О демон злой в лучах! прости, что так назвать
Супругу я твою, любезный брат, посмела. —
Союз ваш свят, но тем сказать лишь я хотела,
Что ты дороже мне.

Ирод

Погиб весь разум мой!

Кто бы поверить мог, что василиск в ней злой?
На чью привязанность и верность полагаться,
Коль должно жен своих мужьям остерегаться?
О я несчастнейший! тяжка судьба моя!

(Облокачивается на статую.)

Соломия

Хвала всевышнему, спаслася жизнь твоя.
Хоть я оправдывать не смею Мариамну,
Но злобу такую отнесть к ней несказанну
Поистине сумнюсь. — Почтенна и славна
По муже лишь жена. — Прах без тебя она.

Ирод

Супруга своего изменница, убийца!

Соломия

Не может быть она свирепая столь львица.
Поколебаться ей лишь разве можно тем,
В благоволении коль цезарь бы своем
Ей на защиту знак явил своей десницы.

(Вполголоса)

Вид некий есть тому...

Ирод

(в смятении)

Как?

Соломия

Всадники, возницы
Готовы там, и чернь вокруг собралась туда.
Мне странен стал сей скоп; а здравие всегда

Как брата и царя всего мне есть милее,
То я сквозь ветви древ, в виду тебя имея,
Всё примечала здесь.

И р о д
(в смятении Антипатру)

Не ков ли уж какой,
Ты слышишь, Антипатр, против меня то злой?

С о л о м и я
На возмутителей народного спокойства
Давно бы, государь, не кроткие ты свойства,
Но правосудие и строгость обратил.

И р о д
(ободрясь)
Сотру главы ехидн, лишь только б их открыл.

А н т и п а т р
Коль есть где заговор, то вождь я в нем верховный. —
О! нет, родитель мой! твой страж есть сын
твой кровный;
Пред сим хотя понес я твой упрек и гнев,
Но не воздремлет сей тебя хранящий лев. —
Исследую я всё и приму все меры;
Коль есть где скопища, найду и средь пещеры;
А чтоб они никак укрыться не могли,
Вручи мне только власть и манием вели.

И р о д
Се длань моя тебе! иди, твори что должно;
Но делом не считай, что по себе ничтожно;
А впрочем, не смотри на возраст, сан и пол,
Имея лишь в виду меня и мой престол.
Преследуй всех, ищи и в сендарин под стражу
В оковах привлеки; — я там решу, уважу
Как самодержец всех сам лица и вины.

Антипатр и Юда уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Ирод и Соломия.

Соломия

Ужель сей точно бунт есть ков твоей жены?
О государь и брат! брегись в минуту злую,
Будь идумеянин!

(Плачет.)

Ирод

О небо!

(В смущении уходит.)

Соломия

(с злобною радостью поглядев вслед его, к зрителям)

Торжествую!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Письмохранилище царское (кабинет); стол, на котором множество папиров в свитках и просто разметанных.

ЯВЛЕНИЕ 1

Ирод

(один ходя в задумчивости)

Не утвержден ли я теперь сestroю в том,
Что мне готовится женою скрытый гром?
Как я ни думаю, как я ни рассуждаю,
А Мариамну всё виновной обретаю. —
Положим, что певец и не был ей прельщен;
Но вместо быть его не мог ли сам Соверн?
И с тем внушил мою он тайну ей верховну,
Чтоб сим предательством войти к ней в связь
любовну;

Но чтоб сокрыть ему преступну страсть сию,
Вину он на певца возверг и месть мою.
А чтоб не вышла в свет, то к общу избавленью,
Чрез виночерпия прибегли к отравленью.
Да и царице толь отличнейшая честь
В письме от цезаря зачем? Тут скрыта лесьть;
Конечно, и лица ее изображение
Затем в Рим послано в богатом украшенье. —
И словом, вместе всё как то соображу,
От Соломии что я слышал, нахожу
В смущении себя различном, непонятном.
В честолюбивом столь и с подлостью развратном
Народе, Рим каков, чего не может быть?
Когда он, ни во что супружний ставя стыд,
Для сластолюбия владык роскошной власти
В сенате жен своих определял для страсти,
То не приехал ли и Архелай затем,
Чтоб Мариамне быть ко Августу вождем?
Ах! в лабиринте я коварств и козней темном!
Подобен страннику в распутии подземном,
Который пред собой зверей зрит всюду зев;
Подземный ржущий огонь, со облак грома рев,
Бурь страшных со сторон внимает завыванье,
Распростирающих смертельно замерзанье;
И он как каменный, в тьме стоя, смерти ждет:
Се образ чувств моих и вокруг грозящих бед!
Причина ж кто сему? Изменница коварна!
Сирена лютая! жена неблагодарна! . .
Но я решусь; пождем, что скажет Архелай,
Что Юда подтвердит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ирод и Архелай.

Архелай

Монарх! повелевай.

Я в час к тебе пришел, тобой определенный.

Ирод

Благодарю народ, сенат, главу вселенны
За уважение присылкою тебя. —

О Архелай! в тебе я сродника любя,
Доволен искренно твоим меж нас посредством.
Сим Август мне явил отличну честь приветством
И дал народам знать, что он мне верный друг. —
Но удивляюся, любезнейший мой внук,
Теперь лишь я тому, что ты им был отправлен
В тот самый день, когда и мною Тибр оставлен. —
С тобою присланно письмо сие гласит.

(Показывает письмо.)

Ар х е л а й

Тебе я послан вслед.

И р о д

Но как же не открыт
Самим мне Августом тот вихрь, для утишенья
Ты послан коего?

Ар х е л а й

От Юльи извещенья
От том он получил в тот самый только час,
Как ты оставил Рим; то, чтоб народный глас
Не предварил тебя, не вверг бы в беспокойство,
Знав к Мариамне страсть твою и пылко свойство,
Велел мне за тобой сколь можно поспешать
И вас с супругою всемерно примирять,
Поколь он не сберет отсель всех в Рим писаний,
На дом подавших твой вину оклеветаний;
Собравши же, тотчас с нарочным их пришлет,
Дабы тебе открыть в злоумышленьях свет.

И р о д

О дружба редкая! почти невероятна,
И много б мне она была в сей день приятна,
Коль не открылся бы еще важнейший вред
И умысл на меня, — внимай!

(Указывая на вошедшего Антипатра.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Антипатр.

Антипатр

Доносчик тверд:
По страшным мной ему чинимым истязаньям,
Последует своим он прежним показаньям.

Архелай

Что сделалось?

Ирод

Язык не может мой изречь.

(Антипатру)

Поведай, Антипатр.

Антипатр

Жизнь царскую пресечь
Прислужника жена коварна подкупила.
Терзающая его то совесть всем открыла.

Архелай

Не может быть того.

Ирод

Дивись, о юный друг!
Какой и чрез кого удар разит мой дух.

Антипатр

Великая душа ничем неколебима,
И истина везде в своем ей блеске зрима.

Архелай

Но люди с слабостями.

Антипатр

Себя кто не премог,
Не может быть судья. — Судья телесный бог. —
В его деснице меч.

И р о д
(уныло)

Ты грудь разишь печальну.
Не строгость звать теперь мне в помощь. . .

А н т и п а т р
(вполголоса с коварною улыбкою)

Мариамну.

И р о д
(с гневом)

Коль так, — иди, зови.

А р х е л а й

И как же обвинять
Возможно вам ее, когда пред суд не звать.

Антипатр уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

И р о д и А р х е л а й.

И р о д

Между любовью и живота спасеньем
Обуреваюсь я ужаснейшим волненьем.
За Мариамну мне здесь сердце говорит;
Мне жизнь мою беречь отечество велит;
Но помощи ни в ком, ты зришь, не обретаю. —
Как былые в реке, ношуся с краю к краю.

А р х е л а й

Пристрастен, государь, кто в деле сам чему,
Необходим совет и мудрому уму.

И р о д

Где ж тот совет?

А р х е л а й

Я млад еще сего к решенью. —
Но по великого сената рассужденью,

Царя есть первый долг, чтобы уметь избрать
Советников себе и должности им дать.

И р о д

Что на словах легко, не всё на деле можно:
Июлий был мой враг; но Брута хвалят ложно.

А р х е л а й

Доверенность владык родству не подлежит,
Ни сходству нравов, лет, ни кто умом блеснит;
Но в благочестии воспитанному духу
И многим опытам по всенародну слуху. —
Октавий ищущим не раздаёт честей.
По пользам зрит дела, а по делам людей. —
Агриппа у него зачем в чести толикой?
Агриппу Иродом, чтит Ирода Агриппой.

И р о д

Но где же таковых царям Агриппов взять?

А р х е л а й

Со славой царств без них не можно управлять.
Кто сколько б ни имел познаний, дарований, —
Противу тысящей стремящихся желаний
Безумен мыслящий один всем угодить. —
Меж неба и земли посредник должен быть.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Мариамна, Соверн, Антипатр и Соломия.

М а р и а м н а

(важно)

Я слышу, новому внимаешь ты навету,
О Ирод! что хочу тебя лишить я свету.
Страшна сия мне кознь; но то еще страшней,
Что с разумом твоим ты мог поверить ей.
За истину сего столь низкого коварства
Я отреклась бы в дар принять все мира царства.
Но не намерена я оправдать себя,
И ни о чем теперь я не прошу тебя.

В обиде таковой пощад, твоей приязни
Я ужаснулась бы лютейшей паче казни. —
Но если б льстилася каких себе отрад,
То чтоб на жизнь мою один ты бросил взгляд
И, с ней сравнив свою, не клеветою злобной,
А по делам самим нашел меня виновной. —
Мой род и твой времен еще не скрыла мгла.
Во прахе ползал ты — царевна я была.
Когда Солим сей был Сосием осажденным,
Известен ты мне стал по подвигам военным;
Но взяли как его, спасть пленных ты притек
И, меч свой отвратя, римлянам злобным рек,
Что капли крови ты пролить единоземной
За обладание не хочешь всей вселенной, —
То сердце ты мое толико тем возжег,
Что путь себе отверз в него и в мой чертог.
Достоинствам твоим я сделала отлику:
Рукой сей сопричла тебя монархов лику.
Забыл в тебе народ мой идумейску кровь,
Но как природному явил свою любовь,
Известен чрез него ты сдслался вселенной
И дружбой цесаря украсился почтенной.
Но как узрел себя на высоте честей,
Ты богом избранных презрел моих людей,
Советы позабыл супружеской приязни,
Без ви и без суда сколь многих предал казни,
Разграбил, разорил мне ближних и родных,
Презлбно уморил в изгнаньях, в муках злых.
Но варварства ль счислять? — Они известны
свету. —

Колена моего князей уж больше нету.
При всем том думала тебя я извинять,
Что целость царства ты был должен поддержать.
И даже, как меня два раза в заключеньи
Ты оставлял на смерть, пребыв тверда в терпеньи,
Приписывала всё я ревности одной,
Что дорожил, любя, моей ты красотой. . .
Но ныне, ах! за всё мое ты уваженье,
За дружбу, за любовь, за опыты в терпеньи
Считаешь ты меня когда убийцей злой, —
Стократно я умру, чем царствовать с тобой;
Сто раз мне лучше смерть, чем стон. О я несчастна!

Почто казалася сперва ему прекрасна?
Почто любовь к себе я в нем могла возжечь?
Безжалостно моим дает слезам он течь!

И р о д

(с принужденною холодностью)

Царей жизнь — жизнь есть царств, душа в них
правосудья.

А н т и п а т р

(вполголоса)

Царица! повинись.

М а р и а м н а

(с гневом)

В чем? — В чем? — Иль что орудья
Вы с Соломиею всему? — О хитрый льстец!
Давно детей моих манит тебя венец,
И злобная душа

(указывая на Соломию)

с тобой сия сдружилась,
Чтоб рода моего и память истребилась. —
От вас мои текут все скорби и беды. —
Защита цезарь мне!

А н т и п а т р

(пожав плечами)

Где царственны бразды?

И р о д

(вспыльчиво)

Ты цезарем грозишь?

С о л о м и я

(упадая в ноги, со слезами)

Избавь меня от злого
Ругательства и гроз, мой брат! — мне нет покрова. —
У ней. . .

(Указав на Соверна)

Соверн

Она ни в чем...

Ирод

(Соверну с яростию)

И ты, ползуща тварь,
Стал друг днесь ей, кому тобой твой предан царь!
О! вижу я твое всё ухищренье ныне;
Так оправдайтесь вы все вместе в сендарине.

(Антипатру)

Сбери его сейчас.

Соломия

(встав с плачем)

Довольно ты терпел.

Ирод

(с криком)

Суд! Суд!

Мариамна

(с твердостью)

Зерцало душ суд злых и добрых дел. —
Я не боюсь его. — Столь лютым восклицаньем
Льстецам бы ты грозил, чтоб их оклеветаньем
Невинность горьких слез на трон твой не лила:
Речь гнева царского убивственна стрела.

Ирод

Довольно читаны уж мне тобой уроки,
И обольстительных видал я слез потоки,
Довольно, — и теперь не верю ничему.

Мариамна

Не мне, мучитель, верь; народу верь всему.

Ирод

Обманчив глас его для мудра властелина.
По видам всяк своим — тот хочет сердца львина,
Тот агнчей кротости. — Но царь зрит на дела.

М а р и а м н а

Какого ж, где, скажи, виновница я зла?

И р о д

На жизнь мою, на трон с детьми ты покушалась.

М а р и а м н а

Так хочешь ли, чтоб я детьми и оправдалась?

(Соверну)

Поди, их призови.

Соверн уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Ирод, Мариамна, Соломия, Антипатр и Архелай.

А р х е л а й

Невинность лучший есть

Свидетель истины.

М а р и а м н а

Хоть внутренняя честь

И добродетели всех зол превозможенье

Возносят смертного в чин звезд и обоженье,

Но очи царские полны бывают тьмы. —

Где сетью пауков покрыты их умы,

Где стены все шипят враждой и клеветою,

Чтоб только верх им взять над правдою святою,

Там тщетно ожидать невинности венца;

Не будут правыми и дети у отца;

Ни в дружбе, ни в любви не встретится препятства,

Коль властолюбие, корысть и святотатства

На пагубу идут противников своих.

(Увидя идущих детей, к Ироду)

Спроси при мне ты сам и зри невинность их.

И р о д

(с яростию)

Так, хитрая жена, пронырствами твоими

Еще мнишь обладать ты чувствами моими. —

Но знай, сколь ни горит к тебе в груди сей кровь,
Но победить могу я и к тебе любовь;
Не возвратишь своей ни воплем, ни слезами
Над мною власти ты. — Суд, суд и над детьми!

Уходит в бешенстве с Антипатром и Архелаем.

ЯВЛЕНИЕ 7

Мариамна, Соверн, Александр, Аристокбул и Када.

Мариамна
(к детям)

Каких взаимных чувств приязни и любви
Не охлаждает лесть и клевета. — Увы!
Я мнила вами здесь дух умилишь супруга,
И вас к стопам его, себя же к сердцу друга,
А не царя прижать; но он ушел от нас.

(Обнимая, целует.)

Я не хочу стирать теперь слез с ваших глаз;
Нет! плачьте по отце, что полюбил он злобу,
И плачьте вы по мне, что я гонима к гробу.
Ах! плачьте, сироты, что в юность ваших лет
Рукою хищною ваш померкает свет;
Что вы лишаетесь наследственного трона
И в вас мой гибнет род.

Александр
(обнимая Мариамну)

Ах! твоего мы стопа,
Любезнейшая мать, не можем перенести.

Аристокбул
(тоже обнимая)

На что и царская без матери нам честь?
Кто в ней нас ободрит, советы даст благие?

Александр

Кто кроме матери, столь нежные, драгия?
Что жизнь нам без тебя?

А р и с т о б у л

Умрем с тобой и мы.

М а р и а м н а

(плачет)

Не лейте более печальной в сердце тьмы,
О чада милые! надеетесь на бога. —
Пред волею его ничто судьбина строга.
Он может прекратить жестокость наших бед,
Вознесть от смерти в жизнь, создать из мрака свет.
Пожду супруга здесь, — подите вы к покою,
Облобызайте мать, ах! может быть, со мною
Вы не увидите.

(Обнимая их, целует и плачет.)

А л е к с а н д р

Увы!

А р и с т о б у л

Как рок наш строг!

М а р и а м н а

(Соверну и Каде)

Последуйте и вы за ними в их чертог.

Уходят, а на горизонте видна луна сквозь окошек.

ЯВЛЕНИЕ 8

М а р и а м н а

(одна, глядя им вслед)

Подобно ангелам в нежнейшем юность детстве
Дремотой сладкою покоится и в бедстве;
Но в зрелом возрасте весь век наш, будто челн,
По безднам носится житейских бурных волн.
И к детям днесь любовь, к супругу, столь святая,
Меня на части рвет, как бы тигрица злая.
К одним влекусь как мать, другому как жена.
В потоке кедрском так луна раздроблена,
Под осенением вокруг кипарисов темных,
Колелеблется от бурь средь теней страшных, бледных.
О Ирод! сколько ты навлек мне в жизни зол!

Не может быть с тобой приятен и престол,
Не лестны мне венца и скиптра камни честны,
Лишь сердца твоего мне вздохи были лестны.
Они мне царство всё, весь заменяли свет;
Но ах! уж для меня теперь их больше нет. —
Уже предчувствие мятет меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой бесчеловечно;
Но я тебя люблю. — О гробы праотцов!
Мой воспримите прах, — а дух уже готов.
Так в бездну вечности, как в влагу Силоамлю,
Низвергну бренну плоть, с ней скорби все оставлю,
Чтоб жить невинности в лучах.

(Увидя вошедшего Антипатра)

Мой враг пришел!

ЯВЛЕНИЕ 9

Мариамна и Антипатр.

Антипатр
(подходя тихо)

Уединенную царицу здесь нашел
В безмолвной темноте, задумчиву, печальну!
Ах! смею ль спросить прекрасну Мариамну,
Услугой не могу ль какой...

Мариамна
Мне нужды нет.

Антипатр
Для отвращения каких незапных бед
Начальник града мог тебе быть и полезен.

Мариамна
От гнева царского хоть век теперь мой слезен,
Но в распрю между нас входить не может сын.

Антипатр
Не оскорбляючи родительских седин,
Почтенная жена! я за тебя страдаю.

Мариамна
Стон для меня твой чужд.

Антипатр

Невинность защищаю. —

Не ты одна, а всё отечество стенет.
Доколе нам? . .

Мариамна

Терпеть, мой лучший есть совет.

Антипатр

Иль мужества в женах не видела вселенна?
Юдифина рука сразила Олоферна.

Мариамна

(с презрением)

Не позабыл ли ты, продерзостный, себя?

Антипатр

Я? Нет.

Мариамна

(грозно)

Умолкни, тигр!

Антипатр

(с ласкою)

Давно тебя любя,
На вечно мщение иль нежность посвящаю.

Мариамна

(отходя к двери Ирода)

Прочь, изверг, прочь! . . злодеев презираю.

ЯВЛЕНИЕ 10

Соломия и Антипатр.

Соломия

(встретясь в дверях с Мариамною)

Брат не велел тебя к себе мне допускать.
Покою хочет он.

Мариамна, взглянув с презрением, уходит в другую сторону.

Антипатр
(с торопливостью)

Пришел тебе сказать:
Проконсул римский Варр приехал с полной мочью
В нас распри рассудить. Прещу ему я ночью
Отверзь врата во град.

Соломия

Спешить должно, спешить,
Чтобы грозящие напасти отвратить.
И я тебе скажу опасную нам новость:
Сколь ни старалась, я продлить в душе суровость
Царя против жены, но он как тень молчит
И, тихо слезы лья, показывает вид,
Что он во всех ее винах уже прощает,
Зовет к себе, иль ждет, иль к ней идти мечтает,
Иль чрез письмо себя ей хочет извинить.
На миг я от него не смела отходить,
Чтоб как увидеться не мог он тайно с нею,
Я двери заперла, приставя кустодею,
И навлекла ему на вежды тяжкий сон.
Он в содроганьях спит, пуская страшный стон.
Боюсь, чтоб не вспянул, не позвал Мариамну!
Беда, коль жертву мы оставим не закланну!

Антипатр

Ужасные теперь минуты предстоят.
Отважны меры вдруг и быстры должно брать.
Поверься, не страшась, во всем ты сыну, другу.

Соломия
(вполголоса)

Мне мало их одних.

Антипатр

Кому ж еще?

Соломия
(важно)

Супругу!

Антипатр
(с удивлением)

Как!

Соломия

Да, супруга зреть в тебе я днесь желаю.
В порфире иль гробу с тобой себя венчаю.

Антипатр

Возможно ль то? моя ты, Соломия, мать!

Соломия

Оставь теперь свое притворство продолжать.
Не мог не ведать ты, кто я, не знать той страсти,
Котора жжет меня и сердце рвет на части.
Ах! что я изрекла? несчастная жена!
Но тайна из души уже извлечена. —
Так, Антипатр! познай, давно тобой я страстна
И только лишь тобой счастлива и несчастна;
Прошу тебя, молю, не мучь, не погуби,
Как я тебя люблю, так ты меня люби,
И, сопрягаючись своей со мной душою,
Умрем иль царствовать здесь будем мы с тобою.

Антипатр

Ужасный, страшный глас!

Соломия

А для чего же я
Пеклася о тебе, и в замыслах твоя
Помощница была, и скиптра домогалась?
Без соучастья бы я царством не ссужалась.

Антипатр

Но столь сородная с тобой, столь близка кровь
В нас душ не соединит.

Соломия

Соединит любовь.
Примеры многие в народе нашем были.

Антипатр

И лета уж меня с тобою не сравнили.

Соломия

Пять лет меж нас ничто. — Со мной ты вместе взрос.
Я только матери, ты имя сына нес;
Но нежности мои везде тебя искали,
Желания твои везде предупреждали.

Антипатр

Что скажет весь народ? — Глас предрассудков что?

Соломия

Нет, Антипатр! ты мне скажи теперь не то,
А исповедай всю твою сердечну тайну,
Что страстен ты другой, что любишь Мариамну.
Недаром нощию зашли сюда с ней вы,
Недаром ты обрек себя ее любви. —
Поди же к ней, поди и обними прекрасну;
А я вам докажу любовь мою несчастну
Приличной жертвою: всё брату рассказав,
Умру в крови моей, вас прежде растерзав.

(Уходит.)

Антипатр

(догнав)

Постой, жестокая — иль мать, или супруга!
Что пользы погубить тебе толь верна друга?
Постой!

(Выхватя меч с намерением ее поразить, но вдруг удерживается)

И как сей меч, блистая, вознесись
Меж всех на свете жен, моею став.

Соломия

(грозно)

Клянись!

Антипатр

Клянусь сей сталию и громом Аввадона,
Что всё я сделаю

(в сторону)

для достиженья трона.

Обнявшись, уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет сендарин, из коего в арки, или большие окна, виден город, храм и кипарисная роща; трон под балдахином о шести ступенях, на седьмой кресла, стол и на нем регалии царские; на фронтоне трона скрижали; по сторонам его двенадцать львов, по числу двенадцати колен израильских, т. е. на каждое по одному.

ЯВЛЕНИЕ 1

Ирод в последовании раввинов и двора своего, покрытый печальным вретисом и посыпанный по главе пеплом, предшествуемый унылым хором левитов, в продолжении которого слышен иногда гром. Антипатр, с обнаженным мечом впереди.

Хор левитов

Грядет господь и мщенье,
Как ночь средь черных туч,
Как молнии — быстро зренье,
Как гром — в деснице луч.
Он, обращаясь к граду
Багрящим лицом,
Народам судит в правду,
Как воск, им тает холм.
Прах ног его полижут
Не любящи его;
На казнь себя приблизут
Зло мнящи на него.
Блажен, кого накажет
По милости своей;
Блаженнее, кто скажет,
Что прав пред ним душой.

Ирод

(сидши на трон)

Собор Израиля, двенадцати колен,
Над коим царствовать я небом возведен,
О кровь Иаковля! народ, избранный богом,
Имеющий его щедрот себе залогом
Скрижали, скинию, сей град святой и храм,
Лиющий всюду свет, законы всем странам,
Из чресл чьих некогда изыдет вождь великий,
Пред кем поклонятся подсолнечной языки,

О равви мудрости, маститых старцев лик!
Доколе не пришел к нам оный день велик,
О коем говорят пророков древних сени,
Что будем царств земных на первой мы степени,
Вы знаете, каких не пренесли мы зол
От внешних супостат, от внутренних крамол,
Десятословие когда небес забыли
И бога вышнего в себе, в кумирах чтили;
Первосвященники князей на сан не зря,
Князья на них, и всяк мечтал в себе царя;
Гордыней, завистью, стяжаньем надымаясь,
Хотели властвовать, властям не покоряясь;
Народное добро из сердца истребя,
Оружье подняли против самих себя,
Пошли на брата брат, семейство на семейство,
Отличьем славилось отличное злодейство.
От жертв невинных пар Синая крыл верхи,
Долины кровь влекли, холмилися грехи
И, изнуренны так от собственныя злобы,
Просили рыть себе своих соседей гробы. —
Тот в Антиохах щит, сей в Птоломеях зрел.
Пошли, — и предали отечество в раздел.
На ханаан тогда, звуча, легли железы.
Сей в Вавилоне лил, тот в Македоньи слезы,
Покуда Антипатр, великий мой отец,
Хоть идумеянин, не приобрел сердец
В доверенность свою Иркана и супруги
И бодро не предстал им в бедстве на услуги.
Он с Римом свел союз, вождем его стал друг
И к бранным подвигам приобучил мой дух.
Тогда (по правде мне сказать пред вами можно)
Еврейское лицо блеснуло, быв ничтожно. —
Я Маккавеев дух им влил, квирит ввел строй,
И агнец против льва пошел неробко в бой. —
Со Антигоном к нам рой варвар устремленный,
Как волны от скалы, отбегли с шумом бледны. —
Я спас сей град, сей храм исправил и вознес,
Из пепла жертвы огонь на алтаре воскрес. —
А чтоб упрочить вам сей дар, мне свыше данный,
Дорису отлуча, сопрягся с Мариамной,
И сим мою слия со Асмонеем кровь,
Народа я всего снискал к себе любовь;

Взаимных чувств моих явя ему отплату,
Хотел сей скиптр вручить моей супруги брату;
Но Рим, для польз своих иной дав делу сгиб,
Царем нарек меня, — Аристокбул погиб.
Подобные с тех пор вражды и неприязни
Меж сродников моих заслуживали казни. —
Но я, союз любви, царицы чтя совет,
Счастливее меня на свете, думал, нет;
Блаженство всё мое деля с моим народом,
Усовершеншал его я выше каждым годом;
Дал в безопасность всем суд правый, тишину,
На лоне мирных дней приготавлиал войну, —
Что зря, соседственны цари простерли длани
И в дружбе с трепетом мне предложили дани;
Вопль жалоб на меня, достигший пред сенат,
Мой в Седмихолмии един спокоил взгляд;
Край Галилейск, Перей, Кесарью, Идумею
Единственной почли все областью моею;
Эльфира быстрый ток живым стал рубежом,
В Ерусалиме мой усредоточен дом.
Чрез Тир, Родос, Сидон, степь Фив и понт Офира
Верблюды, корабли везут труды мне мира;
Вкруг трона моего — виссон, жемчуг, смарагд.
С сей светлой высоты мой видит бдящий взгляд,
Как скатистый Ермон и дол Иосафата,
От стад пестрясь, садов струятся в нивах злата;
Внимаю зодчества в градах, ваянья стук,
По селам, по домам муз афинейских звук. —
И словом, обо мне громка повсюду слава:
Велик я, говорят. — Но светлая держава,
Столь блещущи дела спокойства не дарят!
Ехидны скрытыя грызет мне сердце яд. —
Взор вретischem моим печальным закрываю
И, сильным быв царем, как человек страдаю. —
Жену, царицу вам. . .

*(Плачет, облокотясь на кресла, и закрывается
вретischem.)*

Антипатр

Не ты, закон велит.

Ирод

Увы! — я раб его. — Вели, да предстоит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Антипатр дает знак мечом, слышится печальный звук трубы. — Мариамна, Александр и Аристокбул, с растрепанными власами, окованные в цепях, вступают в сендарин, последуемые молчащим хором дев, Соверном, Кадою и Виночерпием, из коих последний изъясляет страдальческий вид, неся кубок в руках. — За ними стража еврейских воинов.

Ирод

(Антипатру томным голосом, облокотяся на кресла)

Вещай вины.

Антипатр

Едва минувшей полунощи,
Из кипарисной сей луна встав черной рощи,
Бросала рдяный свет, сонм вспорхнул с криком птиц.
Я, встав с одра, узрел, коней и колесниц
В безмолвьи тени шли ко стогну римска стана
Вдоль берега по водам блестяща Иордана.
Когорта римская их прикрывала тыл.
Я подозренье взял, что некий тайный был
Тут умысл, может быть, и на главу венчанну,
Пошел: что ж зрю? — детей, Соверна, Мариамну
В одежде спальной сей, как здесь они стоят,
Молили вратника, чтоб выпустил за град.
Я их под стражу взял. — Сообщники подробно
Открыли всё мне их намерение злобно,
Что к вождю цесаря стремилися под кров.
Изменой я то счел; вверг в тягость их оков.
Тиرون и Юкодóm в расспросах показали,
Что, свергнувши тебя с престола, замышляли
В Себастру заключить.

Мариамна

Ужель мне отвечать

На гнусную столь ложь?

Александр

(с плачем)

Хотели...

Аристокбул

(тоже)

Мы бежать?

М а р и а м н а

Молчи! где гневен царь, там правда злу подгнета,
Невинность наших душ дойдет до поздня света,
И что нам говорить, когда уж в токах слез
Под бременем страждем мы звучащих сих желез?

А н т и п а т р

Но не в прикрытии ль вы воинском, в колеснице
Привезены сюда?

И р о д

(к Мариамне)

Судьба твоя в деснице

Старейшин сих. — О! даждь мне небо сил терпеты!

(Сендарину)

Вещайте рок ее.

Члены сендарина на дощечках, воском натертых, пишут спицами приговор, и каждый, принося, кладет пред регалии на стол, становясь по-прежнему в порядок под нижеследующим хором.

Х о р д е в

Суди, о боже! прю,
И от клевет избави,
Премудрость даждь царю
И суд его прослави,
Чтоб хитрый человек,
Лукавый, злобный, льстивый,
Дела его правдивы
Не помрачил навек.

Ты, твердь моя и щит,
Почто меня отринул?
Когда мне враг грозит,
Почто меня покинул?
Услышь мой скорбный вздох,
К тебе я прибегаю,
Зри, плачу как, страдаю. . .
Спаси меня, мой бог!

И р о д

(Антипатру)

Прочти.

Антипатр
(пересмотрев дощечки)

Суд рек...

Ирод

Что?

Антипатр
(громогласно)

Смерть!

Мариамна со словом сим упадает на колена.

Ирод

Увы!

Када
(воздев руки на небо)

О ужас!

Александр и Аристокбул
(упадая на колена и простирая руки к Ироду)

Ах, родители!

Соверн

Род несчастный!

Мариамна
(стоя на коленах и воздевая руки к скрижалям)

Великий господи! Судьбы твои всевластны,
Что хочешь, то твори с рабою ты своей;
Но в сердце зри моем, что я заповедей
Ни на черту твоих святых не преступила.
Виновна, что детей, супруга я любила
Всех смертных более, и в том тебе винюсь.
Прости ту слабость мне; но если разлучусь
Я с ними, то исполнь меня своей ты силой,
Чтоб, быв невинною, я не была унылой
И мой пригробный стон чтоб тех не всколебал,
Кто только на тебя, о боже! уповал.
Прости врагов моих, да гнев твой их не срящет;

И царь от их коварств зол больших не обрящет.

(Встав, к детям)

Простите, сироты! — ах! обнимите мать
Благословение себе от ней принять,
И знайте: счастливы ль, несчастны ль вы судьбою,
Но да возлюбите вы бога всей душою!

А л е к с а н д р

Какого без тебя нам счастья в свете ждать?

А р и с т о б у л

С тобой готовы мы и жить и умирать.

М а р и а м н а

В родителе, в царе вы мать свою найдете.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Архелай, с поспешностью входит.

А р х е л а й

Не будь, о государь! пред цесарем в ответе,
Что, с Варром не дождав улик к развязке ссор,
В семье твоей изрек ты скоро приговор.
Варр прибыл в ночь сию, но, слышно, пред вратами
Удержан и теперь, — чрез что между полками,
Которые внутри и за стеной стоят,
Произошел мятеж.

И р о д

(Антипатру)

Зачем был заперт град
Проконсулу? — Поди! — нет, стой, — ключ Архелаю
Отдай.

(К Архелаю)

Ты объяви вождю, что ожидаю.

Антипатр отдает ключ Архелаю, а сей уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме Архелая.

И р о д

Да принесет он к нам приятнейшую вѣсть,
Чтоб я соблюл престол, закон, любовь и честь.

А н т и п а т р

Царице средства нет в проступке оправдаться,
Прощенья лишь просить.

Александр, Аристокбул и Када
(бросаясь пред Мариамною на колена)

Проси!

М а р и а м н а

(колеблясь и помолчав несколько)

Уничжатьсяся

И, беспорочной быв, покрыться ввек стыдом?
Се не совет друзей; но ярый неба гром
Сильнее поразить меня уж не возможет;
Не страшны казни тем, порок чьих душ не гложет. —
Презренной мне блистать в прощеньи при царе,
Чем быть невинною на нищенском одре.
Ах! не сияние священной диадимы,
Но добродетели в лице венчанном чтимы.

А н т и п а т р

(притворно с преклонением главы)

О царь! гордыню ей оставь сию, — прости!

За ним сендарин преклоняется.

М а р и а м н а

Нет, Ирод! не могу сей милости снести.

При сем слове встают Када и дети.

Когда виновна я, да казнь меня карает;
Когда невинна, суд меня да оправдает.
Прощенье без суда лишь слабый царь дарит;
Прощеньем по суде — как бог животворит;
Но от тебя сего не жду, не умоляю. —
Порок пусть ползает, а я предоставляю
Всевидцу в слабостях моих меня простить.
А сей твой суд есть сонм тирану только льстить.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Соломия, вбегает с отчаянием.

Соломия

Ужасная, мой брат, грозит тебе судьбина;
Колеблется твой трон, мятется Палестина. —
С тобой и с Варром днесь пришедший легион,
Смешавшись с чернию, как сонмы бурных волн,
Во ярости своей врата повергли града
И, волчьи как стада, остервенясь от глада,
Бегут по улицам, всех ловят, рвут, мертвят
И Мариамну взвезть на трон с детьми хотят,
Глася, что будто бы по цесарску веленью
Проконсул прислан к нам сего ко исполненью.
Уже твоя никем не чтится больше власть,
Разграблена твоих сокровищ знатна часть,
Кумиры божески, ваяния зверины
И позлащенные подобия орлины,
На храме, на дому взнесенны Риму в честь,
Низверженны с высот и сокрушенны в персть.
Едва сюда могла пройти я сквозь народа.
Се асмонеян как верна тебе порода!
Весь двор твой окружен, во взорах пыл сердец.

Ирод

(в бешенстве вскакивая с трона, к Мариамне)

Не лстись, изменница, похитить мой венец.
Нет! прежде укажу дорогу к мрачну аду.
Поди! и встреть меня твоих злодейств в награду,
Там торжествуй над мной победу ты свою.

(Антипатру, указывая на детей и Мариамну)

В Себастру их; а ей мой кубок яду.

Виночерпий подносит кубок.

Мариамна

Пью!

Невинность никакой не вострепещет казни.

(Тут вдруг, оборотясь, объемлет детей)

Но умертви и их в знак прежней мне приязни.

И р о д
(топая ногами)

Нет, прочь!

М а р и а м н а
Жестокий!

И р о д
Прочь!

Антипатр дает знак воинам, которые развлекают Мариамну от детей.

А л е к с а н д р , А р и с т о б у л и К а д а
(с воплем)

Не разлучайте нас!

М а р и а м н а
Ах! дайте вдруг нам смерть. Увы!
(Оглядываясь на детей)

Лишаюсь вас!

Воины уводят их в разные стороны. Виночерпий с кубком уходит за Мариамною.

ЯВЛЕНИЕ 6

Прежние, Архелай и Варр, сопровождаемые римскими воинами, а Соломия при чтении свитка тихо удаляется.

В а р р

Народ, сенат и вождь верховный мощна Рима,
Которого рукой подсолнечно держима,
Царю Израиля желают всяких благ
И споспешения во всех его делах!
По дружбе с ним твоей приемля он участие
В вражде твоих родных, прислал меня — согласье
И мир в вас водворить.

И р о д

Благодарю за труд
Тебя и цесаря. В моем народе чтут
За особливу честь сие благоволенье;

Но мышлю, что мое семейное смятенье
Не стоило того, чтоб он на нас возрел,
Вселенной брань иль мир — есть цесаря удел.

В а р р

Ты прав, но и в одной стране граждан расстройство
Бывает всех держав на свете беспокойство.

И р о д

Опасности мне нет.

В а р р

Однако ж никогда
Остережение не делает вреда.

И р о д

(принимая от Варра свиток)

От Августа?

В а р р

Так. — Сей, мне от него врученный,
Откроет свиток ков против тебя враждебный.
К рабе Июлии во свитке сем прочти
Ты сына своего, сестры своей черты,
И зри в них умыслы, и злость на Мариамну,
На юных чад твоих, на власть твою державну;
И как чрез образ сей

(показывая портрет Мариамны)

хотели развратить
Июлью с Августом. — Но он велел казнить
Уже сию рабу, вошедшу в связь столь злостну.

И р о д

Какую тайну мне толь люту, толь поносну
Ты открываешь, Варр? — Но, чтоб прельстить собой,
Лик Мариамна в Рим препровождала свой.

В а р р

Нет, нет! — прочти.

Ирод

(прочтя свиток, с торопливостью Архелаю)

Беги, спеши скорее,
Спасай, о Архелай! чего мне нет милее,
От смерти ты мою супругу и детей.
Невинность их признай, час дорог, страшен сей.

Архелай

В минуту, государь!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, кроме Архелая.

Ирод

(в ужасе и удивлении)

Так ты, коварна Соломия!
Жестокая душа, чрез происки столь злые
Супруги и детей клялась меня лишить?

(К Антипатру)

И ты, искидок злой, с ней мог согласен быть,
О Антипатр! на то, чтоб зреть мое сверженье
Чрез Мариамнино со Августом сдруженье?
И чтобы в столб меня Стратонов запереть,
Невинных чад моих предать на тайну смерть
И с злой моей сестрой сесть на моем здесь троне?
О адский умысел, рожденный мрака в лоне,
Внутрь бездны Тартара, преступных тайн в тиши.
Что ж медлю казнями? Змия моей души,
Где, Соломия, ты?

(Ищет глазами Соломию)

Сюда ее влеките,

И с злобным аспидом

(указывая на Антипатра)

цепьми ее свяжите.

Да пестрый ящер сей со черной жабой той,
В един согбенны клуб, повергнутся пред мной.

И мерзкая чета, мученьем разорванна,
Осклабит смерть мою, мертва коль Мариамна!

В а р р

(римским воинам)

За Соломиною!

И р о д

(смотря на Антипатра и Соверна)

О подлые сердца!

Туманы смрадные вокруг царского венца!
Какой ум бдительный, какая прозорливость
От вас остережет гонимую невинность?
Когда коварство сеть где на кого плетет,
Бессильна мощь царя, — он жертвы не спасет,
Час к пагубе найдут.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Када, расплаканная, а несколько погодя с другой стороны Архелай и Юда в печальном виде.

К а д а

Почти уж бездыханна

Услыша твой указ, о Ирод! Мариамна,
Что о невинности ее ты всё узнал,
Что жизнь ее спасти врачам ты приказал,
Решилась вмиг принять противна зелья яду,
И, от терзанья лишь почувствовав отраду,
Веселый вокруг себя на всех кидая взгляд,
Вставала, силилась идти тебя обнять,
Но вдруг свирепая вступает Соломия,
Кинжал в руке держа, как угли взоры злые
На Мариамнин одр бросаючи, бежит,
Заносит острие и уж почти разит;
Но я, удар сдержав ее, так отразила,
Что ста очами змей мне взоры озарила
И пала предо мной, вонзя себе сталь в грудь.
«Пусть так, — рекла, — умру, но ты не позабудь,
О Мариамна! коль останешься живою,
Что я тебя с певцом покрыла клеветою;

Что образ твой к вождям в Рим посылала с тем,
Да распалю к тебе любовным их огнем;
Оговорить тебя и Юде я велела,
И брата умертвя...», сказав то, заскрипела
Зубами на меня, — и, в смехе рану злом
Руками разорвав, рассталась с животом.
Багрова кровь текла из чресл ее рекою. —
Царица в слабости сей фуриею злою
Так уstraшилася, что, быв едва жива,
Бесчувственна, бледна лежала, как мертва;
Но лишь опомнилася, то о тебе мечтала,
С тобой как речь вела, тебя как призывала,
Желая зреть детей.

Ар х е л а й
(*впадая в речь*)

Увы! исчез их след.
Коринф с сообщники мне подали извет,
Что, Антипатрово свершая повеленье,
Едва ль уж их живых послали в заточенье.

С о в е р н
(*повергшись на колена*)

Я, я, к прогулке их в полночь с царицей в сад
Уговоря, хотел оставить с ними град,
Чтоб тем спасти себя от предстоящей казни,
Но как они, моей не следуя приязни,
Не захотели в бег отважиться со мной,
То града сей глава,

(*указывая на Антипатра*)

военной вдруг рукой
Схватя и посадя их всех на колесницу,
Хотел усильно везть предместья на границу
Проконсула во стан; но вдруг, то отменя,
Не знаю почему, крамолой их вина,
Привез пред сендарин.

Антипатр и Юда, повергшись на землю и стуча об онаю лбами.

А н т и п а т р

Я виновен! — мысли злые
На смерть их мне дала...

Ю да

И злато Соломия.

Антипатр и Ю да

(вместе)

Мы винны злу всему.

И род

(с странным криком)

Во узы! в Ерихон!

Рассекши в части их, сжечь мелким в прах огнем,
Да чернй вран, не зря на кости их, не вскрячет,
И лишь по мне о них Юдея вся восплачет.
Гроб будет их и мой за Мариамны смерть.

В арр

(к римским воинам)

Исполните приказ.

Антипатр, Соверн и Юда схватываются воинами и, отягощаясь
цепями, уводятся в даль театра.

Ка да

Еще надежда есть.

И род

(воздев руки на небо)

Будь милосерд, мой бог!

В арр

Октавья повеленье:

Чтоб у нее просить торжественно прощенье;
Когда ж не так, престол оставить должен ты.

Када уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, кроме Кады.

И род

Оставить даже свет я чту уж за мечты. —
Что мне величество, порфира и корона,
Коль буду жизнь влачить средь плача и средь стона?

Сознав мою вину внутрь совести моей,
Спокойства получить я не могу без пей;
Я не могу дышать, зреть свет без Мариамны.
Все жилы, мышцы все я чувствую раздранны,
Слячен мой весь состав, хладеет, мерзнет кровь.
О! коль ты жестока, несчастная любовь!
Всевышний! посылай к Давиду ты Нафана
Изобличить в грехе, — пошли. . . Нет! Нет! тирана
И без улик я зрю в самом уже себе.
В терзании моем мне помощь лишь в тебе.
О помощи, творец! Сокровище бесценно,
От самого меня самим мной похищенно,
Мне в недра возврати;

(указывая на сердце)

хранилось тут оно!

ЯВЛЕНИЕ 10

Мариамна приносится, лежащая в креслах, сопровождаемая
Кадою и прочими придворными.

Ирод

(увидя издали)

Что за мечтание, недвижимо, бледно?
Чья тень бесчувственна, безгласна, бездыханна?
Се мертвая жена? Увы! се Мариамна!
Ты представляешься, о ангел во плоти,
Мне в образе таком?

(Упадши на колена, обнимает)

Прости меня, прости!

Мариамна

(тихо)

Чей глас? — Супруг мой, ты? обლობыжай, — прощаю.
Но дети где?

Када

(поддерживая, тихо)

Их нет.

М а р и а м н а

О боже! у-ми-ра-ю.

(Кончается.)

К а д а

(поддерживая Мариамну сзади кресел)

Ах!

И р о д

(обнимая Мариамну)

Мариамна! ты без чувства, без огня,
Ты охладела вся, оставила меня!
Супруга нежная, злосчастлива Мариамна!
Взгляни, услышь меня! о горесть несказанна!
Геенна внутрь палит, вокруг всюды страшна мгла, —
Ужасная змия на грудь мою легла,
Рвет лютой сердце зверь. — Нет сил, — ослабеваю.

(Упадает на кресла и, оцувствовавшись, в сумасшествии)

Где Мариамна, где тебя я обретаю?
Меж чистых светлых вод, в лугах между цветов,
Меж ангелов, в тени маврийских рощ дубов
Поешь с певцом, с детьми; эдемски слышу песни,
Манишь меня к себе. — Но путь претит мне тесный!

(Вскакивает в бешенстве)

Нет! мрачных пред собой я вижу море волн,
На колеснице в них погрязнул фараон;
Разверстая земля пожрала Аввирона,
Гул слышу жалобна из преисподней стона;
Младенцев тысящи плывут ко мне в крови;
На блюде голова в неистовой любви
Творит упреки мне и льет потоки кровны;
Несчетны остовы, толпы теней безмолвны
С окостенелыми очами вокруг идут
И кровь свою мне пить пригорщми подают;
Побед моих трубы ревут мне в слух отвсюды,
Передо мной лежат и позади тел груди...
Раскаяние рвет, воображенье жжет...
Ужасный полк духов отрады не дает!..

Змеистых молниев стрел туча вокруг багрова
Летит, разит!

(Закрывает голову руками)

Ах! где укроюсь? нет покрова!

(Бежит и упадает к Мариамным ногам.)

Ар х е л а й

(и все вдруг с ужасом)

О боже! ах! он мертв!

В а р р

Се блеск великих дел!

Как трудно царствовать!

(К Архелаю, подавая скиптр)

Прими наследный жезл.

Ар х е л а й

Я не возьму его без гласа их,

(показывая на сендарин)

без Рима.

По зрелище таком ужасна диадима!

<1807>

**ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
ИВАНОВ**

Федор Федорович Иванов родился в 1777 году. Отец его Ф. И. Иванов — был военным. Дослужившись до чина генерал-майора, Иванов-старший, однако, ничего не оставил в наследство своему многочисленному семейству.

Воспитывался Иапов под руководством профессора математики В. К. Аршеневского. Некоторое время обучался в Московском университетском пансионе. Поступив на военную службу (во 2-й морской полк), он участвовал в шведской войне. Затем он вышел в отставку и через некоторое время поступил на службу в Комиссию Московского комиссариатского депо. В Москве Ф. Ф. Иванов принял активное участие в деятельности Дружеского литературного общества, организованного в 1801 году группой бывших воспитанников Московского университетского пансиона. В состав этого общества входили братья Андрей и Александр Тургеневы, В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков, С. Е. Родзянко и др. Вместе с другими членами этого общества Иванов помещал свои произведения в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия».

Будучи страстным любителем драматического искусства, Иванов с успехом выступал на сцене театра, существовавшего в доме С. А. Апраксина, и поддерживал дружеские отношения с известным театралом Ф. Ф. Кокошкиным.

Писал Ф. Ф. Иванов не только драматические произведения, но и стихотворения, басни, прозу, которые печатались в «Московском курьере», «Русском вестнике», «Цветнике», «Вестнике Европы», «Амфионе» (последний издавался самим Ивановым вместе с А. Ф. Мерзляковым и С. В. Смирновым). В 1824 году в Москве вышли «Сочинения и переводы» Ф. Ф. Иванова.

Иванов испытал на себе влияние писателей карамзинской школы. Это не мешало ему выступать против уродливых сторон сентиментализма и, главное, подвергать критике пороки дворянского общества. По словам А. Ф. Мерзлякова, Иванов обладал от природы

сатирическим дарованием, которому, однако, не суждено было полностью развиться.¹

Отличительной чертой его творчества был патриотизм. С большой силой воспел Иванов подвиг русского народа в стихотворениях, посвященных войне 1812 года («Великому вождю героев», «На разрушение Москвы» и др.). Глубокой любовью к родине проникнута и драматургия Иванова, составляющая наиболее важную часть его литературного наследия. В комедии «Не все то золото, что блестит» (1808) он высмеял галломанию тогдашних дворян. В другой своей комедии — «Женихи, или Век живи и век учись» (1808) — Иванов в сатирическом свете показал помещика-англомана Живодерова, у которого в хозяйстве «все на английский манер, и земля то пашут не по-нашему». У Живодерова лошади «едят морковь», «а крестьяне мякнуну». Но в отличие от издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки, стремившегося охаять все иноземное, Ф. Ф. Иванов высоко ценил передовую культуру Запада, великих мыслителей и ученых западноевропейских стран. В комедии «Награжденная добродетель, или Женщина, каких мало» устами положительного персонажа графа Ариста Иванов называет бессмертным Жан-Жака Руссо.

К числу наиболее популярных пьес Иванова относится его патриотическая драма «Семейство Старичковых, или За богом молитва, а за царем служба не пропадают» (1807). Обличая в этой пьесе «изнеженных дворян, жадных откупщиков и плаксивых ханжей», Иванов противопоставляет им простого солдата, совершившего геройский подвиг на войне.

Ф. Ф. Иванов выступал и в качестве переводчика. Ему принадлежит перевод драмы Шиллера «Разбойники», которую он перевел с французской переделки в 1809 году.

Одним из наиболее значительных произведений Ф. Ф. Иванова является его трагедия «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода», вышедшая в свет отдельным изданием в 1809 году. Эта трагедия представляет собой драматическую переработку одноименной повести Карамзина. Принадлежит к числу тираноборческих произведений, «Марфа-посадница» Иванова не могла появиться на сцене. Ее запретила театральная цензура.

Умер Ф. Ф. Иванов в 1816 году.

---

¹ См.: А. Ф. Мерзляков. Воспоминание о Федоре Федоровиче Иванове. — «Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете», ч. 7. М., 1817, стр. 116.

МАРФА-ПОСАДНИЦА, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА

Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях

ВЕЛИКИМ ЖЕНАМ РОССИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Иоанн, великий князь Московский.	Сапега, посол от Литвы.
Холмский, посол и военачальник московский.	Борис
Образец	Делинский } посадники
Димитрий	Михаил } новгородские.
Мстиславский } воеводы	Вестник.
Марфа Борецкая, посадница новгородская.	Начальник сторожевой дружины.
Мирослав, мнимый сын Борецкия.	Воины московские и новгородские.
Феодосий, пустынник, отец Борецкия.	Хоры.
	Народ.

Действие в Новгороде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет площадь Новгородскую, на коей Ярославовы чертоги с крыльцом, украшенным колоннами; среди площади Вадимова статуя на возвышенных ступенях, обнесенная перилами; башня с вечевым колоколом ясно видна.

ЯВЛЕНИЕ 1

Слышен звон вечевого колокола.

Хор и народ

Глас, любезнейший народу,
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам гордым страх!

Век по стогнам раздавайся,
И свободу здесь тверди,
В сердце вольном отзывайся,
И блаженство нам блюди!

Мы, славянские потомки,
Славу предков сохраним;
Их деянья чудны, громки
И уставы свято чтим.
Пусть, в ужасной злобной доле,
Вечно стонет тот из нас,
Кто неволю сладкой воле
Предпочтет хотя на час.

М и х а и л

Летит уже, летит желанный мною час;
Умолкнешь скоро ты, гордыни полный глас.
Свобода сей страны, Борецких власть надменна,
Настал вам грозный день — часть ваша изреченна.
Колена преклонив пред троном, пред венцом,
Заскрежетав, царя признаете отцом;
И к пущей ярости и к злейшим вам мученьям,
Покорствовать моим вы будете веленьям.
Я предал вас царю, в угоду злобы той,
К Борецким что питал и дед и прадед мой;
В наследство я стяжал ненависть воспаленну:
В крови кипит вражда, в душе ношу геенну.
О, как взыграет дух, как сердце расцветет,
Когда Борецких род к моим ногам падет,
Когда, во мзду заслуг, мне царь вручит правленье
Сей буйныя страны — сокроем помышленье!..

ЯВЛЕНИЕ 2

М и х а и л, Делинский, Борис.

Б о р и с

Почто Борецкая сзывает нас сюда?
Иль новая грозит отечеству беда?

М и х а и л

Борецкой тайна то. — Едина только знает,
Что Новграду и нам она приготовляет.

Борис

Не орды ль злых татар на Новый-град летят? . .
Ко славе новые следы лишь нам явят.

Делинский

Видали мы их тыл.

Борис

Иль власть старшин попрашна?

Делинский

Победа лаврами венчает Иоанна.
Край русский весь его владыкою признал;
Один лишь Новгород в свободе процветал.
А души гордые величья век алкают:
Полсвета покорив, к другой вражду питают.
Спокойно Иоанн зреть может ли на нас,
Доколь здесь слышится свободы бодрый глас?

Борис

Иль воинство его Новгород окружает?

Делинский

Не видно воинства, — посол во град вступает;
На вече хочет он с народом говорить.

Михаил

(в сторону)

Всё мной устроено; в цепях вам должно быть.

Делинский

То хитрость общая, давно известны ковы,
Что прежде шлют посла, куда куют оковы,
Коварством прежде мя к гибели склонить.

Борис

Но адский замысл сей плодов здесь не родит.

Делинский

Насильство развернет вдруг знамена кровавы.

Борис

Свобода где! . .

Делинский
Живут и там сердца лукавы.

Михаил
А право сильного — надежней всяких прав.

Борис
Иль злым устава нет?

Михаил
Корысть — вот их устав.
Но се посадница.

Хор
Дщерь великая свободы
И любезна славы дщерь!
Вольны днесь утешь народы,
Взором в счастья уверь!
Зря тебя, бедам смеемся,
Счастью верим лишь с тобой;
В бой с вселенной понесемся,
Грозно взор прости лишь свой!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Марфа-посадница и Мирослав. Пред Марфою почетная стража.

Марфа
(к народу)
Семейство мне драгое!
О вольность, дар небес! о право нам святое!
Клянуся вами я; клянуся вам служить,
Доколе дней моих продлиться может нить!

Хор
При тебе бедам смеемся,
Счастью верим лишь с тобой;
В бой с вселенной понесемся,
Грозно взор прости лишь свой!

Марфа показывает рукою; хор умолкает, и Делинский восходит на Вадимово место.

Делинский

(на Вадимовом месте и сняв шапку)

Отчизны славные сыны неустрашимы,
В бедах, во счастьяи равно неколебимы,
Готовые царей союзом украшать,
Их правду твердо чтить и козни сокрушать,
Граждане Новграда! Посол Московска царства
Желаает вам предстать. . .

(Сходит со ступеней.)

Марфа

Народ! брегись коварства;
Посол есть тайный враг: он мед устами льет,
Но в сердце носит яд и пагубу плетет;
Змеєю приобык пред троном изгибаться,
Он в совещаньях хитр, умеет притворяться;
Смиренной речию мысль горду тщится скрыть.
Полезна чем Москва нам может ныне быть?
Чего нам от царей вселенны дожидаться? . .

Михаил

(в сторону)

Жди рабства, коль мои все замыслы свершатся.

(К Марфе)

Народу вольному сетей не соплетет.

Борис

Поборник бог тому, кто истину блюдет.

Делинский

От козней трудно ль нам посольских свободиться?

Михаил

Нам должно выслушать.

Марфа

(воздохнув)

Пускай посол явится.

Хор

Зря тебя, бедам смеемся,
Счастью верим лишь с тобой;
В бой с вселенной понесемся,
Грозно взор склони лишь свой!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Холмский и его стража. Марфа показывает Холмскому Вадимово место; он восходит.

Холмский

Граждане! Старшины!

Один из народа

Пред вольными смирись!

Холмский

Народ!

Другой из народа

Смирись пред ним! иль мести ты страшись!

Холмский

(сняв шлем)

Народ! не хитрости, но дружества устами
Пришел из стана я беседовать днесь с вами.
Хоть образ мыслей нас, граждане, и делит,
Но польза общая рассудок соединит,
А пламенна любовь ко славе всей России
Прервет гордыни глас, кичливы склонит выи.
Народы дикие, живущие в лесах,
В законной власти зрят поносна рабства страх
И, волю буйную всему предпочитая,
Не видят, что миры все правит власть святая.
Народы мудрые в устройстве благо чтят;
А нет устройства там, где править все хотят.
Самодержавна власть порядок устроет;
Закон с ней бодрствует, раздор свой зев смыкает.
Граждане! вспомните вы грозны времена,
Как междусобная кипела здесь война;

Как предки управлять собою здесь алкали,
Соседи вне, вражда внутри сей град терзали.
Не Рюрик ли тогда все бедства прекратил? ..
Здесь трон его сиял — тут правый суд творил.
Новградцы древние стопы отца лобзали;
Едину чтили власть и безначалье кляли.
Дотоле страшны быв в одних своих стенах,
Казались жалкими соседей во глазах;
Под скиптром стали вы варяжского героя
Счастливы во стенах, ужасны среди боя.
Как с воинством Олег к пределам юга шел
И к славе племени с собой славянски вел,
Труды его тогда новградцы разделяли,
Величье зря свое, себе не доверяли.
Щитами быв Олег новградскими прикрыт,
Царь-града на воротах прибил свой тяжкий щит;
С дружиной ваших же рассеял Цимисхия
С полками Святослав; а Ольги внук святых
К победам от побед не с вашими ль летал?
Владыкой мира он не с ними ль прозван стал?
Но слава ль лишь войны вам от князей награда?
Взгляните вы теперь во все концы Новграда.
Кресты златые зрю на храмах я святых:
Кто ж богу существу здесь первый храм воздвиг?
Кумиров потопил кто Волхова в пучине?
Владимир, вам отверз Владимир путь к святыне.
И если собственность священна днесь у вас,
Законы вам изрек не Ярослава ль глас?

М а р ф а

Священна память нам героев Новаграда!
Закон есть вольности твердейшая ограда.
Законы Новграду святые написав,
Здесь вольность утвердил премудрый Ярослав.
Велики сей стране его благотворенья!

Х о л м с к и й

Какие же от вас князьям благодаренья? ..
Вы, русския земли быв старшие сыны,
От братий стали вдруг своих отчуждены.
Быв верны подданны, смеяться стали власти,
О боже! и когда ж? — как русские в напасти!

Любовь к отечеству в несчастьи познают.
От стран неведомых злодеи в Русь текут
И пламенем града и села пожигают;
Славяне ставят грудь щитом — и погибают!
Уж русские поля российска кровь багрит,
На старцах, на женах поносна цепь звучит.
Новградцы что ж? — Летят ли в помощь со стрелами?
Нет, буйность, овладев неверными душами,
Любовь к отечеству и братьям изгнала
И землю русскую в погибель отдала.
Новградцы, пользуясь всеобщим злоключеньем,
Правленья вожжи рвут из рук князей с презреньем;
Других на трон зовут, других спешат венчать,
На то, чтобы в венцах со трона низвергать.
Потомки Рюрика старшин веленья ждали,
И Ярославовы здесь вече трепетали! . . .
Погасла в вас совсем к россиянам любовь,
И мнилось, не текла славянская в вас кровь:
В корыстолюбии всегда сердца твердеют.
Там гибнут русские — новградцы богатеют;
В Русь мертвые тела богатырей везут,
Русь стонет в нищете — у вас торги цветут;
Там раны за любовь к отечеству считают —
А злато весят здесь и в негах утопают;
Славяне цепи там звучащие влекут —
В Новграде вольности веселу песнь поют.
Где вольность? . . . Здесь? . . . Народ! ты в рабстве
пребываешь:

Отъяту власть князей боярам ты вручаешь.
Бояре гордые низвергнули князей,
Чтоб вами управлять по прихоти своей.
Вы повинуетесь, хоть князя нет в короне;
Нет крови Рюрика — но злато здесь на троне.
О стыд! . . . здесь золотом владыки власть ценят:
Кто боле обещал, тому народ сулят.
Народ! мой князь открыл посадников измену;
Их тайна связь с Литвой влекла вас к вечну плену;
Звон скоро б вечевый собрал вас из домов,
И гордый здесь поляк дал имя б вам рабов.

Б о р и с

О боже! . . .

М и х а и л
(в сторону)

Я погиб!..

Д е л и н с к и й
Измена!.. цепенею!..

М и р о с л а в
Я в ярости едва, едва собой владею!..

М а р ф а
(к колеблющемуся народу)

Спокоен будь, народ, неправде не внимай:
Коль есть изменники, законы есть.

(Холмскому)

Вещай!

Х о л м с к и й

Но бог и Иоанн о вас еще пекутся,
Лавровые венки опять славянам вьются;
Великий Иоанн унылость их бодрит:
Приспел желанный срок, — в славянах кровь кипит!
И Камы на берегах мы песнь победну пели;
Не грудь уже, но тыл татар славяне зрели.
Воскреснет Русь опять и славой возгремит,
С почтеньем на нее вселенная воззрит;
А гром бросать мой князь дотоль не утомится,
Доколь величие России совершится.
В разделе ж Руси зря причину общих зол,
Он прочи княжества под скиптр один привел;
Сыны отечества, по горьком разлученьи,
Друг друга к сердцу жмут, князь тает в умиленьи.
Но мера подвигов его не свершена,
И мера русских благ пребудет не полна,
Под сень отчизны коль Новград не возвратится,
Коль Иоанн отцом всей Руси не явится.
Не память предков вам князь хочет отомщать;
Кто истинно велик, умеет тот прощать.
Народ! не славно ли тому повиноваться,
Которому уже привыкли удивляться?..

Великий Иоанн новградцев восхищал,
Как мирным гостем здесь меж вами пребывал.
Покорствуйте ж ему! Достойный миром править,
Чтит славой в Новграде свой пышный трон
поставить.

Б о р и с

Умолкни!

Д е л и н с к и й

И ступай, отколь сюда пришел.

Х о л м с к и й

Покорствуй хоть на то, чтоб край Российский цвел,
Да всем оплотом Русь на орды злобны грянет,
Стряхнет ярем татар — и век золотой настанет.
Русь первыми детьми новградцев наречет:
Новград тогда еще и краше процветет!
Безмощных угнетать уж сильные престанут,
Равно блаженствовать богач и бедный станут;
Владыки пред лицом граждане все равны:
Не златом — доблестями искать честей должны.
Да властвует мой князь новградскими стенами,
Как властвует Москвы он красными странами.
Или внимайте днесь его последню речь:
Велит он воинству Новград кругом облечь.
Герои, что несли татарам смерть, пожары,
На гидру мятежа днесь обратят удары.
Ответствуй мне, народ: днесь мир или война?..

(Надевает шлем и сходит со ступеней.)

О д и н и з н а р о д а

Ах, Марфа!..

Д р у г о й

Марфа где?..

Т р е т и й

Где славная жена?..

М а р ф а

Вадим, чья кровь лилась ручьями за свободу,
Кто, жизни не щадя, берег ее народу!

Будь мне свидетелем из райских мирных стран,
Люблю ли славу я и благо сограждан.
Я кровью то моей запечатлеть готова,
И вольность или смерть, нет рока мне инова.

(Идет на Вадимово место, и после некоторого молчания)

Жена дерзает днесь на вече говорить. . .
Но в жилах сей жены какая кровь кипит!
Супруг мой, брат, мой сын, сражаясь, дни кончали,
Как вольность от цепей, отечество спасали.
Вот право всё мое свободу защищать.
Иль счастья ценой нельзя его достать? . .

Один из народа

Вещай, свободы дщерь, дщерь славы знаменита!

Другой

Отечество спасай!

Третий

Свободы будь защита! . .

Марфа

Потомки мы славян, род славный издавна,
И ныне вам дают мятежных имена!
За то ль, что славу их из гроба вы подъяли?
Владыки не имев, пред кем мятежны стали?
Как падал грозный Рим со треском ко стопам
Героев севера и диким племенам;
Как готф, вандал, эрул сей мир мечом губили,
Славяне и тогда свободно, мирно жили;
Беспечно славянин жизнь сельску воспевал.
Но острый меч его мгновенно заблестал,
Лишь хищный князь Боян, гроза и ужас греков,
Возмнил поработить свободных челоуеков.
«Доколь железо нам сыра земля родит,
Никто не может нас дотоль поработить!» —
Славенов был ответ тогда послам Бояна.
Потомки мы славян, и нам венчать тирана?

Холмский

Венчался Рюрик здесь.

М а р ф а

Но те ль днесь времена? . .

Повсюду стройность здесь гражданская видна.
Тогда, как страсти здесь душами править стали,
Как юноши совет старейших презирали,
Обычай древний как в забвение упал
И пышный Новгород на крае бед стоял, —
Тогда варяжских трех князей сюда призвали,
Что славой громких дел и мужеством блистали,
Чтоб юным воинством и буйным управлять;
Но Рюрик захотел здесь цепи рабства дать.
Славянска гордость вмиг, вздремавшая, проснулась
И, смерти не страшась, цепей сих ужаснулась.
Бестрепетный Вадим за вольность тигром стал
И Рюрика пред суд народа грозно звал. . .

Х о л м с к и й

«Да судят нас мечи!» — рек князь вождю надменну;
Сразились — пал Вадим, имея грудь пронзенну.

М а р ф а

Но смертну рану сжав, весь кровью обагрел,
Вещал: «Увы! народ, оплакивай свой плен,
Оплакивай свое ты ввек неразуменье!
Ты выю протянул и сам пошел в служенье. . .»
Мы ж, правду сохраня, всю славу воздадим
Деяньям Рюрика и прах его почтим.
Народ, быв изумлен доброт его сияньем,
Героя чтя в венце, на трон взирал с молчаньем;
Но скипетр, трон, венец и звучный славы глас
Не сильны отдалить приспевший смерти час.
Непобедимого смерть люта победила
И вольность вновь от сна глубока пробудила.
Стократно здесь Олег владыкой стать желал;
Он непреклонную упорность лишь встречал:
Оставил вольный град; пошел с богатырями
Искать рабов не столь с отважными душами.
С времен сих Новгород князей лишь признавал
Вождями ратных сил, но скиптра не вручал.
Народом власти все граждански избирались;
Граждане собственной тем воле покорялись.

А предки здесь, любя славянску в россах кровь,
Служили братьям в них, разили их врагов
И вместе славою и лаврами венчались.
Корыстолюбны ж где, когда они являлись? ..
Московский князь в вину нам то теперь кладет,
Что в благоденствии великий град цветет.

Делинский

Иль счастье лишь князьям дано с небесна свода,
Народу ж бедствия ль дала на часть природа?
Ужель желает князь, чтоб целый мир стенал?

Холмский

Не так бы ты судил, когда бы князя знал.

Марфа

Граждане! в сей вине не станем оправдаться.
Цветут здесь области и села богатятся;
Так точно: к нам рекой сокровища текут;
А Русь вся бедствует, ручьями кровь в ней льют,
Во пламени града и села там пылают,
Дремучие леса людей с зверьми скрывают.
Отец там ищет чад, не лгастя уж их найти;
Там милостины ждут вдовицы при пути;
Мы счастливы, и в том виновны только стали,
Что блага своего законы сохраняли;
Что смели в распрях мы участия не принять
И русских от стыда дерзнули тем спасать;
Оковы что татар мы бодро отражали
И тем достоинство народно сохраняли.
Не мы россиян, вы оставили друзей,
У хана гордого прося себе цепей.
Спасать поносну жизнь новградцы так не знали;
Бестрепетно к себе Батыя с войском ждали
И мнили: лучше нам с мечами погибать,
Чем, рабства цепь влача, дни муками считать.
Батый, отважность зря людей, обыхших к чести,
И предпочтя корысть ему опасной мести,
Оставил нас, пошел Россию дожигать.
Напрасно силились князей мы ободрять;
Напрасно с башен взор новградцы простирали
И дружеских полков российских ожидали,

Чтоб с русским богом вдруг ударить на врагов
И землю свободить святую от оков;
Но князи хану дань постыдную платили,
На братьев доносить в татарский стан ходили:
Любовь к отечеству проступком стала быть,
И князи стали в ней измену находить;
Победе имя бы меж россов не осталось,
Когда б у нас в полках оно не раздавалось;
И может ли вас то, граждане, удивлять,
Что хочет Иоанн Новградом управлять?

Б о р и с

Богатство наше зрел своими он очами,
Был славой восхищен и мудростью меж нами.

Д е л и н с к и й

Но мы могли б собой все веки удивить,
Свободу коль забыв, решились бы служить.

М и р о с л а в

Какими нас прельстить надеждами днесь чают?
Несчастные одни лишь перемен желают.
Мы благоденствуем. . .

М а р ф а

Чему ж должны мы сим?
Граждане! не тому ль, что вольность свято чтим?
Знай, ига рабска тень блаженства не рождает,
Величие под ней вовек не созревает.
Да молит Иоанн вселенная творца,
Чтоб в гневе ослепил новградцев он сердца, —
Тогда нам будет лъзя на гибель согласиться;
А прежде Новый-град громам не покорится.
И лъзя ли рабства цепь довольно позлатить?
Свободу можно ль чем, граждане, заменить?

(К старшинам)

О старцы! в чьих руках законов наблюденье,
Любовь вручила то и общее почтенье.
Дерзну ли избранных мужей я оправдать?
И клевете ли здесь заслуги унижать?
Ликует где народ, страны где процветают,
Там мудры правящи и бед не соплетают.

Где ж те сокровища, что можно предпочесть
Любови сограждан и променять за честь? ..

(К народу)

Того нас счастье, граждане, лишь прельщает,
Кто за отечество геройски умирает.

Один из народа

Готовы, Марфа, мы за вольность умереть.

Мир о с л а в

Где враг отечества? Куда орлам лететь?

М а р ф а

Но властолюбие у нас не затмевает
Тех добродетелей, чем Иоанн сияет.
Молва везде его величье разнесла;
Надежду сладкую и нам она дала,
Что свергнет Иоанн с России грустно бремя,
Тягчит что злость татар, усугубляет время.
Пусть славен Иоанн из рода будет в род,
Пусть вкусит век златой российский им народ,
Но славен будет пусть и Новгород великой;
В свободе пусть цветет, быв сам себе владыкой.
Еще злодей Ахмат, еще дерзает звать
Героя данником и смеет дани ждать;
Пусть Иоанн несет в дань молнии Ахмату.
Мы первые пошлем ему стрелу крылату;
Дружина верная с стрелою сей пойдет
И в стан Ахматов путь мечами просечет.
Когда же сокрушит державной князь рукою
Врага отечества и веры и покою,
Тогда весь мир речет: «Росс славу возвратил,
Что Новгород всегда как собственность хранил».
И мы речем: «Владей, князь, золота горами,
Рассыпанных татар найденна под шатрами;
Твое оно, твое, тебе принадлежит;
Не наше, княжеско клеймо на нем лежит.
Да мудростью твоей Русь раны уврачует,
Да счастию твоих народов свет ревнует».
И если в гневе нас бог бедством посетит,
Свобода станет нас и слава тяготить, —

Тогда придем мы не в польскую столицу,
Но придем мы в Москву, градов и сел царицу;
Не к польску королю, прибегнем мы к тебе,
Отрады от тебя ждать станем в злой судьбе
И скажем: «Иоанн! владей теперь ты нами;
Не знаем править мы уже собою сами».
Тогда о вольности лишь будем вздыхать
И пред венцом главы повинные склонять.

Б о р и с

О боже! отвори такое униженье!

М и р о с л а в

Дай, боже, лучше смерть, чем рабское служенье.

М а р ф а

Ты содрогаешься, народ, в душе твоей.
Да идет мимо нас ужасный жребий сей.
Свободны будут ввек достойные свободы,
А в рабстве дни влекут порочные народы.
Ты к славе приобык и в вольности возрос,
Льзя ль Иоанновых страшиться вам угроз?..
Есть бог на небесах, мерзящ невинных кровью;
Кипят сердца у вас к отечеству любовью;
Есть стрелы, есть мечи, и Марфа среди вас:
Пусть придет Иоанн и покоряет нас.

О д и н и з н а р о д а

Пусть придет Иоанн!.. Борецкая! ты с нами.

Д р у г о й

Падет свободы враг!

Х о л м с к и й

Или падете сами!

Граждане! буйность вас к гибели влечет.

О д и н и з н а р о д а

Умолкни, царский раб!

Д р у г о й

Борецка пусть речет.

М а р ф а
(вздыхнув)

Но если Иоани нам истину вещает,
Коль золото уж нас, не слава, днесь прельщает:
Последний скоро час свободы притечет,

(указывая на вечевой колокол)

И древний глас ее замолкнет и падет.
Тогда в слезах речем: «Блаженны те народы,
Которы никогда не ведали свободы!»
А грозна тень ее являться будет нам,
Как бледна, люта смерть неправедным душам;
И знай, о Новгород! что вольности с утратой
Блаженства твоего иссякнет ток богатый;
Она живит труды, она серпы острит,
Она торговлею и жатвой богатит;
Она к добру и дух и сердце воскрисяет.
Но предков славы кто, как жизнь, не сохраняет,
Явится бедность там с алчбою во глазах;
За нею вслед корысть, раздоры, зависть, страх,
Подобно как змии рассыплются по граду —

(показывает цепь)

И вот что принесут всем бедствиям в отраду.

Один из народа

Да придет Иоани!

Другой

Да придет грозный враг!

Мирослав

Умрем, друзья! или его развеем прах!

(Указывая на Холмского)

Пусть носит цепи тот, кому они судились;
А мы ко славе лишь и вольности родились!

М а р ф а
(бросая цепь)

С величья пусть падет так гордый Иоани,
Коль из героя стал свободных он тиран!

Один из народа
(попирая цепь ногами)

Не быть ему, не быть свободных душ тираном!

Другой

Твой сын нам будет вождь.

Третий

Сразимся с Иоанном!

Холмский

Оплачешь ты, народ, горячею слезой
Надменность буйную и стыд оплачешь свой.
Расторглись дружески отнынь меж нас союзы:
Иные Иоанн скует строптивым узы.
Да возвратятся мне священны письма!
Исчез счастливый мир, и закипит война.

Марфа

(вручая ему бумаги)

Вот клятвы мир хранить — не мы их нарушаем.
Неверных судит бог!

Холмский

(приняв хартию)

Суд богу поручаем;

А славу лишь мечам!..

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же без Холмского.

Делинский

(после некоторого молчания)

Приспел час роковой,
И с нынешней, друзья, вечернею зарей
Иль слава Новграда по всей земле промчится,
Иль, с солнцем закатясь, уж с ним не возвратится.

М и х а и л
(в сторону)

Престанешь скоро ты о славе помышлять.

М а р ф а
(Делинскому)

К чему заранее столь пасмурно мечтать?

Б о р и с

Надежда с вольными душами не рассталась.

М и х а и л

Надежда в храбрости отчаянной осталась.

М а р ф а

Кому сноснее смерть поносных рабских дней,
Страшиться может ли чего тот в жизни сей?
Мой сын! тебе народ судьбу свою вручает.

М и р о с л а в

Встречая смерть, твой сын сей выбор оправдает.
Отважность ли нужна отечество спасти, —
Я русский! — я твой сын! — спокойся, нежна мать!

ЯВЛЕНИЕ 6

Т е ж е и в о и н .

В о и н

Со криком воинство знамена окружает,
Всё яростью кипит и зреть вождя желает.

М и р о с л а в

Лечу!

М а р ф а
(останавливая)

Мой сын!

М и р о с л а в
Меня отечество зовет!

Марфа
Впоследни, может, зрю!..

Мирослав
Забыта ль слава?..

Марфа
Нет!
Отечеству уже ты обреченна жертва!

Мирослав
Иль хочешь зреть меня в стыде?

Марфа
Ах! лучше мертва.

Мирослав
Коль я паду в бою, ты слез не проливай!
Блажен тот, кто умрет за свой родимый край!

Марфа
Отечество в беде! — умолкни же природа!..
Ступай, мой сын!

Мирослав
Прости!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Марфа
(одна)

О Новгород!.. Свобода!..
Но для отечества великой жертвы нет:
Пускай умрет мой сын — лишь вольность пусть
спасет!

(Идет и, останавливаясь противу Вадимова памятника)

Вадим! достойна ль я свободой наслаждаться,
Гражданкой Новграда достойна ль называться?
Природу заглушу! на муки соглашусь!
Свободу я спасу — иль с нею дней лишусь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет Ярославовы чертоги, из коих через колоннаду вид на площадь, и памятник Вадимов ясно сквозь столбов кажется; в храмине стоят знамена новгородские и хоругвь отчества выше всех.

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа

(одна, сидя в мечтании)

Помедли, солнце, ты за горы закататься!
Недолго здесь тобой свободе освещаться!..
Недолго!.. Что рекла?.. Умолкни, скорбный глас,
Умри в душе моей и не тверди всяк час
Погибель мне мою, отчества, свободы!
Нет, заблуждаюсь я — то глас одной природы.
Мой к брани сын готов, я страхи им терплю:
Люблю отчество и сына я люблю...
Но сына одного уже я потеряла;
Знакома мне та грусть — я менее страдала.

Слышен гром.

Сверкают молнии и ярый гром ревет;
Ужасней буря сей в душе моей живет.

Сильный удар.

Открой, о боже! мне, кто гнев твой привлекает?
Свобода ль? Или тот, кто вольных угнетает?

Раздался страшный треск разрушившегося строения.

Или на Новгород ад челюсти разверз?
Взлетела к небу пыль — и дневный свет исчез!..
Народный слышу стон — там вопли раздались,
И мнится, все сии чертоги потряслися.

ЯВЛЕНИЕ 2

Марфа, Делинский и Михаил.

Делинский
(в смятении)

Что мыслити о сем?.. Теряется ум мой!..

Марфа

Какой на площади несется шум и вой?

Михаил

Ужасно знаменье погибель нам вещает.

Марфа

Иль мшишь, природа чин для смертных пременяет,
Чтоб точке малыя премену возвестить?
Михаил может ли столь легковверен быть?
Иль молнии ему и гром необычайны?

Михаил

Есть, Марфа, случаи в природе чрезвычайны,
Что душу твердую способны устрашить
И тайный некий стон в ней могут зародить.
Ты, может, и сама сие уж ощущала,
Когда на вече нам слова сии вещала:
«Последний скоро час свободы притечет,
И древний глас ее замолкнет и падет».
Ужасное твое пророчество сбылося:
Огромно здание в подножья потряслося;
Вихрь бурный засвистал, и пыль крутит столбом;
Вскипели в Волхове валы седым ключом;
Блеснула молния и землю всколебала;
Завыл наш вечевой — и башня с ним упала.

Делинский

По граду понеслась вдруг пагубна молва,
В народе мчалась из уст в уста она;
Все с жадностью ей, все с ужасом внимали,
И сотни голосов по стогнам рассевали,
Что будто некий глас слова сии вещал,
Как колокол, упав, пыль к небу воссылал:
«Новграда так падет сияние и слава;
Исчезнет вольность в нем и пышность величава».
В народе весть сия уныние родит;
Вокруг развалин он, склоня главы, стоит;
Дрожащим перстом всяк то место означает,
Отколе глас исшел, что гибель предвещает.
«Кто рек сии слова?» — всяк друга вопрошал;
Всяк слышал, что рекли; кто рек, никто не знал.
Мне мнится самому, слова те были вняты...

М а р ф а

Судьбы небес для нас, Делинский, непонятны.
Безумству черни в них оставим мы вникать;
Отечество в беде — наш долг его спасать.
В опасностях одних дух бодрый познается;
Лишь мелкая душа под прутом счастья гнется.
Чем злей опасности отечеству грозят,
Тем боле надлежит нам бодрости являть.
На что ж правителей народы избирают?
Почто судьбу свою их мудрости вверяют,
Как не на то, чтобы в ненастный, грозный день
От злобы щит иметь, от бед надежну сень;
Чтоб мудростию их в мир волей наслаждаться,
В войнах ужасными врагам своим являться?
В унынии бодрить советом и собой
Есть долг, кто избран быть народною главой.
Народ в унынии, посадники вещают;
Враг воли за стеной — они громам внимают!

М и х а и л

Известен нам наш долг; но, Марфа, лъзя ль
сокрыть,
Что, сбывшись, речь твоя унынье в нас родит?

М а р ф а

Ужель и воинство уныние являет?

Д е л и н с к и й

Нет, войско у знамен отвагою пылает;
Победные венки твой сын ему сулит;
Надежда юноши в очах как луч горит.

М а р ф а

Надежда — спутница души неустрашимой.
Знаком мне сына дух отважный и решимый.
Великий Новгород от бед мой сын спасет;
Спасет свободу он, иль с нею сам падет.

М и х а и л

В отважности его сомненья не имею,
Желаю лавр ему я искренней душею;
Но силен Иоани! ужасна рать его!

Марфа

А цепи рабские ужаснее всего!
Пусть силен Иоанн и рать его ужасна,
Ужели царств судьба мечу его подвластна? ..
Погубит вольность здесь, не княжеский венец;
Погибнет коль она, так робостью сердец!

Михаил

Нет, робкими ты нас, Борецкая, не числи.
Взгляни без гордости и здраво ты помысли:
Владеет Иоанн обширнейшей страной;
Искусен мудростью и славен он войной;
Несчетные полки князь за собою водит;
За ними огонь и глад, пред ними смерть предходит.

Делинский

За вольность всяк из нас готов на все дерзать.

Михаил

Лишь были б способы от бед ее спасать.
Не лучше ль, Марфа, нам царю. . .

Марфа

Остановися,
И способов искать к спасенью нам не тщися;
Они в сердцах у нас. . .

Михаил

Их можно истощить.

Марфа

Но милостей нельзя заставить нас просить.
Победой иногда лишь случай награждает;
Но бодрый, твердый дух случаем управляет.
Коль робко на царя взирает кто из нас,
Кому ужасен стал трубы воинской глас,
Свободного коль стал владыки гнев тревожить
И в рабстве если мнит кто счастье умножить,
Оставя может нас тот в стан к царю вступить
И, дав земный поклон, цепей себе просить.

М и х а и л

Скора, Борецкая, к упрекам ты напрасным.
Но если чтишь меня измене ты причастным,
Ты заблуждаешься! — Отечество люблю;
Опасность зря его, обиду я стерплю:
Раздоры между нас опасность умножают,
Доверье к нам граждан, любовь уничтожают.
Раскаешься, верь мне, в обидных сих словах.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

М а р ф а и Делинский.

М а р ф а

Напрасно ослепить меня мнит воли враг;
Наружной доблестью меня он не обманет,
И Марфа все его поступки весить станет.
За градом далеко московского посла
Он встретил, и меж них речь тайная была.

Д е л и н с к и й

Я знаю к мятежу дух склопный Михаила;
Известна также мне московска ратна сила.
Опасность велика отечеству грозит,
И Новгород один против не устоит.
Герои есть у нас, на брань как в пир летящи;
Ужасны копыя их, мечи, как смерть, разящи.
Станицей за собой героев князь ведет;
Поход их столько ж быстр, как орлий вниз полет.
И лъзя ли храбрых счесть в полках, ему подвластных?

М а р ф а

Потребно мужество. . .

Д е л и н с к и й

И мудрость в днях опасных.
С Псковскою мы живем свободно страной
В союзе, дружестве, как братья меж собой;
Паденье Новграда, славянския свободы,
Псковские повлечет с собой в напасть народы.
Днесь гибель общая. . .

М а р ф а

Гонец уж полетел
Со просьбой помощи в союзный нам предел,
И, Марфу коль теперь надежда не обманет,
Псковская с нашей рать в москвитян скоро грянет;
От княжьих отвратит победа взор знамен;
Познает гордый князь, познает стыд и плен.
Мой сын откроет бой с свободными душами;
А с кем предстанет князь?

Д е л и н с к и й

С героями!

М а р ф а

С рабами.

Сражаясь люто, раб всё жизнью дорожит;
Рабом хоть сорван лавр, — князь славою гремит.
Добыча рабскою владеет лишь душею;
Нет славы для нее.

Д е л и н с к и й

Согласен с мыслью сею

И полн желанья в страданьях умереть,
Чем царский гордый трон в стране свободной
зреть;

А дивныя твоей души геройска сила
Колеблющую мою днесь душу подкрепила.
Но мудрый твой отец, ведущий дни в лесах,
В молитвах к вышнему, в стенаньях и постах,
Ужель о гибели грозящей нам не знает?

М а р ф а

Советам Мирослав его теперь внимает:
Явись народу ты, уныние рассей. . .

Д е л и н с к и й

Дух бодрый посели в нем речию своей:
К тебе почтенье он, доверенность питает,
Которы только дух великий поселяет.
Днесь близок уже час, как трубы зазвучат,
И войско двинется с знаменами за град.

М а р ф а

Ступай, Борецких друг, отечества, свободы,
Дай стон мне заглушить встревоженной природы:
Мой сын идет на смерть...

Д е л и н с к и й

Смерть славную найдет.
Иль знамена врагов рассыпанных сорвет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

М а р ф а и М и х а и л.

М и х а и л

Обширных польских стран посланник тайный
здесь...

М а р ф а

Что хочет он от нас? ..

М и х а и л

Он грамоту принес;
Посаднице ее одной лишь доверяет
И тайно здесь с тобой беседовать желает.

М а р ф а

Я таинств не могу с посланником иметь;
Борецку при тебе он может здесь узреть.

Михаил уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

М а р ф а

(одна)

Коварства, Михаил, твои я понимаю;
Но их, как и тебя, спокойно презираю.
Любовь к отечеству, геройска прямо страсть!
Довольна ты лишь будь, моя безбедна часть.
Напрасно от меня надежда убегает;
Судьбине вопреки мой дух не унывает.

ЯВЛЕНИЕ 6

Марфа, Сапега, Михаил.

Сапега

Властитель польских стран, великий Казимир,
Дивящий славою и мудростию мир,
К Борецкой тайного посла во мне отправил,
Великой чтоб жене я грамоту представил.

Марфа

(не принимает грамоты)

Гражданка Новграда не знает королей;
Их грамот не берет: они — невнятны ей.

Сапега

Но знают короли во всех концах вселенны
Величие твое и доблести отменны;
Известна Марфа всем народам и царям,
И все уста гласят хвалу твоим делам.
Хотя ж дивится всяк, не всякий оцениет
Ту доблесть, Марфа чем, как яркий луч, блистает;
Потребно доблестями, геройством обладать,
Чтоб цену истинну добротам сим познать:
Добротами мой князь вселенну удивляет,
И чтить великую великий прямо знает.
Блаженна та страна, в союзе с кем живет
Великий Казимир; но та в пучине бед,
Котора, буйствуя, с героем сим враждует.

Марфа гордо садится.

От стран Московских к вам ветр бранный ныне
дует;

Заступу Казимир вам твердую дает;
Просите — грозна рать, как буря, потечет
И скроет Новгород литовскими щитами. . .

Марфа задумывается.

Когда ж от бедствий злых сей град спасется нами,

Марфа грозно взглянула.

Тогда новградские признательны сердца
Спасителя от бед возлюбят как отца.
Великий Казимир почтет себе то славой,

Коль счастье под его блаженною державой
Клонящась к гибели страна себе найдет;
Новград его царем...

М а р ф а
(быстро встав)

Вовек не наречет!
Спасать нам Казимир свободу обещает;
И что ж к спасению? он рабство предлагает.
Нет, мудрый твой король Борецкия не знал,
Коль гнусности от ней толикой ожидал.
Мы нужды в помощи поляков не имеем;
Свободу любим мы и защищать умеем.

С а п е г а

Ужасен Иоанн, и нрав его жесток,
Готовит Новграду он лютый самый рок.
Победою над ним напрасно вы не льститесь,
И лучше дружеству, не копьям, покоритесь.

М а р ф а

Стократно нам милей под градом погребстись
Рукою княжеской, чем вашу спасти.

С а п е г а

Чем драгоценнее победу покупают,
Тем победители лютее поступают.
По стогнам хлынет кровь жен, старцев и детей,
Погибнет Новгород от гордости твоей,
И тени сограждан, толпами что увянут,
«За что сгубила нас?» взывать всечасно станут;
А стон вдовиц, их плач и сирых скорбный вой
Всё сердце иссушат и век отравят твой.

М а р ф а

Борецку устрашить напрасно ты радеешь,
Победные ж права ты худо разумеешь.
Чтит храбрый храброго сраженна и в бедах;
А робкий — презрен и у робкого в глазах.

С а п е г а

Не должно случаю верить себя чрезмерно;
Разумней предпочесть неверному, что верно.

Надменность вольности вам днесь не сохранит,
Но осторожность есть...

Марфа

Тиранов мрачный щит.

Но ты скажи, когда с российскими сынами
Поляки не были лютейшими врагами?
И слову польскому когда мир верить смел?..
Как мог ты возмечтать, чтоб Новград захотел
Пред вероломством пасть смиренно на колени?
Героев Новграда в селеньях райских теи!..
Вы оскорбляетесь сей дерзостной мечтой!..
Спокойтесь! — не владеть полякам сей страной.
Назначено коль нам всевышнего судьбами
Пред Иоанном пасть, — падем в руках с мечами.
Едина с ним у нас по жилам кровь бежит,
И россу одному льзя росса покорить.
А ты — сейчас из стен Новграда удалися.

Сапега

Судьбою сограждан, Борецкая, смягчися.

Марфа

Коль до скончанья дня сих не оставишь стен,
С бесчестьем за град ты будешь провожден.
Борецкую народ здесь любит, почитает;
Она в нем ненависть ко всей Литве питает.
Вот королю ответ...

Сапега

Погибнет Новый-град.
(Уходит.)

Марфа

Да гибнет Польша вся и с памятью чад!

ЯВЛЕНИЕ 7

Марфа, Михаил.

Марфа

Во счастья всегда, везде друзей среем;
В несчастья — в друзьях злодеев обреем.

Лишь только поскользлись — и мнимый сонм друзей
Уже прибытка ждет от гибели твоей.
Блаженствовал Новград — вступали с ним в союзы;
Лишь бурный день настал, и предлагают узы!
Неверный Казимир о дружбе говорит:
Умильность на лице, рукой кинжал острит.

Слышны трубные звуки.

Хранитель Новграда, устроивший природу!
Твой дар идем спасать, священный дар — свободу.
Реки, чтоб твой перун пред вольным войском тек!
Свободу создал ты, дал рабство человек.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Вестник.

Вестник

Готово воинство, знамена развевают,
Граждане собрались, все Марфу ожидают.
Горят желанием вожди и страшна рать
Хоругвь отечества из рук твоих приять.

Марфа
(взяв хоругвь)

Ужасная досель врагам велика града!
Будь ныне вольности палящая ограда!
Да веянье твое врагам навеет страх
И трепет поселит в тиранских злых сердцах!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Михаил
(один)

Откинешь горду мысль, посадница надменна!
И тем или другим ты будешь покоренна:
Коль Казимира ты гордыней удивишь,
На Иоанна взор смиренный обратишь;
Поникнешь перед ним душой, обыкшей к воле;
Не позавидую тогда твоей я доле!

Но мой уже в тебе рок зависть породит,
И зависть мне твоя весь дух возвеселит!
Москве иль Польше град сей ныне мной вручится,
Равно мое, равно желанье совершится.
Всё равно для меня, кому бы ни служить,
Борецкой на бедах лишь счастье б сорудить.
Мне все страны равны, мне все равны законы,
Отечество и честь лишь слабых душ препоны.
Что мне, что край цветет, в котором я рожден,
Когда в нем бедствовать я роком осужден?
Отечество мне — мир, а честь — врагов стенанья,
Свобода — где мои свершаются желанья.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Театр представляет площадь.
Борис, Делинский, Мирослав, войско, народ.

Хор народа

Пойдем, друзья! знамена всют
Врага свободы за стеной;
Венки лавровые вам зреют
Над Иоанновой главой.

Он ваших жен и чад любезных
Цепями хочет отягчить;
Да гибнет враг в мечтаньях вредных
И гибель всех подвластных зрит.

Помощник правде бог — дерзайте!
Милее жизни вольность вам;
Урок ужасный, славный дайте
Неправым, хищным, злым царям!

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Марфа, на Вадимовом месте с хоругвию в руках.

Марфа

Сыны отечества, рать в мире знаменита,
Славянов славный род и вольности защита!

Приспел великий час, час грозный, роковой:
Победа или смерть — нет доли нам иной!
Рыкает воли враг за градскими стенами,
Отечеству бедой и вам грозит цепями.

Х о р

Пойдем, друзья! знамена веют
Врага свободы за стеной;
Венки лавровые вам зреют
Над Иоанновой главой.

Пойдем, друзья! — и с русским богом
Уставим грудь с мечом врагам;
Сожжем венки тирана громом
И прах развеем по полям.

М а р ф а

(подавая хоругвь Мирославу)

Прими, вождь храбрых сил, во знаменье побед
Хоругвь отечества...

М и р о с л а в

(приняв хоругвь)

Свободы враг падет!

(К войску)

Падет, друзья! Наш бог, свобода с нами!
Иль скроем Новгород мы тел своих горами.

М а р ф а

Дотолы сына мать к сей груди не прижмет,
Доколь не победит иль в сече не падет.
Отечество судьбу вручило Мирославу.

М и р о с л а в

(став на колени)

Прости, любезна мать!

М а р ф а

Ступай на смерть!

М и р о с л а в

На славу.

Хор

Пойдем, друзья — *и проч.*

Войски проходят мимо Вадимова места, где Марфа стоит. Народ
и посадники уходят за войсками.

ЯВЛЕНИЕ 12

Марфа

(одна, сошед с Вадимова места)

Гражданку Новграда я тщила показать.

(Заплакав)

Я долг мой отдала; теперь могу быть мать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет Ярославовы чертоги.

ЯВЛЕНИЕ 1

Делинский и Феодосий.

Феодосий

Тебе, любезный друг, я душу днесь открою.
Ты знаешь, как давно в ней нет уже покою,
Ты знаешь, Иоанн мне сердце растерзал:
Осьмнадцать лет в лесах я раны те питал,
И, пламенны мольбы на небо воссылая,
В них мести я просил, слез токи проливая!
Проникли наконец моленья неба свод,
Стараний я моих пожну сладчайший плод,
И счастье Новграду коль мало улыбнется,
Так местию моей вселенна содрогнется!

Делинский

Князь сердцу твоему скорбь лютую панес?

Феодосий

Ах! сколько из очей извлек он горьких слез!
Любезной дщери им, Делинский, я лишился;
За честь ее отмстить я пред крестом божился.

Плод незаконный их я от отца сокрыл
И грудью Марфиной в нем мстителя вскормил.

(Таинственно)

Борецка в юноше зрит собственного сына,
Что в пеленах у ней похитила кончина.
Младенца смерть сего от матери я скрыл,
И Мирослава ей я сыном объявил.
Борецких сына в нем Новград весь почитает,
И грома на отца он сыну днесь вручает.

Делинский

Ужаснейшая месть! — В душе ль ей должно быть,
Что мира отреклась, для бога только б жить?
Мирские страсти все, я мнил, ты отметаешь.

Феодосий

Детей ты не имел и чувств отца не знаешь.
Хотел я позабыть, скитаясь по лесам,
Сей мир, преступну дочь, мольбы лил к небесам,
Чтоб силой их в душе сей злоба, месть истлели,
Но на устах был бог, в душе — змии шипели.

Делинский

(перебивая)

Я Михаила зрю, — задумчив и смятен,
Он шествует в чертог.

Феодосий

Коварствам изучен,
Он ищет проникать во все Борецких тайны;
Но сколько хитрости ему ни обычайны...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Михаил.

Феодосий

Я Михаила зреть не чаял в сих стенах,
Но мнил, что он крепит воинствен дух в рядах,
Сомкнувшихся в оплот отчизны к обороне.

М и х а и л

Меч в слабой сей руке скользнул бы по короне,
Что вечный Новграду приготавливает плен.
Вождю искуснейшу тот подвиг поручен,
Который укрепит сомненну нашу славу,
Упизя сильную Московскую державу.
Днесь опытность в боях и слава прежних дней
Поруки слабые страны к защите сей;
Но пылка молодость и ко врагу презренье
Стяжают воинством геройским управленье:
Твой доблественный внук ко славе рать повел.

Ф е о д о с и й

Знать, Михаил приять начальства не хотел,
Коль юноше вручил народ свою судьбину.

М и х а и л

Борецка своему ее вручила сыну,
Да оправдает то искусством он своим,
И да смирится враг пред страшным вóждем сим;
Но юность мне его надеяться мешает.

Ф е о д о с и й

Для доблестей душа седин не ожидает.
А кто героями на свет произведен,
Взлелеян на щитах и с копия вскормлен;
Кто жизнь имуществом отечества считает
И предков доблести из вида не теряет, —
Хоть в юности — герой! порукой — предков прах.

М и х а и л

Кто сам отечеству служил в суде, в боях
И лавр на чьем челе победный зеленеет, —
Без предков тот герой, в них нужды не имеет;
А прахи праотцев не встанут из гробов,
Чтоб тяжесть облегчить грозящих нам оков.

Ф е о д о с и й

Далек еще, далек сей день для нас печальный.

М и х а и л

Уж воинство в бою — успехи там случайны;
Но если вольный град, геройская страна

Во плен сей день падет — падет от вас она:
Борецкой род ее ко бездне привлекает,
В сердцах народных он огонь буйства раздувает;
От войска, из суда он мудрых удалил,
И власти все своим сей гордый род вручил.
Борецка вечевым нас звоном лишь прельщает,
На вече, не в совет, веленьям внять сзывает.
И кто сию войну у наших стен родил?
В союзе русский князь с страной свободной жил.
Татаре злобные Россию пожигали,
Москвитяне во мзду им гром приготавливали
И, славой нас своей желая озарить,
Прислали рати к нам для помощи просить.
Народ согласен был; Борецка отказала,
И москвитянам тем их силы показала.
Свершил то царь один, к чему нас призывал.
За Камой победа, там хищность наказал;
Теперь пленением стране сей угрожает
И в вероломстве весь народ он обвиняет.
Кто ж враг свободе здесь и кто ее губит?

Ф е о д о с и й

Кто брань сюда привлек, тот брань и укротит.
Но Михаил одним нам бедства предвещает.
Иль от народа он себя днесь отделяет?
Иль в общих он бедах беды себе не зрит?
Быть может, дружбою себе он царской льстит,
И, может быть, права на то он все имеет.

М и х а и л

От клеветы чело невинности не рдеет.
Давно ко моему твой род кипит враждой,
Давно страдаем мы; но, может быть, судьбой
Готовится конец гоненьям и страданью.
Предстанете тогда, тираны, к оправданью,
Но слов не сыщите: колено преклоня,
Вы будете молить о милостях меня.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Феодосий и Делинский.

Феодосий

Нет, не спеши мечтой, враг злобный, наслаждаться!
Злодеям в их сердцах мучители явятся.
Предвидел я давно, что гордый Иоанн
В Великом Новграде захочет быть венчан,
И в мыслях я кружил различнейшие средства,
Как бурю отвести, несущу граду бедства;
Но, зря прикованну победу у знамен
Тирана гордого, зрел ясно воли плен.
Но чтоб свободы враг и средь побед терзался,
Чтоб и в венце бедней преступника казался,
Чтоб токи слез точил, коль жалость в злобных
есть, —

Я вымыслил ему ужаснейшую месть,
И в царском сыне я к царям посеял злобу,
Отцу чтоб своему он меч вонзил в утробу.
Сбывается теперь надежда, что душой
У неба я просил: с отцом сын вступит в бой.

Делинский

Какую ж получить отраду ты днешь чаешь,
Коль гибель воинству и граду предвещаешь?

Феодосий

В пучине тонет кто и смерть отвсюду зрит,
Хватается за всё, чтоб мигом дни продлить.
Коль стены Новграда тираном сокрушатся,
Среди развалин сих ему не величаться:
Навеки я его ток жизни отравлю,
Не сыном коль отца, так сына им сгублю.

Делинский

Но в Мирославе кровь Пламены протекает;
Пламена дочь твоя. Иль месть всё заглушает?
Но вижу Марфу я.

Феодосий

Всё в тайне сохрани.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Марфа.

Марфа

Настал ужасный час, — уже в бою они. . .
Уже два раза мы москвитян поражали;
Но князь и Холмский вдруг равенство удержали;
Теперь же кинулась вся рать в кровавый бой,
За нею пыль взвилась и скрыла рать собой.
Я в пыльны облака со стен мой взор вперяла:
Сошелся с строем строй, и сеча вдруг настала.

Феодосий
(в сторону)

Давно уж я сего в душе не ощущал,
Давно так в радости мой дух не трепетал!

Марфа

Не ведала досель я смутных столь волнений!
Томится дух среди неведомых движений.

Феодосий

Спокойся, дочь моя, волненья укроти;
Небесных нам судеб нельзя уже прейти.
Коль должно Новграду пред князем пасть во прахе,
Не мы, не пленные — тиран пребудет в страхе.
Свободу кто любил, лишась ее — умрет;
Кто ж рабство предпочтет — пусть в рабстве дни
влечет.

Марфа

Так будет князь владеть одними здесь стенами.

Феодосий

И стены окропит горчайшими слезами:
Тирану берегу я саму люту казнь
И в сердце поселю бестрепетном боязнь.

Марфа

Слаба рука твоя! . . иль я не постигаю. .

Ф е о д о с и й
Слаба сия рука — но в сердце месть питаю.
М а р ф а
Но что я зрю!.. Увы!.. то ратник изъязвлен...

ЯВЛЕНИЕ 5

Т е ж е и в о и н без щита, без шлема, с переломленным мечом.

М а р ф а
(воину)

Зачем оставил бой?

В о и н
Вождь пал, стрелой пронзен.

Ф е о д о с и й
Герои Новграда?..

В о и н
Вокруг знамен все пали.

Д е л и н с к и й
Хоругвь отечества?..

В о и н
Увы! враги сорвали.

М а р ф а
Погиб мой Мирослав!.. Твоя завидна часть,
Счастливый юноша! — ты мог за вольность пасть!
Ах! дайте труп его — не в грусти и мученьи
Я б зрела на него; в сердечном умиленьи
Я б раны славные на теле изочла
И слезы б зависти на раны пролила...
Вещай, как сын погиб.

В о и н
Победа Мирославу
И Новграду уже сулила вечну славу.
Теснили мы со всех сторон московску рать;

Димитрий, Образец спешили отступать;
Повсюду смерть была, где сын твой появлялся,
Как вдруг ужасный вопль в рядах у нас раздался:
«Всё ломит Иоанн! — Вождь! рать твою спасай!»
Пустился Мирослав, как вепрь, в разбитый край,
Со князем встретился, мечи огнем блеснули,
Тьмы ратников вокруг их сном вечным вмиг уснули;
Занес меч Мирослав на князя — и сдержал;
Тут Холмский будто тигр на юношу напал:
Свистит его копьё, к герою долетает,
Но князь московский вдруг копьё рукой хватает.
Приблизились вожди, друг нá друга глядят;
Не ярость, мнилось, тут, являл их нежность взгляд.
Замолкли крики войск, мечи взнесенны — стали,
И с страхом на вождей своих полки взирали.

Ф е о д о с и й
(в сторону)

Природа! или ты сильнее мести злой?

В о и н

Но пущенна стрела неведомой рукой
Героя во бедру глубоко прободает;
Колелется герой, бледнеет, упадает.
Уныла, скорбна весть по всем полкам летит,
Что нет вождя у нас, Борецкой сын убит.
Колелются полки, в них стоны раздаются,
И даже у царя обильно слезы льются. . .
Мстиславский, пользуясь смятением полков,
Со свежей ратью вдруг пустился из лесов;
Примкнул к ним Образец, Димитрий обратился,
С опричниками князь на сечу сам пустился.
Напрасно мы неслись врата здесь защищать,
Михаил уже ввел во град враждебну рать.
Вломился Иоанн и носится по граду. . .

Д е л и н с к и й

Изменник!.. сгибло всё!..

М а р ф а

Осталась смерть в отраду.

Ф е о д о с и й

Свирепствует тиран и кровь по граду льет.
Пусть встретит он меня, — мой взор его убьет.

М а р ф а

Пойдем, покажемся бегущему народу;
Умрем или спасем от рабства мы свободу!

Слышен звук мечей; все уходят в правую сторону.

ЯВЛЕНИЕ 6

Иоани, Образец, Мстиславский, Димитрий и
опричники. Все с обнаженными мечами.

И о а н н

Победа свершена — да смолкнет звук мечей;
Разили мы врагов — но пощадим людей.

Влагает меч, и все за ним.

Да побежденные отраду вкусят мною;
Я ужас посылал — но мир несу с собою.
Где всё у ног лежит, постыдна тамо месть;
К победам нас звала, а не к разбою честь.
Да не затмит грабеж воинской пашей славы!

(Димитрию)

Я мир изрек — ступай, неси мои уставы.

Димитрий уходит.

(Образцу)

Ты стражу по стенам и в граде учреди.

Образец уходит.

(Мстиславскому)

Мятежну войску плен — гражданам мир — поди.

Мстиславский уходит.

ЯВЛЕНИЕ 7

И о а н н

(один)

О тени Рюрика и мудра Ярослава!
Владимирова тень! — отмщенна ваша слава!
Вы, благодетели Новградския страны,
За счастье, данно здесь, забвеньем почтены!
Где пышные теперь, где светлы ваши троны,
С которых вы рекли священнойши законы,
Страдалец обретал где кров от зол и бед? ..
Величья вашего изглажен самый след!
В чертогах ваших здесь лишь буйность заседала
И скиптры и венцы ногами попирала;
Неблагодарных бог смирил теперь сердца.
Блеснет сияние здесь царского венца
И, свет разлив, дела осветит ваши громки,
Дивиться будут вам позднейшие потомки.
Пойдем и прахам их мы жертву принесем,
Мятежных знамена у их гробов сорвем.

ЯВЛЕНИЕ 8

И о а н н и Начальник стражи.

Н а ч а л ь н и к   с т р а ж и

Маститый старец нам с сей хартией явился;
Велел тебе вручить и сам тотчас сокрылся.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

И о а н н

(один)

Друзей имею я в мятежном граде сем;
Быть может, тайный ков откроют нам — прочтем.
О боже!.. не мечта ль?.. окончить сил не станет...

(Читает)

«Твой сын тебя сразит, иль сам тобой увянет».

О прорекатель бед! о страшный ада глас!..

О преступление! как ты караешь нас!

(Погружаясь в думу, вздыхает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Иоанн и Холмский.

Холмский

(после некоторого молчания)

Победа славой нас и лаврами венчает;
Россия в торжестве... а Иоанн вздыхает!
Край русский весь тебя отцом своим зовет,
Ты блеском окружен...

Иоанн

А совесть грудь грызет.

Холмский

Тираны в совести врага лишь могут числить,
А победителю иначе должно мыслить.
Не славы ты пустой, не власти ты алкал,
Проя, чтоб Новгород главой тебя признал;
Любовь к россиянам и права месть татарам
Велела пасть твоим на Новгород ударам.
Ты гордость буйную новгородцев низложил,
Тем чад заблудших в сень отчизны возвратил.
И победителю ль победой огорчаться?

Иоанн

Ах! пред тобой, мой друг, я не могу скрываться;
Не участь Новграда смущает днесь меня,
Не на победу зрит твой князь теперь, стена.
Я ложной не хочу добротой украшаться, —
Победа сердцу льстит; другие в нем таятся
Укоры, что меня тревожат каждый час:
Природы слышится мне в сердце скорбный глас.

Холмский

Отечеству служа, седи я достигаю
И бранны все труды с тобой хоть разделяю,
Но в царски тайности не смел я проникать;
Не зная грусти сей — не знаю утешать.

Иоанн

Узри ж днесь пред собой мою открыту душу,
Узнай, спокойство чем мое всечасно рущу!

Ты вспомни время то, как в юности я цвел,
Устройством Новый-град и мудростью гремел;
Алкал я зреть вблизи то славимо устройство,
Желал гражданских знать законов мудрых свойство
И путь направил мой Новграда ко стенам,
Явился гостем там гражданам, старшинам;
Надменный сей народ, что скиптры презирает,
С рукоплесканьями везде меня встречает,
Готовят мне пиры, и гимны в честь поют,
Беседы старцев мне свет новый в разум льют;
Гостеприимство их все меры превосходит,
Всё в Новграде меня, в восторги всё приводит;
Но боле мудростью мне сердце восхищал
Муж древний, что в свой дом змею во мне приял;
Пламена, дочь его, красой, как луч, блистала,
И всё, что видел я, собою затмевала. . .

Х о л м с к и й

В тревогах я возрос, средь копий, средь мечей,
Знаком победный крик один душе моей;
По градам в пламени я за тобой ступаю:
Мне речь сия нова — ее не понимаю.
Героем Иоанн на свете быть рожден;
Герою ль средь побед красы считати жен?
Блаженство всё тебе лишь слава обещает.

И о а н н

Сулит она его — любовь им награждает.
Но не вини меня, о Холмский! не вини,
И в сердце ты мое без строгости взгляни!
Хоть князем я рожден, хоть грады, царства рушу,
Но князь твой человек. . . ах! я имею душу;
Пламена душу ту красой своей зажгла
И сердце мне за страсть в награду отдала.
Я с нею всё забыл, исчез Москвы правитель,
Невинности во мне остался развратитель.

Х о л м с к и й

Гостеприимства так ты прáвы оскорбил!

И о а н н

Я гнусен сам себе тогда, ужасен был!
И очи, что меня дотоле восхищали,

«Ты изверг!» — мнилось мне — в слезах всяк
час вещали;

Глас совести меня в злодействе укорял
И муки адские в душе моей вмещал.
Я рвался из цепей, любовь что наложила.
Но, ах, мой друг! любви непостижима сила.
Бесславие мое и гибель я в ней зрел;
Бежал Пламены я, и вместе быть хотел;
А наконец, мой друг, — о горько вспоминанье!
Едина мысль о том сугубит мне терзанье, —
И наконец... о стыд!.. Пламена стала мать,
Скончала жизнь, а я — остался стыд питать.

Холмский

Страдания твои тебя хоть и терзают,
Но скорбь родителя они не облегчают.
Отца любезныя ты дочери лишил,
Лютей еще того — стыдом его покрыл;
Терзания твои должны быть тяжки, злобны,
Коль преступлению они быть могут равны.

Иоанн

Жалей о князе ты, о Холмский, сожалеи!
Венец на мне блестит, я в славе — но злодей!
Ах! слава нам одна величья не доставит.

(Указывая на сердце)

Коль есть упреки тут — величие нас давит.

Холмский

Но что же, государь, намерен ты начать?
И те ль теперь часы, без пользы чтоб стенать?
Герой в тебе исчез, любовник лишь остался.
На то ль ты славою, величием венчался,
Чтоб душу показать покорную страстям?
Народом правишь ты, собой не правя сам.
Знай, трона высота владыку не скрывает
От взоров подданных — народ на трон взирает
И нравы царские в пример себе берет;
К порокам и к добру народы царь ведет.
Владыка коль себе проступки дозволяет,
Народ его тогда в пороках утопает;

Порокам же вослед все бедствия летят,
А в бедствах сих царя потомки обвинят.

И о а н н

Не упрекай меня, я должность царску знаю:
Я царь не для себя, для тех, кем управляю.
Не для забав моих я русский скиптр приял;
Народу быть отцом я богу клятву дал.
Но, Холмский, или царь без слабости родится?
Где смертный, чтобы мог вовек не проступиться?

Х о л м с к и й

Скорбь князя моего умею я делить;
Но если ты мне дал свободу говорить —
Вспомни, государь, супругу ты имеешь;
Или в отсутствии о ней ты не радеешь?
Иль воздух в граде сем отравой заражен?
Ты львом во град вступал и нес с собою плен;
Но только лишь вступил — о славе забываешь,
Заботы важные на стоны пременяешь.

И о а н н

Пекусь о славе я, о счастье россиян;
Я помню, что я царь и скипетр что мне дан
В залог недремлющих всечасных попечений...
Ужель и другу нам нельзя открыть мучений,
Что в царских, как во всех, равно живут сердцах?
Имею сына я, и сын мой в сих стенах.

Х о л м с к и й

Твой сын?..

И о а н н

Увы! мой друг!

Х о л м с к и й

Сего не постигаю...

И о а н н

Признание горькое! — читай.

(Вынув из-за пазухи бумагу.)

Холмский

(читает)

«Я умираю.

Прости, мой Иоани, Пламену позабудь;
Будь счастлив без меня, отцом народу будь.
Твою холодность я теперь тебе прощаю,
О сыне лишь твоим тебя я умоляю;
В нем кровь твоя течет; он матери лишен:
Возьми его к себе, отцу пусть служит он.
Пламене мертвой дай хоть эту ты отраду,
Люби его за все беды мои в награду!
Та цепь, что в знак любви тобою мне дана,
При смерти мной на грудь ему положена».

(Иоанну)

Воспоминаньем сим престань себя крушить.

И о а н н

(подавая ему еще грамоту)

Зри, старец некакий велел мне то вручить.

Холмский

(прочитав тихо)

О страх!

И о а н н

Сто крат друзья в Новград мной посылались,
Искали сына мне, без сына возвращались...
Но, взяв намеренье Новгород покорить,
Впоследние хотел о сыне спросить;
Новградских зная войск неустрашимо свойство,
Предвидел я давно отчаянно упорство;
Я знал, что кровь рекой российска потечет.
Враждуют братья где, там злобе меры нет:
Там в алчных вдруг зверей преобразятся люди.
Узрели русску грудь противу русской груди.
О Холмский! ты видал не раз кровавый бой,
Не раз летала смерть к тебе и пред тобой;
Скажи, видал ли ты ужасную столь сечу?
Метался ль смерти кто, как русские, навстречу?
Я всё предвидел то, и страхи ощущал,
Чтоб сын мой от меча отцовского не пал.

Холмский
(вышел из глубокой думы)

Скажи, о государь! наперснику и другу,
За что ты оказал столь важную услугу
Вождю отважному новгородских буйных сил?
Я смерть ему послал, ты смерть остановил.
Что значили тогда твои слез полны взгляды,
Как он сражен упал?

И о а н н

Не знаю; но пощады
Я тайно у небес в душе ему просил.

Холмский

Я зрел, что прежде он свой меч остановил,
Внесенный над тобой; но то лишь изумленье,
Что вид рождает твой; а ты?..

И о а н н

Я умиление,
Зря юношу сего, почувствовал в себе;
Все чувства предались тогда мои борьбе.
Но удивлен не будь сердечной сей пременой:
Мне мнилось сходства зреть у юноши с Пламенной.
О Холмский! покажи, что ты мне прямо друг,
Спокой теснящийся в груди сомненьем дух...
Вверяю твоему я ныне попеченью
Все способы, вождя несчастна к облегченью:
Узнай о имени, родителей узнай
И горьку часть его в плененьи облегчай.

Холмский

Иду я, государь, твою исполнить волю.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

И о а н н

(один)

О смертные! за что завидной чтите долю
Держащих скипетры, дающих вам закон?
Вы часто счастливы, как царь пускает стон.

ЯВЛЕНИЕ 12

Иоанн, Мстиславский.

Мстиславский

Неверный Новгород к нам злобну месть питает,
И гидра мятежа еще враждой зияет:
Покорность хоть тебе новградцы здесь рекут,
Но ратной помощи от Пскова тайно ждут.

Иоанн

Вотще надеждой льстят себе сердца строптивы;
Желанья дерзки где, там упования лживы.
Мой меч всегда готов противника разить.

Мстиславский

Не должно, государь, мятежников щадить.
В посадниках живет здесь злое бунта семя;
С Борецкия начни, да гибнет буйных племя.

Иоанн

Довольно кровь лилась, дай сердцу отдохнуть!
К спокойствию не ведет царя кровавый путь.

Мстиславский

Царь добрый божеству между людей подобен;
Но всякий ли ценить доброты те способен?
Не защищаю я войны кровавых прав;
Но есть народы, чей надменный, злобный нрав
Бесчувствен к милостям, кипуч, как ад, враждою,
Покорен лишь руке с всегдашнею грозой, —
Таков нрав жителей новградския страны.
Реки посадникам ты казнь. . .

Иоанн

Все жить должны.

Умею я карать и миловать умею.
Часа еще я здесь, Мстиславский, не владею,
А ужасы уже велишь мне разливать.
Не злобой злобу нам прилично побеждать.
Я ведаю, реку — и кровь рекой польется;
Но злоба кровию, поверь мне, не упьется.

Свободных я хочу под скиптр мой покорить,
И скипетр сей хочу заставить их любить.

Мстиславский

Нельзя, чтоб тигр любил и золотые склепы.

Иоанн

В сраженьях только нрав простителен свирепый,
Без скорби сердца там лишь можно кровь нам лить,
А подданных слезой нам должно дорожить.
Суд будет и царям, и мы пойдем к ответу
За сделанны беды нам вверенному свету.

Мстиславский

Царь слабым прослывет, коль слишком милосерд.

Иоанн

Злодействами престол не может быть тверд,
И стоны подданных в перуны обратятся;
Любовью их одной царь должен ограждаться.

Мстиславский

Будь подданных отец, люби их как детей,
Но добрых отличи от злых в любви твоей.
Мятежники, мечу и страху лишь подвластны,
Быть могут ли любви отеческой причастны?
Пустынник в сих стенах, пришедший из лесов,
Питает к коему весь Новгород любовь
И чьи слова народ пророчеством считает,
К убийству всех граждан дух буйный подстрекает.
Дни царские храня, я долг исполню мой,
Крамолы мятежа открыв перед тобой.
Вот что Борецка с ним по граду рассевают:
«Впоследни уж на свет граждане днесь взирают;
Готовит Иоанн лютейшую всем казнь.
Нам должно умереть, откинемте боязнь,
Главы не понесем на плаху, как злодеи:
Умрем с мечами мы, и пусть тиран, трофеи
Зря, мучится тоской». Иной, бодря свой дух,
Кричит: «Не умер вождь, о смерти ложен слух,
Он только уязвлен!» — и дерзость возрастает,
Минута иногда труд долгий разрушает.

И о а н н

(после некоторого молчания)

Завидуйте царям, часть смейте их хвалить;
Он казнь речет тогда, как хочет лишь любить.

М с т и с л а в с к и й

Разумна строгость есть в царе похвально свойство.

И о а н н

Пойдем, предупредим во граде неустройство.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

И о а н н

(выходя, погруженный в думу)

Итак, спокойствие, душевный сладкий мир,
И счастье, смертных всех обманчивый кумир,
Напрасно вас ищу, напрасно я мечтаю,
Что в славе их обрел: я призрак обнимаю!
Теперь я чувствую короны тяготу
И неизвестну часть счастливейшею чту;
Героя льстивое столь всем именованье
Прельщало мысль мою, лелеяло мечтанье.
Разрушил царства я, рекою кровь текла —
Губителя молва героем нарекла.
Я мнил счастливым быть; напрасны упованья!
Заслуги без наград, сирот, вдовиц роптанья,
Невинность в рубище и в золоте злодей
Тревожили мой дух, сон гнали от очей.
Щедроты я стал лить — во зло употребляли;
Я строгости явил — тираном называли.
О, имя лютое для сердца моего!
О небо! научи, как избежать его.
Почто посадники рассудку не внимают
И к строгостям меня неволей привлекают?

(Помолчав)

Но Холмского не зрю; почто он не спешит
Спокоить? .. Но — се он. . .

ЯВЛЕНИЕ 2

Иоанн и Холмский.

Иоанн

Как твой печален вид!

Холмский

Старания мои все, государь, напрасны:
Неведом никому здесь царский сын.

Иоанн

Несчастный!

Холмский

В вожде Борецкия ты сына сохранил.

Иоанн

Ах! лъзя ль, чтоб я врага столь нежно полюбил?

Холмский

Он будто дикий лев в цепях теперь рыкает
И скиптры и царей в безумстве проклиняет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Образец.

Образец

Приказ исполнил твой, Борецкую схватил
И злобныя толпы развеял вражьих сил.
Уж казнь готова им...

Иоанн

Готова; погодите!

Борецкую вы мне пред очи приведите.

Стража отходит.

Образец

Гордыней, государь, Борецка всех дивит:
В несчастьи, в бедах спокойный вид хранит;

Противу всех властей, против судьбы упорство
Живет в ее очах.

И о а н н

То душ великих свойство.

Образец

Позволь, князь, воину, что мыслит, говорить.

И о а н н

Вещай.

Образец

Коль есть враги, их должно истребить.
Ты должен днесь пресечь Борецкой злу породу
И ужас тем нагнать новгородскому народу, —
Пускай во ужасе всяк час трепещет он,
А победителей без страха зыбок трон.
Хоть зло кровь проливать, но днесь необходимо.
Сей бедственный поток промчится быстро мимо
И время возвратит порядок с тишиной,
Народ обыкнет быть покорным пред тобой:
Прошедших образ бед в душе ослабеваает
И, новых зол не зря, о тех позабывает.

И о а н н

Довольно! Ты в боях искусен побеждать,
Оставь искусство мне народом управлять.
Царю и воину — различные законы;
На трупах хищникам одним приличны троны.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Марфа под стражей.

И о а н н

Приблизься и откинь напрасную боязнь.

Марфа

Кому бояться? — мне? .. Пускай свершают казнь.

И о а н н

Я миловать люблю, кто в бездне погибает.

М а р ф а

Борецкой милости! . . Она их презирает.

И о а н н

Разумный к временам приноровляет нрав.

М а р ф а

Не мне, льстецам твоим приличен сей устав,
Льстецам, что от тебя и смерть и жизнь имеют,
От взора твоего что в страхе цепенеют.
Борецкой нужды нет свой нрав переменять:
Свободу потеряв, ей нечего терять.

И о а н н

Но жизнь твоя теперь в моей всемошной воле.

М а р ф а

Новграда не спасла — мне жизнь не надо боле.

И о а н н

Борецку дней своих что нудит не щадить?

М а р ф а

Боюсь отечества я славу пережить.

И о а н н

К отечеству любовь есть истинно геройство;
Монархи чтут сие души великой свойство.
Счастлив стократ монарх державою своей,
С такими чувствами имеющий друзей!
Будь другом, Марфа, мне, проси щедрот народу;
Все милости даю.

М а р ф а

Отдай ему свободу.

И о а н н

Свободно подданны живут в моей стране;
Их счастье моего дороже, Марфа, мне;

Рабов я б не хотел владыкой называться:
Не знает раб любить, он знает лишь бояться.
Новград во мне найдет нежнейшего отца,
И первые лучи от княжеска венца
Борецку осветят величием и славой.

М а р ф а

Гражданке вольной что льстить может
под державой!

В свободе кто возрос, кто волею дышал,
Кто всё, что мило есть, за вольность потерял,
Кто прахами детей, супруга заклинался
Свободу век хранить — и тот чтобы ласкался
Названьем царского любимого раба!
Свободу заменить держава царств слаба.
Борецкая у ног! . . Борецкая рабою! . .

И о а н н

Не льстися, Марфа, ты, не льстись пустой мечтою,
К спасенью Новграда чтоб способы иметь.
Что можешь ты одна? . .

М а р ф а

Свободной умереть.
О тень, дражайша тень любезного мне сына!
Ты за свободу пал, — славна твоя кончина!
Не будешь в робости меня ты упрекать;
Тебя достойною твоя пребудет мать.

И о а н н

Коль мил тебе твой сын, склонися на прошение,
Щедроты не вменяй царевой в унижение;
Ты к строгостям меня невольным не влечи
И выпустить не нудь перуны из руки:
Я страшным именем гнушаюся тирана;
Отнынь новградская близка мне к сердцу рана.
Великой коль жены я дружество сыщу,
В объятья нежные ей сына возвращу.

М а р ф а

Не мни, чтобы сей ков успехом увенчался.
Ты хочешь, чтоб мой дух хоть сим поколебался;
Тиран имеет мощь жизнь только отнимать.

И о а н н

А добрый знает царь злословьем презирать;
Твоею клеветой моя не меркнет слава.
Что рек я, то могу.

(К страже)

Введите Мирослава.

М а р ф а

Пускай сюда, пускай труп сына принесут.
Ты хочешь зреть, мои как слезы потекут;
Тоскою матери ты хочешь утешаться.

И о а н н

Несчастных радостью обык я наслаждаться.
Я, Марфа, сам отец, — умею ощущать,
Как тяжело для души нам сына потерять.
Борецкая! ты мне за сбереженье сына
Услугу окажи; и только ты едина
Душе родительской отраду можешь дать.

М а р ф а

Враг воли от меня отрады смеет ждать!
О варвар! до чего меня ты унижаешь!
Дай меч — и чувства ты Борецкия узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Мирослав в цепях и стража.

М а р ф а

Мой сын!.. и он в цепях!..

М и р о с л а в

(вдали театра)

Что зрю!.. здесь
мать моя!

Разверзись подо мной, пожри меня, земля,
И скрой от матери сыновне поношенье!
Не мог исполнить я святое повеленье,
Свободы я не спас, не умер я в бою!

Возьми, о Иоанн! скорее жизнь мою.

(Став на колени)

А ты, дражайша мать, героев удивленье,
Великих душ пример, природы украшенья!
Впоследни на меня без строгости взгляни
И памяти моей по смерти не кляни;
Мне рок противник был.

И о а н н

(в сторону)

Что мыслить мне, не знаю,
О чувствах, что в душе теперь я ощущаю.

(Быстро к воинам)

Тому ли, кто мечом со славой управлял,
Победу кто мою собой лишь колебал,
Тому ли быть в цепях, тому ль знать униженья?
Снимите цепь с него.

Снимают цепи.

М и р о с л а в

К чему мне уваженья
Врага отечества!.. мне злость твоя милей.

М а р ф а

(с восхищением)

Борецких кровь в тебе, герой души моей!
Постыдна данна жизнь губителем свободы.

И о а н н

Иль ненависть ко мне сильней в тебе природы?
Иль чаешь удивить гордынею своей?
Терпенье истощить могу в душе моей.

М а р ф а

Я зрю — тебе души неведома той сила,
Котора б пред царем, что мыслит, говорила;
Обыкнув похвале и лести лишь внимать,
Ты мнишь, что я ищу владыку удивлять.
Противной мне хвалой польщусь ли я твоею?

(Указывая на сердце)

Вот здесь моя хвала — потомство мне судьбою.

И о а н н

Всему есть в мире срок, положенный судьбой;
Прошел срок гордости — вы пали предо мной.
Спасти не чаешь ты днесь сердцем непреклонным
От плена Новый-град, лишь хочешь зреть виновным
Меня пред светом ты, перед душой моей:
Я вижу лютый яд весь зависти твоей,
Зрю ясно мысли ков посадницы лукавой.

М а р ф а

Не льстися, Иоанн, не льстись сей трудной славой,
Чтоб зависть ты возмог в Борецкой возродить.
Не можешь ты, как я, отечество любить.
Ты любишь трон и власть — а я люблю свободу;
Ты помнишь, что ты царь, — забыла я природу;
Корону ты хранишь лишь только для себя —
Гражданам Новграда хранила вольность я;
Величием себя ты только окружаешь
И славу лишь себе в потомстве созидаеть —
Я славы Новграда искала лишь одной, —
Суди ж теперь, из нас кто более с тобой?

И о а н н

Неправо обо мне, неправо ты мечтаешь,
И царской должности, Борецкая, не знаешь.
Лишь счастьем подданных скиптр царский позлащен;
Царь славой не своей, их славою почтен:
Где славен государь, там подданные славны
И выгоды царя со подданными равны.
Прибавь мне луч к венцу, Борецкая, собой,
Столицу мне укрась столь славною женой,
У трона царского будь глас благотворенья,
Обширных Росских стран примай благодаренья;
От трона при тебе зла хитрость поползет,
Со мною раздели величье, славу...

М а р ф а

Нет!

И о а н н

Тебе, о Мирослав, герой правдиво чтимый!
Тебе, герой, вручу полки непобедимы;

Мстить предков наших честь с тобою мы пойдем,
Татарам огонь и глад и ужас понесем;
Известна мне твоя в боях отважность львина;
Тебя уж я люблю как собственного сына;
Мы славу разделим и удивим весь свет.
Ты плачешь. . . Мирослав. . . вот меч! прими ты. . .

М и р о с л а в

Нет,

На гибель я твою меча не принимаю;
Великодушен ты — я местию пылаю.

И о а н н

Неблагодарные, достойные цепей!
Готовьтесь же теперь вы к участи своей!
Один лишь гнев в душе, нет чувства к вам иного.

(Марфе)

Готовься к смерти ты.

М а р ф а

Давно уже готова.
Вот почесть, от тебя люблю которую ждать.

М и р о с л а в

Вот дар, которым царь нас может награждать.

И о а н н

За что, жестокий, ты не терпишь Иоанна?

М и р о с л а в

Я в вольности возрос, — твоя глава венчанна.

И о а н н

Надменны не хотят рассудку днесь внимать;
Заставлю же я их иначе трепетать.
Довольно вас щадил, погибло сожаленье;
Зря люту смерть, явите страх.

М а р ф а

Явим презренье.

И о а н н

Неужель буду я потомством осужден?
Не семя ль бунта в них сражать я принужден?

(Мирославу)

При виде лютых мук, терзанья членов злого,
Услышу, что речешь, услышу я. . .

М и р о с л а в

Ни слова.

И о а н н

(в сторону)

Какими чувствами я внутренне борюсь!
О сердце! Царский сан! меж вами я делюсь.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Димитрий.

Д и м и т р и й

Отводна стража днесь, над градом надзирая,
Схватила ратника; он, стогны пробегая,
Чтоб грамоту вручить, Борецкую искал.
Вот грамота сия.

М а р ф а

(в сторону)

Последний луч пропал
Надежды для меня.

И о а н н

(прочитав грамоту, подает ее Борецкой)

Разрушь теперь мечтанья,
Погибши зря в тщете надменны упованья:
Псковитяне меня умеют почитать.

М а р ф а

(пробежав глазами грамоту, раздирает ее и бросает)

Почтеньем подлых душ лишь можно презирать.
О малодушные, рожденны пресмыкаться
Во прахе и вовек рабами называться!

Я помощи прошу — советы мне дают
И, руки протянув, цепей смиренно ждут!

И о а н н

Борецкая! ты зришь, исчезли все препоны
С престола подавать в Новграде мне законы.
Коль то несчастьем чтишь — судьбине покорись
И выше рока быть пустой мечтой не льстись.

(Показывая на Мирослава)

Я жизнию твоей, его располагаю!
Страшусь жестокости и милость предлагаю.
Безумно буйствовать и жертвовать собой
В угоду гордости — нет славы никакой.
Гордыня с дерзостью царей не убеждает;
Она их строгости пред светом оправдает.
Не требуй от меня, что выше наших сил.
Новград я не один собою победил;
Сыны российские участники мне были:
Не мне, отечеству сей кровью град купили;
А пользы общества священны для царей:
Им мы должны внимать, не прихоти своей.
Не властен я отдать вам буйныя свободы;
Я для народов царь, не для меня народы.

М а р ф а

Не знаю, для кого сей создан богом свет;
Борецких нет царю, царя Борецким нет.

И о а н н

Рассудку внять здесь вас теперя я оставляю,
Чрез час покорности безмолвной ожидаю.
Пред дерзостью страшусь я позабыть мой сан;
Теперь еще я царь — но стать могу тиран.

(К военачальникам)

Сопутники в боях, сопутники мне к славе!
Еще не все у ног враги моей державе:
Готовьтесь нести Ахмату ярый гром;
А молнии с тобой мы, Холмский, понесем.

Военачальники отходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Иоанн, Холмский, Марфа, Мирослав, стража.

Иоанн

Ты знаешь, Холмский, чем средь славы
я терзаюсь;
Ты ведаешь, о ком душою сокрушаюсь...
Пойдем, употребим старанья все с тобой;
(вздохнув)

Потщимся соединить со славою покой.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Марфа и Мирослав.

Марфа

К чему вы, небеса, Борецких осудили!
В Новграде казни мне и милости сулили.
Почто, мой сын! почто меча ты не приял?
Почто тирану здесь ты сердца не терзал?
Почто ты не дал мне последней сей отрады,
Чтоб зрела я его померкши, томны взгляды
И испускающа последний тяжкий вздох,
Предтечу смерти злой?

Мирослав

Хотел — но, ах! не мог.
В растерзанной душе ужасный глас вещает:
«Не поражай царя» — и сердце замирает!
Страшусь движений я, что в сердце днесь моем;
Ищу в нем прежних чувств, встречаюсь лишь
с царем.
Свободу мне еще всё здесь напоминает.
О ужас! а твой сын... ах! как твой сын
страдает!..

Марфа

Страданий не дадим царю мы наших зреть.
И что нам в жизни?

М и р о с л а в

Я умею умереть;
Но смерть какая нам готовится судьбою!
Не о себе крушусь: коль я не пал средь бою,
Я должен быть казнен, — но ты, дражайша мать!
На плахе ли должна дни славные скончать?
Тебе ль поносну казнь, тебе ль знать поруганье?

М а р ф а

Не казнь поносна нам, поносно злодеянье.
Отечество люблю, свободу горжусь,
Вся жизнь моя чиста — потомства не боюсь.

М и р о с л а в

Все добродетели на плахе погибают,
А небеса на то в безмолвии взирают!
Борецкого жена! . .

М а р ф а

И Мирослава мать,
Как жизнь свою вела, так станет умирать.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Феодосий.

Ф е о д о с и й

О стыд! ужасный срам! о люто поношенье!
Исчез Новград, исчез! . .

М а р ф а

Иль ново злоключенье?

Ф е о д о с и й

Ужаснейшая весть твой слух днесь поразит.
О небо! можно ль нам до сих минут дожить?
В Новграде нет людей, рабы лишь в нем остались.

М а р ф а

Ужели всех граждан на плахах дни скончались?

Ф е о д о с и й

Живут они еще, к бесславию живут,
И, в вольности родясь, царя отцом зовут.
Царевы тайные друзья их утешают
В потере вольности и благо обещают:
Иному почестями, другим богатством льстят,
И малодушные в восторге уж хотят
Днесь скипетр Рюрика, державу Ярослава
Тирану поднести.

М а р ф а

Навек померкла слава,
Новгородской вольности и память пропадет.

М и р о с л а в

Новград в стыде погряз, а Мирослав живет!

Ф е о д о с и й

Любезна дочь моя и внук, душе любезный!
Борецкой ли, тебе ль влачить век бесполезный?
Незлобным оком зреть нам лъзя ли торжество,
Где гордый наш тиран, как ново божество,
В величии явясь, веселья полным взглядом
Покажет нам: я царь желанный Новым-градом?

М а р ф а

О стыд!

М и р о с л а в

Вадим, Вадим! как тень твоя то зрит,
А Новград в пламени с народом не горит!

Ф е о д о с и й

Подобен будь ему, люби, как он, свободу,
И возврати ее ты нам, себе, народу!
Ты можешь, Мирослав!

М и р о с л а в

Могу?.. Могу!.. вещай,
Терзанья ли мои от бед спасут сей край,
Мученья ль адские и вечные напасти...
Готов на всё, готов!

Феодосий
(подавая ему кинжал)

Рви сердце ты на части
Тирана! — Но что зрю?.. бледнеешь ты!.. Ступай
К ногам его.

Марфа
Мой сын!..

Феодосий
Борецкой сын!..

Мирослав
(трепеща)

Подай!

Феодосий
Клянись здесь тенями Борецкого, Вадима,
Клянись верою, что свято нами чтима,
Изменника всех прав, клянись нам, карать!

Мирослав
(в сторону)

О Иоанн!..

(Вслух мрачно)

Клянись измену наказать.

Марфа
О чадо славное героев знаменитых!

Мирослав
(в сторону)

Страшуся чувствий я, во внутрь души сокрытых.

Феодосий
(в сторону)

Насыться, злоба, ты и погуби меня,
Лишь враг бы предо мной кончал злу жизнь, стена.

(К Мирославу)

Сокройся до минут, назначенных для славы;
Здесь царские друзья, пронырливы, лукавы,

Во пламенных глазах намеренье прочтут,
Предупредят удар и тайну извлекут
Мученьями...

Марфа

Тогда Борецкия рукою...

Феодосий
(Мирославу)

Иди. — Борецкая, останься здесь со мною...

Мирослав уходит.

ЯВЛЕНИЕ 10

Феодосий, Марфа.

Феодосий
(тайнственно)

Пускай сей юноша тирану грудь пронзит,
Иль кровию его себя царь обагрит.
Удар твоей руки мои расстроит ковы;
В ударе юноши царю мученья новы.
Тут тайна важная, глубоко скрыта мной;
Наступит час, ее открою пред тобой.

Марфа

Родитель мой! почто...

Феодосий

Ступай ты к Мирославу;

Тверди ему, чтоб зрел он в царской смерти славу.

Марфа уходит.

ЯВЛЕНИЕ 11

Феодосий
(один)

Лютее ль тигра я, коварнее ли змей?
Одна ли месть живет теперь в душе моей?
Хоть Мирослав и сын царя — но сын Пламены;
Она мне дочь была... Но что?.. в душе премены!..

Я жалость чувствую... и слезы грудь кропят!
Прочь чувство слабых душ!.. прочь! — Мне ли
жалость знать?

Осьмнадцать лет я сей минуты дожидался,
Уж близким зрю успех — и тут чтоб колебался!
Нет! Нет! падет тиран иль сына поразит,
Напасть его иль смерть меня возвеселит.
Сыновней коль рукой на троне он сразится,
Взор умирающий ко мне коль обратится —
О сладкий вид душе!.. Коль рок его спасет,
Мне всё равно — так сын его рукой падет.
О сыне в радости услышу я стенанья,
Чело печальное, тяжелы воздыханья,
Тоску сердечную, забытый трон, венец,
Исчезнет в нем герой, восстонет лишь отец.
Ни в чем отрад не зря, в слезах и сокрушеньи
Изведает тиран родительски мученьи,
Узнает, каково чад милых проклинать,

(в слезах)

Узнает, каково мне было дочь терять.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет ту же площадь, на коей уже не видно памятника Вадимова, ни башни с вечевым колоколом; на ступенях стоит царский трон.

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа, Михаил, народ.

Марфа

Что зрю?.. в Новграде ль я?.. здесь трон, здесь...
о судьбина!..

О поношенья верх!..

Михаил

Лишь только ты едина
Зришь поношение при троне и напасть;

Народ иначе мнит: его счастлива часть.
Под кроткой сению премудрыя державы
Не будем мы служить твоей орудьем славы;
Свободой ослеплять не будешь ты сердца;
Не будешь проклинать и трона и венца
На то лишь, чтоб самой нам подавать законы.
Что в вольности, коль в ней ко счастью препоны!

М а р ф а

Тебе ль о вольности, тебе ли рассуждать,
Рожденный рабствовать, отечества не знать,
Кумиром злато чтить, изменой ухищряться,
Не человекам, но змиям уподобляться?

М и х а и л

Коль в мыслях я твоих свободе изменил,
От пламя град, граждан от бед я тем хранил.
Ты к смерти им пути отверстые казала,
Надменность буйную ты славой называла
И, ослепя народ набором пышных слов,
Поставила ему всех бедствий лютых ков.
Стенящи зри уста, полмертвы, бледны лица!
Отцы здесь без детей, там без мужей вдовицы;
Тут — в вечном сиротстве оставшихся птенцы.
Со тронем ли венец всеобщих зол творцы?
Нет! гордость Марфина, гнездяшась буйность в нраве,
Любовь к одной себе, алчба к своей лишь славе,
Народ! вот что у вас похитило детей,
Супругов, женихов, родителей, друзей!

М а р ф а

Не мнишь ли, подлый раб, что Марфа оправдаться
Помыслит в клевете? — Нет! — лишь тобой гнушаться
И сожалеть народ, кой духом столь упал,
Что речь изменника без ярости внимал, —
Вот всё, что можно ей. . .

М и х а и л

И дни скончатъ от казни.

М а р ф а

Изменникам, как ты, даны смертей боязни. . .
Когда бы я могла унизиться душой

И другом стать царю, — ты б ползал предо мной.
Но к рабству ненависть в Борецкой столь велика,
Что дружба всех царей была бы ей улика.

Слышны трубные звуки.

М и х а и л

Народ! уже приспел, приспел желанный час:
К семейству русскому днесь царь причислит нас;
Вы в благостях его блаженство обретете.

М а р ф а

Злодей! — Куда ж, судьбы, вы громы бережете?

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, Иоанн, Холмский, Образец, Димитрий, Мстиславский.

Перед Иоанном хор из юношей обоого пола с корзинами цветов и с венками; за юношами опричники цареви; народ и Михаил становятся на колени, Марфа остается на ногах.

Х о р

Всемощный царь, непобедимый!
Прими под кров твой новых чад;
Да будем мы тобой любимы,
Будь нам источником отрад.

Отцов и братий мы лишились
Твоей ужасною рукой;
Твори, да бури б превратились
Нам ныне в ясны дни тобой!

К победам храбрый дух удобен;
Царю героем мало быть:
Владыка богу тот подобен,
Что счастьем подданных дарит.

М а р ф а

(в сторону)

За вольность падших ли отцов детей я зрю?
О малодушные! — венки плетут царю. . .
Но Мирослав нейдет — как сердце замирает! . .

И о а н н

Любезный мне народ, что ныне окружает
Не победителя, но нежного отца
И будущих вам благ рачительна творца,
Восстань — хощу мой зреть народ не в рабстве
строгом;
Колена же клонить прилично лишь пред богом.
Я тот же человек, хоть саном и велик.
Не унижать народ, любить есть долг владык.
Клянуся небом я, отечеством любезным
Употребить все дни России быть полезным.
Сколь сладко было мне желаньям вашим внять
И царски утвари из ваших рук приять!
(Садится на троне.)

М а р ф а
(в сторону)

О Мирослав! спешి! — минута уж настала...
Почто бездейственность отцу я обещала!..

М и х а и л
(поднося царскую утварь)

Богopodobный царь, принесший злу конец,
Спаситель Руси всей и подданных отец!
Прими скиптр Рюрика, державу Ярослава.

М а р ф а
(в сторону)

Ты медлишь, Мирослав!..

М и х а и л
Твоя да мчится слава...

И о а н н

Окончи льстиву речь и больше не вещай,
А верность ты не мне, полякам обещаи.
В Новграде ты родясь, его быть должен сыном
И благо чтить свое во благе с ним едином,
Отчизне жертвовать всем в жизни, что нам льстит:
Нам вера, честь, нам долг и бог сам то велит.

Не ты ль нарушил все святые те уставы? ..
Зло трону, где вокруг его такие нравы! ..
Не сени Новграду от бури ты искал,
Полякам как его и мне ты обещал.
Из рук твоих приять я утварь отрекаюсь;
Изменой пользуясь, изменником гнушаюсь.
Ты золота хотел, — я радостно металл,
Чтоб меньше крови лить, злодею обещал.

(К воинам)

Златую цепь, друзья, ему вы наложите
И за пределы мне подвластны изгоните.

М и х а и л
(отходя)

Так есть всеильный бог за злобу нас карать!
Уводят Михаила.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Воин под забралом; Воин подает бумагу Иоанну.

И о а н н
Иль время нет на то? ..

Воин под забралом
Нельзя минуты ждать:
Ты здесь в опасности. . .

М а р ф а
(в сторону)
О небо! иль препоны
Еще положишь мне? ..

Х о л м с к и й
Царевы слышу стоны!

Воин под забралом
(в сторону)
Терзается тиран! .. как мой взыграл весь дух! ..

И о а н н
(сходя со трона)

О боже! та же весть!.. О Холмский, о мой друг!
Зло страшно надо мной...

Х о л м с к и й
Иль в росские пределы
Враг тучами пустил калены метки стрелы?

И о а н н
Один несчастен я...

В о и н п о д з а б р а л о м
О сладостная речь!

И о а н н
Мой сын спешит, мой сын мне дни мечом пресечь.

Х о л м с к и й
О, ужас!

И о а н н
Злобный рок!..

М а р ф а
Иль небо мне внимает
И казнь ужаснейшу тирану посылает?

М с т и с л а в с к и й
Кто б ни был враг царю, отечеству тот враг;
Да запечется кровь на хищных сих устах!

О б р а з е ц
Реки, — и смерть найдет везде врага строптива!

И о а н н
Но будет ли душа отцова тем счастлива?

Х о л м с к и й

Не буди столько скор душою, князь, скорбеть,
И сына в сих стенах не можешь ты иметь.

Иоанн бросает на него значущий взор и дает бумагу.

И о а н н

Читай!..

Х о л м с к и й
(*читает*)

«Впоследни царь на солнце днесь взирает,
Сыновняя рука грудь царску растерзает».

В о и н п о д з а б р а л о м
(*в сторону*)

Весь ад в душе его!.. вот так мне должно мстить.

И о а н н
(*к народу со вздохом*)

Сегодня торжеству и праздникам не быть.

В о и н п о д з а б р а л о м
(*в сторону*)

Я буду праздновать!..

М а р ф а
(*увидя Мирослава, в сторону*)

Мой сын!.. близка минута!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Мирослав (вдали театра).

И о а н н
Зрю юношу... тоска в очах!..

М а р ф а
(*в сторону*)

И злоба люта.

М и р о с л а в
(вдали)

О сердце! перестань мой долг опровергать,
Я клятвы дал! — иду! .. иду их совершать.

И о а н н
О рок! что зрю? — то меч в руке его сверкает!

Х о л м с к и й
Он, верно, на царя злой умысл ухищряет.

И о а н н
В каком борении, в беспамятстве, в слезах! ..

М а р ф а
(в сторону)

Уж близок славы час. . .

М и р о с л а в
Темнеет свет в очах,
Рассудок тмится мой! .. я местию пылаю —
К кому? .. к царю! .. люблю его? .. за что? ..
не знаю. . .
И мне ль убийцей быть? .. Но я в том клятву дал;
Нет, нет, я наказать измену обещал.
А кто изменник? .. я! — Не я ли изменяю
И клятвам, что изрек, и чувствам, что питаю? ..
Почто я не могу? ..

М а р ф а
Мой сын! здесь мать твоя! ..
Мирослав бросается на Иоанна.

И о а н н
Возьмите их.
Воины окружают Борецких.

М и р о с л а в
(бросая меч)
Постой! во всем виновен я;
Несчастлива мать моя о умысле не знает.

И о а н н
(в сторону)

Какие ужасы днесь сердце ощущает!

М а р ф а
Я первый враг царю — я замысл соплела
И в пагубу твою сей меч ему дала.

М и р о с л а в
(на коленях)

Не верь, о государь! отчаяньем гонима,
Желает умереть, собой спасая сына.

В о и н п о д з а б р а л о м
(в сторону)

О радость! — в ярости он сына поразит!

М а р ф а
Последних сих минут мой сын не помрачит.
(Подняв Мирослава — к Иоанну)

Виновны оба мы — и оба ненавидим
Тебя, твой трон, венец и в них бесславье видим;
Первейшим чтили бы мы благом на земли,
Когда бы растерзать тебя мы здесь могли
И, в прахе бы влача кровавую порфиру,
Достоину славы месть всему б явили миру.

И о а н н
(спокойно)

Зри ж, Марфа, промысл как всеильного велик:
Не он ли сам хранит незлобивых владык?
Помазанному им он будет лишь судьбою;
Ты ж дружбой пренебречь посмела коль моею,
Нет милостей тебе — рабой должна ты быть!

(Воинам)

Влеките дерзкую цепями отягчить.

М и р о с л а в
О Иоанн! не тми геройския ты славы. . .

Марфа

При гробе ли, мой сын, нам пременять нравы?
О славе ли царей Борецкому пещись?
У матери своей ты чувствовать учишь.
О нем ли сожалеть? — Жалей ты о свободе,
Жалей о Новграде, жалей о сем народе.
В царе ты изверга, во мне пример свой зри.
Живя без подлости, без подлости умри.

(Закалывается.)

Мирослав

Дражайша мать!..

Воин под забралом

(тихо)

О дочь!

Марфа

В свободе жизнь кончаю.

Воин под забралом

(тихо)

Несчастлива дочь моя!.. все чувства я теряю!..

Мирослав

Закрылся ясный зрак!..

(К Иоанну)

Тобой всего лишен,

Над трупом матери тобой пускаю стон;

Тобою чувства я сердечны презираю

И мучусь, что к тебе в них злобы не сретаю.

Гнушаюсь бытием, гнушаюсь сам собой.

Тигр лютей! — зри, куда низвергнут я тобой!

Иоанн

Несчастный юноша! меня ты упрекаешь;

Что ж в сердце у меня, ах! ты того не знаешь.

Мирослав

(в слезах)

Любезна мать!

И о а н н

Приди ко мне, приди, герой!
Будь сыном мне отнынъ. . .

М и р о с л а в
(идет к Иоанну)

О Иоанн!
(Останавливается с ужасом)

Постой!

Здесь матери моей зрак, смертью закрытый! . .

(Бросается на колени перед Марфою)

Преславны подвиги, деянья знамениты,
Любовь к отечеству, кумир своих граждан,
Всех доблестей собор, свободы истукан!
Вот всё, что нам от вас осталось! — О судьбина!
Но что? — ты мещешь взор и упрекаешь сына
В любви к губителю новградския свободы?

(Вскочив с коленей)

Гремит гром.

Мне слышится твой стон! . . гнев слышу всей
природы!
Изменник ты! Вадим с небес ко мне речет,
И в аде уж меня раскаяние ждет! . .
Замолкни, страшный глас, терзающий мне душу!
К царю я дружество иль жизнь мою разрушу!

И о а н н
(в слезах)

О Мирослав, мой сын!

М и р о с л а в
(в мечтании)

Какой сладчайший глас!
Иль сей, что от земли зовет на небо нас?

И о а н н

Прерви беспаятство; не к смерти призываю. . .

М и р о с л а в
(отступает с ужасом)

Оставь меня, оставь!

И о а н н

С слезами умоляю.

М и р о с л а в

О боже! Если ты те чувства осудил,
Что сам в мою напасть в душе сей поселил! . .
Но в скрытность я судеб твоих не проникаю;
Чту свято власть твою, на благость уповаю;
И не могу царя душою не любить, —

А с чувством лъзя ли сим Борецким в мире жить?
Куда ж прибегнуть мне? и где искать спасенья
От сердца моего и вечна поношенья?

Лишился кто всего, стал мир постыл кому,
Есть, есть убежище надежное тому.

Нельзя коль согласить со славой мне покою,

Устроив сам беды — покой себе устрою,

И, не умев к царю злодейства я питать,

Умею сам себя за слабость наказать.

(Вырывая у Иоанна меч из ножен, закалывается.)

Прости, любезный князь!

И о а н н

О небеса! . . спасите. . .

М и р о с л а в

(окруженный воинами, поддерживающими его)

Герои Новграда! за смерть мне жизнь простите.

В о и н п о д з а б р а л о м

Настал теперь, настал торжественный мой час!

(Поднимает забрало)

Красуйся днесь, тиран! дни сын кончает твой,
И сын несчастныя, преступныя Пламены!
Се зришь ее отца!

И о а н н

(узнав Феодосия)

О новградские стены!
Падите на меня! Мой меч тебя сразил,
О мой несчастный сын!.. Увы!.. лишаюсь сил.

(Падает в руки к воинам.)

<1808>

**АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ШАХОВСКОЙ**

Александр Александрович Шаховской родился 24 апреля 1777 года. Происходил он из рода князей Шаховских. Детские годы (до 8 лет) он провел в имении отца, в Смоленской губернии. Образование Шаховской получил в Москве, в Благородном пансионе. По окончании пансиона Шаховской отправился в Петербург и поступил на военную службу в Преображенский полк, куда, по обычаю того времени, он был зачислен еще мальчиком. В 1802 году Шаховской оставил военную службу, выйдя в отставку в чине штаб-капитана.

Шаховской рано обнаружил склонность к литературным занятиям и к театру. Уже в 1795 году на сцене Эрмитажного театра была поставлена его комедия «Женская шутка». Вскоре Шаховской познакомился с директором театров А. Л. Нарышкиным. По предложению Нарышкина Шаховской занял должность члена Репертуарного комитета петербургских театров, в которой состоял с 1802 по 1818 год. С 1824 года до января 1826 года Шаховской был членом Комитета для управления петербургскими театрами.

Энергичную деятельность в качестве театрального чиновника Шаховской совмещал с работой театрального педагога, режиссера-постановщика и драматурга. Особенным успехом пользовались его комедии. В 1804 году появилась комедия Шаховского «Коварный», в которой высмеивались пороки чиновников, а в 1808 году была поставлена на сцене его комедия «Полубарские затей, или Домашний театр». Позднее (в 1822 году) Шаховской написал продолжение «Полубарских затей» — комедию «Чванство Транжирина, или Следствие Полубарских затей».

В первый период своей литературно-театральной деятельности Шаховской сочувствовал классицизму, критически относясь к творчеству вождя русских сентименталистов Н. М. Карамзина и его последователей. В 1805 году на петербургской сцене была поставлена комедия Шаховского «Новый Стерн», направленная против сентименталистов. Позднее, будучи членом Беседы любителей русского слова, Шаховской принимал активное участие в борьбе с ее литера-

турными противниками. Одним из ярких проявлений этой борьбы было представление пьесы Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), содержавшей сатирические выпады против поэзии Жуковского.

В январе 1810 года на петербургской сцене была поставлена трагедия Шаховского «Дебора, или Торжество веры», которая вскоре вышла в свет отдельным изданием. В написании этой трагедии Шаховскому «вспомоществовал», как об этом говорится в предисловии к ней, автор популярной тогда исторической пьесы «Сулъеты, или Спартанцы осьмнадцатого столетия» Л. Н. Невахович.

Вслед за «Деборой» Шаховской написал оперу-водевиль «Козак-стихотворец» (1811), отмеченную чертами народности. Большим успехом пользовалась «новая опера-водевиль» Шаховского «Крестьяне, или Встреча незваных». Этот водевиль был написан на тему войны 1812 года (Шаховской принимал участие в этой войне. Он возглавлял один из полков Тверского ополчения). К числу лучших пьес Шаховского относится его опера-водевиль «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» (1814). Менее удачной была следующая пьеса Шаховского — «Иван Сусанин» (1815). В 1818 году была написана им комедия «Пустодомы».

В конце десятых — начале двадцатых годов XIX века Шаховской отошел от классицизма и примкнул к романтикам. Типичным произведением Шаховского этого периода явилась драма «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне», вышедшая в свет отдельным изданием в 1823 году. В романтическом духе написаны Шаховским (на материале романов Вальтера Скотта) пьесы: «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное Сердце» и «Судьба Ниджеля, или Все беда для несчастного» (1824). По мотивам поэм А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан» Шаховским были созданы «волшебная трилогия» «Финн» и «романтическая трилогия» «Керим Гирей». Позднее Шаховской переработал для сцены и пушкинскую повесть «Пиковая дама». Кроме того, Шаховской написал одноактную комедию «Фальстаф», основывающуюся на двух частях хроники Шекспира «Генрих IV», комедию «Ты и Вы — послание Вольтера, или Шестьдесят лет антракта» и большую историческую пьесу «в древнем роде» «Аристофан, или Представление комедии „Всадники“» (1825).

В тридцатых годах Шаховским была написана романтическая драма «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь» (1836), пользовавшаяся большим успехом у публики.

Умер Шаховской 22 января 1836 года,

ДЕБОРА, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ВЕРЫ

Трагедия в пяти действиях

Сеющий слезами, радостно пожнет.

Псалом 125, стих 5

ЕЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ
МАРЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ НАРЫШКИНОЙ,
ДВОРА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА СТАТС-ДАМЕ
И КАВАЛЕРСТВЕННОЙ ДАМЕ ОРДЕНА СВЯТЫЯ ЕКАТЕРИНЫ

Веками подвиг незабвенный,
Женой великою свершенный,
Когда мой слабый дар являл,
Твой дух, в добре неколебимый,
Был кладезь тот неистощимый,
Где силу чувств я почерпал.
Любовь к отечеству и богу,
Правдивость, добродетель
строгу,
Против безбожных веры жар
Коль я изобразил с искусством,
Твоим животворился чувством
И приношу тебе свой дар.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я молчал до успеха пиесы о сотруднице моем; но теперь, когда публика удостоила ее благосклонного принятия, я почитаю своею обязанностью сказать, что г-н *Невахович*, сочинитель «Сулиотов», вспомоществовал мне не только своими сведениями в еврейской словесности, но даже он (по сделанному нами плану) написал некоторые явления 1-го и 2-го действий, переложенные мною с небольшими переменами в стихи; многие мысли и изречения в роли первосвященника извлечены им из Священного писания; политическая речь Деборы в судилище почти вся принадлежит ему. Итак, я с удовольствием признаюсь пред всеми, что его дарования, сведения и здра-

вый ум много способствовали к успеху пьесы. Я почитаю также нужным сказать нечто и о других участниках в благосклонности публики при представлении «Деборы».

Осип Антонович *Козловский*, по дружбе ко мне, своими превосходными дарованиями украсил и возвеличил «Дебору». Хоры, симфонии, антракты и мелодрама его приводили в восхищение публику и привлекали ко всей трагедии ее благосклонность. Сей любитель музыки (по справедливости могущий стоять наравне с первейшими сочинителями) напитался, так сказать, библейским духом; гармония оркестра производила благоговение, возвышала душу и готовляла зрителей к соучаствованию в действии, происходящем на феатре. Надобно быть автором, чтобы почувствовать всю цену одолжения, оказанного мне Осипом Антоновичем Козловским.

Актеры, игравшие в «Деборе», искусством своим поддержали трагедию и скрыли в ней многие погрешности. Благородство, красота лица и стана г-на *Яковлева*, оживленные душою пламенною и возвышенною, представили Лавидона истинным вождем народа, избранного богом. Ни страсти, ни самые слабости, данные ему сочинителем, не унижали его.

Г-жа *Валберхова* играла роль Деборы; она превзошла мое ожидание. Перипетия, или перелом трагедии, за которую мне предвещали совершенное падение, искусством г-жи Валберховой не только спаслась от предсказанного бедствия, но вспомоществовала успеху пьесы. Стих: «Убийца, трепещи; бог зрит тебя!», произнесенный твердым и вдохновенным голосом и как бы вырвавшись из воспламененной души актрисы, произвел рукоплескания, неоднократно возобновлявшиеся.

Г-н *Щеников*, игравший роль Авирона, соучаствовал очень много в успехе сего опасного явления.

Г-н *Бобров*, всегда и везде полезный и приятный актер, в трудной и неблагодарной роли Хабера показал всю силу своих дарований.

Вот все, что я считал нужным объяснить пред напечатанием «Деборы». Мне бы должно было, по принятым обычаям, защищать себя против критик, сделанных на мою пьесу; но, не видя их в печати, я ничего не могу сказать в мое оправдание. Не быв никем обвинен, я не нахожу приличным отвечать на нелепости, которые сами себе служат лучшим опровержением; сколь много почитаю я просвещенную критику, хотя бы она и осудила мое сочинение, столь мало уважаю пустословие наполнителей еженедельных листков, хотя бы они и хвалили меня.

Князь Шаховской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первосвященник израильский.	Авирон, начальник стражи.
Лавидон, вождь колена Веньямина.	Трое старейшин израильских.
Дебора, супруга его, дочь Аода, судья израильского.	Левит.
Хабер, старейшина израильский.	Воин израильский.
	Хор левитов и священников.
	Старейшины, воины, народ израильский.

Действие происходит во граде Силоме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Феатр представляет израильское предхрамие.

ЯВЛЕНИЕ 1

Хабер, Авирон.

Хабер

О друг! настал сей день, толико мною жданный,
Когда с трудов моих сберу я плод желанный,
Когда Израиля двухнадесять колен
Быть должен предо мной дух буйный усмирен.
Силом, сей град, врагов полками обложенный,
Сей божий храм и весь Израиль удивленный
Узрят во мне царя. Ханаан вождь, Сисар,
Жезл царственный дает Хаберу дружбы в дар.

Авирон

Сисар, сей лютый враг, Израиля губитель?

Хабер

Сисар, великий муж, кичливых усмиритель,
Ведомый алчностью и ухищренный мной,
Творит меня в сей день царем над сей страной.

Авирон

Ты предал нас, Хабер!

Хабер

Теперь познаешь тайну
Толико важную, толико чрезвычайну,

Что даже и тебе не мог поверить я
До дня сего; но днесь, когда судьба моя
Должна тебя со мной возвысить над народом,
Как власть мою над всем израилевым родом
С тобою, Авирон, хочу я разделить:
Наперсник дум моих ты ныне должен быть.
Не ведал их никто, кроме Иеровала;
Но робость низкая в нем дух поколебала;
Он мог мне изменить, за то во гробе он.
Ты зришь ли важность всю сей тайны, Авирон?
Иль слава, или смерть тебя днесь ожидает.

А в и р о н

Или еще Хабер души моей не знает?
Тобой как сын взращен, возвышенный тобой,
Я клялся съединить мой век с твоей судьбой.

Х а б е р

Оставим клятвы мы народу ослепленну,
К обычьям праотцев безумно прилепленну.
Не клятвам верю я, но выгодам твоим.
Познаешь ты меня и не изменишь им.
Погибель наших войск, пленение народа,
Силома бедствия, смерть гордого Аода,
Судьи Израиля, вторжение ханаан
И покорение Сисаром наших стран,
В чем видеть мнит народ единый гнев небесный,
Всё то соделалось не силою чудесной;
Но властолюбием души великой сей.
Израиль днесь падет пред мудростью моей.
В дому Аодовом из детства возвращенный,
Я зреть привык пред ним народ поработенный.
От самой юности к вождю я взревновал
И жаждой царствия с младенчества взалкал;
Любоначалья дух во мне возрос с летами;
Известен сделавшись воинскими делами,
Хоть не был я еще сединой умашен,
Но в старческий совет заслугой помещен,
Я к трону путь отверз погибелью Аода.
Тогда Сисар, сей вождь от Ханаанска рода,
Нам бранию грозил. Я послан был к нему,
Чтоб мир восстановить. Пришел к вождю сему,

Не мнил я исполнять старейшин в том желанья;
Но страсть к владычеству и дух любостяжанья
В Сисаре обрета, его гордыне льстил,
Как царь Израиля союз с ним заключил.

А в и р о н

Но в получении обещанного дара
Чем ты уверишься?

Х а б е р

Тщеславием Сисара.

Поработить себе он хочет дух людей,
Надменность сокрушить Израиля детей,
Разрушить божий дом, Ваала храм воздвигнуть;
Но, зная, что силою нельзя сего достигнуть,
И помыслов своих во мне подпору зря,
Дает мне сан и власть еврейского царя.
Израиль чтоб смирить, пред ним хочу смириться;
Кичливых покоря, пред гордым покориться.
Меж тем, о друг! в сей час первосвященник сам,
Собраться повеля старейшинам в сей храм,
Чтоб наконец избрать преемника Аоду,
Без умышления творит мне то в угоду:
Старейшины меня желают зреть вождем.

А в и р о н

Но, истребляющий врагов своим мечом,
Аода храбрый зять, щит войск, супруг Деборы,
Отважный Лавидон зрит в ратниках опоры
К избранью своему.

Х а б е р

Падет он предо мной.

Привык я управлять сей пылкою душой.
Он может избран быть; но день его избранья
Соделаю ему днем скорби и страданья.
Когда и сам Аод премудростью своей
Не спасся от руки губительной моей,
То Лавидон... Идут. Спешу к вратам близ стана
И жди там вшествия предателя Дафана;
Отдай ему письмо; спешу... Се Лавидон.
Коль избран он вождем, в сей день погибнет он.

ЯВЛЕНИЕ 2

Х а б е р, Л а в и д о н.

Л а в и д о н

(обращаясь к святилищу)

Вступая с трепетом в предхрамие священо,
Несу творцу миров я сердце сокрушенно.
К молитве скорбного склони, о боже, слух!
Щедротой обнови ум здравый, твердый дух,
Влей мужество в сердца, внуши советы правы,
Израиль озари лучом предвечной славы.
Да враг познает днесь твой ярый, страшный гнев!
Избранный твой народ, безбожных одолев,
Сисара сокруша, души благодаренье
К тебе, вселенной царь, прольет во песнопенье.

Х а б е р

Не внемлет нам господь, и гнев его свершен:
Погиб Иаковль дом, Израиль покорен,
Спасения нам нет...

Л а в и д о н

Хабер, мы не во гробе;
Противустать еще безбожных можем злобе;
Израиль не погиб, доколе живы мы.

Х а б е р

Но град сей облегли полков безбожных тьмы.
Придвигнуты к стенам огромные бойницы;
Дружины всадников, стрелки и колесницы
Окрест Силома вход к нам помощи претят;
Уделы многие израилевых чад
Уже покорены: вся гибнет Палестина,
И лютый враг проник в наследье Венямина.

Л а в и д о н

Что слышу я, Хабер? Правдива ль весть сия,
Что враг достиг тех мест, супруга где моя?

Х а б е р

Вещают, что сыны Иуды, Исахара
И Веняминов род признали власть Сисара.

Л а в и д о н

Ужель Деборы нет?

Х а б е р

О ней молва молчит.

Л а в и д о н

Так нет ее в живых, иль цепь ее тягчит!

Х а б е р

Почто толь мрачна мысль...

Л а в и д о н

Дщерь мудрого Аода,
Погибель зрящая Израилева рода,
Не слезы пролила, как слабые сердца;
Но, в чувствах, в помыслах достойная отца,
Делила воинам родительско наследство
И мне рекла: «Иди, спаси Силом от бедства,
Иль храбрую главу за господу сложи.
Закону божию с веселием служи.
Не унывай, о друг! Забудь супругу, сына,
Победой воспрославь потомков Веньямина».
Вот чувства ее и вот ее слова;
А ты вещаешь мне: молчит о ней молва
И Веньяминов род Сисару покорился.
Чьей речью ты, Хабер, в сей вести утвердился?

Х а б е р

Один из пленников, спасенных от врагов,
Гражданам то вещал.

Л а в и д о н

Под тягостью ль оков
Красе Израиля господь судил томиться?
О, мысль ужасная!

Х а б е р

Почто тоской крушиться,
Когда неверна весть? И может быть...

Л а в и д о н

О друг!

Довольно и мечты, чтобы страдал супруг,
Два года с верною супругой разлученный.

Х а б е р

Се старцы к нам идут; предходит лик священный
Первосвященнику; вождя он наречет.

Л а в и д о н

Нам лучший ныне вождь старейшин сих совет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, первосвященник, стражи и левиты.

Левиты предходят первосвященнику; он за ними следует, опираясь
на двух старейших левитов.

Х о р л е в и т о в

Идет облечь во броню славы
Господень раб вождя людей;
Внуши, творец! советы правы
Избранным волею твоей.

Утешь народ свой в день печали,
Поставь вождя детям твоим,
Пред кем бы злые трепетали,
Враги исчезли бы как дым.

П е р в о с в я щ е н н и к

Склоните кроткий слух, о чада Авраама!
К словам служителя сего священна храма.
Свой гнев знаменовал предвечный надо мной,
Обременив меня дней скорбных долготой,
Дабы я видеть мог народ его любимый,
Красою всей земли, людей примером чтимый,
В унижении, в унынии, в плену.
Израиль! возрыдай, познай свою вину;
Зри суд всевышнего; его десница строга
Возносит казши меч; познай во гневе бога,

От коего к себе ты столько зрел щедрот:
От рабства вражеска не он ли спас твой род,
Оземленил моря как сушу пред тобою,
И манной одождил, и оживил водою,
И огненным столпом предшествовал в ношах,
И как орел птенцов носил на раменах?
Не он ли дал тебе закон чрез Моисея,
Которого завет в душе своей имея,
Сын смерти ангелам подобен может быть?
А ты, слепой народ! возмог его забыть.
Колена преклоня пред чуждыми богами,
Язык свой осквернил хулой и клеветами;
Хищением рук своих себя обременил;
От вопля страждущих свой слух ты отвратил;
Не внемлешь гласу вдов, не внемлешь плачу
сирых;
Не внемлет бог тебе.

Л а в н д о и

Увы! в душах унылых
Почто отчаянье ты хочешь умножать?

П е р в о с в я щ е н н и к

Искусный должен врач скорбей причину знать,
Чтоб верное обрести для оных облегченье.
Когда губитель зол народа преступленье
Благоволит карать во ярости своей,
Отъемлет от него надежнейших вождей
И истребляет дух повиновенья к власти,
Тут честолюбие, киченье, гордых страсти,
Расторгнув по частям народный весь состав,
Как вранов смрадный труп, врагов к себе призвав,
Всё добычей творят пришельцев дерзновенных.
Аод, наш судия, врагов иноплеменных
Навиновым мечом, как громом, поражал;
Раздоры внутренни премудростью смирял;
Но пал он от убийц, с ним сила наша пала.
Десница благости при нем нас осеняла;
Но бог отъял ее! Преходит третий год,
Как наш раздорами расторгнутый народ
Преемника вождю избрать еще не может;
И род Израилев свои напасти множит.

Х а б е р

Не могши соединить двухнадесять колен,
Совет наш отложить избранье принужден
До счастливейших дней...

Первосвященник

Меж тем, как огонь палящий,
Как сокрушитель ветр, как гром, с небес разящий,
Сын Хама, божий враг, теснит нас в граде сем.

Л а в и д о н

За божий храм и град, коль должно, все падем.
Кивота благости безбожный не коснется,
Доколь Аврамних чад весь род не пресечется,
Жив бог и дух наш жив; сотрется гордых рог,
Не сокрушится род, его же избрал бог.
Восстанут храбрые, и буйные смирятся.

Первосвященник

Восстанут, но падут, доколь не покорятся
Единовластию; оно кладет предел
Киченью, буйности. Лъзя ль ждять великих дел
От чад земли, когда различные их страсти
Не управляются жезлом единой власти?
Израиль да смирит себя перед вождем...

Х а б е р

И пред вождем одним.

Л а в и д о н

Но где его найдем?
Кто, взятый от земли, имеет сил довольно,
Чтоб в дни крамол владеть народом произвольно?
Иль гибкий может стебель громаду поддержать?

Первосвященник

Кто муравью умел предусмотренье дать
И рамена его под ношей укрепляет,
Кто даром зодчества птиц горних умудряет,
Тот душу укрепит правителя людей.
Да будет здесь наш вождь источник всех властей.
Един на небе бог, и здесь да муж единый
Правленья примет жезл. С Аодовой кончины

Отважный Лавидон хранил господень дом,
Он был Израиля надеждой и щитом,
От юности Аод растил в нем добродетель,
И доблестей его Иаковль дом свидетель
Восхочет с радостью его вождем наречь:
Тверд в правде дух его, ужасен в брани меч.

Л а в и д о н

Да грозный глас трубы зовет меня в сраженье,
Да нечестивых сонм и буйных ополченье
На смертном поприще готовят ратный гром,
Как воин я на бой стремлюсь с моим мечом:
Ни силы вражеской, ни смерти не робея,
За дом Израиля, за веру Моисея
Сложу мою главу; но тот, кто в брани смел,
Быть может ли еще судьей народных дел?
Бесстрашен быв в бою и силен в ратном поле,
К правлению людей я сил имею ль боле,
Чем старцы все сии, покрыты сединой?
Я млад, и страсти все еще владеют мной.

Х а б е р

Всего земного чужд быть должен вождь народа.

П е р в о с в я щ е н н и к

В душе чьей никогда не вопиет природа,
Кто чувства умертвил, внушенны богом в нас,
Достигнет ли к тому до сердца сирых глас?
Несчастных оживить тот может ли отрадой,
Исправить грешника советом и пощадой?
Безгрешен бог один. Так лъзя ль, чтобы могли
Земного чужды быть рожденны от земли?
Создав нас слабыми, творец всего предвечный
Нас милует, как чад; в щедротах бесконечный,
Немым внушает глас, слепым дарует свет;
Речет ко мертвому — и мертвый восстает;
Воззрит на слабого — и слабый укрепится.

Х а б е р

Твоею речью кто из нас не убедится?

(К Лавидону)

Прими, о вождь людей! лобзание мое.

Лавидон

Молю тебя, Хабер, да дружество твое
Поможет мне нести правленья тяжко бремя.

Хабер

В усердии моем тебя уверит время.

Первосвященник

Избрав вам судию, сокроюся во храм,
Дабы душевныя молитвы фимиам
Вознестъ к всевышнему; да укрепит во брани
Вождя израильска победоносны длани,
Да сокрушит пред ним кичащихся врагов,
Рассеет злых совет и отженет льстецов.
О старцы мудрые! гласите вы народу,
Что избран Лавидон в преемники Аоду,
Что чрез меня его благословит творец,
И я готов принять здесь клятвы всех сердец.
А ты, о храбрый вождь! во внутренности храма,
Среди закланых жертв, в куреньи фимиама,
Иди произнести обет перед творцом,
Что будешь чад его защитой и отцом.
Молитвой к господу во твердость облекися,
Отрей уныние, душою вознесися
Над буйным ропотом бессмысленных людей
И над крамольною кичливостью князей.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Авирон.

Авирон

Глашатай в град пришел от вражеского стана,
Вещая, что Сисар к нам шлет послом Дафана.

Лавидон

Для поруганья к нам Сисар Дафана шлет.
Изменник веры сей в храм божий не войдет;
Нога безбожника сего священна прага
Да не коснется век.

Х а б е р

Он, нам желая блага,
Весть мирную несет во град сей, может быть.

Л а в и д о н

Изменник может ли нам счастье возвестить?

Х а б е р

Он мог раскаяться и убедить Сисара
Над нами не свершать конечного удара.

Л а в и д о н

Да внидет он во град; но я не буду зреть
Того, кто мог закон отцов своих презреть,
Кто богу изменил, чтит идолов бездушных.
Хабер! ты в чувствах, всегда уму послушных,
Найдешь довольно сил, чтоб, укротя свой гнев,
Беседовать с послом, отступника презрев.
Иди, познай, чего от нас Дафан желает,
Какие новые нам сети расставляет;
Иди, скажи ему, что им забытый бог
Кость грешных сокрушит, сотрет гордыни рог,
Что злобных торжество ничтожно, скоротечно;
Но казнь ужасна их и сокрушенье вечно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Старейшины, народ и потом Лавидон.

Во время жертвоприношения старейшины и народ входят на феатр и музыка раздается во внутренности храма; а в продолжение хора занавес открывается и народ падает на колена.

Х о р

Моления сердца сокрушенна
Внемли, в щедротах дивный бог;
Да жертва, ныне воскуренна,
Достигнет в горний твой чертог!

Избранному твоей десницей
Во бранях силу ниспошли;
Да славой бога, как денницей,
Он озарит лицо земли!

Лавидон
(стоящий на коленях пред жертвенником)

О бог моих отцов, господь всея вселенной!
Ты утверди во мне дух, скорбью утомленный;
Рассей рассудка мрак, уныние души,
Терпенье ниспошли и правый суд внуши.

Трио или соло
В нем сердце умягчи к слезящим,
Склони к советам правым слух;
Нельстивый суд пошли к молящим
И укрепи в законе дух.

Первосвященник препоясывает Лавидона Навиновым мечом.

Хор
Мечом Навиновым во брани,
Пред ним развей врагов, как прах.

Первосвященник дает Лавидону золотой жезл и обнимает его.

Хор
Да будет жезл вождя во длани
Опорой правых, грешных страх.

Хор общий
Прославь, о вождь! народ избранный,
Безбожных гордость сокруши,
Твой дух великий, храбрый, бранный
В господних воинов внуши.

ЯВЛЕНИЕ 2

Лавидон, первосвященник, старейшины, народ.

Первосвященник

(по окончании обряда постановлений сводит Лавидона и становится между столпов, отделяющих храм от преддверия)

Народ израильский, народ, избранный богом!
Господь и царь небес в твоём страданьи многом
Надежду к счастью, вождя тебе дает.
Как кедр ливанский, он главу свою взнесет
И ветви распрострет над Авраамлим родом.
Вам будет он щитом, покровом и оплотом
От вражьих стрел, от бед и от наветов злых.
Всевидец, вняв ему, спасет людей своих.
Покорствуйте вождю, в нем чтите власть священну,
Чрез божия раба творцом ему врученну:
Да не дерзнет никто кичиться перед ним.
Бог сил дал казни жезл избранныкам своим;
Их гнев крушитель, их суд правдив и страшен.
А ты, о Лавидон! величием украшен,
Не уповай вовек на меч, на копие,
Не шлем и не броня спасение твое:
Твоя надежда — бог; твой щит — закон господень;
Гряди по нем и будь всевышнему угоден.
О старцы! ваш совет ему да будет благ;
Единодушствуйте, и сокрушится враг.

ЯВЛЕНИЕ 3

Лавидон, старцы и народ; потом Хабер.

Лавидон

Господь моих отцов, о други! мне свидетель,
Колико жажду я быть ваших благ содетель;
Но то докажут вам дела мои, не речь.
Не тщетно на бедре моей Навинов меч;
Сей меч боязнь врагов, безбожников крушитель,
Быть может, в сей же день Израиля спаситель,
Когда не вовсе бог еще оставил нас.
О други! бодрствуйте. Трубы рожаной глас

Вас к брани призовет. Идите, ополчитесь,
Вперите в бога мысль и верой укрепитесь.

Народ уходит.

О старцы мудрые! да ваш благий совет
Вождю Израиля откроет правды свет,
Да он деяньями моими управляет;
Я предаюсь ему. Хабер к нам поспешает:
Взор радостен его...

Х а б е р

Еще господь к нам благ.
Ликуй, Иаковль дом; смирился лютый враг.
Щадит он наш закон, нам отдает свободу
И другом хочет быть еврейскому народу.

Л а в и д о н

В замену дружбы сей что требует Сисар?

Х а б е р

Он нам царя дает.

Л а в и д о н

Какой ужасный дар!
Царь, избранный врагом, — ярем и бич народа.
Ханаан раб царем Израильского рода
Не может быть, Хабер.

Х а б е р

Не может быть: ты прав;
Но победитель, чтя заветный наш устав
И чтоб нам данный царь народу был угоден,
Еврея наречет...

Л а в и д о н

Иль тот не враг господень,
Кто друг его врагам?

Х а б е р

Услышь, о Лавидон!
Рыдание вдовиц, плач сирых, старцев стон,

Погибель храма зри, зри веры разрушенье
И отвергай потом сие одно спасенье.

Л а в и д о н

Еще спасенье есть.

Х а б е р
Какое?

Л а в и д о н

Ратный бой.

В нем дастся нам не царь, но смерть врага рукой.
Честна во брани смерть, не имут мертвы срама.

Х а б е р

Но смертью не спасем от сокрушенья храма,
И род Израилев сотрем с лица земли.
Не пылкости души, рассудку ты внемли;
Забудь, что власть твоя народом управляет.

Л а в и д о н

Иль властолюбием Хабер мне упрекает?

Х а б е р

Не знает кто тебя, тот может только мнить,
Что ты, желая власть верховну сохранить,
Не признаешь царя. Старейшин сонм уверен,
Что ты гордыни чужд; но, быв во всем чрезмерен,
Твой храбрый дух не зрит иных к спасенью средств,
Как тех, где более опасности и бедств,
Где славу можешь ты обрести своею кровью.
Ах! убедися днесь к отечеству любовью;
Зри слабость наших сил; спаси господень храм.

Первый старейшина

От мести ханаан не дай погибнуть нам.

Второй старейшина

Смирись, о Лавидон, пред волею Сисара
И, пылкость укротя воинственного жара,
Признай, признай царя.

Третий старейшина

Господь оставил нас;
Спаси его народ.

Лавидон

Я успокою вас.

Хоть знаю, что врагов бесчисленны силы в поле
Не так опасны нам, как враг наш на престоле;
Но я, покорствуя, приемлю ваш совет.
Не трепет от угроз мой дух теперь мятет;
Не повинуюсь губителя велению,
Но, старцы, вашему внимаю я моленью.

Хабер

Великия души наш вождь явил пример:
Восславим мы его...

Лавидон

Оставь хвалы, Хабер.

Слагая власть вождя, я сверг мне тяжело бремя;
Но стою ли похвал, то нам докажет время:
Оно, всех наших дел нельстивый судия,
Быть может, отягчит проклятием меня.

Хабер

Я на главу мою проклятие снимаю;
Но клятвой утвердить совет наш умоляю.
Клянися обуздать всей властью твоей
К крамолам, к ропоту наклонный ум людей.

Лавидон

Клянуся Скинией, законом Моисея
Признать во всяком том народного злодея,
Кто вашей мудрости себя не подчинит
И возмущенья дух в народе возродит.
Из всех возможных зол зло самое ужасно
Народа буйного стремленье самовластно;
Но я клянусь его порывы обуздать
И возмутителя на люту казнь предать,
Кто б ни был он.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Авирон.

Авирон

О страх! во граде возмущенье;
Повсюду слышен стон и зрится оружье:
Дафан на торжище народом захвачен,
Поруган, посрамлен, в оковы заключен.

Хабер

О Лавидон! тебе я клятвы вспоминаю.

Лавидон

Кто сей возжег мятеж, тому я казнь вещаю.
Народ забыть свой долг не может сам собой;
Но кем он возмущен? ..

Авирон

Неведомой женой.

Лавидон

Женою! Кто она и что крамол причина?

Авирон

Вешают, что она от рода Веньямина,
В нощи сквозь стан прошла, с зарей вступила
в град;
Величественный вид, воспламененный взгляд,
Глагол пророчества народ к ней привлекает:
Она гласит, и всяк ей с жадностью внимает.

Лавидон

Из родины моей пришла сия жена!

Хабер

Какая мысль ее?

Авирон

Вещает всем она,
Что гибель наших стран невольно совершится,
Когда против врагов народ не ополчится;
Что нас здесь предадут под иго ханаан.
Ей, так вещающей, представился Дафан,

Смятенъем привлечен. «Се козней знак неложный, —
Возопиет жена. — Во граде сем безбожный,
Отступник веры сей: чего нам ждать еще?
Сей лютой бога враг пришел к нам не вотще;
Он совещал нам зло». Чтоб укротить смятенъе,
Дафан ей возвестил Сисара предложенье.
«Евреи, слышите ль? — мятежница гласит. —
Царя нам враг дает; сей царь нас истребит».
Народ при сих словах, как львица, пробужденна
Рыканьем детища, ловцами уловленна,
Вскричал, рассвирепел, стеснился вокруг посла:
От смерти лютой жена его спасла,
Глаголом властвуя над разумом народным.
Усилъе наше всё соделалось бесплодным;
Мы не могли посла от уз освободить
И буйный сей мятеж в начале прекратить.

Л а в и д о н

Я прекращу его...

Х а б е р

Постой, куда стремишься?

Л а в и д о н

Исполнить клятвы долг.

Х а б е р

Или ты не страшишься
Народа буйности, неистовства его?

Л а в и д о н

Хабер, страшуся я лишь бога одного.

Х а б е р

Желая бунт пресечь единой грозной властью,
Усилить можешь зло ты вящею напастью.
Жену от сонмища нам должно отлучить.
Народ, не зря ее, свой может дух смирить
Пред теми, коим он привык повиноваться;
По стогнам мы пойдем, ты должен здесь остаться;
Мы, там склоня свой слух мятежницы к речам,
К первосвященнику пошлем ее во храм,

Да убедит его пророческим вещаньем.
Ты кончишь здесь мятеж преступницы караньем.

Л а в и д о н

Идите мудростью волнение пресечь;
Чтоб правый суд свершить, готов здесь казни меч.

(К вошедшим воинам с Авироном)

Да вступят воины — свершители каранья.

Х а б е р
(к Лавидону)

Будь чужд прельщения, страшися состраданья:
Ты клятвы произнес.

Л а в и д о н

Исполню клятвы те.
Какой того прельстить удобно красоте,
Деборы образ кто в душе своей имеет?
Тот сам участник зол, злодеев кто жалеет.

Х а б е р
(к отходящему с ним Авирону)
Еще единый шаг, и мы на трон взойдем.

ЯВЛЕНИЕ 5

Л а в и д о н о д и н .

Л а в и д о н

Сколь удручителен правительства ярем,
Я ныне то познал; а люди ослепленны,
Наружной пышностью величия прельщенны,
Жаление, любовь, честь, правды глас мертвят,
Ни кровных, ни друзей, ни братьев не щадят,
Чтобы похитить жезл сей власти безотрадной.
Кичливы буйные! прострите взор ваш жадный
К едва избранному правителю людей,
Узрите вы души страдание моей
И возжадайте вновь мучительной сей власти.
Едва я вождь людей, как должен их напасти
Напастью горшею, быть может, заменить:

Врага признать царем, казнь лютую свершить
Над слабою женой. Усердьем ослепленный,
Я клятву произнес; сей клятвой отягченный,
Я должен то творить, что проклинал в других.
Теряется мой ум в волненьи чувств моих.
К кому прибегну я? Где обрету я друга?
О, мудрая жена, о, верная супруга!
Дебора! ты одна, твой дружеский совет
Во мраке горестей являл мне правды свет:
Но нет тебя со мной. Где ты? О мысль ужасна!
Быть может, ты в сей час губителям подвластна,
В работе вражеской, в томлении, в плену...
Могу я спросить о ней сию жену;
Она из наших стран: так, будет мне отрадой
С ней о Деборе речь; а я за то наградой
Мучительнейшу казнь соделать должен ей.
О клятва страшная, о лютый долг вождей!
Се входят воины для казни совершенья;
Скрепись, моя душа, будь чужда сожаленья.

ЯВЛЕНИЕ 6

Лавидон, Авирон, воины.

А в и р о н

Мятежница, узнав, что избран ты вождем,
С веселием идет предстать во храме сем
Перед тобой. Хабер, смиряющий волненье,
Велел молить тебя, чтоб казнью преступленья
И клятву, и свой долг не медля совершил
И смертью дерзкия огонь бунта потушил.

Л а в и д о н

Иль слабости моей Хабер всегда страшится?
Я клятвы раб. Едва мятежница явится,
Влещи ее на казнь ты должен за собой.

А в и р о н

И се она идет.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Дебора.

Лавидон

Дебора! Боже мой!..

*(К воинам, стремящимся схватить Дебору по знаку,
данному Авироном)*

Остановитесь; страшитесь, смерти чада:
Низвергну я того во преисподни ада,
Кто прикоснется к ней; бегите.

Дебора

Лавидон,
Что значит ужас сей? Ты выпускаешь стон,
Трепещешь, от меня ты взоры отвращаешь,
И воины сии...

Лавидон

О чем ты вопрошаешь?
Что хочешь знать? Беги; оставь, оставь сей град.
Здесь ужас, казнь и смерть; здесь обитает ад:
Страшися клятв моих, страшись меня, Дебора.

При сем слове Авирон уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Дебора, Лавидон.

Дебора

Тебя страшиться? Нет, бессильных ты опора,
Вождь, богом избранный, народа твердый щит:
Рука твоя в сей день Израиль воскресит.

Лавидон

Израиль гибнет днесь, и ты тому причина.
Почто не скрылася за горы Веньямина?
Почто в Силом пришла ты возмущать народ?

Д е б о р а

Любовь к отечеству, из гроба сам Аод
И ангел мщения мне путь сей указали;
Они мне мужество и силу ниспослали.
Я с ними протекла безвредно вражий стан,
Чтоб к славе оживить унылый дух граждан;
А мой супруг и вождь еврейского народа
Мятежницей зовет дочь мудрого Аода.
Увы, могу ль сию обиду перенести!
О дом Израилев! твоя погибла честь,
Осиротел твой род, твой вождь тебя отрекся;
Во вретнице рабов, не во броню облекся;
Вериги тяжкие, не меч в его руках;
Унынье робкое, не гнев в его очах.
Нет, не тебе Аод супругой дал Дебору;
Не ты тот юноша, кто на священну гору
Вознесся прежде всех к каранию врагов;
Не ты в сей твердый град и в дом моих отцов
Был на щитах внесен при торжестве народа.
Нет, тот не предал бы Израилева рода,
Кто с славой за него пролил безбожных кровь,
И робостью б мою не посрамил любовь.

Л а в и д о н

Дебора, речью сей ты душу мне терзаешь.
Меня ль ты робостью бесчестной упрекаешь?
То сердце, где навек запечатлен твой вид,
Постыдным чувствием себя не посрамит;
Но вняв старейшин глас, зря гибель Палестины,
Бессилье наших стран и лютый гнев судьбины,
Необходимостью единой побежден,
Я клятву дал. Увы! Почто не поглощен
Я прежде был землей, чем клятву ту ужасну
Язык мой произнес? Почто в страну несчастну
Пришла, Дебора, ты?

Д е б о р а

Так, из твоих речей
Проникла я весь мрак ужасной клятвы сей;
Ты должен... Но есть бог, и трепет твой напрасен,
Одним преступникам во гневе он ужасен;

Преступница ли я, познаешь ты, внимай,
Суди мои вины и долг свой совершай.
Когда, на брань ишед, расставшись со мною
И с сыном, ты меня оставил сиротою,
С тех самых пор в слезах унылы дни вела;
В единый утра час из града я исшла
И уклонилась под тению древесной
На самой той горе, где, силою небесной
Приосеняемый, великий мой отец
Моавлян поразил и истребил вконец;
Там, от сует мирских душою отделенна,
Молитвой теплою к всевышнему взнесенна,
Я упование в несчастьи обрела.
Три дни я токи слез молитвенных лила,
В четвертый смутный сон смежил мои зеницы:
В дремоте зрится мне свет юныя денницы,
Земля и небеса в чудесной лепоте;
На ветренных крылех несомый в высоте,
Лучами венчанный, одеян дивным светом,
Явился ангел мне; рассекши твердь полетом,
Он манием меня вознес ко облакам;
«Зри долу», — возгласил; открылся мир очам:
Узрела я сей град, змиями окруженный,
И мужа страшного, со светочей возжженной,
Бегуща пламенем объять господень дом;
Вихрь раздувает огонь, дымится весь Силом.

Л а в и д о н

О ужас! продолжай.

Д е б о р а

Мой дух восколебался;
Я пренеслась туда, где мой отец скончался,
Где, спящий на одре, он был мечом пронзен.
Явился мне Аод, лежащ, окровавлен,
Из раны на груди кровь чермная клубилась;
При страшном виде сем душа моя смутилась,
Вздымалися власы, пролился в жилах хлад:
Я пала пред отцом. Открыв померклый взгляд,
Стон тяжкий испустя, с одра окровавленна
Подъемлетя Аод: се ты, о тень священна!
Я зрю еще тебя, еще твой слышу глас,

Вещающий ко мне: «О дочь! иди в сей час
Во град Силом: там враг готовит бедства новы;
Убийцы моего разрушь безбожны ковы;
Иди перед народ; в нем бодрость оживляй;
Сквозь вражий стан твой путь; мужайся, уповай».
Он рек и той рукой, которой сверг Эглома,
Благословлял меня; как вдруг ударом грома
Прервался дивный сон; и зрю я пред собой
В щелы раздробленный небесною стрелой
Огромный, крепкий кедр, сын древний многих веков.
Сим чудом подтвердил отец всех человеков
Мой таинственный сон; он в душу мне излил
Восторг предчувствия и дал мне крепость сил,
С которой я сквозь стан безбожных проступила,
С зарей вошла в сей град и бога возвестила.

Л а в и д о н

Дебора, я страшусь, когда сей чудный сон
Был тщетная мечта.

Д е б о р а

Мужайся, Лавидон;
Низвергший древний кедр, смеживший воев вежды,
Чтоб охранить мой путь, бог силы и надежды
Трикратно мне во сне являл призра́к отца,
Склонял народный слух и отверзал сердца
К словам моим, его ж премудростью внушенным.
Весь Веньяминов род, со рвением душевным,
Течет за мною вслед спасать сей божий град,
Где обвиненна я, где смертью мне грозят.
Ты прав, родитель мой: одни толпы народа,
Не познав во мне дочь мудрого Аода
И в первый раз меня непокровенну зря,
Внушили речь мою, усердием горя;
А мой супруг, увы! сомнением мятется!

Л а в и д о н

Дебора! Ах, мое на части сердце рвется!
Не властен я в себе; я клятву произнес;
Ей внял карающий безбожников с небес:
Ужасен гнев его за клятвопреступленье.

Д е б о р а

Ты клялся совершить Израиля паденье!
Супруг мой погубить тот хочет род вконец,
Который воскресил великий мой отец.
Веди меня на казнь: да там с моей главою
Спадет с меня тот стыд, что ты навлек собою.
Мне легче смерть, чем срам.

Л а в и д о н

Мой разум возмущен.

Идут... Увы! Хабер.

ЯВЛЕНИЕ 9

Лавидон, Дебора, Хабер, Авирон.

Х а б е р

Сейчас я извешен,
Что ты, о Лавидон! в ней зришь свою супругу;
Как друг, я поспешил принести отраду другу:
Щади Аода дочь. Для памяти отца
Смягчатся к ней судей правдивые сердца.
Любви к отечеству излишнее стремленье
В ней старцы не почтут законов в преступленье;
Она раскается...

Д е б о р а

Раскается злодей,
Который жизнь отца прервал рукой своей
И, может быть, на дочь острит убийства жало.

Х а б е р

Но кем погиб Аод? Ужель известно стало?..
Кто мог?..

Д е б о р а

Губителя укажет божий перст;
Смерть над главой его, и ад под ним отверзт.
Где может скрывается он? Всевидящее око
Проникнет в мрак земли и в дно морей глубоко.
Так, я предчувствую, что близок злых конец:

День казни наступил, отмстится мой отец...
Узрев тебя, мой дух надеждой обновился.

Х а б е р
(в сторону)

От речи сей мой ум невольно возмутился.

(К Деборе)

Нет, не убийцы казнь, но гордых смерть близка:
Израиль не спасет всевышнего рука,
Доколь он пред судьбой своею не смирится.
Зря гибель над главой, бессмысленный кичится;
Но мудрый кротостью смягчает сильных власть.

Д е б о р а

Покорство робкое не отвратит напасть,
Но право гордым даст на вящее гоненье:
Народ познает то.

Х а б е р

Остановя стремленье,
От казни праведной спаси ее главу.

Л а в и д о н

Ты казнью ей грозишь? Старейшин созову
В священный тот чертог, где суд мы совершаем:
Предстанет там она, и правду мы познаем.

Х а б е р

Народ взволнованный еще не укрощен;
Мятежною толпой весь храм сей окружен:
Как смертью ловца обретший тигр свободу,
Он страшен в ярости...

Д е б о р а

Иду предстать народу;
Я убежду его на суд меня предать.
Вели, о Лавидон, старейшин ты собрать;
Готова я пред них бестрепетно явиться:
Кто прав пред господом, людей тот не страшится.

Л а в и д о н
(к Хаберу)

Познаешь тайну ты души великой сей
В судилище, куда спешу собрать судей.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Хабер, Авирон.

Х а б е р

Последний светит день Деборе, Лавидону:
Их трупы будут мне ступенями ко трону.
Иди, о Авирон! таинственным путем
Сисара грозного уведомить о всем.
Да страхом поразит он ум людей строптивый;
Да требует главы жены сей горделивой,
Дерзнувшей узами посла обременить;
Бессильных старцев дух нетрудно утрашить,
И робостью на казнь осудится Дебора.

А в и р о н

Но вождь наш Лавидон ей верная опора.

Х а б е р

Не защитит ее от казни Лавидон;
Судьей супруги быть ему претит закон.
Народа слабого сей вождь единодневный
Кичливые жены узрит конец плачевный,
И в мрачный гроб за ней низвергнется стремглав;
Но если б дряхлый ум народных наших глав,
К Аода дочери подвигнут сожаленьем,
Свой суд знаменовал постыдным снисхожденьем,
Не спас бы тем ее: Деборы жизнь пресечь
Готов в руках моих кинжал, и яд, и меч.
Се крови час настал. О Авирон! мужайся;
Будь мести жрец и жертв заклать приготавлийся.
Иди; и возвратись со мною совещать,
Кого, и где, и как должны мы истреблять.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Феатр представляет чертог судилища.

ЯВЛЕНИЕ 1

Лавидон, Хабер, старейшины.

Лавидон

О судии земли! Взнесите дух ваш к богу;
В нем зрите к злобным гнев и к слабым кротость многу:
Он медлен казнию, но милосердьем скор;
Во внутренность сердец его нисходит взор
И зрит деяний всех причины сокровенны.
Вы, старцы мудрые, сединой умашенны,
Молите господа, да вам он ниспошлет
В сей грозный день суда предвечный правды свет,
Да умилит сердца, да умудрит прозренье.
В сей час от вашего единого реченья
Жены великия зависит жизнь иль смерть.
Кровь неповинную ничто не может стерть
С мужей, неправедно судящих человек;
На чада ваших чад, до окончанья веков
Она проклятие господне навлечет.
Да отженется днесь неправедный совет.
Деборы дивный сон, Аодово реченье,
И чудный путь ес, и кедр разрушене
Вы вяли от меня; но сами зрели вы,
С каким величием строптивые главы
Народа буйного в сей час она смирила.
Ни грозна власть вождя, ни стражей ваших сила
Народа от нее не возмогли б отвлечь;
Но вдохновенная душой великой речь,
Повиновение к законному правленью
Конец соделали народному волненью.
Невинностью тверда, всесильна правотой,
О суд израильский! предстанет пред тобой
Супруга, дщерь вождей, отечеству служивших
И кровь за божий дом, за вас самих проливших.
Она бестрепетна; но дух мой возмущен!

Хабер

Преступник лишь судом быть должен устрашен.

Л а в и д о н

Но страшен суд, коль в нем преступник восседает.
Вождеубийца здесь, быть может, умышляет
Аода дочери погибель и конец.
Изменой умерщвлен Израиля отец;
А мы, о вечный стыд! не познаем злодея.

Х а б е р

Не оскорбитесь, супруга сожалея,
Что подозрение имсть дерзает он.

(К Лавидону)

Не верь случайности виденья, Лавидон;
Сон — тщетная мечта.

Л а в и д о н

Мечта, — но жизнь Аода
Пресеклась посреди спасенна им народа.
Мне страх, неведомый сраженья в грозный час,
Льет по жилам хлад, о други! среди вас.
Дебора пред судом!.. Могу ль быть равнодушен?
Но праотцев моих закону я послушен;
Закон сей мне претит супруги быть судьей:
Я оставляю вас. Иду царя царей
Молить, да ниспошлет к вам в души умиление.
О мужи праведны! от вашего решенья
Моя зависит жизнь.. Ах! что вещаю я?
В дни горестей и слез, что значит жизнь моя?
Я ею дорожить отвык на поле смерти.
Но честь Деборы, жизнь.. Кто к ней дерзнет
простерти
Убийства меч, того да обуяет страх;
Исчезнет он, как дым, и превратится в прах;
Рука моя.. Ах! мне ль судьям вещать угрозы?
Мне должно к ним пролить молитвенные слезы,
Просить покрова их красе Аврамлих чад.
А ты, Хабер, ко мне стремящий гневный взгляд,
Не оскорбись моим строптивым изреченьем:
Долг сердца заплати Деборы защищеньем.
Вспомни, что ее божественный отец
В сиротской юности был благ твоих творец.

Судите, други, вы, как судит чад родитель;
Иду во храм творца; он скорбных утешитель.
Первосвященник, друг Аодовых детей,
Мне волю возвестит отца вселенной всей.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Хабер, старейшины.

Хабер

Угрозы вняли вы и слышали моление,
Судьи Израиля: забудем оскорбленье,
Которо буйный вождь нам в ярости изрек;
Простим неистовству; он слаб, как человек.
К супруге страстию в нем разум ослепленный,
Красою слов ее, мечтанием прельщенный,
Не видит смерти меч, висящий над главой,
И полон дух его Деборою одной.
Сисар, недремлющим на нас взирая оком,
Не пощадит Силом в отмщении жестоком,
Когда уведает, что посрамлен Дафан.
Всё в жертву принесем спасенью наших стран.
Народ, Деборою на время укрощенный,
Как огонь губительный под пеплом сокровенный,
Воспламенеет вмиг и пролиет пожар.
Спасем отечество и предварим удар,
Готовый сокрушить господень храм и веру.
Отца еврейских чад последуем примеру:
Он сына кровь пролить для бога был готов.

Первый старейшина

Хабер, из сих тобой произнесенных слов
Я мысль твою проник: ты к казни нас склоняешь
И дочь Аодову на жертву назначаешь.

Хабер

Аода дочь спасем, коль, усмиря свой дух,
Ко увещаниям она преклонит слух,
Сама пойдет во стан свирепого Сисара,
Испросит у него обещанного дара.

Покорность видя в ней, бунтующий народ
Смирением спасет от гибели свой род;
Когда ж она, пребыв в безумии упорна,
Ни вашей мудрости, ни богу непокорна,
Еще бессмысленных захочет возмущать,
Тогда о ней должны мы будем возрыдать.
Но оправдание ее услышим прежде;
Открыть ей правды свет я предаюсь надежде.
Воссядем: да пред нас представится она;
С судьбой ее судьба народа сопряжена.

ЯВЛЕНИЕ 3

Дебора, Хабер, старейшины.

Дебора

О сердцевидец бог! господь, судья небесный!
Внуши судьям земли суд кроткий и нелестный,
Глагол мой утверди и правдой слов моих
Запечатлей уста врага людей твоих.
Главы Израиля, предстала я пред вами
Не оправдания умильными словами
Вас к жалости привлечь; но истину гласить
И дух бесстрашия надеждой обновить.

Хабер

Вешав к твоим судьям, оставь язык киченья;
Не мни соделать ты Израиля спасенья,
О слабая жена! бессилием твоим.

Дебора

Вся сила в госпoде; он в ней непостижим.
Не сокрушится тот, кто крепок к богу верой.
Я — слабая жена; ты — муж, во бранях смелый;
Но я мужаюсь, а унываешь ты.

Хабер

Воображения блестящие мечты,
Прельщая ум младый, пред зрелым смыслом меркнут;
Цветы, краса весны, в глубоку осень блекнут;
Как ты, и я мечтал во младости моей;
Но грустна опытность, училище людей,

От заблуждения мой разум исцелила.
Что можем сделать мы? Врагов несметна сила
Подавит смертью нас и истребит вконец.

Дебора

Что можем сделать мы, великий мой отец
То миру доказал. Иль силою единой
Сисар мог завладеть обширной Палестиной?
Иль воины его храбрей израильтян?
Нет, не оружие, а лесть, раздор, обман,
Служащие его намереньям жестоким,
Израиль, поразя унынием глубоким,
Сисару предали. Но цел сей град Силом,
Твердыни стен его, и цел господень дом:
Так сердце всей страны еще осталось цело.
Хотя иссечено и изъязвлено тело,
Но коль есть в сердце огонь, то оживит его.
От искры, тлеющей близ дерева одного,
Нередко цела дебрь объемлется пожаром;
Нередко горсть людей, воспламененных жаром
Любви к отечеству, врагов свергают тьмы.
Ты видишь ли, Хабер, что можем сделать мы?

Первый старейшина

Не глас ли слышу я великого Аода,
Когда, к спасению еврейского народа,
Трубою ратною он к славе призвал нас?

Хабер

Нет; дерзкия жены соблазна лютый глас
Вы внемлете теперь. О старцы! трепещите;
Высокомерие кичливой низложите.
Отверзта бездна зол, летает грозна смерть:
Иль вы не можете свою погибель зреть?
Кто помощь вам подаст?

Дебора

Чад храбрых Веньямина
Варах сюда ведет.

Хабер

Надейся, Палестина,
Спасет тебя от зол сей Веньяминов дом,

Который свой удел, сей самый град Силом,
Врагами устрашен, оставил, скрылся в горы...
Се помощь чудная, достойная Деборы.
Не вы ли утром сим, к спасенью путь узря,
Признали над собой единого царя?
Сей царь уж среди вас...

Д е б о р а

Сей царь есть тот, чья злоба
Аода мудрого низвергла в мрачность гроба.
Какой чудесный свет! Чей вопиет мне глас?
Аода грозна тень восстала между нас.
Она вещает мне: я ею вдохновенна;
Десница мщенья мне зрится вознесенна;
Убийца! трепещи: тебе готова казнь.

Х а б е р

(в сторону)

Я цепенею весь; в душе моей боязнь.

Д е б о р а

Станица вранов там, шумящая крилами;
Здесь стая хищных псов, скрежещущих зубами,
Своей добычи ждут: уж близок мщенья час.
О враны хищные! насытит скоро вас
Казнь нечестивого; псы, алчущие крови,
Полижете ее. Во знак своей любви
Убийцу бог сразит. Ликуй, Иаковль дом:
Сияет скиния; вознесся град Силом;
День славы наступил.

ЯВЛЕНИЕ 4

Дебора, Хабер, Авирон, старейшины.

А в и р о н

Не льститесь спасеньем;
Сисар о всем узнал и воскипел отмщеньем.
Бойницы страшные подвигнул ко вратам
И тучу камней рассыпал по стенам:
Свой гнев нам возвестил письмом с стрелой
пущенной.

Х а б е р

Се предсказания мы зрим успех свершенный:
У врат ханаан вождь.

Д е б о р а

Небесный царь средь нас.
Главы Израиля, услышьте славы глас;
Спешите ратовать.

Х а б е р

Словам письма внимлите
И слух от пагубных советов отвортите.

(Читает)

«Поруган мой посол: евреи, горе вам!
Разрушу я ваш град, предам огню ваш храм,
Израиль истреблю и прах его развею.
Но, гибель воздержав, еще о вас жалею;
Неблагодарных, вас могу еще спасти,
Когда мятежницу во стан мой привести
И власть царя признать немедля восхотите.
Час времени даю: судьбу свою решите;
Но ваша медленность вам будет казни знак:
Сокроет вас не ночь, но смерти вечный мрак».

(К старцам)

Сисара ли слова, или мечты Деборы
Надежнее для вас? Вперите ваши взоры
В судьбу, вас ждущую; спасайте божий храм;
Час скоро протечет: спешите ко стенам.

(К Деборе)

А ты склони народ освободить Дафана;
С повинною главой явися среди стана:
Спасем мы жизнь твою молением своим.

Д е б о р а

Узрю Сисара я; явлюся перед ним:
В нем ярость потушу противной крови током.
Вы содрогаетесь и сожаленья оком
Мне предвещаете моих кончину дней:
Жизнь в госпoде моя, един он властен в ней.

Отважностью жены, не робостью Хабера,
Возникнет, может быть, наш храм и наша вера.

(Уходит.)

Х а б е р

Стремись, о Авирон! беги, спеши за ней:
В темницу мрачную под храминою сей
Ты заключи ее.

Первый старейшина

Хабер, какую властью?..

Х а б е р

Я властен сделался всеобщую напастью
И вашей слабостью.

Второй старейшина

Ужель Аода дочь?..

Х а б е р

Ах, роды разбирать не время нам теперь.
Час скоро протечет: к стенам вы поспешайте,
Народной буйности порывы укрощайте:
Смирить Деборы дух еще нам средство есть.
Иль тщетно Лавидон мог клятву произнестъ?
Во храме божием он связан клятвой сею.
Дебору он смирит любовь свою;
В чем не успели мы, свершить то может он.
Спешите ко стенам. Се входит Лавидон.

ЯВЛЕНИЕ 5

Хабер, Лавидон.

Л а в и д о н

Судьи от моего поспешно скрылись взора;
Их страх женет; Хабер, смущен ты: где Дебора?
Что вы соделали? Ответствуй мне.

Х а б е р

Наш долг.

Л а в и д о н

Ваш долг? какой? Вещай, или из вас кто мог
Дебору обвинить? Ты мрачный взор скрываешь, —
Ответствуй мне, Хабер; ты Лавидона знаешь,
Чрезмерность знаешь ты сей пламенной души:
Страшись отчаянья.

Х а б е р

Гнев ярый потуши;
Оставь язык угроз в чертоге ты священном,
От буйства наглого законом огражденном.
Почти чертог суда, он правды божьей храм,
И клятву вспомяни. . .

Л а в и д о н

Хабер, я клялся вам
Обуздывать мятеж, закону быть послушным;
Но я не клялся быть столь слабым, малодушным,
Чтобы невинность злым на пагубу предать.
Вещай: мне должно ль мстить иль только
защищать?

Х а б е р

Законы защищай иль мсти усердну другу,
От казни лютыя кто спас твою супругу.

Л а в и д о н

Но к казни осудить кто здесь Дебору мог?
Кто опроверг ее речение? . .

Х а б е р

Сам бог,
Умножив бедствия отечества несчастна:
Прими сие, читай и зри, сколь днесь опасна
Свобода самая Деборе может быть.

Лавидон читает.

Смущается: се час в нем буйность укротит.

Л а в и д о н

Дебора пред врагом предстанет с униженьем!

Х а б е р

Она возвысится Израиля спасеньем.

Л а в и д о н

Не склонится вовек она признать царя.

Х а б е р

Ты сам его признал; усердием горя,
Ты клятву произнес, и ей пребудешь верен.
В Деборе жар любви к отечеству чрезмерен,
Он ослепил ее...

Л а в и д о н

Но где, но где она?

Х а б е р

Рукою дружества от бедства спасена;
Ее я поручил под стражу Авирону.

Л а в и д о н

Под стражу? .. Продолжай.

Х а б е р

Покорствуя закону,
На время суд ее в темницу заключил.

Л а в и д о н

В темницу? .. Кто дерзнул?

Х а б е р

Закон ее судил.

Л а в и д о н

Закон в устах убийц всегда предлог губленья.
Хабер, моли творца: да страшный меч отмщенья
Не даст исторгнуть мне. Страшись, страшись,
злодей:

Ты не сокроешься от ярости моей.

Х а б е р

Ты другу хочешь мстить, но он тебя прощает;
Усердну грудь пред меч убийства представляет.
Ты старца поражай, окончи грустный век, —
Что медлишь, Лавидон?

Л а в и д о н

Иль ты не человек,
Иль свыше вдохновен, иль, адом ухищренный,
Ты мною властвуешь, и ум мой возмущенный
По воле ты своей умеешь укрощать?
Дебора в бедствии, и не могу отмщать!
Но ты не торжествуй.

Х а б е р

Я слезы проливаю.
О Лавидон! тебе я сердцем сострадаю.
Дебора юная, Аода славна кровь,
Всего Израиля надежда и любовь,
Сисара лютого воспламеня отмщенье,
Узрит в страданиях Силома разрушенье;
Уже свирепый враг ей в сердце меч стремится,
Готовит муки, срам. . .

Л а в и д о н

Какой ужасный вид
Являешь мне, Хабер!

Х а б е р

Спешу, спасай Дебору!
Иди, предстань ее божественному взору,
Яви супруга ей, яви в себе отца:
К жаленью склонны все великие сердца.
Ты убедишь ее; умолим мы Сисара
Дебору пощадить; иль нет, его мы дара
Не примем без того, чтоб не поклялся он
Почтить Аода дочь. Спешу, о Лавидон!
Не трать времени; от тщетного косненья
Погибнем все. Пойдем, испросим продолженья
Бездействия врагов хоть на единый час.
Меж тем супружеской твоей любви глас
Дебору убедит. Поверь, в темнице мрачной
И чувства матери, и долг любви брачной,
И правый глас ума, и близкой смерти страх
Сильнее действуют в страдающих сердцах.

Л а в и д о н

Я в сей ужасный день себя не постигаю:
То яростью влекусь, то в грусти унываю.

Первосвященник мне явил надежды луч;
Твой глас, как страшный гром, разя из черных туч,
Смутил мой бурный дух: в опасности супруга;
Я клятвой отягчен.

Х а б е р

Внимай глаголам друга.

Л а в и д о н

Так, я пойду к стенам, исполню твой совет;
Но коль он пагубен, тебе спасенья нет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Феатр представляет темницу со сводами, чрез отверстие которых видны переходы, служащие к ней путем; двери ее должны находиться в средней стене.

ЯВЛЕНИЕ 1

Х а б е р, А в и р о н.

А в и р о н

Здесь можешь ты вещать. Под мрачной сенью свода,
На камне, в темноте надменна дочь Аода
Почует тихим сном.

Х а б е р

В час гибели она

Вкушает сладкое успокоенье сна.
А мне, когда мои свершаются надежды,
Дремота смутная едва смежает вежды
На то, чтоб страшными виденьями терзать.
Счастлив, кто может сна спокойствие вкушать!
Но мне ль завидовать ее ужасной доле?
Она падет во гроб, я сяду на престоле.
О друг! чрез час один венчает нас успех;
Чрез час я истреблю моих злодеев всех.
Сисар отсрочил брань, клялся спасти Дебору,
И скоро Лавидон ее предстанет взору,
Чтоб убедить ее смирить народа дух.

А в и р о н

И ты надеешься?

Х а б е р

Кто может нам, о друг!

Путь к трону заградить? Супругом убежденна,
Дебора дух смирит народа возмущенна;
Или когда ни страх, ни жалость, ни любовь
Не убедят ее, прольем надменну кровь,
И в ней потушим мы огонь бунта. . . Ты трепещешь;
Иль дружество мое, о дерзкий! ты отмещешь?
Возри на сей кинжал, он ядом напоен:
Коль ты им не сразишь, то будешь сам сражен.
Страшися прогневить Хабера и Сисара.
О робкий! от сего решительна удара
Зависит жизнь твоя. Возвышенный со мной,
Узришь Израиль ты во прахе пред собой;
Ты славу обретешь, веселья, наслажденья;
Или Сисар у врат. . .

А в и р о н

Свершу твои веленья,
Коль к счастью средство нам убийство лишь одно.

Х а б е р

Необходимостью соделалось оно.
Дерзай, о Авирон! но ты щади Дебору,
Когда, представши здесь ее надменну взору,
Успеет убедить супругу Лавидон
Покорностью своей меня возвесть на трон.
Когда же будет он молить ее напрасно,
Деборе жизни миг оставить нам опасно.
Сокрывшись, их слова, движенья примечай,
Сей ядовитый нож — коль должно — в грудь вонзай.
Для достижения величия и трона
Дебору поразим, низвергнем Лавидона.

(Он дает ему письмо)

Потом иди во стан; сие прочтя, Сисар
К нам в помощь поспешит. Рази, удвой удар.

А в и р о н

Дебора восстает.

Х а б е р
(отдавая ему кинжал)

Заклать им должен жертву.
Да я узрю ее покорну или мертву.

Хабер уходит; Авирон скрывается в темнице.

ЯВЛЕНИЕ 2

Д е б о р а, А в и р о н, скрывшийся.

Д е б о р а

Куда сокрылся он? Чей слышала я глас?
«Рази, удвой удар...» Здесь зрела я в сей час
Убийцу страшного. Кровь в сердце замерзает!..
О радость! То был сон, и дух мой оживает.
И возмутилась я единою мечтой!
Злодея вид, кинжал, взнесенный надо мной,
Разить велящий глас, всех ужасов смешенье
Встревоженное мне являя вображенье
Внушило смерти страх. Мужайся, слабый дух!
Израиль в бедствии... Что зрю я? Мой супруг!..
О боже! обнови во мне ослабшу силу:
Не дай Дебору зреть трепещущу, унылу.

ЯВЛЕНИЕ 3

Д е б о р а, Л а в и д о н, А в и р о н, скрывшийся.

Л а в и д о н

Тебя ли вижу я в темнице мрачной сей,
Где обитает смерть, где слышен звук цепей!
В бесчестьи, в сраме днесь Аодово рожденье!

Д е б о р а

Темница не срамит, бесчестит преступленье.
Супруг мой должен знать, виновна я пль нет.

Л а в и д о н

Душа твоя чиста, как утра ранний свет.

Д е б о р а

Благодарю тебя, ты дух мой услаждаешь.
Во мне уверен ты, мое ты сердце знаешь;
Докончи, оживляй: спасен ли град?

Л а в и д о н

Наш враг
Явился к нам в сей день великодушен, благ.
Господь отцов твоих смиряет сердце львино;
Свирепый сей Сисар, чье имя лишь едино
Приводит в трепет мир, мое прошение вял, —
Отсрочил брань еще, священну клятву дал
Почтить тебя, коль ты. . .

Д е б о р а

Не испытай Деборы.
Скорей в сердца морей падут высоки горы,
Чем воле изменю пославшего меня.
Когда назначил бог мне здесь, сего же дня,
Для искупления народа, им избрана,
Вкусить позорну смерть, — жизнь, богом дарованна,
Принадлежит ему. Я смерти не страшусь
И пред безбожником вовек не покорюсь.
Блажен, кто кончит жизнь, не потерпев позора!

Л а в и д о н

Иль хочешь ты врагов жесточе быть, Дебора?
В тот час, как жизнь свою дерзаешь презирать,
Или забыла ты, что ты супруга, мать?
Что плод единственный ко мне твоей любви
Осиротеет в день гибели и крови?
Младенчества его никто не охранит;
Во добродетелях никто не утвердит;
Погибнет он, как трость, от бурь не защищенна. . .
Ты отвращаешь взор, душа твоя смущенна.

Д е б о р а

Ах, сжался надо мной! Не возмущай, о друг!
Ты сердца матери, супруги слабый дух;
Ей твердость днесь пужна. Мой сын не сиротеет:
В отце надежную опору он имеет.

Л а в и д о н

Иль уповаешь ты, что жив я буду зреть,
Жестокая жена, твою ужасну смерть?
Нет, прежде ты меня увидишь бездыханна,
Пронзенного мечом, пятой врага попрашна:
Клятвопреступником во ад низвергнусь я.
Иду во смертный путь предупредить тебя.

Д е б о р а

Постой, о Лавидон!

Л а в и д о н

Почто останавливаешь?
Почто страдания мои ты умножаешь?
Да враг пробьет копьем мою стесненну грудь.

Д е б о р а

О боже! милосерд к рабам своим ты будь,
Не медли казнию. Когда умереть мне должно,
Окончи жизнь скорей. Нет, зреть мне невозможно
Его страдания, тебе не изменив.

Л а в и д о н

Живи, Дебора, ты; супруг твой будет жив;
Спаси от сиротства единокровна сына,
Отдай супругу мне, иль лютая кончина...

Д е б о р а

Не довершай. Аод не будет отомщен:
Увы!.. Се мой отец, от смерти пробужден,
Из гроба восстает!.. Прости, прости, родитель;
Супруга я!

(Падает в объятия Лавидона.)

Л а в и д о н

Господь, несчастных утешитель!
Иль благостей твоих источник оскудел?
Иль к чадам ты своим в любви охладел?
Кого ж ты милуешь, коль не щадишь Деборы?

Д е б о р а

Постой, о Лавидон! Творцу ли ты укоры
Дерзнул произнести? Что ты изрек? О страх!

Пред гневом Божиим склони главу во прах,
Покорствуй.

Л а в и д о н

Божий гнев карает клятв рушенья;
Тягчит уже меня десница отомщенья;
Дух недоверия мутит рассудок мой:
Погряз я в бездну зол, и ты тому виной.
В последний раз молю: спаси себя от смерти,
Спеш с чела сего кроваву клятву стерти,
Иди, смири народ. Дай руку мне...

Д е б о р а

Постой,
Помедли, Лавидон; паду я пред тобой,
Молю тебя, умерь отчаянье ужасно.
Всевышнего судьбам противимся напрасно,
Да униженная лишь пред тобой одним
Вкушу я славу смерть.

Л а в и д о н

Величием твоим,
Когда у ног моих меня ты умоляешь,
Жена, перед собой ты мужа унижаешь;
И в самой слабости твой в господе дух тверд.

Д е б о р а

На бога уповай, он к правым милосерд.
Предай меня моей судьбе неизбежимой,
Иди на брань; но там, отчаяньем водимый,
Не погубляй себя. Ты мне вещал, о друг!
Что я супруга, мать; ты сам отец, супруг.
Для сына дорожи ты жизнью своею;
Прикрой себя щитом, и шлемом, и броней;
Нет, грудь моя тебе во брани будет щит,
Она спасет тебя.

Л а в и д о н

Восторгом дух парит,
Внимая сладость слов твоей любви верной.

Д е б о р а

Дерзай, о Лавидон!

Л а в и д о н

Сисар высокомерный!
Людей господних вождь зовет тебя на бой.

Д е б о р а

На лоне ангелов ликуй, родитель мой;
Достоин он тебя.

Л а в и д о н

Дух мщением пылает,
И крепость сей руки ханаан вождь познает.
Пойдем перед народ, или пойдем во храм,
Испросим, да речет первосвященник нам
Непостижимое предвечного веленье;
Он клятвы разрешит и даст благословенье.

Д е б о р а

Пойдем.

Л а в и д о н

Еще хочу обет исполнить мой:
Доколь священный жрец, пришед сюда со мной,
Не изведет тебя, ты здесь должна остаться.
Дружиною моей врата сии хранятся;
Ты в безопасности. Всевидца здесь моли,
Да нечестивых род сотрет с лица земли.

ЯВЛЕНИЕ 4

Д е б о р а , А в и р о н .

Д е б о р а

Иди, со мною здесь невинность, бог и вера.

А в и р о н

(появляясь)

Час смерти наступил; приходи, о дух Хабера!
Поборствуй мне: сразим.

Д е б о р а

(не видя Авирона)

О ты, губитель злых!
Низвергни, сокруши, карай врагов твоих.

А в и р о н

Я трепещу!

Д е б о р а

Внемли страдающей в темнице;
Меч козней сокруши безбожного в деснице.

А в и р о н

(подходя к Деборе; вознося кинжал)

Дерзай, мой слабый дух! Умри, пади во прах!..

Д е б о р а

(обратясь к Авирону)

Убийца, трепещи! Бог зрит тебя!

А в и р о н

О страх!

Д е б о р а

Пади перед творцом, раскайся.

А в и р о н

О Дебора!

Убийца твоего снести не может взора;
Твой глас меня сразил; паду я пред тобой.

Д е б о р а

Ужель родитель мой твоей сражен рукой?

А в и р о н

Нет, неповинен я сей праведныя крови;
Се первый шаг мой к злу.

Д е б о р а

Бог мира и любви!

Спаси заблудшего; раскаянью внемли.

А в и р о н

Ты молишь за меня!

Д е б о р а

Кто из сынов земли

С пути спасения страстьми не совращался?

Но к кающимся бог в щедротах прославлялся.
Отчаянье отринь, признай свою вину.

А в и р о н

В раскаяньи себя, Хабера я клянусь.

Д е б о р а

Хабера!

А в и р о н

Он твой враг; Аода он убийца.

Д е б о р а

Какой открылся свет! Господь, твоя десница
Вела меня сюда для сокрушенья злых.
Кто усомнится днесь в велениях твоих,
О бог моих отцов? А ты, не тратя время,
Спешу во храм сложить греха ужасно бремя;
Вещай вождю людей, что волею творца
От смерти я спаслась, что враг открыт отца,
Что здесь осталась я, его покорна воле,
Чтоб в правде слов моих он не сомнился боле.
Первосвященнику свет истины яви:
Хабера облича, Израиль оживи.

А в и р о н

Хабера обличит сие к врагам посланье,
Мое раскаянье.

Д е б о р а

Спешу души терзанье
Во храме божием признанием пресечь.

ЯВЛЕНИЕ 5

Д е б о р а

(одна)

Отведший от главы моей убийства меч,
Смиривый злобного, о бог! в щедротах дивный,
Перед Израилем низвергни полк противный;
Оставь вождю людей безверие его;
Во брани охрани супруга моего;

Не дай мне в младости зреть сына сиротою
И слезы горести лить вечно пред тобою.
Назначивый меня на хвальные дела,
Прости, что слабостью смущенна я была,
Поколебалася в твоей священной воле.
Кто милосерд, кто благ тебя, всевидец, боле?
Ты сердце матери как всеотец суди
И из темницы сей Дебору изведи.
Не истощи в устах моих глаголы правы;
В очах не потуши светильник вечной славы,
Которым озарить меня благоволил.
О боже! сих даров меня ты не лишил:
Душа моя еще надеждой обновилась,
Темница мрачная сияньем озарилась,
Во мне восторжен дух; твой глас в устах моих
Возвеселит сердца поборников твоих.

ЯВЛЕНИЕ 6

Дебора, Лавидон во броне, первосвященник.

Лавидон

Открылся правды свет, спеши пред храм, Дебора:
Народ от твоего божественного взора,
Как хладная земля от солнечных лучей,
Жизнь алчет обновить. Отечества злодей,
Хабер оставил град и скоро со врагами
Явится в ярости пред нашими стенами.

Дебора

Гнев божий он с собой во стан врагов пренес.

Первосвященник

Сыны Израиля, средь вас господь небес:
Идите ратовать; за божий дом дерзайте;
Сей град, отечество и веру защищайте.
Благословляю вас я именем творца.
А ты, достойна дочь великого отца,
Иди и оживи унылый дух народа.

Лавидон

Готов он встретить смерть: пойдём.

Д е б о р а

О тень Аода!

Возвеселися ты преемником твоим,
Возникни от земли и в бой лети пред ним.
Противу ханаан отмщеньем ополченна,
Пошли внезапный страх на ратника надменна,
Низвергни всадника, подвигни вспять коней
И мраком ужаса взор ослепи вождей.

В о и н

(входя спешно)

Воспрянул лютый враг, и бранный крик раздался:
От гласа ратных труб весь воздух всколебался;
Дух храбрых возмущен; Хабер у врат предстал.
«Смиритесь, слабые, и зрите, — он вещал, —
Сколь сильных вождь велик и грозен ополченьем».

Д е б о р а

Велик он не собой, но нашим униженьем:
Восстанем!..

Слышен трубный звук.

Л а в и д о н

Поспешим; зовет нас брани глас.
Да вострепещет враг: царь славы среди нас.

П е р в о с в я щ е н н и к

Дерзайте; с вами бог, низвергший фараона.
Воспойте бранну песнь, о чада Аарона!
Сынов Иаковлих возвеселите слух;
Хвалою господа крепите слабых дух.

Х о р л е в и т о в

Восстал господь, во бранях дивный;
Трубы раздался ратный глас;
Да сокрушится полк противный:
Грядет царь славы среди нас.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Зрелище изображает то же, что и в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ I

Первосвященник и левиты.

При поднятии завесы внутренность храма открыта. Верховный жрец окружен священниками; левиты занимают все пространство преддверия.

Хор левитов

Прими оружие и щит
И побори тебя борющихся;
Да враг познает страх и стыд:
Услыши глас к тебе зовущих.
Спаси от гибели твой храм.
Царь славы, сниди в помощь к нам!

Первосвященник

Услыши грешных плач, о боже Авраама!
Не дай погибнуть нам во разрушенья храма.
В день брани, битвы в час, суди твоих людей
Не по деяньям их, по благости твоей.
Не попусти нам пасть пред чуждыми богами.
Тебе единому известными судьбами
Из бездны пагубы Израиль изведи
И мир, и тишину в Силоме водвори.

Хор

Спаси от бед народ избранный,
Покровом мира осени.
Болезни, плач и крики бранны
В песнь благодарну премени.

Левит

(вбегая)

Настал час гибели и разрушенья храма;
С Хабером в град вошли сыны безбожны Хама.
Я зрел, как Лавидон, сражаясь на стенах,
Десницей крепкою врагам нес смерть и страх;
Но, прободен копьем, он пал окровавленный
И, Авироновой рукою изведенный

Из сечи пагубной, возлег близ храма он,
Веля, да меч вождя воспримет Авирон.

Левиты смущаются.

Первосвященник

Служители творца, или вас учит вера
В напастях унывать?

Левит

Увы! я зрю Хабера:

Спасения нам нет.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, Хабер.

Первосвященник

(дает знак, чтоб задернули занавес)

Людей и бога враг!

Как смеешь преступить священный храма праг?
Иди, ханаан раб, не оскверняй святыни.

Хабер

Когда б, исполненный киченья и гордыни,
Я вошел в сей храм толпой военной окружен,
Ты б мог меня винить; но, сердцем сокрушен,
С благоговением вступаю в дом господень
Один и без меча. Тебе ли неугоден
Могу смиреньем быть?

Первосвященник

Отечества злодей!

Ты мнишь нас обольстить коварной речью сей.
Иди, презренный раб безбожного Сисара,
Моли губителя, да пламенем пожара
Очистит божий храм: тобой он осквернен.

Хабер

Нет, мною будет он от гибели спасен:
Сисар, моей мольбой на кротость преклоненный,
Благоволит щадить тебя и храм священный;

Но требует, чтоб ты, представши перед ним,
Избранника его признал царем своим.
Решись, назначь себе иль смерть, или прощенье.

Первосвященник

Смерть избираю я, она от злых спасенье.
Я здесь служил творцу от самых юных дней,
Да будет днесь сей храм гробницею моей;
Я жил не постыдась, и кончу век без срама.

Х а б е р

И вы, служители божественного храма,
Левиты мудрые, ужель во цвете лет
Хотите потушить счастливой жизни свет,
Как старец, дряхлостью, болезнями отягченный,
Томящий всех собой, сам жизнью утомленный?
Нет, вы себя должны семействам сохранить;
Супруг своих и чад в день смерти оживить.
Внемлите глас любви, к вам скорбно вопиющий
И ко спасению родных, друзей зовущий;
Последуйте за мной; мою внушите речь:
Пред вами сильных вождь повергнет казни меч,
Спасет и храм, и вас, потушит пламень бранный.
Узря ваш светлый сонм, Сисаром царь избранный
Смирит всевластный дух... Вы слышите ль сей
Оружья треск и звук? Еще единый миг,
И поздно будет всё; за мною поспешайте,
Себя, отечество, друзей и храм спасайте.

крик,

Он хочет идти, и за ним следуют несколько левитов.

Первосвященник

Постойте, слабые, вспомните ваш долг!
Вещайте, кто страшней, Сисар иль силы бог?
Ответствуйте, кто вы? Хранители ль закона,
Потомки ль славные Левия, Аарона,
Или рабы рабов? К стыду, к бесчестью путь
Вам заграждает днесь бессильна старца грудь,
Отверзите ее закланьем слабой жертвы,
Или за господу вы все падите мертвы.
Остановились вы; я зрю у вас в очах

Боязнь постыдную и ко всевидцу страх.
Колеблетесь еще! Иль в вас бессильна вера?
Познайте ж злых ков: вы зрите здесь Хабера,
Убийцу, изверга, предателя, льстеца;
Се царь ваш; рабствуйте, служители творца,
Падите перед ним.

Левиты в ужасе отступают.

Ты зришь ли, сын геенны,
Чего ты должен ждать?

Х а б е р

Безумством ослепленны,
Я вашу жизнь спасал; отвергли вы мой глас;
Убийства, казни меч уверит скоро вас,
Кто будет здесь царем и кто им быть достоин...
Возрите, се идет ваш вождь и славный воин;
Он смерть несет в себе.

Л е в и т

Увы! се Лавидон,
Изранен, изъязвлен: едва влечется он.

Х а б е р

Постигла казнь его.

Первосвященник

Идет он к жизни вечной.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Л а в и д о н входит, опираясь на обломок копья.

Л а в и д о н

Благодарю тебя, в щедротах бесконечный,
Сподобивый меня в сем храме жизнь скончать.

Первосвященник

Приди, сын праведных, дух господу предать.

Л а в и д о н

Почти несчастного последним целованьем.

Х а б е р

Вас учит царь небес надменного караньем
С благоговением покорствовать судьбе.

Л а в и д о н

Чей слышу глас?.. Хабер!

Х а б е р

Так, здесь предстал тебе
Изобличающий души твоей киченье
И казнь вещающий за клятвопреступление.

Л а в и д о н

Хабер!.. Хабер!.. Нет слов, чтобы изобразить,
Колико смерти в час противен злобных вид.

Х а б е р

Мой взор надменных казнь.

П е р в о с в я щ е н н и к

Господь живой в Силоме!
Внимая буйства глас в твоём священном доме,
Безбожных торжество им в гибель обрати
И бездну ископай кичливых на пути.

Слышен трубный звук.

Х а б е р

Внемлите бранный гром, победы восклицанье,
Торжественный глас труб: се час настал каранья;
Здесь царь ваш предстоит...

Л а в и д о н

Хабер наш царь?.. Мой меч,
Мой меч подайте мне.

Х а б е р

Гордыни глас пресечь
Сисар сюда спешит. Кичливые, смиритесь,
Падите предо мной, Сисару покоритесь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Авирон.

Авирон

Победой славы царь Израиль превознес:
Сисар нисшел во ад, и Веньямин воскрес.

Первосвященник

Творец! молчанье уст тебе сердце хваленье.

Лавидон

Кем совершил царь сил безбожных сокрушенье?
Кто спас отечество?

Авирон

Дебора.

Первосвященник

Слава ей!

Лавидон

Дебора!.. Господи! нет сил и нет речей
Благодарить тебя.

Хабер

Ужасен зол губитель!

Первосвященник

Вещай, о Авирон! как гордых сокрушитель
Чрез слабую жену суд правый совершил?

Авирон

Как храбрый Лавидон, от язв лишенный сил,
Был мной ведом во храм, Хабером провожденны
Чрез тайный ход, враги ворвались в град священный
И отперли врата сподвижникам своим.
Объял евреев страх; спешит Дебора к ним;
Бегущих воинов близ врат останавливает:
«Куда стремитесь? — им с твердостью вещает. —
От смерти вы нигде не можете уйти;
Вам к ней проложены два разные пути:
Постыдный во стенах и славный за стенами,
По нем держайте вы; грядет бог силы с вами!»
Рекла, и воины остановились вдруг.

Хоругвь священную из робких вырвав рук,
Дебора с ней врагам на сретенье стремится.
Как вешних вод поток с высоких гор катится,
Ревет в ущелинах, древа в волнах крутит,
Свергает, ломит их и быстро в море мчит,
Так наши ринулись, сперлися со врагами,
Всей силой съединясь, сомкнутыми щитами
За градские врата их вытеснили строй;
И в поле начался кровопролитный бой.
Сисар, узря своих из града изжененных,
С полками колесниц, косами вооруженных,
Как пажить злачную, скосить стремится нас
И потоптать коньми. Внезапно грозный глас
Воинских ярких труб раздался пред стенами:
Смутился лютый вождь. Вздыхая пыль столпами,
Иуда, Завулон на помощь к нам спешат;
Вотще остановить их бег враги хотят;
Варах, начальствуя детьми Веньямина,
Ниспровергает всё; обширная долина
Пред градскою стеной телами ханаан
В один покрылась миг. Как вдруг из врат Дафан,
Врагом отечества от уз освобожденный,
С ним вшедшею во град дружиной окруженный,
Ударил с тыла в нас; но вскоре изверг сей
Престал злодействовать, пронзен рукой моей,
Котору укрепил господь для брани правой.
Меж тем творец миров покрыл нетленной славой
Сынов Иаковлих: трикратно лютый враг
Вид битвы пременял; трикратно смерти страх
Обуевал наш дух; одна неустрашима
С хоругвию в руке была Дебора зрима
Везде, где враг сильнее евреев поражал.
Великий дух ее победу одержал.
Сисар нисшел во ад Вараховой рукою;
И божий дом спасен Деборою одною.

Л а в и д о н

Хабер, познай творца.

Х а б е р

Его познал я гнев.
Уже меня пожрать разверст геенны зев;

Отсюда я внемлю проклятие народа.
О ужас! Ты, рука, сразившая Аода,
Избавь меня от мук. Я оскверняю храм;
Сокроюсь в вечну ночь!

(Уходит.)

Первосвященник

Тебя найдет и там
Десница мстительна. Крамольны, трепещите!
Раскайтесь пред творцом иль вечной казни ждите.

Лавидон

Победы внемлю глас: о радость! о восторг!
Дебора в храм спешит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Дебора, воины и левиты.

Дебора

(с хоругвью в руках)

Во бранях крепкий бог,
Носимый бурями, глаголющий громами,
Ты мужа сильного низверг жены руками,
Дабы со страхом рек всяк род и всяк язык:
«Кто силен на земле? Един господь велик».
Она повергает пред храмом знамя, а воины доспехи ханаан.

Первосвященник

Да храм отверзется. Се жертвоприношенье
Достойное творца.

Занавес открывается.

Прими благодаренье,
Высокой мышцею бог сокрушивый брань.

Дебора

С слезами горькими тебе несу я в дань
Доспех, копьё врага; на нем потоки крови
Супруга моего... Он мертв!

Лавидон

Твоей любви

Он слышит глас.

Дебора
Ты жив!
Лавидон

Ток слезный осуши;
Мне возвращает жизнь веселье, врач души.
Воскрес Иаковль дом, и дух мой воскресает.

Левит
(вбегая)

Познайте, как господь губителей карает.
Хабер, отсель ишшед, вонзил в себя кинжал,
Разверзлася земля, и ад его пожрал.

Лавидон
Ужасен божий гнев!

Дебора
Аода тень священна,
В покое опочий; ты ныне отомщенна.
Господь свершил свой суд. Израиль, мне внемли;
Раздайся, правды глас, во все концы земли;
Отверзлась предо мной завеса лет грядущих.
О Веньямин! узри к ногам твоим падуших
Сынов Иаковлих; украшен ты венцом;
Трепещет божий враг перед твоим лицом.
О горе! славы блеск скрывается туманом.
Какое зарево я зрю над Иорданом?
То кровь невинных жертв, всходящая росой.
Иуда, возрыдай: прогневан бог тобой;
В грехах погряз Сион; земля отцов священна
Покрыта тернием, змиями населенна:
Господня гнева серп безбожных нивы жнет.
Но се является вдали чудесный свет,
Ясней младого дня и солища благотворней,
Как море льется он на землю с тверди горней
И озаряет мир. Блажен грядущий век,
Для коего с небес сей божий свет истек!
Блажен стократно муж, кто оным просветится!
Над ним, как былие, жезл смерти сокрушится;
Увядший на земле, он в небе процветет;
Слезами сеющий, веселием пожнет.

**АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
ГРУЗИНЦЕВ**

Александр Николаевич Грузинцев родился в 1779 году в семье помещика Саратовской губернии (его родители жили «между Царицыном и Сарептою»). В образовании и воспитании Грузинцева большую роль сыграл отец, познакомивший сына с творениями Ломоносова и Сумарокова и возбудивший в нем стремление к изучению древних языков. Грузинцев называл также бывшим своим благодетелем автора «Россиады» М. М. Хераскова.¹

В начале XIX века Грузинцев служил в Московском комиссариатском депо «комиссионером 8-го класса».

«Страсть к стихотворству» появилась у Грузинцева с четырнадцатилетнего возраста. В печати он впервые выступил в 1802 году с работами, относящимися к критическому жанру. Характерно, что это были разборы драматических произведений. В статье, несколько необычно названной «Экзамен „Хорева“», Грузинцев задолго до появления (в «Вестнике Европы») известных разборов А. Ф. Мерзлякова, подверг резкой критике драматургию Сумарокова.² Но Грузинцев (как позднее и Мерзляков) не выступал против самой системы классицизма. Об этом свидетельствует его статья «Рассуждение о драматических творениях», напечатанная в том же номере «Новостей русской литературы». В ней Грузинцев высоко оценивает драматургию французского классицизма и порицает Шекспира, трагедии которого, по словам автора статьи, «могут нравиться больше черни».³

В 1804 году Грузинцевым были направлены из Москвы в Российскую Академию на конкурс две трагедии — «Нума Помпилий»

---

¹ См.: А. Грузинцев. Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным. СПб., 1811. Посвящение, стр. I—III.

² См.: «Новости русской литературы», 1802, ч. 4, стр. 145—160.

³ Там же, стр. 165.

и «Демофонт». Созданы они были, видимо, раньше этого года, так как уже в 1803 году Грузинцев заявлял, что им написаны «трагические пьесы», которые ждут своего выхода в свет.¹ Присланные молодым автором трагедии, однако, не были рассмотрены Академией, так как, нарушив установленное правило, «сочинитель открыл свое имя».²

10 ноября 1809 года на петербургской сцене состоялось первое представление трагедии Грузинцева «Электра и Орест». Роль Электры исполняла М. И. Валберхова. В роли Ореста выступал А. С. Яковлев. По поводу этой пьесы разгорелась журнальная полемика.

В 1811 году была издана трагедия Грузинцева «Эдип-царь». Грузинцев написал также, подражая Еврипиду, трагедию «Ираклиды, или Спасенные Афины», вышедшую отдельным изданием в 1815 году. Отечественную историческую тему он разработал в трагедии «Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» (издана в 1811 году). Трагедия ставилась на петербургской и московской сценах.

Грузинцев был также автором двух поэм: «Петриада» (1812) и «Спасенная и победоносная Россия в девятом-на-десять веке» (1813). За первую из них Грузинцев получил награду в две тысячи рублей и бриллиантовый перстень от царя.

Умер А. Н. Грузинцев в 40-х годах. Точная дата его смерти не установлена.

---

¹ «Новости русской литературы», 1803, ч. 6, стр. 402—403.

² «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией», ч. 6. СПб., 1813, стр. 91.

Э Д И П - Ц А Р Ъ

Трагедия в пяти действиях, в стихах

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ,
ГОСПОДИНУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ,
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
И БЕСЕДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА ЧЛЕНУ,
КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШАХОВСКОМУ

По примеру древних стихотворцев, которые обыкновенно приносили свои сочинения приятелям и ученым людям, посвящаю Вам сию трагедию. Хотя она достоинством своим весьма далеко отстоит от тех, коим я подражал, но желать совершенного произведения не должно ни от кого. Также нельзя надеяться, чтоб содержание «Эдипа» могло так долго нравиться нашей публике, как некогда нравилось оно афинским гражданам; можно сказать и нам ныне то же, что сказал Вольтер: «Софокл и Еврипид имели зрителей героев, законодателей и философов. Наш же театр большею частию бывает наполнен женщинами и молодыми людьми, привыкшими восхищаться в трагедиях романическою любовию, а не истинными и нравоучительными происшествиями». Но оставим Вольтера.

Нравоучение Эдипа принадлежит ко всем временам и народам; любопытство проникать будущее и суеверие всегда и везде влекли за собою плачевные следствия; особливо языческая вера, исполненная невежества и предрассудков, была причиною многих несчастных происшествий, от коих ныне предохраняет нас истинная и спасительная вера Христова. Суеверная Иокаста узнала посредством пророчества, что новорожденный сын ее будет отцеубийцею и супругом своей матери. Вот причина, для которой она осудила его на смерть, проколовши прежде ему пяты, почему и назван погречески *Οιδιπός*, то есть пухлоногий, вверила исполнение убийства

одному из приверженных к ней фивян. Но судьба взяла свой верх и восторжествовала над безумным любопытством Фивской царицы; она доказала тем, сколь пагубно человеку проникать в тайны предбудущего, которое от нас божественная премудрость закрыла непроницаемою завесою; пророчество исполнилось, Эдип убил своего отца и сочетался браком с своею матерью.

По справедливости должно отдать преимущество древним трагикам. Афинский театр был не иное что, как училище добродетелей; Софокл и Еврипид много споспешествовали к образованию нравов, и польза, происходящая от их творений, была очевидная. Некоторые из их трагедий в определенные дни прочитываемы были в публичных собраниях и школах. Софокл был гоним собственными своими детьми и обратил их к раскаянию одним прочтением своего «Эдипа в Афинах». Позднейшие трагики, и особливо французские, коим мы больше подражаем, совсем имели другую цель; они сочиняли свои трагедии не столько для общей пользы, сколько в угодность некоторым лицам; доказывает то: Расинова «Берениса», Вольтерова «Зулима», «Магомет» и проч., многие трагедии Корнеля.

«Эдип» Софоклов почитается из лучших его трагедий, потому что он во все продолжение пяти действий одним происшествием занимает зрителей и возбуждает в них постепенно любопытство, жалость и ужас. А не так, как Вольтер, введением в своего «Эдипа» ненужного и чуждого происшествию лица и воспоминаньем старой и давно забытой любви Иокасты к Филоклету обезобразил свою трагедию. Любовь царицы во время народного бедствия и моровой язвы не только что неприлична, но даже отвратительна. При всех погрешностях Вольтеровой трагедии должно отдать справедливость красоте стихов и некоторым улучшенным сценам, а особливо той, которая происходит у Эдипа с Иокастой в 4-м действии, где они друг другу открывают свои тайны. Здесь подражатель превосходит подлинник, в прочем он везде ниже Софокла. Сей сцене подражал я в третьем действии моего «Эдипа». Но не знаю, хорошо ли сделал я, подражая Вольтеру и в том, что Иокаста прежде развязки не проникнет ужасной тайны, которая для нее не была уже тайною по Софокловой трагедии? В греческом оригинале прежде пришествия коринфского пастуха она знала, что Эдип её сын, но чтоб скрыть намерение самоубийства, а не привести в совершенное отчаяние Эдипа, оказывает она в словах своих презрение к прорицателям и тем беспрестанно погружает Эдипа в недоумение, который, при очевидных почти доказательствах, не хочет верить, что он сын Лаиев. Сие видно из слов его, сказанных Икару: «Все то, что слы-

шал я о прорицалищах, приводит меня в крайнее смущение, и я никак не могу открыть истины», и ответ того:

Καὶ μῆν μάλιστα τοῦτ' ἀφικόμην, ὅπως,
Σοῦ πρὸς δόμους ἐλθόντος, εἶ πράξαιμί τι,

то есть: «избавлю я тебя от лютых подозрений, для счастья твоего я в Фивы поспешал».

Потом открывает ему постепенно, что Полиб при смерти вручил свое царство ближайшему из своих сродников и что Эдип ему не сын. За сим следует пришествие Тирезиаса, которому Эдип был отдан на смерть, и в сию-то ужасную минуту Эдип узнает свое преступление.

Говоря о страшном сем происшествии, необходимо должно упомянуть о главной и известной погрешности, приписанной Софоклу. Как возможно, говорят, не знать было Эдипу, каким образом окончил жизнь его предшественник? Без сомнения, Софокл прежде всех видел сию погрешность. Но если б Эдип знал, где и как Лайя окончил жизнь свою, то не было бы и трагедии. Посему должно заключить, что погрешность сия не Софоклова, а историческая.

Но как бы то ни было, греки всегда будут иметь первое место у стихотворцев как изобретатели той науки, в которой иначе нельзя никому успеть, как чрез подражание им. Лучшие французские трагедии суть те, в коих больше находится греческих красот. Вергилий и Расин не только не стыдились подражать грекам, но переводили изящнейшие места из их творений и тем украшали свои собственные. Вкус трагика состоит не в том только, чтоб искусно расположить явления, наполнить их хорошими стихами и приличным каждому лицу разговором, но и в выборе происшествия. Эдип есть разительный пример несчастной вспыльчивости, свойственной обыкновенно всем молодым людям. Один шаг безумия и страсти к преимуществу при встрече Эдипа с Лаем был виною всех несчастий Лабдакова потомства. Если б Эдип на тесном пути не оспаривал первенства, кому прежде ехать, не последовало бы сражения, Эдип не убил бы своего отца и, без сомнения, взял бы другую дорогу, а не ту, которая вела его в Фивы, где, по несчастию, избавивши внятян от страшного чудовища, сочетался браком с своею матерью. Сколько представляет нам история ужасных происшествий, случившихся от вспыльчивости как великих, равно и обыкновенных людей! Александр был бы больше славен, если б так же мог победить свой гнев, как завоевать вселенную; Парменион, Филот, Каллисфен

и Клит не были бы тогда жертвою гнева своего повелителя. Сколько случилось нечаянных убийств в свете от вспыльчивости, сие известно всякому. Гражданские законы и ныне во многих государствах недостаточны для уравниения казни по тяжести преступления, ибо иногда наказывают равным образом такового убийцу, как и самого злодея, совершившего преступления с хладнокровием.

Вот скольких несчастий бывают орудием человеческия страсти! Не довольно ли и без того в жизни бед, чтоб еще умножать их в то время, когда есть средство избегнуть? И должен ли человек, одаренный волею и разумом, в таких случаях роптать на провидение?

Описывая одно происшествие с Софоклом, я непременно должен был последовать его стопам. Ежели Ваше сиятельство найдете в сей трагедии что-нибудь хорошее, то, без сомнения, увидите, что оно почерпнуто из чужих источников. Все последнее действие взято из Софокла. Оно здесь сокращено с некоторыми переменами соответственно моему плану. Посвящая Вам слабое сие сочинение, восхищаюсь тем, что, по дружескому Вашему ко мне расположению, по совершенному знанию театра и многим достойным похвалы произведениям Вашего пера, буду иметь в Вас просвещенного и беспристрастного судью.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип, царь Фивский.	Икар, коринфянин.
Иокаста, царица Фивская.	Первосвященник.
Креон, брат Иокасты.	Народ.
Тирезиас, вельможа Фивский.	Хор.

Действие в Фивах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет храм Юпитеров, где по обем сторонам воздвигнуты алтари, пред ними народ, составленный из старцев и юнош, с ветвями в руке и в оливных венках стоит на коленях.

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор

Дщерь ада, мать смерти стона,
О язва! всех лютейша бед!
В долинах злчных Киферона
И в Фивах нам спасенья нет.

Крушительной своей рукою
Ты в гроб низводишь Кадмов род
И, бедствий цепь влача с собою,
Творишь несчастным весь народ.

Примите, боги, глас моленья,
От скорбных льющийся сердец,
От вас мы Фивам ждем спасенья,
Пошлите бедствиям конец.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и старейшина.

Старейшина

Се царь наш, се Эдип, Фив бедствием сраженный,
С народом для мольбы вступает в храм священный.

Народ восстает.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Эдип.

Эдип

(обратясь к алтарям)

На воскуренны здесь в честь горним алтари,
Великий царь богов, с небес свой взор простри!
Да гласы юнош сих и старцев воздыханье
Достигнут до тебя, как жертв благоуханье.
Бурь лютость укротя, склони к мольбам свой слух
И сладкий мир пролей в смущенный фивян дух.

(К народу)

Сколь тайнства небес от смертных сокровенны!
Не ведаем поднесь, чем боги раздраженны;
Чью должен жизнь прервать жреца священный меч,
Чья кровь осуждена Гекате в жертву течь?
Из Дельф, от бога Фив я жду на то ответа.

(К первосвященнику)

Но ты, Зевесов жрец, премудростью совета
Наставь нас, чем смягчить гнев мстительный богов,
Молитвами или заклятием тельцов?

Первосвященник

Вотще мои уста молитвы воссылали,
Отвергли боги их, оракулы молчали.
Меж тем несита смерть, плодя в народе яд,
Свергает фивян в гроб и пустошит твой град.
Когда ты взор прострешь на Кадмову столицу,
Не град увидишь в ней, но страшную гробницу.
Как в бурю ладия, беотян гибнет род.

Эдип

О небо! для того ль спасал я сей народ!
Чтоб жертвою он был неслыханныя казни
И томный век влачил в мученьях и боязни?
О боги! если чем Эдип вас раздражил,
Почто вам отверзать здесь тысячи могил?
Что медлите разить? столь бедствия жестоки
Народ не должен несть за царские пороки.
Здесь всё заражено, всё гибнет наконец,

От родших сын иль дочь, от чад своих отец.
Со страхом каждый день зрю Фив опустошенье.

Первосвященник

Давно известно нам твое к народу рвенье.
Величество души Эдип всегда являя
И славу на любви народной созидал.
Нам памятен тот день, желанный и счастливый,
Когда восставил ты из бездн ужасных Фивы.
Когда, освободясь от казней, ожил град,
И Сфинкс твоей рукой низвергнулся во ад:
Рожденный в тьме пещер, под снежными горами,
Для казни нашей был он послан к нам богами.
Между отверстий гор, чрез безобразный зев,
Как сто гремящих труб, пускал гортанью рев.
Чудовище сие, орел, и лев, и дева,
Питающе ехидн внутри перната чрева,
Собранье чудное грубейша естества
Явилось в образе ужасна божества.
С небесной казнию злость свою сокупило,
Гаданий хитрых тьмой народ обременило.
О грозный суд богов! чрез каждый в Фивах день,
Когда верхи холмов ночная крыла тень,
Стекался весь народ ко мрачному вертепу
Со трепетом внимать чудовищу свирепу.
Кто ж таинственных слов не мог истолковать,
Тот должен был свой век плачевно окончатъ.
Ужасный сей закон, предписанный богами,
Наполнил Киферон кровавыми телами.
От казней утомясь, растерзанный народ
Звал в помощь мудрецов, старейшин, воевод.
Собрался сонм мужей, победою прельщенных,
Премудростью ума и силой одаренных;
Составя меж собой для подвига совет,
Приходят спросить творца народных бед:
Кончины пагубной предтечи дерзновенны
Услышали в горах глас, Сфинксом испущенный:
Злохитростный вопрос в двусмысленных словах
Смутил рассудок их, сердца повергнул в страх.
Гаданий таинства они не вразумили
И смерти жертвою плачевнейшею были.
Эдип, премудрый сын Коринфского царя,

Явился в Кадмов град, и, нас при гробе зря,
Ты Сфинкса спросил, проникнул мрак гаданий
И нас освободил от казни и терзаний.
Во мзду своих заслуг на фивский трон взведен
И с царскою вдовой ты браком сопряжен.
Мы мнили, что тобой ж нам боги преклоненны
Пресекли навсегда судьбы народа гневны.
Но скоро глад берега Исмены посетил
И смертью твою владенья пустошил.
Ни Сфинкс, ни страшный глад, ни Лаия кончина,
Ни наводнением Эгейская пучина
Толиких бедствий нам не приключила здесь,
Как язва лютая, свирепствующая днесь.
И в жизни сам Эдип не может быть надежен.

Эдип

Эдип, как и другой, опасностям подвержен.
Могу ль жалеть себя среди народных бед —
Мне к смерти проложен беотянами след.

Первосвященник

Пусть смерть разит одних тиранов на престоле, —
Эдип не должен быть подвержен общей доле.
Эдип, спаситель наш, народа друг, отец,
Тобою утвержден здесь Лаиев венец;
Тобой приведены во трепет все соседы,
Закон чужим странам дают твои победы.
Во счастья кроток ты, во злополучьях тверд
И к подданным всегда и щедр и милосерд.
Да боги сохранят красу державных рода
И дни твои продлят ущербом дней народа.

Эдип

Приятна мне сия с моим народом пря,
Усердые подданных есть счастье царя.
Ко отвращенью бед приложим попеченье
И Фивам подадим в напастях облегченье.
Лишь солнце с наших гор в моря свой скроет вид,
Сбери ты весь народ ко храму Эвменид.
Богиням тьмы от нас в ночь жертва принесется,
Кровь тучных ста тельцов пред алтарем прольется.
Я мню, что казни Фив есть лютых фурий мочь,

Геката пламенник зажгла в минувшу ночь,
И, раздувая огонь, храм страшный освещала,
И ревом яростным весь воздух колебала.
Крутились змии в власах ее густых,
И черный капал яд из челюстей у них.
Мы жертвой укротив богинин гнев опасный,
Быть может, отвратим от фивян рок ужасный.

Первосвященник

Довольно жертв принес несчастный Кадмов град,
Которыми бы мог себя пресытить ад.
Младенцы, матери и старцы низложены
Лежат поверх земли никем не погребенны.
Дай небо, чтобы нас, спешащих в мрак гробов,
Спасла от смерти днесь пролита кровь тельцов!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и фивянин.

Фивянин

Из Дельф к нам возвратясь, Креон в сей храм
вступает,
Его смущенный вид в страх фивян повергает.

Первосвященник

Какой ужасный знак!

Эдип

Ужель надежды нет?..

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Креон.

Эдип

Креон, познал ли ты вину народных бед?
Иль боги, и поднесь творящи наказание,
Остались на вопрос в ужасном их молчанье?

Креон

Внемлите мне, о царь! старейшины, народ:
С восходом солнца днесь свершился казням год.

И боги нам досель причин не открывали,
За что род Кадмов здесь заразой истребляли.
Велением твоим вступил я в Дельфский храм
И, жертвы принеся, воззвал ко небесам:
Да чудный в таинствах бог фивян светоносный,
Великий Аполлон откроет рок наш злостный,
Да истолкует мне и наконец речет:
Что должно нам творить для прекращенья бед?
Три раза с сей мольбой я к Фебу обращался,
Безмолвен трижды бог во облаке скрывался.
Вдруг луком из сребра во гневе он потряс,
Привел в движенье храм и испустил сей глас:
«Забыли, фивяне, прельщенны суетами,
Что Лаий был ваш царь, любимый небесами,
Что род ваш сим царем во славу облечен;
Но Лаий был убит, и Лаий не отмщен!
Доколь не совершит рок казнь его убийцы,
Не изженется смерть из Кадмовой столицы.
Убийца, погубив свой род деяньем злым,
Ваш воздух заразил дыханием своим.
Сам Лаий, встав из бездн, полн гнева и смущенья,
Взыскует от богов за смерть свою отмщенья».
Умолк, и от меня взор грозный отвратил,
Ударил в храме гром, и мрак меня покрыл.

Первосвященник

О таинство богов!

Эдип

Увы! какой судьбою

Убийцу обречем? .. о тайна, скрыта тьмою!

Креон

Едва сокрылся Феб, я с трепетом восстал
И больше вопрошать бессмертных не дерзал.

Эдип

Воздвигни, мощный Феб, из бездн ужасных Фивы
И возврати сынам беотлим дни счастливы!

(К народу)

Не сами ль вы, друзья, причиной стольких бед?
Кровь Лаия на вас к бессмертным вопиет.

Вы праху своего владыки изменили,
О долге не пеклись, убийце не отмстили.
Таков есть жребий наш: при жизни боги мы!
Нам преданы сердца и рабствуют умы.
Но в гроб нисшедший царь из мыслей исчезает,
Любовь к нему в сердцах с ним купно умирает.
Пускай один тиран останется презрен,
Но доброго царя и прах благословен!
О фивяне! теперь употребим все средства
К смягчению богов, ко пресеченью бедства.
Не жертвы тучные, убийцы кровь нужна,
Котора тени в дар пролиться здесь должна.
Во Дельфах на горах, во гимнах возносимый,
В Фокиде, Давлии и здесь Феб, жертвой чтимый,
Чудесной силой ум мой скованным держал,
На Лаиеву смерть я взор не обращал.
Пять лет, соединясь с Иокастой огорченной,
В подробность не входил о смерти сей плачевной.
Где мужи, кем был в путь ваш царь сопровожден?
Хочу их спросить, где Лаий пал сражен.

Креон

С лишением царя воздвиглись бедства новы.
То Сфинксом нас разил, то голодом рок суровый.
О горестнейший день! почто ты воссиял,
Когда в Фокиду путь царь Лаий предпринял!
Чтя мощна бога Фив, храня обряд закона,
Он в Дельфы поспешал упасть пред Аполлона.
Сопровождали в путь друзья его Нарказ,
Другой аркадский муж и с ним Тирезиас.
Последний сей пришел, но царь не возвратился,
Он жизни со двумя клеветами лишился.
Досель убийца их не ведом никому,
Тирезиас едва не сшел сам в вечну тьму.
Изъявленный мечом, лежащий под конями,
Полмертв оставлен был с бездушными телами.
Пришедши в чувства, он увидел пред собой
Простертого царя с рассеченной главой,
Отторгнутых коней, всю сбрую раздробленну
И колесницу, в ров глубокий погруженну.
Священным телом он себя обременя,
Страдаючи, восшел на томного коня

И, в Дельфы довлачась, богов по повеленью,
Он с честью предал прах геройский всесожженью.
Истлевшу тлену персть во урну заключил,
И Лаиев он пепл царице здесь вручил.

Э д и п
(особливо)

Что слышу? каждая речь ввергает дух в смущенье.

(Креону)

Какое ж восприял сей старец награждение?

Креон
Во смерти царской быв народом обвинен,
Советом общим он из фивских изгнан стен.
Стеня под игом бед, отверженный судьбою,
Он в дебри скрыл себя, расставшись с сей странюю.

Э д и п

И ты возмог, народ, покрытый слепотой,
Невинного изгнать, обременив виной?
Награды стоил он, а ты его отвергнул!

(Креону)

Почто ж Тирезиас к царице не прибегнул?

Креон

Быть может, что она, страшась от фивян бед,
Дозволила изгнать вельможу древних лет.
Иль, мрачным быв сама побеждена сомненьем,
Изгнание почла за смерть супружню мщеньем.

Э д и п

Доколе ночь еще от глаз не скрыла понт
И солнце сыплет блеск на фивский горизонт,
Средь дебрей иль пустынь изгнанника сыщите
И с честью его ко мне препроводите.
Проникнуть должен я печальной тайны тьму,
Спокойство возратить народу моему;
Воздать заслугам мзду, свершить достойно мщенье
И страждущим сынам в бедах принести спасенье.
О боги Кадмовы! о Кронов сын Зевес,
Клятвопреступников разящий от небес!

И вы, о дочери тьмы, владычицы геенны,
У коих черный огонь в руках, всегда возжженный,
Пылает в недре бездн на гибель злобных чад;
Богини грозные, трепещет коих ад!
Внемлите, да глагол мой к гневу вас подвигнет.
Убийцу одного мечь ваша да постигнет.
Навеки от его сокройте свет очей,
Да не увидит он сияния лучей.
Да мать его своим рожденьем устрашится
И кровь его сынов враждою потребится.
Чтоб, странствуя, он был гоним от всех племен
И вечным от богов проклятьем отягчен.
Чтоб смрадный труп его, простертый вне кладбища,
Пустынным был зверям и хищным птицам пища.

Первосвященник

С сей клятвой мы себя соединяем все.

Эдип
(народу)

Исполните сейчас веление мое:
Вторично к алтарям священным обратитесь,
О сохраненьи Фив Юпитеру молитесь.
Да громовержец сей, народну вняв мольбу,
На град наш ниспошлет спасительну судьбу.
Да с помощью его ко мщенью путь открою
И за злодейство казнь я сей воздам рукою.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет внутренность царских чертогов.

ЯВЛЕНИЕ 1

Иокаста и Эдип.

Иокаста

Наполнив ужасом священные места,
Бессмертны движут днесь оракулов уста,
Которы целый год, воспящены молчаньем,
Средь казни новым нам грозили наказаньем.

Неугасимый огонь пылал на алтарях,
Дым тщетный исчезал с молитвой в облаках.
Гремели гимнами и храмы, и чертоги —
Безгласны алтари, без слуха были боги!

Э д и п

Во таинства небес нельзя проникнуть нам,
Рок смертным повелел покорствоваться богам.

И о к а с т а

Коль боги не щадят за Лаия народы
И рушат для него обычный чин природы;
Коль должно, чтоб настал отмщенья грозный день,
Что медлили явить нам Лаиеву тень?
Что медлили они открыть причину гнева
И нас вооружить для мщенья царева?
Простите, боги, мне, творенью ваших рук,
Что в горести на вас роптать дерзает дух.
Супруга я и мать, и слабостям причастна.
И если винна я, так тем, что лишь несчастна.
Здесь гибнет наш народ, в опасности Эдип,
Еще один удар — и Кадмов род погиб.

Э д и п

Не скорби нам теперь, великодушье сродно.
Я всё готов сносить, коль так богам угодно.

И о к а с т а

Невинных наших чад нам равны казни ждут.

Э д и п

Пусть кровию моей казнь боги пресекут —
Пускай мои сыны и я погибну с ними,
Когда нельзя спасти Фив средствами другими.
Судьба людей должна священна быть царям,
Народ свой охранять я клятву дал богам.

И о к а с т а

Но если клятва та народа не спасает
И крови не твоей всемогущий Зевс желает,
Так должно ли богам противное творить,
И сей ли жертвой мнишь на благость их склонить?
Пророчесственный Феб, подвигнутый мольбами,
Нам таинство открыл гремящими устами.

Что медлишь, государь, употреби всю власть,
Убийцу отыскав, умерить Фив напасть.

Э д и п

Когда Тирезиас не свержен в гроб судьбою,
Надеюсь, что в сей день предстанет он пред мною
И фивян рок решит.

И о к а с т а

Я буду зреть его?

Какая радость днесь для сердца моего!
Еще увижу я нелестна царска друга...
Да наградится в нем к отечеству услуга.
Он с Лаием делил все тяжести трудов,
Защитой сирым был, гонителем льстецов.
Но с смертию царя глас старцев непреклонных
Невинного изгнал!

Э д и п

Во время бед народных

Нередко жертвует заслугами вражда
И крови не щадит. Но, возвратясь сюда,
Несчастный старец сей, невинно оскорбленный,
Подробно ль описал царя конец плачевный?
Бродящими он был злодеями сражен
Иль в ратоборстве пал, соперником пронзен?

И о к а с т а

Вот старцевы слова: муж, видом горделивый,
Цветущий младостью, имея дух строптивый,
Средь дебрей на пути, ведущем в дельфский храм,
Где было гневным так угодно небесам,
Со дерзостью претил в желанный путь стремиться.
Принудил царь своих коней остановиться.
И, с колесницы сшед, он свой исторгнул меч,
Занес удар, чтоб им врага главу рассечь;
Соперник, уклонясь и взор возведши грозно,
Исторг в единый миг орудье смертоносно
И, быстротой своей он смерть предускоря,
Поверг на прах без чувств пронзенного царя.
Вотще клеветы мстить за Лаия алкали,—
С оружием в руке на месте жизнь скончали.

Один Тирезиас от смерти тем спасен,
Что он убийцей был за мертвого сочтен.

Э д и п

Чем Лаий от своих клеветов отличался?

И о к а с т а

Огонь бодрости в очах его изображался,
Завистна старость в нем не истребила сил,
Он равен в быстроте молодым героям был,
Седые лишь волосы, неложные приметы,
Изображали в нем его преклонны леты;
Величественный стан!.. душой, лицом своим —
Не ошибаюсь я — ты много сходен с ним!..
Два мужа средних лет его сопровождали,
Которы с ним труды военные разделяли.
Волосы являли их годам приличный цвет,
Один Тирезиас с царем был равных лет.
Эдип... бледнеешь ты?..

Э д и п

Нам бедства в жизни

сродны,

Постигнул и меня несчастьем рок злобный.
Я также на пути мечом сразил троих
И помню лиц черты противоборцев сих.
Хоть древен, но один из них был всех храбрее,
И принял от меня он смерть других скорее.
Величественный муж! ты жив в моих очах!
Воспоминание меня приводит в страх.
Когда вознес я меч рукою раздраженной,
Глас некий вопиял в моей душе смущенной:
Злодей, остановись!.. но грозный ада бог
Свирепством вящим дух бунтующий зажег;
В неистовстве моем, как лев во гневе ярый,
Я довершил над ним убийственны удары.
Завеса мрачная с моих ниспала глаз,
Я весь оцепенел... и ужас — в первый раз —
Поколебал мой дух. В мученьях бесполезных
Едва над трупом я не пролил токов слезных
И бедственну мою победу проклинал.
Но поздно было то, герой дышать престал.

Иокаста

Ужель сей странник был так дерзок пред тобою?

Эдип

Шаг первенства тому, царица, был виною.
С ним встреться, не хотел я пяди уступить,
Один из нас коней был должен отвратить.
Поверхность одержать была безумна радость.
О пылкость вредная! о дерзновенна младость!
Какие ты влечешь несчастья за собой!

Иокаста

О сколько с жизнью бед сопряжено судьбой!
Но часто горесть мы величим вображеньем
И сокрушаем дух безвременно мученьем.
Ты должен был себя, сражаясь, защищать;
Прилично ли душе героической унывать?
Злодейство лишь одно влечет на смертных казни.

Эдип

Постигнуть не могу вину моей боязни.

ЯВЛЕНИЕ 2

Эдип, Иокаста и фивянин.

Фивянин

Старейшин и вельмож избраннейших собор
Желает, государь, пред твой явиться взор.

Эдип

Представи их ко мне.

Иокаста

В каком мой дух
смущенье! . .

Эдип

На бледных лицах их читаю огорченье.

ЯВЛЕНИЕ 3

Эдип, Иокаста, старейшины и народ.

Эдип

Потщитесь в бедах отраду мне принести.

Старейшина

Внимай спасительну, но и ужасну весть:
Убийцу царского бессмертны объявили,
Вспомни ты, что нам уста твои гласили:
Царь буди справедлив, исполни свой обет.

Эдип

Эдипов на сие решителен ответ.
Для избавленья вас готов лишиться трона...
Но боги требуют кого на казнь?

Старейшина

Креона.

Иокаста

Креона?.. Небеса!

Старейшина

Он Лаия убил.

Иокаста

Что слышу я, увы!

Эдип

Кто вам сие открыл?

Старейшина

Пророчественный глас от высоты небесной...
Но се приходит жрец, богов глагол чудесный
Да изъяснится им.

Эдип

Его смущенный вид
Разгневанных богов пророчество гласит.

Первосвященник

Страшусь отверсть уста и скрыть не смею тайны.

Эдип

Какие нам грозят беды необычайны?

Первосвященник

Когда ты повелел нам дар принесть богам,
Сонм фивян собрал я в молниеносцев храм.
И там, пред алтарем упавши в умиленьи,
Просили Зевса мы о общем Фив спасеньи.
Внял глас наш царь богов и в громе тако рек:
«Скрывается меж вас преступный человек,
Который Лаия сразил своей рукою,
Который... — глас умолк, и паки с быстротою
Вещал: — Он был средь Фив ко смерти осужден
И кровию родства с царицей сопряжен».
Сверкнули молнии вдруг, в воздухе несомы,
И с треском раздались подземны в храме громаы.
Кровавы буквы я на алтаре читал...
О боги! Чей их перст, чье имя начертал!..

Старейшина

Сомненья нет, и Зевс, на благость преклоненный,
К спасенью нам явил надежды луч священный.
Кто может быть другой, как не царицын брат?
Не раз он был царем из фивских изгнан врат.
Не раз, употребля коварство и крамолу,
Предпринимал открыть кровавый путь к престолу.
О царь, будь в слове тверд! не раздражи богов
И должной казнию спаси своих сынов.
Да снова процветет Эдипова держава
И в поздны времена твоя промчится слава.

Иокаста

О левоверные, народ и Фив цари!
Иль мало кровью здесь дымились алтари?
Закланье страшных жертв богов не умягчало,
И тщетно каждый день злодейство жертв искало.
Не избежал сетей и Кадм великий сам,
Когда последовал пророческим словам.
Во внутренней тельцов жрецы судьбу читали,
В двусмысленных речах грядуще прорицали;
Тесня народный ум под бременем цепей,
Влекли на люту смерть противных им людей.

Для провещанья бед лишь их уста способны:
Жрецы не боги суть и нам во всем подобны.
Когда Иокасты кровь толиких зол виной,
Свершайте, боги, казнь немедля надо мной!
Эдип, твой долг решить народную прю с царицей
И Фив не отягчать Креоновой гробницей.

Эдип

О грозный суд богов! о тяжкий долг царей!
Вкусил ли радость я, главою став людей?
О сколько бед влекут величие, корона!

Первосвященник

Какая к счастью нам воздвигнута препона!..

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Креон.

Иокаста

Что вижу я? мой брат!

Один из старейшин

О боги! вот он сам.

И смерть его конец положит всем бедам!

Креон

Пред ликом мудрым здесь старейшин удрученных,
Страдающих средь бед, богами нанесенных,
Которых отвратить чрез целый год не мог
И светоносный Феб, хранящий Фивы бог,
Дерзаю речь простерть: о царь, венчанный славой!
Внемли и возбрани здесь ток пролить кровавый.
Чтоб, зря ужасно зло, гремящий в бурях царь
Не потребил огнем его преступную тварь,
И алтари его, всегдашней жертвой чтимы,
Где пламень видим мы, вовек неугасимый,
Прибежище сие несчастливых людей,
Не обратились вам в ужасный вид смертей.
Страшись, народ, и знай, что сын всемогущий Крона
За кровь мою отмстить подвигнется со трона.
И горе тем, чей меч, творя к убийству путь,
В святилище богов пронзит Креону грудь.

Я вами обвинен во смерти царской ныне —
Какой крамольный дар готовите судьбине!
Невишного на смерть позорно осудить —
Есть Фив умножить казнь, не бедства отвратить.
Клянуся я средь вас пред мстящими богами
И прахом Лаия, казняща нас бедами,
Что если ложь мои отрыгнули уста,
Да адовы пред мной разверзнутся врата
И буду поглощен горячей вечно бездной
Иль громы ниспадут от высоты небесной
И, в прах преобратив клятвопреступный род,
Чудесной казнию сей от бед спасут народ.

Э д и п

Не убеждуся я пророчеств темных гласом,
Оправдан должен быть Креон Тирезиасом.
Но если ж... трепещи, — кто б ни был сей злодей,
Не будет пощажен десницею моей.
Приязнь, родство и глас народныя любви
Не отвратит руки пролить преступной крови.
Хотя б то был я сам.

Первосвященник

Чтоб нас от бед спасти,
Какую клятву ты дерзнул произнести!

Э д и п

Необходима мне та клятва учинилась.

Первосвященник

Дай небо, чтоб она вовеки не свершилась!

Э д и п

О жрец! иль ты забыл, что служишь алтарям,
Или не верить нам оракулам, богам?

Первосвященник

О царь! не испытай пророческих вещаний,
Постигнув их, страшись лютейших наказаний.
Коль боги б тайну ту навек покрыли тьмой!
Еще б надежды луч сиял над сей страной!

Э д и п

Ты Фивам возвестил лютейшие напасти?..

Первосвященник

О если б отвратить их было в нашей власти!..

Эдип

Иль рок на нас не все удары истощил?

Первосвященник

О Зевс! почто судеб ты книгу мне открыл?

Эдип

Читаю скорбь души в твоём смущенном зраке,
Вещай, доколе нам ходить чудес во мраке?

Первосвященник

О боги!.. по внимли... ах, что хочу вещать!..
Эдип!.. и сам себя страшися ты познать.

Он делает знак старейшинам, которые с ним уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Иокаста, Эдип, Креон.

Иокаста

О весть ужасная! о лютое мученье,
Напасти превзошли надежду и терпенье.

Эдип

Объемлет чувства страх... и жрец ли то вещал,
Иль некий грозный бог в лице его предстал?
Ужель поверить мне?... нет, нет, жрецов глаголы
Под видом святости скрывают и крамолы.
О злый предвестник бед! сквернящий свой алтарь,
Страшися, познаешь ты, каков во гневе царь!
Но тщетно, может быть, мой дух стремится

к мщенью,

Предаться должен я важнейшу размышленью
И в ясность привести толь мрачную судьбу.

(Уходит.)

Иокаста

Какую чувствую в себе страстей борьбу!
Казнь Фив, Эдипов рок, всё мысль мою терзает,

ЯВЛЕНИЕ 2

Эдип и Иокаста.

Иокаста

Вотще скрываешь ты души твоей смущенье,
Твой взор являет мне бед злейших приближенье.
Стремясь проникать во тайнства судьбин,
Отчаянный Эдип страдает здесь один.

Эдип

Пророчеств мрачных глас, жрецом произнесенных,
Воспоминание о трех мужах сраженных
Приводят в ужас мысль, в отчаяние дух:
Иокаста, скольких бед виною твой супруг!
В убийстве Лаия себя подозреваю
И страшную судьбу в предбудущем читаю!

Иокаста

Чтоб силу поддержать оракуловых слов,
Жрецы являют нам жестокими богов.
Увы! пророчеств ложь с Иокастой совершилась!
Я сына моего по гласу их лишилась.

Эдип

Что слышу я! но где?.. вещай, какой судьбой?

Иокаста

О слабость пагубна! о день разлуки злой!
О легковерный ум! о яростна судьбина!..
Тебе известно то, что я имела сына.
О счастии его, нежнейша мать, пеклась,
Вдруг громкая молва по граду разнеслась,
Что в многоплодных здесь долинах Киферона
Есть жрица славная от храма Аполлона,
Котора, взор вперя стигийских вод в поток,
Предсказывает всем грядущий смертных рок.
Влекума к детищу любовью природной,
От шумных беспокойств избравши день свободный,
Достигла я туда, чтоб жрицу спросить,
Во славе ли мой сын и долго ль будет жить.
К ногам пророчицы с молением упала,
И вот ее слова, которы я внимала:

«Твой сын сразит отца, и в Кадмовых странах...»
Возможно ль окончатъ?.. меня объемлет страх.

Э д и п

Царица, доверши.

И о к а с т а

Пророчеств сильный боже!
Ты в жрице рек, что сын войдет ко мне на ложе!
Что жизнь его спрягу навек с моей судьбой,
И брак сей будет всех народных бед виной,
От уз, которыми с ним буду соединенна,
Увидит гнусный плод со ужасом вселенна,
Что от преступного смешения кровей
Я в свет произведу сынов и дочерей.
Эдип, трепещешь ты и взоры отвращаешь?..

Э д и п

Какие ты слова, царица, мне вещаешь!..
Что сделала, скажи, с несчастным сыном ты?

И о к а с т а

Терзали дух во мне предбудущи беды.
Умолк природы глас во сердце пораженном,
Предсказанный мне рок в пророчестве священном
Весь разум занимал, и матери любовь
Вотще претила мне пролить сыновню кровь.
Всесильна власть богов природу одолела,
Я сына умертвить вне града повелела.
О жрица злобная! о пагубный приход!
Какой пожалала я с моих стараний плод!
Мой сын закрыл глаза в дни жизни безмятежной,
Но спасся ли отец от смерти неизбежной?
Ужасный сей пример тебя да убедит,
И от пророчеств слух супруг мой отвратит.

Э д и п

Теперь познай и мой, царица, рок жестокой,
Который я скрывал во мрачности глубокой.
Чудесна сходственность моих с твоими бед
Подобно и тебя во ужас приведет.
Внимай, какое мне грозит издавна бедство:
Ты знаешь, что престол Коринфский есть наследство

Супруга твоего; Полиб, родитель мой,
Согбенный от трудов и древности седой,
Казалось, что к своей кончине приближался,
И мне пространный путь к престолу открывался.
В единый день, увы! о ты, враждебный бог!
Почто забыть твоих вещаний я не мог?
Среди священных древ, близ отческого града,
Я в капище пришел для жертвенна обряда.
Украшив там алтарь венками из цветов,
Колени преклоня пред ликами богов,
Я возносился к ним усердною мольбою
И смирну возжигал им в честь моей рукою.
Вдруг храм затрепетал, завыл порывный ветер,
И черный дым исшел из преисподних недр,
Клубился, и земля, потрясшись, восстенала,
Дары мои рука незрима разметала.
И что ж я вдруг узрел? исшедших Эвменид!
Помост изображал кровавых капель вид!
И сей услышал глас, из облака гремящий,
Глас гневна божества, слух, чувства разящий:
«Не оскверняй сих мест присутствием твоим,
Изъят от мертвых ты и не причтен к живым;
Богам противен дар, преступником возжженный,
Злым фуриям Эдип на жертву осужденный,
Спеши ущэдрить их, воздай им должну честь,
Уже в руках их огонь, в сердцах пылает месть.
Се боги суть твои, других ты не имеешь».
Я весь оцепенел... царица, ты бледнеешь?..
И тот же самый глас — поверить льзя ль сему? —
Мне возвестил всё то, что сыну твоему.
Весь ужас тех злодейств, и лютых зол стеченье,
Всю гнусность естества, всех бед совокупленье.
Что моего отца я кровью обагрюсь
И браком с матерью моею сопрягусь.

Иокаста

Что слышу, государь?..

Эдип

Богами отчужденный,
Чтоб не свершить с отцом удар определенный,
Я сам против себя изрек ужасный суд;

Забудь минувший страх, се царь перед тобой,
Эдип за скорбь твою воздаст сугубой мздой.

Тирезиас

Эдип? .. что вижу я? и он мой царь? .. о боги!

(Отступает назад.)

Эдип

Приблизься и вещай! ..

Тирезиас

Мои трепещут ноги.

Эдип

Отринь свой тщетный страх, вещай, поведай мне,
Кем Лайй был сражен, когда, в какой стране?
Да, истину познав, к спасенью луч открою.

Тирезиас

Почто и я не шел с ним к вечному покою!
Не чувствовал бы днесь толико страшных мук,
Воспоминаньем мой не разрывался б дух!
Вотще ты мне велишь усугублять страданье,
Ты ужаснешься царь, когда прерву молчанье.
О пагубный удар! о Фивам грозный день!
Эдип, не возмущай священну царску тень.

Эдип

Но требует сего народное спасенье,
За Лаиеву смерть Эдип свершит отмщенье.

Тирезиас

Отмщенье! и над кем? Эдип, вострепещи!

Эдип

Кто, я? .. Тирезиас? ..

Тирезиас

Могу ли изрещи!

О Лайй! о мой царь, злодейски умерщвленный,
Еще ты зришься мне, весь кровью обогранный!

Э д и п

Убийцу царского открыть ты должен нам,
Полезно Фивам то, угодно небесам.

Т и р е з и а с

Убийца Лаиев стоит передо мною.

Э д и п

Что слышу?.. и ты мог, водимый слепотою,
В молчаньи пребывать?.. ты дашь ответ богам.
Вещай, кто изверг сей? да люта казнь...

Т и р е з и а с

Ты сам.

Э д и п

О дерзкий!

И о к а с т а

О Эдип!

Один из старейшин

О фивяң царь несчастный!

Т и р е з и а с

Возри на грудь мою, на язвы те ужасны,
Которы ты своей напечатлел рукой, —
Я живо сохранил в сем сердце образ твой.

Э д и п

Не раздирай мой дух изображеньем бедства,
Гнушаюсь моего ужасного злодейства.
Низвергся в пропасть ту, которой избегал,
Сомненья нет, и царь твой мною жизнь скончал;
Свирепости моей ты был невинна жертва,
Тебя оставил я на месте полумертва;
Изобличает в том меня твой взор и глас,
Увы! Эдип познал тебя, Тирезиас!

И о к а с т а

Возможно ль, государь, ты Лаиев убийца!

Э д и п

Минули казни Фив, прерви свой стон, царица.

Т и р е з и а с

За твой поступок я был в Фивах обвинен
И изгнан как злодей, а ты на трон взведен.

Э д и п

Всеобщие беды отмстятся наказаньем,
За горести твои воздам моим терзаньем;
Спокоен будь, иди, победой восхищен.

(К народу)

А ты, народ, быв мной в ров казней завлечен,
Возвселись своим от гибели спасеньем,
Ступай, да Зевсов жрец со жертвоприношеньем
Узнает от богов о страшной казни той,
Котору мне принять назначено судьбой.

С т а р е й ш и н а

С каким несчастьем Фив сопряжено спасенье!
Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Э д и п и И о к а с т а.

Э д и п

Царица, зри теперь Эдипово мученье.
Народная любовь, с тобою мой союз,
И происшедший плод от брачных наших уз,
И боги Кадмовы — всё страшно стало ныне,
Всё казнью мне грозит. Покорствуя судьбине,
Срывай с главы моей венец тот роковой,
Который возложен твоею был рукой.
Отмсти за царску смерть, Эдипа не жалея,
И сердце растерзай невинного злодея,
Который, на себя навлекши гнев небес,
Цареубийства страх на одр к тебе принес.

И о к а с т а

Коль кровью должно дань воздать супругу мертву,
Бессмертные во мне сию увидят жертву.

Э д и п

Решимости такой в тебе не чаял зреть,
Царица ты и мать, и хочешь умереть!

Иокаста

Когда нельзя смягчить разгневанну судьбину,
Так должно ль хоть на час отсрочивать кончину?

Э д и п

Жестокая! ты, дух мой скорбью бременя,
Последний счастья луч отъемлешь у меня.
Возненавидела и жизнь, и долг священный,
Намерением злым твой ум воспламененный
Не твердость может тем, но слабость изъязвить.
Великий должен дух с терпением сносить
И отвращать судеб на нас стремленье злобно, —
Вот чувство, коим нам гордиться в жизни сродно.
Я Лаия сразил, он мною раздражен
И смертью твоей не будет укрошен.
Воздвиглись казни здесь с моим во град
вступленьем,
И боги на меня восстали грозным мщеньем.
Мне роком суждено в рождении моем
Неслыханных злодейств сверх воли быть творцом.
Полиб еще живет, могу ли поручиться,
Что с ним предсказанный удар не совершится?
Что боги вновь мой дух свирепством воспалят,
Что много жертв еще низвергну я во ад?
Окончив жизнь мою, народу посвященну,
От страшного спасу чудовища вселенну.
Царица, будь тверда, отри свой слезный ток.

Вошедший фивянин

(Эдипу)

О участи твоей решил враждебный рок.
С ответом жрец твоих велений ожидает.

Э д и п

(Иокасте)

Царица, весть сия твой дух да не смущает,
Чрез час из уст моих услышишь сей ответ.

(Уходит.)

Иокаста

О Зевс! да на меня одну твой гром падет!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Эдип, старейшины и народ.

Эдип

Эдипов рок свершен, и боги в наказание
Определили мне из Фивских стен изгнание.
Владычествуя здесь со славою пять лет,
Сверх воли был Эдип орудьем ваших бед.
Блаженству моему поставя рок препоны,
Грозил разрушить здесь природы всей законы;
Но боги, вняв мольбу и стон невинных чад,
Изводят наконец из бездн несчастный град;
Благословляю казнь мою с благоговеньем,
И дух мой восхищен незапным Фив спасеньем.
Прощаясь с вами, я, во мзду моих заслуг,
Молю вас облегчить Иокасты скорбный дух.
Сей скиптр, которым я владел над сей странюю,
Царице возвращен обратно будет мною.
Усердье и любовь приверженных сердец
В бедах заменят мне и скипетр, и венец.

Один из старейшин

Исполним твой завет... о скорбное прощанье!
Каких нам стоит слез Эдипово изгнание!

Народ отирает слезы.

Эдип

Народ, ты слезы льешь?

Старейшина

Возможно ль их не лить,
Прощаясь с тобой?

Эдип

(сам отирая слезы)

И мне как твердо быть?

Старейшина

Невинному царю казнь боги назначают.

Э д и п

Они дают вам жизнь.

С т а р е й ш и н а

Эдипа нас лишают!

Э д и п

Блажен тот в свете царь и вечно в славе зрим,
Который как отец от подданных любим!

Исполните мое последнее веленье —

Да к нам Тирезиас придет в сие мгновенье.

Один из народа уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и фивянин.

Ф и в я н и н

(Эдипу)

Коринфский некий муж, покрытый сединой,
Желает, государь, явиться пред тобой.

Э д и п

Коринфянин?.. но что виной его прихода?

Посол сей от царя иль от лица народа?..

(К фивянину)

Представь его ко мне... о как смущен мой дух!

Фивянин делает знак, чтоб тот вошел.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Икар.

Э д и п

Что вижу я? Икар, наставник мой и друг!

О юности моей подпора неизменна!

Какая днесь судьба, на благость преклоненна,

Эдипу видеться дозволила с тобой?

Но жив ли, возвести, Полиб, родитель мой?

И к а р

Полиб окончил жизнь.

Э д и п

Полиб? о слух плачевный!

Оракулы! теперь не вы ли постыженны?
Не вы ль в пророчествах ужасных, полных бед,
Рекли, что мой отец от сей руки умрет?
Я торжествую днесь... победа, сердцу люта!
Какая радостна и страшная минута!
Тогда как у меня отца отъемлет рок,
С весельем должен я лить слез горчайших ток!
Отмстим оракулам, отмстим за предсказанье,
И смертных торжество явим во всем сиянье.
Икар, уж время нам в Коринф с тобою течь,
Из тьмы забвения мой долг отца извлечь.
Воздвигнем памятник над телом, чувств лишенным,
Да явится Полиб, в металле оживленным, —
Отрадой будет мне сей вид среди самых бед.
В то время, о Икар! пусть легковерный свет
Жрецов познает ложь, для смертных столь опасну,
И длань Эдипову, злодейству непричастну.
Престанет жребий наш из дерзких уст летать,
Научит мой пример оракулов молчать.
Но ты, Икар, смущен и взоры отвращаешь,
Почто сей мрачный вид? .. ты стоном отвечаешь?

И к а р

Дозволь остаться мне с тобой наедине.

Э д и п

(к предстоящим)

Оставьте нас одних.

(Икару)

Или ты можешь мне
Поведать вящие моих мучений бедства?

И к а р

Эдип навек лишен коринфского наследства,
Оковы там тебе иль алчна смерть грозит.

Э д и п

Что слышу? .. но кто ж путь мне к трону заградит?

И к а р

Другой наследник есть коринфского престола.

Э д и п

Вот следствие всех зол сего плачевна дола!
Преследуй, лютый рок, еще я не погиб,
Докончи твой удар!.. но что? или Полиб
При смерти не успел призвать к правленью сына,
Или коринфяне?.. О гневная судьбина!..
Но если уж нельзя престола возвратить,
Державы хищнику я должен отомстить,
Хотя для мщенья там и войска не имею,
Но сей рукой могу я грудь пронзить злодею.
Вещай мне, кто там царь?

И к а р

Полиба старший зять,
Которого он сам судил царем избрать.

Э д и п

Отец мог столько быть ко мне жестокосердым?

И к а р

Ты не Полибов сын.

Э д и п

Икар!..

И к а р

Судьбинам гневным
Угодно было так. С прискорбною душой
Я должен возвестить тебе о тайне сей.

Э д и п

Я не Полибов сын?..

И к а р

Когда минута злая
Приблизилась и царь, дух в вечность испущая,
Собравшимся к нему старейшинам вещал,
Что ты не сын его, народ тогда узнал,
Что тайны царской был участник я единый,

И, угрожая мне всей лютостью судьбины,
Принудил здесь под твой прибегнуть мне покров.

Э д и п

О небо!.. кто же я?..

И к а р

В том таинство богов.
Рождение твое скрывало небо тьмою
В то время, как мне власть вручило над тобою.
Сие известно мне, что в Фивах ты рожден,
Среди кремнистых скал был к смерти осужден,
Гонимый от людей, оставленный богами.

Э д и п

Так я твоими был, Икар, спасен руками?..
Чью ярость мог возжечь младенец в пеленах?..
О! лучше, если б я жизнь кончил на скалах!
Где ж ты меня обрел?

И к а р

Средь ужаса природы,
Где царствует борей и льдом покрыты воды.
Холмистый Киферон Эдипа сокрывал,
На гордых высотах среди разбитых скал.
Я был туда влечен противною судьбою,
Достиг, и се предстал внезапно предо мною
Единый фивский муж с отчаянным лицом.
Назвавши он себя Эдиповым отцом,
Вручил младенца мне, безгласна, полумертва.
«Взрасти его, — вещал, — он есть невинна жертва.
Не вопрошай о нем, судил так жребий злой,
Чтоб род его был скрыт от смертных темной».
Я таинство почтил, которо боги сами
Претили пронизать пророчества устами.
Принсс тебя в Коринф, владетелю явил,
Дивись судьбам!.. Полиб тебя усыновил!
Наследникова смерть на троне заменилась,
И власть Полибова тобою утвердилась.
Ты был как царский сын в Коринфе возвращен,
И от лица граждан наследником почтен.
Теперь известно всем, что ты не сын Полиба.

Э д и п

О вы, держащие в деснице рок Эдипа!
Бессмертны! для чего произведен я в свет?
С младенчества уж был невинной жертвой бед;
Несчастия со мной вседневно возрастали,
На вящие беды вы жизнь мою спасали!
И в мужеских летах, гонимый роком злым,
Я испытал богов по казням лишь одним!
Сей муж, Икару чьей я был вручен рукою,
Ужель с тех самых пор не виделся с тобою?

И к а р

Ведя в Коринфе жизнь, я зреть его не мог,
Быть может, древний век прервал враждебный рок.
Несчастливый сей муж удобен лишь единый
Исследовать твой род и таинства причины.

Э д и п

Пусть боги от меня то скроют вечной тьмой,
Предвижу я удар от тайны роковой.
Не знать себя и знать Эдипу есть мученье...
Свершайте, небеса, свое определенье!

ЯВЛЕНИЕ 4

Эдип, Икар и Тирезиас.

Э д и п

Приди, Тирезиас, принять заслугам мзды,
В сей день оставляю я правления бразды:
В сан прежний облекись, спомоществуй царице,
Подпорой трону будь и Кадмовой столице.

Т и р е з и а с

Отсутствие твое сугубит общий стон.

И к а р

(всматриваясь в Тирезиаса)

Черты лица и глас... сомненья нет, се он,
Не ошибаюсь я... о чудное свиданье!

Т и р е з и а с

Какое может быть о мне воспоминанье?

И кар

Хотя познать меня не в силах слабый взор,
Но ты не мог забыть, что на вершине гор
Младенца мне вручил.

Тирезиас

Что слышу я? о боги!

И кар

Не сетуй на богов, они к тебе не строги,
Младенец сей — Эдип.

Тирезиас

О страх!.. лишаюсь сил...
Несчастный, что ты рек?..

И кар

Я истину открыл.

(Эдипу)

Сей муж на высотах холмиста Киферона
Эдипа вверил мне.

Эдип

Эдип, наследник трона,
Возможно ли, чтоб был сим мужем в свет рожден,
Чтоб кровь его во мне...

Тирезиас

Ты тщетно оскорблен,
Эдип не есть мой сын.

Эдип

Иль был не я тобою
Средь скал ему вручен?

Тирезиас

Увы! какой стезею
К ужасной истине нас боги привели!

(Эдипу)

Тирезиаса ты отсюда удали.
От страшного меня избавь повествованья,

Э д и п

Иль не довольно бед и лютого терзанья,
Иль злейших должно ждать?

Т и р е з и а с

Оставь своих детей,
Супругу и беги туда, где нет людей.

Э д и п

Предчувствовал я все сии ужасны кары,
Докончи, наноси последни мне удары;
То истина ль, вещай, что он о мне речет,
И я ль младенец сей?

Т и р е з и а с

Сомнения в том нет.
Ах! лучше если б я повиновался року
И смертью упредил жизнь пагубну, жестоку!

Э д и п

Открой, где я рожден?

Т и р е з и а с

Ты в Фивах свет узрел.

Э д и п

Кто был родитель мой?

Т и р е з и а с

Народом он владел,
Геройский дух в его делах изображался,
Зря в подданных детей, он их отцом считался.

Э д и п

Кто ж был он? доверши.

Т и р е з и а с

О бездна страшных мук!

Э д и п

Непослушанием не раздражай мой дух.

Т и р е з и а с

Проклятием твоя глава обремененна,
Со страхом будет зреть сынов твоих вселенна,
Се жребий твой.

Э д и п

Вещай.

Т и р е з и а с

К чему я принужден!..
Ты Иокасты сын! ты Лаием рожден!..

И к а р

О боги! трепещу!..

Т и р е з и а с

Вот наших плод стараний!
Исполнился с царем весь ужас предсказаний.
О горестнейший день!

И к а р

Разит речь каждая слух!

Э д и п

Отцеубийца я... и матери супруг!..

(Икару и Тирезиасу)

Сокройтесь от меня, чудовищи свирепы,
Доколь я вас не сверг во адовы заклепы;
Вы были бедствий всех Эдиповых виной,
Спасая жизнь мою, что сделали со мной!
Для мщенья моего зрю в вас достойны жертвы,
Бегите, иль сейчас пред мной падете мертвы.

ЯВЛЕНИЕ 5

Э д и п
(один)

Ниспал с очей покров, мрачивший разум тьмой,
Я вижу страшный суд, свершенный над собой.
Игралище богов, для бедствий в свет рожденный
И добродетельми от смертных отличенный,
Я стал преступником гнуснейшим из людей,
И ложе осквернил я матери моей!
Непостижима власть несчастным управляла,
От преступления к другому провожала.
И я приемлю казнь!.. и я погиб... о страх!..
Где ж правосудие, коль нет его в богах?
Какими вдруг мой взор объемлетса мечтами,
Какой восходит дым вверх черными грядями!
Он тмит сиянье звезд, в груди спирает дух;
Какой ужасный стон пронзает сердце, слух!
Разверзлась вечна хлябь, зрю тени уstraшенны,
Явились предо мной чудовищи геенны!
Сторукий Бриарей здесь кажет грозный взгляд,
Там Цербер зыблет весь тризевным лаем ад.
Но я ужаснее, чем Тартара тираны,
Се Лаиева тень, точаща кровь из раны,
Влечет свои стопы... сколь вид ее смущен!..
Что медлишь, мой отец? еще ты не отмщен.
Рази преступну грудь... ты взоры отвращаешь
И к лютым фуриям с мольбою прибегаешь;
Богини мщениа твой вяяли скорбный глас,
По черной их крови свирепость разлилась;
Уже от ярости трепещут в них все члены,
И смрадные уста багровой полны пены.
Вздываются на мне от ужаса власы!
О грозный фурий вид! о бедственны часы!
В неистовстве они заклепы рвут железны
И с ревом мчатся вон из преисподней бездны.
Пылает адский огонь, змии шипят в руках,
Читаю я мой рок в свирепых их очах!
За Лаиеву смерть мстить сыну спешают,
Я зрю их, вот они Эдипа окружают,
Влекут меня... о страх! внимаю звук цепей;
Куда влечете вы?.. сей ад в душе моей!

ЯВЛЕНИЕ 6

Эдип, Иокаста, старейшины и народ.

Иокаста

Пронзительный твой стон наполнил все чертоги,
Уже сомненья нет, что к нам во гневе боги
Изгнание из Фив назначили тебе?
Какой приносим дар казнящей нас судьбе!
Настал разлуки час... пролейтесь слезны реки,
Эдип, уж я с тобой прощаюся навеки!

Эдип

Оставь преступника, Иокаста, удались.

Иокаста

Мне скрыться от тебя?

Эдип

С Эдипом быть страшись.

Иокаста

Дражайший мой супруг!..

Эдип

Несчастлива! что вещаешь!

Кого ты именем священным называешь!
Иокаста, трепещи, сбылся пророчеств глас,
Проклятие и казнь низверглися на нас!
Я страшен сам себе, я чад моих губитель,
Царица!.. я твой сын, а Лаий мой родитель!

(Уходит.)

Один из старейшин

О ужас! о удар!

Иокаста

О Зевс, твой гром ниспал;
Свершилось всё, и сын моим супругом стал...
Разверзи бездны ад, скрой стыд мой и мученье,
Мне жизнь есть люта казнь, и смерть мое спасенье.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор народа

Промедли, солнце, в небесах,
И, ночь, умерь свое течение,
Феб, зрящий нашу скорбь в сердцах,
Продли с Эдипом разлученье!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и первосвященник.

Первосвященник

Отрите токи слез, скончайте глас плачевный,
Прошли напасти Фив, смягчились боги гневны.
Луч огненный рассек густой над градом мрак,
Сквозь чистый свод небес явило солнце зрак.
Избавились от бурь пучин Эгейских воды,
Открылся светлый пир божественной природы.
Обремененна смерть добычею своей
Низверглась в вечну тьму Плутоновых хлябей,
От язвы свободясь, град Кадмов оживает
И благодать нам свою Зевс громом возвещает.

При последнем стихе слышен гром.

Старейшина

О радостная весть!

Другой старейшина

О щедрый фивян бог!

Первосвященник

Эдип вам повелел собраться в сей чертог,
Чтоб воспрять от вас последнее прощанье.

Старейшина

Эдип оставит нас? .. о лютое терзанье.

Другой старейшина

В каком отчаяньи приходит к нам Креон,
Он бьет себя во грудь, пускает тяжкий стон.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Креон.

Креон

О Фивы бедственны! о Кадрмов род несчастный!
Всего лишились мы, о времена ужасны!
Иокасты больше нет... Эдип!..

Первосвященник

Я трепещу...

Старейшина

Еще ли нова казнь?..

Креон

Ах! что я возвещу?

Несчастливая чета! о брак невероятный!
Не мир ты к нам принес, но казни беспримерны.
Дражайшие сестры... о преужасный вид!
Супружней кровью труп бесчувственный покрыт!

Старейшина

Эдипа кровь?..

Креон

Увы!

Первосвященник

Иль мало слез мы лили?

Эдип окончил жизнь... и боги допустили!

Креон

Внемлите... по с чего ужасну речь начать?
Объемлет чувства хлад, и не могу скончать!

Первосвященник

Ничто не может днесь умножить лютость части,
Страданье наше все превысило напасти;
О! сжался, доверши.

Креон

О солнце, скройся в понт!
И больше не всходи на фивский горизонт.

Не освещай, о Феб! сего плачевна дола,
Где ужас царствует, где казни и крамола!
А ты, из гроба царь, взывающий к богам,
Взор грозный обрати к плачевным сим местам.
Зри сына своего, сраженного судьбою,
Супруги хладный труп, покрытый смертной мглою,
Взирай и веселись, виновник лютых мук,
И жертвой сей насыть свой кровожадный дух.
Носяща смерть в груди, Иокаста утомленна
Достигла в свой чертог, дрожаща и смущенна.
Зря скорбь мою, рекла: «Возлюбленный Креон,
Я в вечность отхожу, прерви свой тяжкий стоп,
Мне сей назначен рок самим гремящим богом,
И смерть приемлю я щедрот его залогом.
Гробница мрачна тех не может ужасать,
Надежда коих дух престала здесь питать.
Я, быв игралищем судьбы немилосердой,
Несу к Плутону дар еще во мысли твердой,
Что бедствием моим и казнями всех родов
Склоню на жалость ад и устыжу богов!
О чадах ты моих, Креон, о сем рожденье
Как сродник возымей отцовско попеченье».
Рекла, и на меня взвела свой мрачный взгляд;
Уже в ней воспылал вкушенный ею яд.
Но бодрствует еще и слабыми руками,
Объемля брачный одр, кропит его слезами.
Отверзла вновь уста, в ней боль стеснила дух,
Поверглася на одр и кровь изрыгла вдруг.
По бледному челу пот черный лился градом,
И идолы богов, стоящи длинным рядом,
Увидя страшну казнь, свой отвратили взор.
Невинна жертва тут, вселенная позор,
Еще в последний раз открыла мутны очи
И дух свой предала во область вечной почи.
Сам Феб в златом венце пустил из меди стоп,
И стрелометный лук печальный издал звон.
Тут ужас вдруг объял мои дрожащи члены,
Застыла в жилах кровь, и, мнилось, будто стены
Низверглись на меня. В очах затмился свет,
Уже я возопил: «Иокасты больше нет».
На сей внезапно шум Эдип в чертог вбегаёт,
Супругу зря без чувств, трепещет, отступает.

В сомненьи лютот был, куда направить путь? ..
Как бурная волна его вздымалась грудь.
Он голос напрягал, но сил недоставало,
И слово на устах недвижных умирало.
Убийство матери, конец ее скорбей
Вселяют мысль в него последовать за ней.
Орудья ищет он и, к смерти зря преграды,
В неистовстве вокруг свирепы мечет взгляды.
Сам рок спешил его на казнь сопровождать:
Эдип... возможно ль вам без трепета внимать? ..
Он к ложу подступил, скончалась где царица.
Застежкой, чем на ней скреплялась багряница,
Глаза свои пронзил: кровь черна потекла,
И вдруг со связью жил исторг их из чела.
Я в страхе отступил; царь, болью утомленный,
Забытый от богов и зренья лишенный,
Еще печется он о благе ваших дней.

Старейшина

И боги не щадят столь доблестных царей!

Первосвященник

Увы! Эдипа зрю... величье, что ты ныне? ..
И царь, и раб одной подвержены судьбине!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Эдип, поддерживаемый двумя фивянами, с покрывалом на голове садится в кресла.

Старейшина

Возможно ли познать Эдипа в виде сем?

Первосвященник

Вот чем свершился суд бессмертных над царем!
О, бедности пример!

Креон

О, рок! о, время слезно!

Эдип

Оставьте вашу скорбь, страданье бесполезно.
О фивяне! я сам себя лишил очей,

И как бы мог я зреть, прешед от жизни сей,
В судилище богов Иокасту пред собою
И Лаия, моей пронзенного рукою?
О, лучше, если б я и слуха был лишен —
Проклятием всяк час он не был бы ражен.
О Давлия! о путь, Гекатой проложенный,
О, родшего меня, дол, кровью упоенный!
Вы начертали мне багровый к Фивам след.
О брак, ужаснейший источник вящих бед!
Ты в мир сей произвел от беззаконной крови
На трепет естеству преступной плод любви!
Будь жалостлив, Креон, представь ты чад моих,
В последний раз хочу прижать ко персям их.
Прошу тебя о сем едином одолженье.

Креон

(выводя детей)

Уже я упредил Эдипово веленье.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и дети Эдиповы.

Полиник

Се он.

Эфеокл

Родитель мой!

Антигона

Возможно ль зреть

без стоа? . .

Эдип

Приблизьтесь: Полиник, Эфеокл, Антигона.
Мне рок определил вас вечно не видать,
Несчастливого отца придите вы обнять.

(Обнимает детей.)

С каким сугубым вас лобзаю восхищеньем!
Объятия мои мне служат ныне зреньем!
Но здесь Исмены нет, Исмена в тишине,
Лежаща в пеленах, покоится во сне.

Покойся, нежна дочь, несчастное рожденье,
Твой сладок ныне сон... но страшно пробужденье!
Когда восстанешь ты с одра и взор простишь,
Отца и матери в чертогах не найдешь.
Услышишь ты об них из уст красноречивых
Не громкую хвалу, но ужас нечестивых!
Увы! какой отец или какая мать
Позволит чад своих с моими сочетать?
Кто примет вас в свой род, то вспомнив злодеянье,
Которо вам Эдип оставил в наказанье?
И кто дерзнет из них толико буйным быть,
Чтоб волей на себя гнев вышних обратить?
Какие вам грозят хулы, печали мрачны!
Вам рок судил страдать и дни вести безбрачны.
Какой вам должно стыд в то время пренести,
Коль с вами об отце кто будет речь вести?
Быть может, гнев богов в последующе время,
Постигнувший отца, прострется и на племя!..

(Креону)

Великодушный князь, твое усердье зря,
Детей моих во власть тебе вручаю я.
А ты, народ, скончав вражду свою к Креону,
Вспомоществуй ему носить мою корону;
И не отринь сих чад, несчастный плод царей.

Первосвященник

Уверен будь, Эдип, в надежде ты своей.

Креон

Возможно ли от слез и стона удержаться?

Старейшина

О рок! почто должны с Эдипом мы расстаться!

Эдип

(вставши)

Я внемлю глас богов, зовущих в путь меня,
Иду покрыть studом, жизнь бедственну кляня.
Пещерны глубины, леса, пустыни воды,
Вы ныне узрите страшилища природы!
Кто будет в скорбный путь меня сопровождать
И дряхлого слепца страданья разделять?

Под небом пасмурным во время дней дождливых,
При блеске бурных туч, над сей главой носимых?
О, пусть из вас, друзья, пусть сжалится один
И изведет меня отсель вовнутрь пустынь
Или среди лесов судьбам во власть покинет,
Где, в вечность преселясь, мой дух от бед почиет.
Да боги ниспошлют на Фивы благодать,
И жертвы аду в честь престанут здесь пылать.

(Обнимая детей)

Последнее мое лобзание примите,
Дражайшие сыны... и дочь... навек простите.

Первосвященник

Из общих жизни зол никто не исключен,
И подданный, и царь страдать на свет рожден.
Но есть надежды луч... утешьтесь, человеки,
По бурях боги к нам пошлют златые веки.

**АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ
ЖАНДР**

Андрей Андреевич Жандр родился 9 февраля 1789 года. Образование получил дома.

У Жандра не было ни родового, ни благоприобретенного имения, хотя он и был дворянином (отец его — Андрей Осипович — одно время служил петербургским полицмейстером). Единственным источником средств к существованию для Жандра была служба. Уже в 1803 году он был определен на службу копиистом в Комитет, «учрежденный для поверхностного обозрения всеподданнейших прошений, приносимых на решения департаментов Правительствующего Сената». Затем Жандр служил в целом ряде учреждений, долгое время занимая незначительные места. Во второй половине своей долгой жизни А. А. Жандр сделался крупным чиновником, стал сенатором и умер в чине действительного тайного советника.

А. А. Жандр весьма близко стоял к передовым общественно-литературным кругам. Не будучи непосредственным участником движения декабристов, он находился, однако, в сфере их идей и поддерживал дружеские отношения с целым рядом декабристов. Его соединяли узы тесной дружбы, например, с А. И. Одоевским, которого Жандр пытался спасти после событий на Сенатской площади. Одоевский, по его показаниям, прямо с площади заехал к Жандру, который дал ему штатскую одежду и снабдил его деньгами. В связи с этим Жандр был арестован, но вскоре освобожден и дальнейшим преследованиям не подвергался.

Особенно глубокой и многосторонней была дружеская связь, соединявшая А. А. Жандра с А. С. Грибоедовым. Жандр был одним из первых людей, познакомившихся с комедией «Горе от ума». Ему Грибоедов подарил рукопись этого произведения, получившую название «Жандровской рукописи». Грибоедов не только делился с Жандром своими творческими планами, но и работал вместе с ним

над переводами драматических произведений. Некоторые переводческие труды Жандра были предприняты им под влиянием Грибоедова.

А. А. Жандр занимался литературой лишь в свободное от службы время. Он был хорошим стихотворцем — автором превосходных лирических стихотворений. Ему принадлежит ряд критических статей, обличающих в нем вдумчивого, высокообразованного критика. Но с наибольшим успехом он подвизался в области драматургии.

В 1811 году на сцене петербургского театра была поставлена переведенная Жандром комедия «Испытание». Через несколько лет (в 1816 и 1817 годах — в журналах «Сын отечества» и «Северный наблюдатель») появились переведенные Жандром отрывки из трагедии Расина «Гофолия». Вместе с П. А. Катениным Жандр перевел другую трагедию Расина — «Баязет». Участвовал Жандр и в коллективном переводе — такие переводы были широко распространены в то время — трагедии Корнеля «Гораций». Он перевел второе действие пьесы. Этот жандровский перевод частично был опубликован. В журнале «Северный наблюдатель» были напечатаны два явления (первое и третье) из II действия трагедии. По совету А. С. Грибоедова Жандр перевел прекрасными стихами и частично переделал (переработал для сцены) драматическую поэму Шиллера «Семела». «Семела» была поставлена на петербургской сцене 11 февраля 1818 года. В 1825 году поэма вышла отдельным изданием (отрывки из «Семелы» в переводе Жандра были напечатаны в «Сыне отечества» за 1817 год с примечанием, написанным А. С. Грибоедовым). Вместе с Грибоедовым Жандр перевел комедию в одном действии французского драматурга Барта «Притворная неверность» (Жандру принадлежат двенадцатое и тринадцатое явления). В 1820 году состоялось первое представление переведенной Жандром с французского одноактной комедии «Любовь и рассудок». Наконец, в декабре 1823 года в Петербурге впервые была поставлена большая пьеса Жандра «Морской разбойник, или Волшебство не волшебство», написанная по роману Вальтера Скотта «Пират».

Самым значительным драматическим сочинением А. А. Жандра является трагедия «Венцеслав», представляющая собой переделку одноименной трагедии французского драматурга Ротру. Эта трагедия, содержащая острую критику самодержавного деспотизма, не была допущена на сцену царской цензурой. Власти могли усмотреть в этой пьесе, в самом ее сюжете, намеки на царствование Александра I. Но если пьеса подвергалась гонению со стороны властей, то ее с восторгом встретили передовые люди страны. «Жандр

пробудился из усыпления, — писал Грибоедов Катенину 17 октября 1824 года, — переводит Венцеслава необыкновенно хорошо, без рифм и тем лучше выходит». ¹ Опубликованное в альманахе «Русская Талия» первое действие «Венцеслава» очень понравилось Пушкину, который писал тому же П. А. Катенину осенью 1825 года: «Как ты находишь первый акт «Венцеслава»? По мне, чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читал, по-гишпански не знаю, а от Жандра в восхищении; кончена ли вся трагедия?» ² Кроме первого акта, опубликованного в «Русской Талии», из «Венцеслава» были напечатаны еще отрывки (первое и второе явления третьего акта) в альманахе «Радуга» на 1830 год.

А. А. Жандр дожил до глубокой старости. До самой смерти своей он бережно хранил воспоминания о друзьях своей молодости. По свидетельству его жены, семидесятилетний Жандр «собирался писать мемуары о 14 декабря, написал, но, прочтя все написанное, сжег в камине». ³

Умер А. А. Жандр 19 января 1873 года.

---

¹ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 3. Пг., 1917, стр. 162.

² Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. Л., 1937, стр. 225.

³ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений, т. 1, СПб., 1889, стр. 408.

В Е Н Ц Е С Л А В

Трагедия, переделанная из театра Ротру

⟨1⟩

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Венцеслав (король Польский), Владислав, Александр
(сыновья его), стража.

Венцеслав

Сядь, Владислав!

(Александр)

Ты, Александр, поди!

Александр

Дозволь мне, государь! мой брат...

Венцеслав

Ни слова!

Иди!

(Страже)

Вы ожидайте там.

Александр уходит, стража удаляется.

Владислав

Зачем я призван?

Венцеслав

Ты сейчас узнаешь.
О боже! дай мне вразумить его!

Владислав

О старость! ты себе и всем несносна!
Слова льстеца он будет повторять!

Венцеслав

Послушай, Владислав, меня с терпеньем,
И на сердце блюди мои слова:
Господь давно лишил меня супруги,
Но даровал в отраду трех детей.
Ты старший; ты отечества подпора;
В тебе я ждал твою увидеть мать;
Но, ах! ты изменил моей надежде!
Мой сын! ты рано предался страстям
И всё забыл: и честь, и добродетель,
И память матери, и долг к отцу,
И наконец, сгорая нетерпеньем
Лишить меня и власти, и венца,
Ты говорить осмелился с презреньем
    О старости отца!
Ты прямо на меня напасть не смеешь;
    И на лета мои напал!
Я стар, не спорю; но зато с летами
Я царствовать искусство приобрел.
Оно не так легко, мой сын! нет, долгий опыт
Один наставник верный для царей.
    Царь кажется тебе счастливым;
Удел его льстит гордости твоей;
Жизнь подданных в его всевластной воле;
    Но сколько же зато скорбей
    Царь переносит на престоле!
Ах! что б ни делал он для подданных своих,
Он никогда, ничем не угодит на них!
    Когда он строг — зовут его жестоким;
    Когда он добр — злодеев он щадит;
    Начнет войну — он зло своей отчизны;
    Даст мир врагу — он страхом побежден;
Простит обиду — слаб; отмстит ее — мучитель;

Блюдет жазну — он скуп; дарит — он расточитель:
Вот плата вечная за все его труды!

И царствовать желаешь ты!
Но если, наконец, и добродетель
Одна к престолу права не дает,
То как ты, юноша развратный,
Ты, раб страстей, надеешься его?

Владислав показывает знаки нетерпения.

Да. — И теперь, одно ко мне почтенье
Удерживает твой безумный гнев;
Но, Владислав, не будь к себе пристрастен
И рассмотри: чего достоин ты?
Ты до того забыл ко мне почтенье,
Что первому любимцу моему
Грозил нанести смертельную обиду!
Я вижу, к герцогу любовь моя
Тебе обидна;

Власть, данная ему, в глазах твоих завидна;
Но разве без заслуг его возвысил я?
Ты знаешь, что не раз спасал он Польшу;
Что выгодный мир с Портой заключил;
Тогда как ты здесь неге предавался
И мщение в душе твоей питал!
Всё это мало: ты возненавидел брата
За то, что герцога он дружбою почтил!
И вот, мой сын, права твои к престолу!
Но если так ты властью прельщен,
То заслужи ее делами;

Проснись от праздности; сразися вновь с врагами;
И против них весь гнев свой обрати.
Но прежде с герцогом и с братом примирися
И осуждать мои поступки удержися:
Не говори, что ум мой ослабел от лет;
Что я люблю льстецов; что в них хвалю пороки;
Что от тебя я должен брать уроки;
Что без тебя спасенья Польше нет! . .

В л а д и с л а в
(перерывая его)

Но, государь! дозволю . .

Венцеслав
(также перерывая)

Дослушай прежде;

И отвечай потом. — Здесь каждый день
Убийства новые свет солнца открывает!
В убийствах сих народ тебя подозревает!
Он до того к тебе почтение забыл,
Что и тогда, как ты вкушаешь сна отраду,
В злодействах новых слух винит тебя по граду;
И правый, ты в глазах народа виноват!
Поляки ж между тем за личные обиды
Друг другу мстят и проливают кровь,
И я убийц отыскивать не смею;
И бедствий сих виновник ты один!
Ах! где то мужество, с которым ты в сраженьях
Числом боев считал число побед?
И как ты мог, в постыдных заблужденьях,
Сих славных дел изгладить даже след?
Но нет, мой сын, ты родился счастливым,
Ты подданных не потерял любви;
Явись опять в сражениях пред ними;
И за тебя всю кровь они прольют.
Но наперед, как мужественный воин,
Вооружись против своих страстей;
Их победы; и будешь ты достоин
И власти царской и любви моей.
Восторжествуй однажды над собою —
И Польша вся падет перед тобою.
Но если ты, пороков вечный раб,
Не укротишь страстей своих стремленья
И до того рассудком будешь слаб,
Что над тобой ни герцога почтенье,
Ни братнина любовь, ни подданных моление,
Ни мой спасительный совет
Не сильны будут, — то... увидит вскоре свет,
Что я готов отеческой любовью
Пожертвовать, и что твоею кровью
Спокойство подданных умею я купить.
Теперь ты можешь говорить.

В л а д и с л а в

Хоть всё во мне глазам твоим противно,
И хоть не ждал я слышанного мной,

Но радуюсь, что стало мне терпенья
И что хоть им я угодил тебе.
Ответа ждешь ты против обвиненья
Врагов моих? Я отвечать готов.
Но, государь, оставь предубежденья,
И правду ты моих признаешь слов.

Венцеслав

Ах! говори, мой сын, и оправдайся!
Утешь на старости меня!

Владислав

Вчера, как мы с охоты возвращались
И провожал нас громкий звук рогов,
Друзья мои, в шуму веселых споров,
Речь завели о царствах и царях;
Тут каждый говорил без опасенья
И о тебе и о делах твоих;
Тот мудрость твоего хвалил правленья;
Другой, в суждениях своих,
В нем находил ошибки; но согласно
Роптали все на слабость сил твоих.
Я, искренностью увлеченный,
Не мысля оскорблять твои права,
Признаюсь, разделил их ропот откровенный,
И вот мои слова:
Зачем, так говорил я, мой родитель,
Достигнувший преклонных лет,
Ослабший в силах, сам себе мучитель,
Правленья труд еще несет?
Зачем не сложит он верховной власти?
Зачем не даст ее при жизни мне?
Или он хочет, чтоб мое избранье
Зависело от черни и вельмож?
Или царя он бережет название?
Но и при мне он тот же будет царь.
Или в ничто вменяет общий ропот?
Иль управлять я Польшей не могу?
Пусть молод я; но, опытный в правленьи,
Он будет сам наставником моим.
Тут я судил, как царь благоразумный
Обязан весть себя и в мире, и в войне;

Чем укрощать волнение черни шумной
И как читать сердце во глубине.
Но, продолжал я, долг царя первейший
Есть выбор мудрых и честных людей,
С которыми делит он трудности правленья.
В сем выборе он сам быть должен чужд страстей
И всякого предубежденья:
Не должен без заслуг любимцев возвышать,
Не должен слушаться ни лести, ни коварства;
И если, наконец, свое он любит царство,
Не должен клеветы за правду принимать.
Потом сказал мое я мненье
О связи подданных с царем;
О их правах; их общем благе;
И — о взаимной их любви.
Вот первое из преступлений,
В которых обвинен я от моих врагов;
Язык мой чужд и лжи и ухищрений,
Но истину всегда сказать готов;
Я не страшусь напрасных обвинений
И от моих не отрекуся слов.

Венцеслав

Что ж далее?

Владислав

За герцога и брата
Ты, государь, мне объявил свой гнев:
Один из них твоим владеет сердцем;
Другому дал над Польшею ты власть;
Обоим я обязан уваженьем,
Но чувств моих не стану я скрывать:
Мне герцог столько ненавистен,
Сколь много любишь ты его!
Пусть он умен, пусть храбр, но низкою он лестью
Снискал доверенность твою!
И на меня он клеветать дерзает!
И веришь ты ему!
И чтишь меня развратным, беспокойным,
Злодеем подданных и трона недостойным!
Я герцога презрел бы клеветы,
Когда б начальства войск ему не отдал ты!

Но, государь, скажи: кому оно по праву
Принадлежит?.. Не мне ли одному?
Да, он мою похитил славу,
Когда, по счастью, удалось ему
Разбить полки надменного султана,
И крымцев отразить и победить их хана.
Теперь ликует он и славит подвиг свой!
И правом возгордясь, дарованным тобой,
«Избрать себе награду по желанью»,
Он с радости вчера при мне забыться смел!
Честь мне претит унизиться до мщенья,
Но мой ему совет:
Быть в выборе награды осторожным.
Я знаю, чьей руки дерзает он просить!
Он в счастья себе мечтает всё возможным!
Но я любовь мою его заставлю чтить.

Венцеслав

Докончи.

Владислав

Наконец, скажу о брате,
Что после наглости его
Нет в свете для меня ни долга, ни почтенья,
Ни власти, ни любви, ни казни, ни мученья,
И, словом, ничего,
Что б удержать могло пыл гнева моего!
Как? я, обидой оскорбленный,
Пришел, чтоб герцогу права мои внушить
И, дерзостью его правдиво раздраженный,
Хотел его остановить;
И брат мой, бешеный, ума лишенный,
Вступившись за него, смел саблю обнажить!
И я стерплю сию обиду?
Нет! честию моей клянусь,
Что прежде, нежели теченье дня свершится
И за лесом погаснет солнца свет,
В крови он брата обагрится;
Иль, от руки моей, сам мертвый упадет!
И если уж о мне у всех дурное мненье,
То оправдать его хочу злодейством я!
И смерть тогда моя
Да будет от тебя народу приношенье!

Венцеслав
Мой сын!

(Особо)

Напрасна строгость с ним!
Так ласкою его смягчим.

(Ему)

Да, Владислав, я более не спорю.
Быть может, я обманут точно был.
Ты искренним своим признаньем
Опять мне счастье возвратил.

Итак, обнимемся

(обнимает его)

и будем вновь друзьями.

Теперь

(обнимает еще)

все ссоры кончены меж нами.
Ты прав, мой сын! я стар, и время мне
С тобою разделить правленье
И объявить тебя царем.
Я близок к гробу; но... тобою подкрепленный,
Трудов моих пожну я зрелый плод.
Мы вместе подданным доставим век блаженный,
И вместе нас прославят в поздний род.

Владислав

Родитель! вся моя отрада
В одном спокойствии твоём!
Любовь твоя за все обиды мне награда!
Благоволишь меня ты объявить царем?
Я с радостью приму сей сан; но с тем,
Чтобы тебе во всем повиноваться...

ЯВЛЕНИЕ 2

Венцеслав, Владислав, Александр.

Александр

Родитель!

Венцеслав
Как ты смел войти?

А л е к с а н д р

Я удаляюся... но...

В е н ц е с л а в
(*мягчась*)

Что? чего ты хочешь?

А л е к с а н д р

Хочу тебя, родитель, я просить,
Чтоб выслушал мое ты оправданье;
И чтоб мой брат не смел меня винить.
Он сам нанес мне тяжкую обиду!
Он старший лѣтами, но родом мы равны,
И та же кровь во мне, и то же сердце;
И так же мстить...

В е н ц е с л а в
(*перрывая его*)

Ты, дерзкий, смеешь? ты?
Не ты ли саблю обнажил на брата?
Безумный! ты забыл, что он наследник мой,
Что ты нанес престолу оскорбленье,
Что меч закона над твоей главой?
Нет! лучше к братнину прибегни снисхожденью,
Раскаянье от сердца принеси
И у него, в слезах, прощения проси.

(*Смотря на Владислава*)

Я знаю, для меня на милость он склонится.

(*Обращаясь к Александру*)

Проси ж прощения.

(*Владиславу*)

Ты брата обними.

А л е к с а н д р

Но, государь, я прав...

В е н ц е с л а в
Ни слова боле;
Я слушать не хочу.

А л е к с а н д р
(о с о б о)

Что делать?.. Покорюсь. О боже правосудный!
(Владиславу)

Итак, прости мне мой поступок безрассудный,
Мой брат! я от тебя прощенья должен ждать;
Так повелел мне царь; и я ему послушен...

(С живостию)

Но он же и тебе велел меня обнять.

В е н ц е с л а в
(глядя на Владислава)

Жестокий! к братниной он просьбе равнодушен!
Не взглянет даже на него!

В л а д и с л а в

И без прощенья моего
Ты можешь обойтись: тебя простил родитель.

В е н ц е с л а в
(Владиславу)

Мой сын! твой царь и повелитель
Тебя в последний просит раз:
Прости и обними его в знак примиренья.

В л а д и с л а в
(отцу)

Какого от меня ты хочешь униженья!
(Александру)

Брат! мне родительский приказ
Велит тебя простить, и... я прощаю.

Обнимаются. Владислав говорит тихо брату.

Но я любви тебе не обещаю.

А л е к с а н д р
(о с о б о)

О принуждение! о стыд!

Венцеслав

О дети! навсегда прервите все раздоры!
Когда господь нам мир с врагами даровал,
То в доме вы моем не возжигайте ссоры!

(Александрю)

Вели мне герцога позвать.

Александр уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Венцеслав, Владислав. Он хочет идти.

Венцеслав

Остановись!

Владислав

Или еще меня принудишь к унижению?
Или велишь злодея мне простить?
Нет! с герцогом не в силах я мириться!
Его не терпит кровь моя!
Люби предателя! назначь ему награду;
И, если так для Польши дорог он,
Отдай ему и трон!
Но ненависть оставь мне в утешенье!
Я с нею счастлив; мне не надо ничего,
Лишь не вели прощать злодея моего!

Венцеслав

(строгим тоном)

Послушай, Владислав! ты должен вскоре
Меня на троне заменить;
Но прежде, чем владеть народом,
Умей владеть самим собой;
Забудь все прежние раздоры
И миром с герцогом начни
Свое счастливое правленье.

Владислав

Нет! лучше я сто раз от царства откажусь,
Чем сделать подлость соглашусь!

ЯВЛЕНИЕ 4

Венцеслав, Владислав, Александр, Герцог, Октавий (наперсник Владислава).

Венцеслав
(*решительно*)

Чтоб ненависть твоя сейчас же прекратилась,
Мой сын! я требую того!

(*Герцогу*)

Приблизься к князю!

(*Владиславу*)

Обними его!

Владислав
(*особо, обняв герцога*)

И подо мной земля не расступилась!

Венцеслав

Так!.. Будьте же друзьями навсегда,
Надежные отечества подпоры;
И про минувшие раздоры
Не вспоминайте никогда.

Герцог

Чтоб князь усердью моему поверил,
Я жизнию пожертвовать готов.

Венцеслав
(*герцогу*)

Довольно ты, кровь проливая в битвах,
Нам послужил и сердцем, и рукой;
И, одержав славнейшие победы,
Давно себе бессмертие купил;
Но подвиг твой, все прежние затмивший,
Есть нынешний: ты, с горстиею людей,
Разбил несметные полки султана
И крымские нестройные толпы;
И в три дня польские границы

Их тысячам в кладбище обратил!
Чтоб заплатить за подвиг твой достойно,
Казны не станет у меня.
Нет! сам султан всем золотом Востока
Тебя вполне не мог бы наградить.
Зато и дал тебе я обещанье
Твой выбор подтвердить во всем.
Скажи, чего ты хочешь в воздаянье?
И я не откажу ни в чем.

Герцог

Ах, государь! я всем тебе обязан!
Я милости такой не заслужил.

Венцеслав

Нет, храбрый герцог! скромностью напрасной
Не унижай цены своих заслуг;
И не забудь, что редко обещанья
Цари дают, что забывают их
И что терять не должно той минуты,
Когда они готовы награждать...
Я, словом, знать хочу твой выбор!

Герцог

Когда ты, государь, так милостив ко мне,
Что за одно простое исполненье
Священнейшего долга моего
Меня избрать награду принуждаешь,
Я избираю ее; но, государь,
Прости мне, если я, надеждой обольщенный,
Дерзну просить руки...

Владислав

Остановись, надменный!
Надежд своих полеты воздержи!
И самолюбию пределы положи!
Иначе я, забыв к царю почтенье,
При нем в крови твоей омою дерзновенье!
Презренный подданный! ты должен знать,
Что мне любовь твоя обидна
И что молчать...

Герцог
(*впадая в речь*)

Я, государь, молчу;
И если так судьбе угодно было,
Чтоб оскорбился ты любовью моей,
Мой долг — навеки позабыть о ней.
(*Уходит с Александром.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Венцеслав, Владислав, Октавий.

Венцеслав
(*Владиславу*)

Как? ты при мне осмелился забытья?
Так знай, что за поступок свой
Ты отвечать мне будешь головой.

Владислав
Сними ее, когда тебе угодно;
Ты властен; я в твоих руках;
Но, государь, я, в гневе справедливом,
Ни от кого советов не приму.

Венцеслав
(*горячо*)

Но мой совет ты примешь поневоле;
Вот он: подумай о себе.
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Владислав, Октавий.

Октавий
Ах, что ты сделал, князь?

Владислав
Что должно было.
Как? Герцогу отец мой волю дал
И расточать казну, и править царством,

И милости, и казни назначать,
И предводить полки свои в сраженьях;
И всё еще он мало награжден?
Скажи: не он ли, низкой клеветою,
Начальство войск похитил у меня?
Не им ли я и подвигов, и славы
Лишен в последнюю войну?
И он еще, побед своих в награду,
Хотел просить Людгардиной руки?
Как? и ее он у меня отнимет?
Нет! воля надо мной царя:
Или я сам погибну,
Иль смертью заплатит герцог мне
За тайные с Людгардою свиданья!

О к т а в и й

Но, князь! тебе опасен гнев царя!
Обезоружь его хотя притворством.

В л а д и с л а в

Мне притворяться? нет! казни меня отец,
Я ни за что не соглашуся!
А если жизни я лишуся,
То смерть всему конец.

(2)

СЦЕНЫ ИЗ ТРАГЕДИИ

Примечание к сценам

Действие в Варшаве, во дворе Венцеслава, короля польского. Старший сын его, Владислав, влюбленный в Людгарду, дочь польского воеводы, подозревает в любви к ней герцога Курляндского. Король, желая увенчать заслуги герцога, спрашивает, какой он хочет для себя награды; герцог намекает на женитьбу. Ревнивый Владислав, полагая, что он требует руки Людгарды, решается воспрепятствовать герцогу, не зная, что он любит сестру его Эдвигу и что меньшей его брат, Александр, готовится в сей же вечер вступить тайно в брак с Людгардою.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Ночь. Во втором явлении светает.

Эдвиг а (бежит испуганная), Ю л и я.

Ю л и я

Остановись, княжна!.. Куда
В час ночи ты бежишь?

Эдвиг а

(останавливается)

Не знаю...

Ах, Юлия! где брат мой Владислав?
Он умер! он убит!

Ю л и я

Как? что я слышу!

Эдвиг а

Я видела его во сне!

Я видела, над ним стоял убийца!

Кинжал блеснул, кровь льется, он упал!

Тут новая готовилась гробница,

А там палач главу его держал!

Исчезло всё... потом... он был со мною...

Мы вместе шли... и вдруг за волоса...

Влекут его на казнь... народ бежит толпою!..

Удар упал!.. Кричат! я слышу голоса!..

Кричу сама... проснулась...

Зову тебя... бегу его спасать...

Ты что-то говоришь... и я остановилась...

Ах, Юлия! беги! узнай, где он?

Ю л и я

Он сном покоится.

Эдвиг а

Не верю,

Не может быть!.. свет факела вдали...

Октавий ведет Владислава, поддерживая его правую руку; в левой у него факел.

Смотри: вот тень его!.. Смотри: она
Подходит к нам...

(Узнает брата)

Он!.. брат мой!

ЯВЛЕНИЕ 2

Владислав, Эдвига, Октавий, Юлия.

Октавий

Слава богу,

Он жив.

Эдвига

(Юлии)

И вот мой сон!

Владислав

(в забытии)

Ах! дайте мне

Собраться с силами... где я? скажите,

Кто вы?.. я вас не узнаю...

Эдвига

Мой брат!

Владислав

(узнает ее)

Сестра! ты ничего не знаешь!

(Взглянув на руку)

Я ранен?.. Да... но кто же спас меня?

Октавий! ты?.. напрасно...

Ах! пожалей меня, сестра!

(Задумывается.)

Эдвига

Где был он?

Октавий

У дворца Людгарды.

Я в ночь сию по городу ходил;

Вдруг слышу слабые вблизи стенанья:
Бегу на голос в темноте ночной;
Свечу себе... и он едва не без дыханья,
В крови и раненый лежит передо мной!
Я бросился к нему и, захвативши рану,
Перевязал ее. Он, как во сне,
Устами шевелил, указывал рукою,
Потом открыл глаза, дал руку мне,
Встал на ноги и, не сказав ни слова,
Пришел сюда при помощи моей.

В л а д и с л а в
(вслушиваясь)

Да!.. я неслыханную жертву
Принес тебе, жестокая любовь!..

Э д в и г а

О Владислав! что сделалось с тобою?

В л а д и с л а в
(пришед в себя)

Я вспомнил всё и всё тебе открою.
(Осматривается вокруг.)

Э д в и г а

Ах, говори!

В л а д и с л а в
Мой друг! на свете ты одна
Всю грусть мою, все тайны сердца знала;
Ты видела любовь мою. Она
Без жалости судьбой моей играла!
Чего твой брат ни делал над собой,
Чтоб избежать ее ужасной власти?
Всё было тщетно; и рассудок мой
Покорствовал одной безумной страсти!
Стыжусь сказать: я до того был слаб,
Что перенес Людгардино презренья!
И, красоты ее несчастный раб,
Искал в пустых надеждах утешенья!
Но, наконец, отказ ее вчера
Нанес такую мне обиду,

Что в бешенстве я сам просил царя
Отдать ее сопернику в награду!

И вдруг... мысль о блаженстве их
В душе моей всю ревность пробудила;
И снова гнев я заслужил отца;
И снова ждал, что казнь моя свершится!..
Потом тоска, предвестница беды,
В крови моей все страсти заменила.
Я умереть желал... Вдруг... узнаю,
Что брак соединит соперника с Людгардой,
Что тайно, в эту ночь, они...

Эдвига

Я трепещу...

Владислав

Убитый сим ударом,
Последний я рассудок потерял!
Отчаянье всем овладело мною!
Я отпустил людей и заперся один;
И ночи ждал, сгорая нетерпеньем!
Она пришла; я тихо из дворца
По тайной лестнице ушел... тут, забывая
И долг, и честь, бегу к Людгарде в дом!
Всё заперто. Я на стену взлезаю,
Достиг окна, вскочил и в темноте
Ищу крыльца, нашел его, спускаюсь,
И жду внизу, и выхватил кинжал!..
Прислушиваюсь... вдруг... стучится кто-то...
И герцог назвался... и отворили дверь...
И он вошел... и в испугленьи
Его три раза я кинжалом поразил!..

Эдвига

(плача)

О боже!

Владислав

Между тем как раздаются крики
И вниз бегут по лестнице с огнем,
Он... слышит на помост падение кинжала,

И, вдруг его ощупав в темноте,
Схватил, бежит за мной, ударил в эту руку —
И мертвый на землю упал!..

Э д в и г а

Ах! что ты сделал?

В л а д и с л а в

Тут, опомнясь совершенно,
Невольный страх я ощутил в душе.
Бросаюсь в дверь, ищу себе спасенья
И, пользуясь ночью темнотой,
Ушел... Но вскоре, истекая кровью,
Весь охладел и память потерял!

1824 или 1825

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым комментированным собранием русских стихотворных трагедий конца XVIII — начала XIX в. Тексты большей части пьес, включенных в сборник, публиковались только один раз. Таковы «Сорена и Замир» Н. П. Николева, «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» В. Т. Нарезного, трагедия А. А. Шаховского «Дебора, или Торжество веры», отрывки из «Венцеслава» А. А. Жандра. Но и трагедии, печатавшиеся несколько раз («Пожарский» М. В. Крюковского, «Ирод и Мариамна» Г. Р. Державина, «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» Ф. Ф. Иванова), фактически почти недоступны читателю. Вот уже более ста лет ни одна из этих пьес не появлялась в печати. При отборе трагедий учитывались не только их идейные и художественные достоинства, но также стиливая и тематическая характеристика. В сборнике представлены основные для эпохи направления (классицизм, сентиментализм, романтизм) и темы (история, главным образом отечественная, античная мифология, библейские сюжеты). В настоящее издание не вошли тексты стихотворных трагедий, уже опубликованных или намеченных к опубликованию в других сборниках «Библиотеки поэта» (А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, В. А. Озерова, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, А. С. Хомякова, трагедийные сцены и наброски К. Ф. Рылеева и А. С. Грибоедова). По замыслу «Библиотеки поэта» настоящий сборник и трагедии только что названных авторов должны составить основной фонд произведений, которыми характеризуется развитие русской стихотворной трагедии конца XVIII — начала XIX в. Тексты всех трагедий, помещенных в сборнике, печатаются полностью, за исключением трагедии «Венцеслав» А. А. Жандра (перделка трагедии Ротру). Последняя, как известно, в полном виде до нас не дошла, остались лишь отрывки, опубликованные при жизни А. А. Жандра. Тексты трагедий даются, как правило, по последним прижизненным изданиям. При наличии автографов, списков, цензурованных копий произведена сверка с ними. Указание на первую публикацию трагедии, не сопровождаемое ссылкой на источник, по которому печатается текст, означает, что этим источником и является первая публикация (текст или не перепечатывался более, или перепечатывался без изменения). Все пьесы расположены в хронологическом порядке. Трагедии, не поддающиеся точной датировке, датируются приблизительно — годом первой публикации или постановки на сцене (что по существу означает год, не позднее ко-

торого написано данное произведение); в тексте такие даты заключены в угловые скобки. Орфография и пунктуация текстов по возможности приближены к современным. Из исторических и индивидуальных особенностей написания сохранены только те, которые имеют значение для произношения и интонации. В трагедиях XVIII в. сохранена архаическая пунктуация (в частности — тире), имеющая здесь стилистическое значение.

Объяснение мифологических имен и названий, иноязычных и малоупотребительных слов вынесено в словарь (пояснение слов дается с учетом контекста: выделяются то значение слова или тот оттенок его значения, которые конкретно имеет в виду автор).

В примечаниях употреблены следующие сокращения слов и наименований:

Арапов — Летопись русского театра. Составил Пимен Арапов. СПб., 1861.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Отдел рукописей.

ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека имени А. В. Луначарского. Отдел рукописей.

Погожев — В. П. Погожев. Столетие организации императорских московских театров (Опыт исторического обзора), вып. 1, кн. 2. СПб., 1908.

См. — см. Словарь, приложенный к данному сборнику.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ НИКОЛЕВ

Сорена и Замир. Впервые — «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений», ч. 5, СПб., 1787, стр. 235. Трагедия была написана в 1784 г. Первое представление ее состоялось на сцене московского театра 12 февраля 1785 г. Пьеса имела огромный успех, который в большой мере был связан с ее вольнолюбивым направлением. Наличие в пьесе смелых тирад вызвало настороженность у властей. Представления «Сорены» были остановлены. Московский главнокомандующий Я. А. Брюс препроводил трагедию в Петербург, пометив стихи, содержащие обличение самодержавного строя. Среди других стихов были отмечены слова Премысла:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле!
Льзя ль ждать блаженства там, где гордость
на престоле?
Где властью одного все скованы сердца,
В монархе не всегда находим мы отца!

Екатерина II сделала вид, что выступление Николаева против самодержавной тирании не затрагивает основ ее правления. «Удивляюсь,

граф Яков Александрович, — писала она Брюсу, — что вы остановили представление трагедии, как видно принятой с удовольствием всею публикой. Смысл таких стихов, которые вы заметили, никакого не имеет отношения к вашей Государыне. Автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью» (С. Н. Глинка. Письмо пожилого любителя отечественной словесности в ответ на критику «Сорены», напечатанную в «Вестнике Европы». — «Русский вестник», 1810, № 4, стр. 119). После этого лукавого ответа Екатерины представления «Сорены» возобновились. С московской сцены пьеса перешла на петербургскую. Знаменитый актер И. А. Дмитревский обратился по поручению дирекции петербургского театра к Николеву с просьбой прислать «правильный список трагедии» (в то время трагедия еще не была опубликована) и разрешить постановку ее в Петербурге. Разрешение было дано, и «Сорена», «поддерживаемая игрою превосходных актеров, удостоилась... одобрения Паниных и всей просвещенной публики» (Стефан Маслов. Краткая биография Н. П. Николева. Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву. М., 1819, стр. 22). В 1810 г. трагедия «Сорена и Замир» была снова поставлена на московской сцене. На этот раз ее постановка была встречена критикой неодобрительно. «Что за мысль, — писал рецензент «Вестника Европы», — представить какого-то небывалого царя Мстислава честолюбцем, мучителем и обманщиком, а Замира, половецкого князя, великодушным, справедливым, другом человечества?» («Вестник Европы», 1810, № 3, стр. 233). На защиту «Сорены» и ее автора выступил в своем «Русском вестнике» С. Н. Глинка (см. «Русский вестник», 1810, № 4, стр. 95). Сюжет «Сорены» во многом сходен с сюжетом трагедии Вольтера «Альзира» («Alzire, ou Les Américains», 1736). Большая близость имеется между этими произведениями и в идейном отношении. Обе пьесы принадлежат к числу тираноборческих трагедий и содержат яркую проповедь гуманности и веротерпимости. Вольтер изобразил в качестве тирана испанца Гусмана, которому противостоит вождь непокорных индейцев Замор. У Николева противником Мстислава, именуемого «царем Российским», является половецкий князь Замир. В обеих трагедиях добродетельный персонаж оказывается пленником тирана. И там и тут героиня должна уступить силе и изменить любимому человеку. Альзира, невеста Замора, по принуждению становится женою Гусмана. У Николева героическая Сорена до конца остается верной своему мужу Замиру (см.: А. Кадлубовский. «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера. — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 12, кн. 1, 1907, стр. 185—204). Приурочив действие своей трагедии к древнейшему периоду истории России, Николев не заболтался об исторической конкретизации разрабатываемого им сюжета. Имя «Мстислав» носили многие русские князья, многие князья боролись с половцами. Ничего не проясняет и содержащееся в трагедии указание на место ее действия — Полоцк. Персонажи «Сорены и Замира», видимо, не имеют реальных исторических прототипов, а ее сюжет, напоминающий сюжеты других трагедий, лишен всякой связи с какими-либо конкретными историческими происшествиями.

Действие третье. Явление 3. *Где храбрость половцев числом была объята* — т. е. где храбрые половцы не могли устоять перед натиском многочисленных войск противника.

Действие четвертое. Явление 7. *Определенных мук* — т. е. мук, определенных Мстиславом.

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ НАРЕЖНЫЙ

Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова. Впервые — «Иппокрена, или Утехи любословия», 1800, ч. 7, стр. 161. Трагедия была написана в 1799 г. В «Иппокрене» указана дата — 12 октября 1799 года, являющаяся, видимо, датой окончания трагедии. На сцене «Кровавая ночь» не ставилась. В основу ее сюжета положены мифологические предания о поединке сыновей Эдипа — Полиника и Этеокла — и участи Антигоны, осмелившейся похоронить тело своего брата Полиника несмотря на запрещение старейшин. Эдип, изгнанный сыновьями из Фив, предрекает, что сыновья его погибнут одии от руки другого. Это пророчество сбывается. Младший сын Эдипа Этеокл завладел Фиванским царством и изгнал своего брата Полиника. Последний отправился в Аргос к царю Адрасту и принял участие в походе против Фив. Во время поединка Полиник и Этеокл закололи друг друга. Фиванцы отказались выдать тело Полиника Адрасту, так как Полиник был фиванцем. Но и сами не стали его погребать, оставив его на поле в добычу псам и птицам. Когда же Антигона все-таки похоронила тело брата, правитель Фив Креонт приказал заключить ее за слушание в подземную пещеру, где она должна была умереть с голоду. Отведенная в пещеру, Антигона кончила жизнь самоубийством. Лишил себя жизни и сын Креонта Гемон, жених Антигоны. Узнав о смерти сына, наложила на себя руки и жена Креонта Эвридика. Художественная разработка этого сюжета дана в трагедиях Эсхила («Семеро против Фив») и Софокла («Антигона»), на которые (особенно на трагедию Эсхила) опирался Нарезный, создавая свою пьесу. Но автор «Кровавой ночи» во многом отступил от своих источников. Он переосмыслил сюжетную коллизию и изменил характеристики действующих лиц (см. о «Кровавой ночи» во вступительной статье).

Сцена первая. 1. *Кадм, В степях блуждая диких, Орал судьбу фивейцев И не дракона зубы — Фивейцам слезы сеял.* Победив страшного дракона Марсиаса, Кадм (см.) по велению Афины вспахал землю и посеял зубы дракона. Из посеянного возникло племя вооруженных людей, принявшихся истреблять друг друга. Когда в живых осталось только пять человек, Кадм основал с ними город Фивы. *Амфион Сладчайшим лирным звуком Дал твердым камням жизнь И вокруг поставил пьшина града.* По преданию, Амфион (см.) очаровывал игрою на лире камни, которые сами складывались в стены Фив. *Лишенный зренья старец — Эдип.* По преданию, Эдип ослепил себя, узнав о том, что является убийцей своего отца и мужем собственной матери. *Возлег при Колонее.* Уйдя из Фив, Эдип

нашел себе приют в Колоне, предместье Афин, где и скончался. *Рукою дочери* — рукою дочери Эдипа Антигоны. *Мог решить загадку Сфинкса*. По преданию, Эдип разгадал загадку Сфинкса (см.) и тем самым спас от бедствия фиванцев. *Брат Иокасты, дядя мой*. Креонт был братом Иокасты, жены царя Лаия, дядей Полиника, Этеокла. Антигоны и их сестры Исмены. 2. *Миценские послы* — послы Микен, древнего города в Аргониде, являвшегося политическим центром Греции. 3. *Сын Зевса и Алкмены* — Геракл (см.). *Царь Эдип достиг оракулова предвещанья*. Когда Эдип обратился к дельфийскому оракулу, тот предсказал ему, что он станет убийцей своего отца и женится на своей матери. *Как роза в Темпе* и т. д. Темпейская долина в Фессалии славилась роскошной растительностью. Далее устами Старца излагается предание о невольном преступлении Эдипа.

Сцена вторая. 1. *Воздушный столп* — смерч. *Агенов сын* и т. д. — Кадм. Речь идет о победе Кадма над драконом Марсисом и основании Фив (см. стр. 598). 4. *Но пасть бунтовщиком, пасть извергом* — пасть от руки бунтовщика, изверга. 5. *Бичи подземной мстительницы*. Эриннии (см.) бичами терзали преступников. *Олимпа царь* — Зевс. 7. *Дщери Орка* — здесь: дочери ада, т. е. обитающие в подземном царстве фурии. *Пресветлый Зевсов любимец! сын!* — Аполлон. 8. *Лидия* — в древности государство в Малой Азии. *Тир* — приморский город в древней Финикии. *Сидон* — в древности торговый город Финикии.

Сцена третья. 1. *Латонин сын* — Аполлон. 2. *Беотия* — древняя провинция Средней Греции, главным городом которой были Фивы. 5. *Этольцы* — древние обитатели Этолии, области в Средней Греции. Отличались воинственностью, занимались грабежами, кражей скота. *Вулкан закаливал в Этнейских пропастях*. Мастерская Вулкана (см.) находилась внутри вулкана Этны.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

Сумбека, или Падение Казанского царства. Впервые — «Сумбека, или Падение Казанского царства». М., 1806. Печ. по изд. «Сумбека, или Падение Казанского царства». М., 1817. Сверено с цензур. рукописью, хранящейся в ЛГТБ. В рукописи, на списке действующих лиц, карандашом и чернилами помечены исполнители ролей: Сумбека — Семенова, Осман — Щеников, Сагрун — Сахаров, Сеит — Шушерин и т. д. Пометки, сделанные чернилами, гласят: Сумбека — Колосова, Осман — Брянский, Сагрун — Толченев, Сеит — Борецкий и т. д. В речи Сагруна, обращенной к народу (д. II, явл. I), после слов: «От вас могущество властители приемлют» — в рукописи шла строка: «Без вас в бессилии они в венцах задремлют». Этих слов нет в печатном тексте. Издавая вторично свою трагедию, С. Н. Глинка подверг ее значительной правке, коснувшейся всех пяти актов. Правка носила в основном стилистический характер. Замены и удалению подвергались неудачные в стилистическом отношении обороты, устаревшие слова, в том числе славянизмы. Одновременно производилось сокращение текста. Глинка явно стремился придать действию пьесы большую динамичность, по-

казать динамику страстей. С этой целью он ввел (в 3-м явл. 3-го действия) небольшую сценку, в которой показал неожиданный переход Эмиры от одного настроения к другому, противоположному. Правка производилась без нарушения общей структуры пьесы, содержания и последовательности речей действующих лиц. Лишь в третьем действии Глинка передал слова Эмиры Сагруну и ввел новые реплики Османа и Эмиры. Внесенные Глинкой исправления привели к значительному улучшению текста. Но текст издания 1806 г. имеет свои характерные отличия: он ярко запечатлел черты трагедии начала XIX в., во многом еще декламационной, но уже испытавшей воздействие сентиментализма. В первом издании трагедия была снабжена «Предисловием», в котором автор, ссылаясь на Платона и греческих трагиков, излагает свои мысли о связи «драматического искусства с политическими и нравственными правилами». Трагедия написана не позднее декабря 1806 г., которым датируется ее первое издание. 1806 год фигурирует (в связи с «Сумбекой») и в «Записках» Глинки. Здесь говорится, что 6 декабря 1806 г. Глинка посетил М. М. Хераскова, имея при себе экземпляр (очевидно, печатный) «Сумбеки» (Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 201). «Сумбека» была поставлена на петербургской сцене 7 мая 1807 г. (Арапов, стр. 180). Роль Сумбеки исполняла Е. С. Семенова. Глинка посвятил свою трагедию М. М. Хераскову. Содержание «Сумбеки» в основном взято из поэмы Хераскова «Россиада», — главным образом из 3-й и 4-й, а также частично из 5-й и 9-й песен. В трагедии действуют те же самые лица — казанская царица Сумбека, тавризский князь Осман и его возлюбленная Эмира, старец Сеит, богатырь Асталон, честолюбивый и коварный вельможа Сагрун, — которые фигурируют и в поэме Хераскова. При написании трагедии Глинка пользовался также историческими источниками. В предисловии к первому изданию «Сумбеки» он указывает, что им взяты из «Казанских летописей» «рассказ Сеитов, предречение Сумбекино о падении Казани, речь ее на гробе Сафигрея и проч.». Трудно сказать, откуда брал Глинка сведения, заимствованные из «Казанских летописей». Он мог, например, пользоваться книгой «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791), в которой (на стр. 127—129, 90—92, 143—147) содержатся в очень близкой к тексту трагедии редакции названные Глинкой рассказ Сеита и два пророчества Сумбеки. Широко использовал казанскую летопись в своей книге по истории Казани знаменитый русский географ XVIII в. П. И. Рычков. У Рычкова тоже приводится рассказ Сеита и упоминается о плаче Сумбеки при гробе ее мужа. Впрочем, автор не дает подробного изложения этого плача, так как не находит в нем ничего примечательного (см.: «Опыт Казанской истории древних и средних времен, сочинен Петром Рычковым». СПб., 1767, стр. 130, 134). Действие трагедии приурочено к завершающему этапу борьбы русского государства с агрессивными феодалами Казанского ханства, начавшейся при Иване III и закончившейся при его внуке Иване IV взятием Казани (в 1552 г.). Персонажи трагедии являются историческими лицами, характеры которых, однако, в пьесе существенно изменены. Татарская царица

Сумбека (Сююнбека) была женою казанского хана Сафгирея (Сафа-Гирея), после смерти которого (ум. в 1549 г.) Сююнбека правила от имени своего малолетнего сына. Прототипом Османа является тавризмский князь Улан Кашак, отличавшийся жестокостью и вероломством. «Казанский летописец» обвиняет его в намерении в сообщничестве с Сююнбекой убить ее сына (см.: Полн. собр. русских летописей, т. 19. СПб., 1903, стр. 323). В момент напряженной борьбы Кашак бежал из Казани, был пойман русскими и казнен (в трагедии Глинки Осман погибает от руки Асталона). Неоднократно упоминаемый в пьесе Алей (Шах-Али, 1505—1567) был внуком хана Золотой орды Ахмата. Являясь врагом Гиреев, он ориентировался в основном на русских и пользовался поддержкой русского правительства. Шах-Али трижды возводился на казанский престол. В пьесе упоминается также последний казанский хан Едигер (Адигер).

Посвящение. *Как в Риме Тассово, твое так песнопенье.* Имеется в виду поэма итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим» (1581).

Действие первое. Явление 4. *Свияжск* — город на р. Свияге. Основан в 1551 г. Имел значение укрепленного пункта в борьбе против Казанского ханства. *Мамай.* Татарский хан Мамай был разгромлен русскими на Куликовом поле в 1380 г. Эта битва послужила началом освобождения русских от монгольского ига. *Их царь* — царь Иван IV.

Действие второе. Явление 1. *Сколь мой отличен род случайностью породы.* Здесь Глинка намекает на биографию татарского князя Чапкуна, являвшегося, как отметил еще Херасков (см.: «Россиада», изд. 2. М., 1786, стр. 44), прототипом Сагруна. Когда после пятилетнего пребывания в Москве Чапкун бежал в Казань и стал возмущать единоплеменников против русских, казанцы сделали его своим главным начальником. Если при избрании других вельмож они руководствовались генеалогическими соображениями, то в Чапкуне они ценили человека, владеющего воинским искусством, которому он обучался с юных лет. «И поставиша во всех мест, — говорит по этому поводу «Казанский летописец», — новыя князи и воеводы, избравше от родов их, надо всеми же князя Чапкуна, яко в победах искусна» (Полн. собр. русских летописей, т. 19. СПб., 1903, стр. 95). *Чингис* (ок. 1155—1227) — Чингисхан, монгольский хан и полководец, объединивший под своей властью монгольские племена. Организатор грабительских завоевательных походов. *Аттила* (ум. 453) — предводитель гуннов. При нем гуннский племенной союз достиг наибольшего могущества. Явление 4. *Еще Российский царь в Свияжске днесь коснеет.* Русские войска во главе с царем подошли к Свияжску 13 августа. Через несколько дней (сам Иван IV находился в районе Свияжска до 19 августа) они двинулись к Казани. Город был окружен кольцом русских войск к 25 августа. После длительной осады Казань была взята штурмом 2 октября 1552 г.

Действие пятое. Явление 5. *Под именем болгар славяне здесь гремели.* Имеются в виду волжские болгары, образовавшие вместе с другими племенами феодальное государство, существовавшее в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье с X до поло-

вины XVI в. *Богарис* — Борис I, болгарский царь с 852 по 890 г. Принял христианство вместе со своим семейством, вельможами и народом. *Они с Алеем здесь спокойство водворяли.* Русское правительство пыталось проводить политику умиротворения, используя для этого Шаха-Али.

МАТВЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЮКОВСКОЙ

П о ж а р с к и й. Впервые — «Пожарской». Трагедия в трех действиях. СПб., 1807. Печ. по изд.: «Пожарской». Трагедия в трех действиях. СПб., 1810. Сверено с цензуров. списком, хранящимся в ЛГТБ. Исправления, внесенные в текст трагедии при подготовке к выпуску ее в свет вторым изданием, свелись к замене отдельных слов и стихов и введению ремарок, облегчающих сценическую интерпретацию текста. Трагедия «Пожарский» была написана в начале 1807 г., между 15 января и 11 марта. Толчком к ее созданию, видимо, послужило появление на сцене трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской», с огромным успехом представленной в Петербурге 14 января 1807 г. Вскоре после премьеры озеровской пьесы известный театрал С. П. Жихарев записал в своем дневнике 25 января: «Говорят... что какой-то молодой человек... по фамилии Крюковской, входит в состязание с Озеровым и пишет или уже написал новую патристическую трагедию, взяв сюжет из эпохи междоусобицы и назвав ее „Пожарский“». (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 341). Как свидетельствует тот же Жихарев, 12 марта происходило чтение «Пожарского» на квартире у И. А. Дмитриевского; читал трагедию сам автор (там же, стр. 409—413). 15 мая 1807 г. Контора дирекции императорских театров направила пьесу в Санктпетербургский цензурный комитет, а 17 мая трагедия была одобрена к представлению. Первое представление «Пожарского» состоялось в Петербурге 22 мая 1807 г. Пьеса имела небывалый успех, предсказывавшийся знатоками театра задолго до ее появления на сцене. Этот успех объяснялся прежде всего актуальностью содержания трагедии, исторический материал которой ассоциировался с современными военными событиями. Говорили, что пьеса была написана «очень кстати» (там же, стр. 425). Немало способствовал успеху пьесы своей игрой А. С. Яковлев, исполнявший роль Пожарского. Вот как рассказывает о его игре в этой роли С. П. Жихарев: «Но вот наконец появился Пожарский (Яковлев). Он остановился посредине сцены, прискорбно взглянул на златоглавую Москву, прекрасно изображенную на задней декорации, глубоко вздохнул и с таким чувством решимости и самоотвержения произнес первый стих своей роли:

Любви к отечеству сильна над сердцем власть, —
что театр затрещал от рукоплесканий. Но при следующих стихах:

То чувство пылкое, творящее героя,
Покажем скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро нам время возвратить! —

начались топанья и стучания палками и раздались крики «браво! браво!» до такой степени оглушительные, что Яковлев принужден был оставаться минуты с две неподвижным и безгласным. С таким восторгом приняты были почти все стихи в его роли, которая состоит из афоризмов и декламаций о любви к отечеству» (там же, стр. 544). Действие пьесы происходит под Москвой в 1612 году. Оно начинается с появления под стенами Москвы всенародного ополчения Минина и Пожарского. То обстоятельство, что противником князя Д. М. Пожарского в пьесе является Заруцкий, в общем согласуется с историческими данными. Известно, что князь Д. Ф. Трубецкой и И. М. Заруцкий, возглавлявшие под Москвой казацкое войско, вели себя изменнически и всячески старались воспрепятствовать успеху дела Минина и Пожарского. Еще до прихода нижегородского ополчения к Москве Заруцкий пытался организовать убийство Пожарского, подослав к нему в Ярославль двух казаков, один из которых должен был лишить его жизни (см.: Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955, стр. 584). Но Крюковской допускает явный анахронизм, заставляя Заруцкого до конца оставаться под Москвою, а в последнем действии даже в Москве, среди осажденных поляков. В действительности Заруцкий бежал из-под Москвы с частью казаков в Коломну, где в то время была Марина Мнишек. Вся часть интриги, связанная с изображением жены и сына Пожарского, никаких исторических соответствий не имеет. Трагедия долго оставалась в репертуаре русского театра. Ее представления возобновлялись в связи с различными торжествами. В 1832 году представлением трагедии Крюковского «Пожарский» был открыт вновь выстроенный Александринский театр в Петербурге.

Действие первое. Явление 1. *Вдова Дмитрия* — Марина Мнишек. *Гермоген* — всероссийский патриарх с 1606 по 1612 г.; занимал патриотическую позицию в борьбе русского народа против польско-шведской интервенции. Он отказался, несмотря на принятые против него меры понуждения, писать грамоты с призывом к населению сохранять верность правительству, сидевшему в Москве. Был заключен под стражу поляками и умер в темнице в 1612 г. См. рассказ о его смерти во 2-м явлении III действия трагедии. Явление 2. *И если Владислав дарует нам спокойство*. Захватившие власть после падения Василия Шуйского бояре вступили в переговоры с польским королем Сигизмундом III о приглашении на русский престол его сына королевича Владислава. Сигизмунд дал согласие на это, но потом, изменив свое решение, заявил о том, что сам желает быть царем в России. Предательской политике бояр был положен конец успешным исходом борьбы, возглавленной Мининим и Пожарским. *На мере положили* — т. е. решили, намерились. Явление 3. *Почтенный Филарет в плену изнемогает*. Ростовский митрополит Филарет (в миру — Федор Никитич Романов-Юрьев, 1555—1638), отправившись в 1610 г. под Смоленск к Сигизмунду с посольством, попал в плен к полякам, в котором находился до 1618 г. *Пример усердия нам Палицын явил*. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, один из видных деятелей эпохи, талант-

ливый писатель. Из Троице-Сергиева монастыря в города посылались грамоты, призывавшие «быть в соединении» и «без всякого мешканья» идти «под Москву в сход». *Тут Минину любовь к России речь внушила.* Нижегородский купец Козьма Минин (ум. 1616) в трудный для отчины момент обратился к народу с пламенным призывом жертвовать всем для спасения отечества. Минин был талантливым организатором и вдохновителем всенародного ополчения, во главе которого он стоял вместе с князем Д. М. Пожарским.

Действие второе. Явление 1. *И даже самый дым Жилищ отеческих я в сердце чту святым.* Цитата, восходящая к «Одиссее» Гомера и к латинской поговорке: «Et fumus patriae est dulcis» («И дым отчины сладок»). Крюковской, возможно, заимствовал это выражение из стихотворения Державина «Арфа» («Отечества и дым нам сладок и приятен»). Явление 4. *Святослав — великий князь киевский Святослав Игоревич (942—972).* Был храбрым и стойким полководцем. Совершил много дальних победоносных походов. *С победой давшего нам Правду Ярослава.* Речь идет о великом князе киевском Ярославе Владимировиче Мудром (978—1054). Проводя активную внешнюю политику, Ярослав вместе с тем уделял много внимания просвещению и внутреннему устройству страны. Во время его правления была составлена «Русская Правда» — своеобразный свод феодальных правовых установлений. *Донской витязь — великий князь московский Дмитрий Иванович Донской (1350—1389),* одержавший победу над татарами в знаменитой Куликовской битве (1380). *Иоанн — великий князь московский Иван III Васильевич (1440—1505),* во время правления которого русский народ окончательно освободился от татарского ига (1480). *Невский — великий князь владимирский и новгородский Александр Ярославич Невский (1218—1263),* при котором русские разбили шведов при реке Неве (1240) и немецких рыцарей на льду Чудского озера (1242). *Вся Готфская страна — т. е. страны, населенные германскими племенами.* *Под звуком повит труб, под шлемом возлеяни* — цитата из «Слова о полку Игореве»: «А мои ти Куряне сведоми къмети: под трубами повити, под шелома възлеяни, конецъ копия въскръмлени...».

Действие третье. Явление 1. *Желковский — Станислав Жолкевский (1547—1620),* канцлер и коронный гетман польский. Явление 2. *И праведника тут... к блаженству вечному душа переселилась.* Рисую кончину Гермогена, Крюковской снова отступает от истории. Гермоген умер 17 февраля 1612 года от голода узником в церковном подвале Чудова монастыря. Явление 3. *Пожарский крови, ран глубоких в воздаянье Ни славы не искал, ни почестей сиянья.* Выступив 19 мая 1610 года организатором народного восстания против польских захватчиков, Пожарский был тяжело ранен в бою, разыгравшемся на Лубянке (Москва). Едва оправившись от ран в своем суздальском имении, Пожарский взял на себя новое тяжелое бремя. Он согласился предводительствовать нижегородским ополчением. Явление последнее. *Михаил — Михаил Федорович Романов (1596—1645),* избранный на царство

Земским Собором в 1613 г. *Романов славный род*. Боярский род Романовых вел свое начало с конца XIII века, от предка, переселившегося в Россию из Литвы. *И старец царственный, почтенный Филарет* — Филарет (см. стр. 603) был отцом Михаила Федоровича Романова.

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Ирод и Мариамна. Впервые — «Ирод и Мариамна». Трагедия в пяти действиях. СПб., 1809. Сверено с текстом двух академических изданий: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 4. СПб., 1867; изд. 2-е, СПб., 1874. Трагедия «Ирод и Мариамна» была написана в 1807 г. Поводом к ее созданию послужил объявленный Российской Академией конкурс на сочинение стихотворной трагедии. К началу 1808 г. трагедия «Ирод и Мариамна», видимо, была уже закончена. Державин упоминает о ней, мечтая о ее постановке на сцене, в своем стихотворном послании А. С. Хвостову, написанном 11 января 1808 г. К этому времени трагедия уже была прочитана в рукописи известным актером И. А. Дмитриевским (см.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 3. СПб., 1866, стр. 416). Трагедия была впервые поставлена на сцене петербургского театра 28 ноября 1808 г. Роль царя Ирода исполнял А. С. Яковлев. В роли Мариамны выступала А. В. Каратыгина. Постановка успеха не имела. П. Н. Арапов ошибался, утверждая обратное. С. И. Пономарев писал по этому поводу в письме к Я. К. Гроту от 8 января 1879 г.: «Попалась мне строчка о Державине, которую, кажется, не посылал еще Вам: примите и эту каплю. В «Летописи русского театра» П. Арапова (СПб., 1861), на стр. 190, читаю с удивлением, что трагедия «Ирод и Мариамна» имела успех замечательный и была повторена многократно» (ИРЛИ, фонд Я. К. Грота). Создавая трагедию, Державин стремился к строгому соблюдению исторической истины. Основным источником для него послужило, как об этом он сам говорит в предисловии, сочинение древнееврейского историка Иосифа Флавия (37 — ок. 105) «О войне Иудейской», из которого он взял главные события, действующих лиц и многочисленные подробности историко-бытового характера. Державин, вероятно, ознакомился с этим сочинением в переводе Михаила Алексеява (см.: Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1—2. СПб., 1786—1787). Первый том этого перевода, включающий в себя материалы об Ироде и Мариамне, вышел третьим изданием в 1804 г. (второй том появился в 1818 г.). Державин, очевидно, был знаком и с другим сочинением Иосифа Флавия — «Древности иудейские».

<Посвящение.> Угодно было сему почтенному сословию предложить в Ведомствех о сочинении трагедии. 1 января 1807 г. в газете «Санктпетербургских ведомостей» было опубликовано объявление Российской Академии, в котором предлагалось лицам, «упражняющимся в науках словесных», написать ряд похвальных слов и других сочинений, а также «сочинить трагедию российскими стихами». Автору лучшей трагедии была обещана денежная награда — 500 рублей. Эту сумму прислало в Академию (9 июля 1804 г.) неизвестное лицо, просившее «обратить сии деньги в награждение

сочинителю лучшей трагедии» (см.: «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею», ч. 6. СПб., 1813, стр. 48—49). 12 июля 1804 г. Российская Академия вынесла соответствующее решение, после чего сроки представления трагедий и некоторых других сочинений дважды отодвигались: до сентября 1806 г. (см. «Санктпетербургские ведомости», 1805, 19 декабря), затем до 1 октября 1807 г. *Увенчана награждением*. Решением Российской Академии от 17 декабря 1807 г. была удостоена премии трагедия М. М. Хераскова «Зареида и Ростислав», автор которой умер вскоре по представлении ее в Академию. Первоначально трагедия Хераскова имела иное название — «Разделенная Россия, или Зареида». Рассмотрев трагедию в первый раз, Академия воздержалась «от увенчания сочинителя» «обещанною почестью», так как нашла недостатки «в шестви и расположении ее» («Санктпетербургские ведомости», 1805, 19 декабря). *Единственно, чтоб исполнить волю Академии*. Державин был членом Российской Академии. В критике высказывалось мнение (см. Н. А. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 1. СПб., 1839, стр. 29), что трагедия «Ирод и Мариамна» была представлена Державиным на конкурс, но отвергнута Академией. Я. К. Грот выступил с опровержением этого мнения, объявив его совершенно ошибочным (см.: Г. Р. Державин. Сочинения, т. 4. СПб., 1867, стр. 180). *Российский Парнас* — здесь: Российская Академия.

Предисловие. *Волтер... в трагедии своей, названной им «Мариамною»*. Трагедия «Мариамна» была написана Вольтером в 1724 г. С ней можно было ознакомиться по так наз. «кельскому» изданию (см.: Oeuvres complètes de Voltaire. Tome premier. De l'imprimerie de la Société littéraire-typographique. Kehl, 1784, p. 187). *Ирод* — иудейский царь, основатель идумейской династии на иудейском престоле; полководец и ловкий, беспринципный политический деятель. Царствовал с 40 г. до н. э. Известен своей жестокостью. *Август* Кай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14) — римский император. Был усыновлен Юлием Цезарем и принял имя последнего. Название Августа получил от сената после того, как сложил с себя диктаторскую власть; покровительствовал Ироду.

Действие первое. Явление 1. *Асмонеи род*. Асмонеи были потомками законных правителей еврейского народа. Их беспощадно истреблял инородец по происхождению, идумец Ирод, не остановившийся перед умерщвлением своей любимой жены Мариамны, которая была внучкой первосвященника Гиркана II. *Поколь отцу его подобна властелина Делами, именем со мной в тебе не зрит*. Речь идет об отце Ирода князе Антипатре. Предавшись Юлию Цезарю, Антипатр храбро сражался с врагами Рима и был объявлен правителем Иудеи. *Антоний, друг и бог*. Антоний Марк (83—30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец, покровитель Ирода. Потерпев поражение в длительном соперничестве с Октавианом (Августом), Антоний не мог уже более поддерживать Ирода. *Селий* — Силлей, попечитель царя Аравийского Овода, враг Ирода, находившийся в любовной связи с Соломией. *Сердце Августа ко Ироду смягчилось*. Как рассказывает Иосиф Флавий, Ирод опасался, что Август, победив его друга и покровителя Антония, лишит

его, Ирода, царства. Но этого не случилось. Август подтвердил право Ирода называться царем иудейским. В значительной мере это произошло благодаря смелости и увертливости Ирода, направившегося в Родос, где находился тогда Август, и предожившего последнему свои услуги. Воспроизводимая в трагедии устами Антипатра речь Ирода, с которой тот обратился к Августу, довольно точно передает такую же речь, имеющуюся у Флавия (см.: Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1. С латинского на русский язык переведена Михайлом Алексеевым. СПб., 1804, стр. 129—130). *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — дочь Птолемея Авлета, царица Египетская, в 37 г. до н. э. стала женой Марка Антония, в союзе с которым участвовала в войне против Рима. Потерпев поражение при Акции, Антоний и Клеопатра покончили с собой. *Тьму привезенных в дар сокровищей блистанья Он в Капитолии... открыл*. На Капитолии (см.) находился храм Юпитера, а также храм Юноны Монеты (Советницы), при котором был монетный двор. О поднесении Иродом Августу богатых даров говорится и у Иосифа Флавия (см. назв. соч., ч. 1, стр. 130). *Чрез Акму к Юлии принес*. Здесь, как и в других местах, трагедия Державина основывается на рассказе Иосифа Флавия, в сочинении которого говорится, что женщины, обвиняя Мариамну в супружеской измене, указывали на посылку ее портрета «в Египет к Антонию» (Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 138). Имена Акмы и Юлии также упоминаются у Флавия. Правда, у историка здесь речь идет о клевете не на Мариамну, а на Соломона (там же, стр. 171). *Явление 3. Грядет четверовластник Рима*. Имеется в виду Ирод, который, прежде чем стать царем Иудеи, был назначен, благодаря покровительству Антония, тетрархом (см.) или четверовластником. *Соломон* (ум. ок. 953 до н. э.) — царь объединенного Израильско-Иудейского царства. Славился своей мудростью. Во время его царствования еврейское рабовладельческое государство достигло зенита своего могущества. *Эсфирь, Агарь* — здесь олицетворение народов Палестины. Эсфирь, по Библии, спасительница евреев, Агарь — родоначальница агарян (арабов). *Великолепье храму, дому привел с собою*. Ирод уделял много внимания сооружению архитектурных памятников, строительству городов и украшению ерусалимского храма. *В первосвященничей и царской я короне*. По преданию, Ирод соединял в своем лице царскую власть с саном первосвященника. *Кем галл, и парф, и грек, аравы, сирияны и т. д.* Галлы, парфяне, греки, арабы, сирийцы, кельты, мидяне — племена и народы, с которыми одновременно вел борьбу Ирод на стороне Рима. *Поверили они мне их орлов на службу*. Здесь Державин, вероятно, имел в виду слова Иосифа Флавия, по свидетельству которого Август подарил Ироду «четыреста человек галлов, которые прежде служили у Клеопатры копыносцами» (Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 131). *Иону с Товием увидеть в тишине* — т. е. увидеть израильский народ в мире. Иона — один из еврейских пророков. Товий — израильтянин из колена Неффалимова. Отличался благочестием. *Антигон* — сын Аристобула II (70—40 до н. э.), иудейский политический деятель и полководец. Был политическим противником Ирода. *Исполню я во всем законы Моисея*

В сынах Вахидовых, в сынах и Аслоней. Моисей — по Библии, вождь израильтян во время их исхода из Египта, судья и законодатель народа. Вакхид — политический деятель и военачальник, был полководцем сирийских царей Антиоха Епифана IV и Дмитрия I. *В украшенном изящней Соломона мной храме.* Ирод восстановил с большим великолепием разрушенный храм Соломона в Иерусалиме. *Авраам* — ветхозаветный патриарх, легендарный родоначальник еврейского народа.

Действие второе. Явление 1. *Препнув с царем мне речь* — помешав мне разговаривать с царем, бесцеремонно вторгшись в разговор. *Нельзя и не мерзить.* Здесь: нельзя не возмущаться. *Иркан* — Гиркан II, иудейский первосвященник. Ирод, подозревая Гиркана в злоумышлении, лишил его жизни, когда тот возвратился от парфян. *Мой дядя, Антигон, позорно пал средь Рима.* Вторгшись с римскими войсками в Иерусалим, Ирод отдал Антигона на глумление своему сподвижнику Сосию. Последний отправил Антигона к Антонию. По прибытии в Рим Антигон «секирою был предан смерти» (Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 124). *Мой брат, Аристокбул... в купальне задушен.* По распоряжению Ирода Аристокбул был отправлен ночью в Иерихон и утоплен в пруду имевшими на то повеление галлами (см.: Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 137—138). *О матери моей сама ты мне сказала, Что с кровию свой дух от яда излияла.* Здесь, видимо, Державин отступил от предания. По свидетельству Иосифа Флавия, мать Мариамны Александра пережила свою дочь. *Веленье царево: умертвить меня здесь в заточенье.* Ирод отдал приказание мужу Соломии Иосифу умертвить Мариамну, если самого Ирода лишит жизни Антоний. Иосиф, видя в распоряжении Ирода доказательство его горячей любви к Мариамне, без всякого умысла рассказал последней о тайном приказании супруга. Мариамна горько сетовала, упрекая Ирода в намерении лишить ее жизни. В свою очередь Ирод заподозрил жену в любовной связи с Иосифом. Это обвинение, выдвинутое Иродом, всячески поддерживала Соломия (см.: Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 138). *Пойду ко Авраамлю лону* — умру, отойду в мир умерших предков. Явление 2. *Мемфийская царица* — Клеопатра (см. стр. 607). Когда Клеопатра прибыла в Иудею, «Ирод ненависть ее к нему укротил великими дарами» (Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 125). *Но не талантами ли с Давидовой гробницы?* Давид — второй царь израильский, царствовал в конце XI — начале X в. до н. э. Нуждаясь в деньгах, Ирод проник с преданными ему людьми в гробницу Давида и ограбил ее. *Он благочестия пример подать мнит нам* и т. д. Весь рассказ Соверна о восстановлении Иродом храма в Иерусалиме, строительстве городов и т. п. основывается на материалах книги Иосифа Флавия (см. там же, стр. 132—136). *Но кто же был кнigem ее у Месаиды?* Ирод, явившись с войском к осажденной неприятелем крепости Масаде, освободил находившихся там свойственников (см.: Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 109, 114). Явление 4. *С Авессаломом дух летел мой повстречаться, Вирсавию ему, Сусанну чтоб явить.* Авессалом — третий сын царя Давида. Вирсавия — жена одного из военачальников царя Давида Урии, предмет любви

царя Давида. После смерти Урии, павшего в искусственно подстроенном сражении, Вирсавия стала женой Давида, от нее родился Соломон. По преданию, имеющиеся в книге «Притчей Соломоновых» наставления матери сыну принадлежат Вирсавии. В них рисуется идеал «доброй жены», имевший руководящее значение для еврейских женщин. Сусанна — иудейка, жена переселенца из царства израильского в Вавилоне, по имени Иоахима. По преданию, Сусанна была несправедливо обвинена старейшинами в нарушении супружеской верности. *Сарра и Агарь*. Сарра — супруга патриарха Авраама. Агарь — ее служанка, египтянка по происхождению. Во время своего бесплодия Сарра предложила мужу сойтись с Агарью, чтобы иметь от нее ребенка. Агарь родила сына (Измаила). Между тем бесплодие Сарры кончилось, и она тоже родила сына (Исаака). Агарь поселилась с сыном в Аравийской пустыне, где Измаил стал, по преданию, родоначальником арабских племен. Имена обеих женщин обросли легендами и стали символами супружеской и родительской любви.

Действие третье. Явление 1. *Мечтая быть к себе супругу страстна, нежна* — мечтая о том, чтобы супруг был к ней нежен. Явление 2. *Погрязнув, кажется, со Антипатром в страсть*. Державин и здесь основывается на своем источнике. По свидетельству Иосифа Флавия, Антипатр «всегда» разговаривал со своей теткой и названной матерью Соломеей «как бы с женою» (Иосиф Флавий, назв. соч., ч. 1, стр. 143). Явление 4. *Крушит гордынь их рог*. Сокрушить (или стереть) рог вражеской гордыни — обычная формула, употреблявшаяся в Библии и оттуда в поэзии XVIII — начала XIX в. *Не Соломона ль песнь прибрачная сия*. Соломону ошибочно приписывается книга любовно-свадебных песен («Песнь песней»), вошедших в Библию. *Эдемский вид*. Эдем — мифическая страна, где, по библейскому рассказу, находился рай. Явление 7. *От Мариамны яду. Когда возжаждет царь, велела мне подать*. Этот сюжетный ход также основывается на историческом предании. По словам Иосифа Флавия, «Саломия, сестра царева», «подослала в покои Ирода «виночерпия царского. Она наперед его научила, чтобы он сказал Ироду, что прошен был Мариамною спомоществовать ей в приуготовлении для него любовного напитка» (Иосиф Флавий. Древности иудейские, ч. 3. СПб., 1795, стр. 34).

Действие четвертое. Явление 2. *Тибр* — река в Италии, здесь — Рим, расположенный на Тибре. Явление 4. *Юлий* — Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.) — один из крупнейших государственных деятелей Древнего Рима, консул и диктатор. Установил единодержавную власть, хотя формально продолжал существовать республиканский строй. *Брут* — Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — римский политический деятель, один из борцов за республику. Был одним из инициаторов заговора против Цезаря и принимал участие в убийстве последнего. *Агриппа* Марк Випсаний (ок. 63—12 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Был главным военным помощником Октавиана. Явление 5. *Когда Солим сей был Сосием осажденным, Известен ты мне стал по подвигам военным*. Ирод вместе с полководцем Сосием, союзником Антония,

осаждал Иерусалим как раз в то время, когда состоялось его бракосочетание с Марнамной (см.: Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1. СПб., стр. 122—124). *Но взяли как его, спасть пленных ты притек.* Здесь Державин переложил в стихи призыв Ирода к воевавшим на его стороне иноплеменникам шадить жителей Иерусалима (см. там же, стр. 124). Явление 8. *Влага Силоамля* — источник или водоем близ Иерусалима, вода которого считалась священной. Явление 9. *Юдифина рука сразила Олоферна.* Юдифь — отважная иудейка, героиня рассказа, составляющего содержание «Книги Иудифи». Спасла родной город Ветилу, осажденный полководцем ассирийского царя Олоферном. Добившись притворной лаской доверия полководца, Юдифь отрубила ему голову его собственным мечом. Явление 10. *Проконсул римский Варр приехал с полной мочью.* Приехал, имея полномочия.

Действие пятое. *По числу двенадцати колен израильских* — т. е. двенадцати основных племен еврейского народа. Явление 1. *Посыпанный по главе пеплом.* Древние евреи покрывались дерюгой и посыпали голову пеплом в знак скорби, находясь в горестных обстоятельствах. *О кровь Иаковля!* Иаков — второе имя Израиля, мифического родоначальника древнееврейского народа. *Подсолнечной языки* — народы, населяющие землю. *О равви мудрости* — учитель мудрости. *Пророков древних сени* — здесь: тени пророков. *Синая... верхи* — горные массивы Синайского полуострова. *Тот в Антиохах щит, сей в Птоломах зрел.* Антиох — имя нескольких царей эллинистической Азии, принадлежавших к династии Селевкидов. Птоломен, или Лагиды, — эллинистическая династия, правившая в Египте в 305—30 до н. э. *Край Галилейск* — Галилея, в древности провинция на севере Палестины. *Перей* — Пирей, город вблизи Афин, служивший последним гаванью. *Кесария* — город в Каппадокии. *Идумея* — страна, населенная эдомитами, или идумеями. Расположена к югу от Палестины. *Эльфира быстрый ток живым стал рубежом.* Речь идет, видимо, о реке Эль-Хирр, протекавшей в северной части Саудовской Аравии. *Тир* — см. стр. 599. *Родос* — остров в Эгейском море, город и порт. *Сидон* — см. стр. 599. *Фивы* — древнегреческий город-государство в Беотии. *Офир* — упоминаемая в Библии страна, которая славилась золотом и другими драгоценностями и привлекала к себе мореплавателей со всех концов мира. Определить ее географическое положение ученым не удалось. Обычно ее ищут в Аравии или в Индии. *Ермон* — гора в Палестине. *Дол Иосафата* — одна из долин в окрестностях Иерусалима. Явление 2. *Тирон и Юкодом в распросах показали, Что, свергнувши: тебя с престола, замышляли В Себастру заключить.* Тирон — старый воин, современник Ирода, смело обличавший тираннические действия последнего. Был заключен под стражу и казнен (см. о нем: Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1. СПб., 1804, стр. 154—155). Имя Юкодома в исторических источниках не встречается. Возможно, что этим именем Державин назвал сына Тирона, также подвергнувшегося допросам и пыткам и погибшего вместе с отцом (см.: Иосиф Флавий. Древности иудейские, ч. 3. СПб., 1795, стр. 122). Себастра — новое название, данное Иродом вновь отстроенному им и сильно

укрепленному городу Самарии. Державин допустил здесь анахронизм. Эпизод с Тироном у Флавия относится ко времени, когда Мариамны уже не было в живых. Явление 5. *И позлащенные подобия орлыны, На храме, на дому.* Как свидетельствует Иосиф Флавий, по распоряжению Ирода было сделано из золота и поставлено над воротами храма изображение золотого римского орла. Ревнителю чистоты отечественных нравов увидели в этом «нечестивое дело»: по иудейским законам запрещалось украшать храмы какими-либо изображениями. Молодые люди, побуждаемые своими учителями, «золотого орла секирами изрубили» (Иосиф Флавий. О войне Иудейской, ч. 1. СПб., 1804, стр. 172—173). Явление 7. *И чтобы в столб меня Стратонов запереть.* Речь идет, очевидно, об одном из двух соединенных между собой каменных столбов, которыми была украшена, по распоряжению Ирода, гавань в городе Цезареи (прежнее название города — Стратонова башня) (см.: Иосиф Флавий. Древности иудейские, ч. 3. СПб., 1795, стр. 50). Явление 8. *Коринф* — имеется в виду один из телохранителей Ирода (см. там же, стр. 139). *Во узы! в Ерихон!* Иерихон — один из древнейших городов Палестины. Явление 9. *Всевышний! посылай к Давиду ты Нафана изобличить в грехе.* Нафан (Ионафан) — еврейский пророк. Когда Давид, сойдясь с Вирсавией, погубил ее мужа Урию, бог явился во сне Нафану и выразил свое недовольство постушком Давида. Нафан, придя к Давиду, рассказал ему притчу о богатом человеке, приказавшем отнять у бедняка его единственную овцу (см.: Иосиф Флавий. Древности иудейские, ч. 1. СПб., 1795, стр. 363—364). Явление 10. *Мрачных пред собой я вижу море волн, На колеснице в них погрязнул фараон.* Имеется в виду библейский рассказ о чудесном переходе евреев, бежавших из Египта, через залив Черного, или Красного, моря. Когда египтяне последовали за евреями, перед которыми расступилось море, воды сомкнулись и поглотили египтян. *Разверстая земля пожрала Авирона.* Авирон, сын Элиава, — один из евреев, восставших против Моисея. По библейскому рассказу, восставшие были наказаны богом: под ними разверзлась земля и поглотила их. *Младенцев тысячи плывут ко мне в крови.* Христианская легенда приписывает Ироду избивание младенцев в Вифлееме. *На блюде голова в неистовой любви Творит упреки мне и льет потоки кровны.* Согласно Библии, Ирод обезглавил Иоанна Крестителя (Иоанна Предтечу), обличавшего незаконную связь Ирода с женой его брата Иродиадой. Казнив Иоанна Крестителя, Ирод послал его голову на блюде своей возлюбленной. Христианская религия считает Иоанна Крестителя ближайшим предшественником и предвестником Христа, приготавливавшим народ к его приятию.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ИВАНОВ

Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. Впервые — «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода. Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях». Соч. Федора Иванова. М., 1809. Время написания трагедии можно определить лишь приблизительно. Она создавалась, видимо, незадолго до ее появления в печати.

А. Ф. Мерзляков, перечислив пьесы, написанные драматургом в 1807—1808 гг., сообщает, что «около сего же времени» Иванов сочинил и свою «Марфу-посадницу» (А. Ф. Мерзляков. Воспоминание о Федоре Федоровиче Иванове. — «Труды Общества любит. российск. словесн. при императ. Московском университете», ч. 7. М., 1817, стр. 14). Можно думать, что трагедия была написана в 1808 г., когда появилось третье издание одноименной повести Карамзина. Е в вопросе о постановке «Марфы-посадницы» на сцене имеется некоторая неясность. А. Ф. Мерзляков утверждает, что трагедия никогда не была играна (А. Ф. Мерзляков. Воспоминание о Федоре Федоровиче Иванове. — «Труды Общества любит. российск. словесн. при императ. Московском университете», ч. 7. М., 1817, стр. 15). Противоположное утверждение имеется в воспоминаниях М. Н. Макарова. Последний заявляет, что сам видел «Марфу-посадницу» «на сцене, может быть, один раз или два, не более...» (М. Н. Макаров. Материалы для истории русского театра. Федор Федорович Иванов (Воспоминания из моих записок). — «Репертуар и Пантеон», 1845, кн. 8, стр. 490). Свидетельство Макарова не подтверждается известными нам материалами. «Марфа-посадница» подвергалась цензурным преследованиям. Ее «не пустили на сцену по неизвестным некоторым причинам», — говорит А. Ф. Мерзляков в цитированной выше статье (стр. 14). Эти причины раскрываются в сохранившемся (в материалах ЦГИАЛа) отзыве театральной цензуры. Изложив содержание «Марфы-посадницы», цензор пишет: «В сей трагедии противные благопристойности места находятся на следующих страницах: 1, 27, 31, 32, 33, 44, 46, 49 и 53. Обнаруженная в оных усерднейшая похвала вольности и в неприличных красках изображенное монархическое правление, кажется, непозволительны для публичных представлений». На отзыве имеется резолюция: «Воспретить представление». Поставлена дата — «10 апреля 1812 г.» В правом верхнем углу написано: «Из Саратова». Эта надпись, вероятно, означает, что трагедию Иванова пытались поставить на сцене в Саратове. На указанных цензором страницах действительно смело порицается самодержавная тирания и прославляется вольность. На стр. 31-й говорится об Иване III: «Падет свободы враг!» На стр. 33-й Марфа заявляет, «бросая цепь»: «С величья пусть падет так гордый Иоанн, коль из героя стал свободных он тиран!» Марфе вторит «Один из народа», который восклицает, «попирая цепь ногами»: «Не быть ему (Иоанну. — В. Б.) свободных душ тираном!» и т. д. (см.: «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода. Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях». Соч. Федора Иванова. М., 1809). Трагедия Иванова представляет собой драматическую переработку повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода». В ней сохранены почти все персонажи, фигурирующие в карамзинской повести, в том числе и лица, создание которых целиком принадлежит Карамзину (Мирослав, пустынный Мефодий). Многие сцены и монологи являются довольно близким переложением соответствующих эпизодов и речей карамзинской повести. Как и у Карамзина, Холмский в трагедии упрекает новгородцев в эгоизме и корыстолюбию, говорит о засилии в новгородском обществе бояр и купцов. Сцена посещения

Марфы тайным посланцем Казимира имеется и у Карамзина. Характерно, что у обоих авторов Марфа с гневом отвергает предложение посла. Однако в целом трагедия отнюдь не является простым переложением карамзинской повести в диалогическую форму. Под пером драматурга образный материал повести получил новую идейную и стилистическую направленность. Существенным преобразованиям подверглись отношения между действующими лицами. Иванов сделал, например, Мирослава уже не мнимым, а действительным сыном Ивана III. (В повести Карамзина имеются лишь намеки на такого рода связь между этими лицами.) Иванову принадлежит версия о том, что Иван III соблазнил во время своего приезда в Новгород сестру Марфы Пламену, и потому он выступает у Иванова в качестве кающегося злодея. Изменилась и характеристика Феодосия. В повести Карамзина пустынный Феодосий рисуется как «мудрый и благочестивый отшельник», «муж святой и добродетельный». В трагедии Феодосий — грозный мститель, не умеющий смирить в своей душе «мирские страсти». У Карамзина Феодосий является не отцом, а дедом Марфы-посадницы. О Пламене в этой повести не упоминается. Иванов, видимо, рассматривал повесть Карамзина не только как основу сюжета трагедии, но в известной мере и как исторический источник. Написанная в период, непосредственно предшествовавший окончательному переходу Карамзина к историческим занятиям, эта повесть свидетельствует о большой эрудиции автора. В ней имются многочисленные примечания и ссылки на русские летописи и сочинения иностранных историков.

Действие первое. *Вадимова статуя.* Вадим Храбрый — свободолюбиво настроенный новгородец, о котором упоминает Никоновская летопись. В 863 г. поднял восстание против Рюрика (см. ниже) и был убит им. **Явление 1.** *Вечевой колокол.* Вече, общее собрание горожан в древнем Новгороде, созывалось звоном колокола. **Явление 2.** *Не орды ль злых татар на Новый-град летят?* Татары нападали на новгородцев, но не смогли подчинить их своему влиянию. *Победа лаврами венчает Иоанна.* Имеется в виду великий князь Иван III Васильевич (см. стр. 604), сын Василия Темного. *Один лишь Новгород в свободе процветал.* Новгород представлял собой самостоятельную феодальную республику, имевшую договорные отношения с московскими князьями. **Явление 4.** *Рюрик* — легендарный князь, варяг по происхождению; жил, согласно преданию, с 830 г. по 879. Стал князем в 862 г. Сначала делил власть над Русью со своими братьями Синеусом и Трувором, лицами тоже легендарными, князя в Новгороде. После смерти братьев сделался единовластным правителем. Монархическая историография считала Рюрика первым представителем самодержавия в России. *С воинством Олег к пределам юга шел.* Имеется в виду событие, происходившее, согласно летописным данным, около 882 г., когда новгородский князь Олег, собрав большое войско из новгородских славян, кривичей, чуди, мери, веси, отправился походом на юг, захватил Киев и сделался великим князем Киевским. *Царь-града на вратах прибил свой тяжкий щит.* Совершив, согласно летописному рассказу, поход на Константинополь (907 г.), Олег прибил свой щит на воротах покорен-

ного им города. *Цимисхий* — Иоанн I Цимисхий (925—976), император византийский. *Святослав* (см. стр. 604) возглавлял русское войско, с огромным мужеством выдержавшее длительную и упорную осаду г. Доростола (Силистрии), осажденного Цимисхием в 971 г. *А Ольга внук святых* — Владимир Святославич, великий князь киевский. Княжил с 988 г. Вел удачные войны, укрепившие мощь Киевской Руси. Ольга — великая княгиня киевская. Приняла в 957 г. крещение. Православной церковью была причтена к лику «святых». *Кумиров потопил кто Волхова в пучине?* Приняв христианство (988 г.), Владимир приказал потопить в реке Волхове изображения языческих богов. *Законы вам изрек не Ярослава ль глас?* Имеется в виду «Русская Правда», изданная при князе Ярославе Мудром (см. стр. 604). *Здесь вольность утвердил премудрый Ярослав.* В благодарность за помощь, оказанную ему новгородцами, Ярослав оформил политическую самостоятельность Новгорода. Впоследствии новгородцы при заключении договоров с князьями требовали от них присяги «на всех грамотах Ярославлих». *Потомки Рюрика старшин веленья ждали, И Ярославовы здесь вече трепетали* — т. е. потомки Рюрика и Ярослава с боязнью, с трепетом относились к решениям вече. *И Камы на берегах мы песнь победну пели.* Имеется в виду победа над казанскими татарами, одержанная русскими войсками в 1468 г. *Как падал грозный Рим со треском ко стопам Героев севера и диким племенам.* Западная Римская империя была завоевана в V в. н. э. германскими племенами, основавшими на развалинах Рима «варварское» Остготское королевство. *Готф, вандал, эрул — готы, вандалы, герулы* — германские народы. *Боян* — аварский хан (VI в.). Послы Бояна предложили союз Византийскому императору Юстиниану. Последний не осмелился ни в чем перечить воинственному народу и его свирепому хану. *Тогда варяжских трех князей сюда призвали.* Здесь воспроизводится легенда о «призвании» трех варяжских князей — Рюрика, Синеуса и Трувора. *Стократно здесь Олег владыкой стать желал... Оставил вольный град, пошел... искать рабов.* Олег княжил в Новгороде, после чего предпринял свой поход на Киев. *Бестрепетно к себе Батый с войском ждали.* Батый — татарский хан с 1223 г.; основал на берегах Волги Кипчакскую, или Золотую орду. Взяв Волоколамск, Тверь, Торжок, Батый направлялся к Новгороду, который, однако, не был завоеван татарами. *Свергнет Иоанн с России грустно бремя.* Татаро-монгольское иго было окончательно свергнуто во время правления Ивана III Васильевича. *Злодей Ахмат* — Ахмед (Ахмут), хан Золотой орды. Поражением его войск завершилась (в 1480 г.) борьба русского народа за освобождение русских земель от тяжести золотоордынского ига. *Мерзяц невинных кровью* — т. е. возмущающийся пролитием крови невинных, испытывающий омерзение к виновникам злодеяния.

Действие второе. Явление 2. *По граду понеслась вдруг пагубна молва.* Летописи рассказывают о знамениях, якобы предвостигших падение независимости Новгорода. Говорится о знамениях и в повести Карамзина. Явление 6. *Властитель польских стран, великий Казимир* — Казимир IV Ягайлович (1427 —

1492), великий князь литовский, позднее король польский. *И скроет Новгород литовскими щитами.* В то время, к которому приурочено действие трагедии, литовская корона была соединена с польской. Начало этому соединению положил литовский князь Александр.

Действие третье. Явление 1. *Но сколько хитрости ему ни обычаины* — но как он ни привык к хитростям. Явление 5. *Во бедру глубоко прободает* — глубоко пронзает бедро. *С опричниками князь.* Здесь анахронизм: опричнина была введена лишь в 1565 г. Иваном IV Васильевичем. Явление 7. *Владимира тень.* Имеется в виду великий князь киевский Владимир Святославич, который первоначально был князем новгородским (см. стр. 614).

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХОВСКОЙ

Дебора, или Торжество веры. Впервые — «Дебора, или Торжество веры». Трагедия в пяти действиях кн. А. Шаховского. СПб., 1811. Сверено с цензурованной рукописью, хранящейся в ЛГТБ. Трагедия «Дебора, или Торжество веры» была написана (при участии Л. Н. Неваховича), видимо, в 1809 г. Во всяком случае, Шаховской закончил ее до 4 декабря этого года, что явствует из помет, имеющих на цензурованной рукописи. Здесь указано время поступления пьесы в цензурный комитет: «Получ. 4-го декабря 1809 г.» Далее следует резолюция: «В Санктпетербургском цензурном комитете рассмотрена и к представлению на театре одобрена 1809 года декабря 6 дня. Цензор Ив. Тимковский». 24 января 1810 г. она была впервые поставлена на сцене петербургского театра. Роль Деборы исполняла М. И. Валберхова. В роли Лавидона выступал А. С. Яковлев. Постановка имела успех. В основе сюжета трагедии лежит библейский рассказ о подвиге еврейской пророчицы Деворы, избавившей свой народ от ханаанского ига. В течение двадцати лет угнетал сынов Израиля военачальник ханаанского царя Иавина Сисара, войско которого было вооружено девятьюстами железных колесниц. Дебора, бывшая в то время судьей Израиля, призвала Вараха из Кедеса Неффалимова и повелела ему отправиться во главе десятитысячного войска на гору Фавор, сказав, что приведет к потоку Киссону Сисару с его войском и колесницами. Варах согласился выполнить повеление при условии, что Дебора пойдет вместе с ним. Дебора не отказалась сопровождать Вараха, но при этом заметила, что Сисара погибнет от руки женщины. Вдохновляемый Деворой, Варах победил войско Сисары. Спасаясь бегством, Сисара вошел в шатер Иаили, жены кенеянина Хевера. Здесь он нашел свою смерть. Взяв в руки кол от шатра и молот, Иаиль тихонько подошла к спящему Сисаре, вонзила кол в висок и приколола голову военачальника к земле. Разрабатывая этот библейский сюжет, Шаховской внес в него существенные изменения. Он отбросил сюжетную линию, связанную с Иаилью. Большое место занял в трагедии образ мужа Деборы Лавидона, в отношении которого Библия ограничивается лишь упоминанием его имени (там он назван Лапидофом. См. «Книгу Судей», гл. 4). Шаховской сде-

лал Дебору дочерью судьи Аода, а Хабера превратил в убийцу Аода. Эпиграф взят из Библии (Псалмы Давида).

Посвящение. *Марья Алексеевна Нарышкина*, урожденная Сенявина, — жена главного директора императорских театров Александра Львовича Нарышкина.

Вступление. *Г-н Невахович, сочинитель «Сулиотов»* — Лев Николаевич Невахович (1776—1831), драматург и журналист, автор исторической драмы «Сулеты, или Спартанцы осьмнадцатого столетия» (1809). *Козловский Осип Антонович* (1757—1831) — композитор, автор музыки к театральным спектаклям. *Яковлев Алексей Семенович* (1773—1817) — знаменитый русский артист. *Валберхова Мария Ивановна* (1788—1867) — артистка. *Щеников Александр Гаврилович* (1781—1859) — актер. *Бобров Елисей Петрович* (1778—1830) — актер.

Действующие лица. *Силом* — древнееврейский город.

Действие первое. Явление 1. *Двухнадесять колен* — двенадцати колен (здесь: племен). *Сисар* — военачальник царя Асорского Иавина. *Аод* — сын Геры, сына Иеминиева, судья израильтян. Явление 2. *Иаковль дом* — дом Иакова (см. стр. 610), израильский народ. *Веньямин* — библейский персонаж, сын Иакова и Рахили. Отличался воинственностью, которую Библия приписывает и его потомкам. *Сыны Иуды, Исахара*. Иуда — сын Иакова, родоначальник одного из еврейских колен, из которого вышел царь Давид. После разделения еврейского народа при Ровоаме потомки Иуды образовали царство Иудейское. Исахар — сын Иакова и Лии. Явление 3. *Авраам* — см. стр. 608. *Оземленил моря как сушу пред тобою, И манной одождил, и оживил водою, И огненным столпом предшествовал в ночах, И как орел птенцов носил на раменах*. Имеются в виду чудеса, которыми, по библейскому рассказу, сопровождалось освобождение евреев от египетского плена. *Моисей* — мифический библейский вождь и законодатель еврейского народа. *Навиновым мечом*. Иисус Навин — легендарный еврейский вождь, преемник Моисея. Согласно библейскому преданию, евреи завоевали Палестину под предводительством Иисуса Навина. *Сын Хама*. Хам — младший сын библейского патриарха Ноя. По преданию, проклят отцом за непочтительность. Был родоначальником ряда племен, населивших Египет. *Аврамли чада* — потомки Авраама.

Действие второе. Явление 3. *Трубы рожаной глас* — т. е. звук боевой, сигнальной трубы, сделанной из рога. *Не имут мертвы срама*. Воодушевляя русских воинов на бой с греками, великий князь киевский Святослав Игоревич сказал: «Не посрамям земле Русьские, но ляжем костью ту: мертви бо срама не имам» («Повесть временных лет»). Явление 4. *Он совещал нам зло* — напророчил зло. Явление 8. *Горы Веньямина* — горы в Палестине, к северу от Иерусалима. *Моавляне* — моавитяне, семитическое племя, происходящее, по преданию, от Моава, сына Лота. *Эглом* — моавитский царь Еглон. В Библии рассказывается («Книга Судей», гл. 4) об убийстве Еглона Аодом, послужившем сигналом к восстанию евреев против моавитян. *Меня непокровенну зря*. Еврейские женщины носили покрывала.

Действие третье. Явление 2. *Отца еврейских чад последуем примеру: Он сына кровь пролить для бога был готов.* Чтобы испытать веру Авраама (см. стр. 608), бог велел ему принести в жертву сына Исаака; но когда Авраам занес нож над сыном, ангел оставил руку Авраама и спас Исаака. Явление 3. *Варах* — Варак, еврейский военачальник.

Действие пятое. Явление 1. *Сыны безбожны Хама* — см. выше. Явление 2. *Потомки ль славные Левия, Аарона.* Левий — один из сыновей Иакова. Его потомки наследственно пополняли собой круг еврейских церковнослужителей, левитов. Аарон — брат Моисея, первый, легендарный первосвященник еврейского народа. Явление 4. *Иуда, Завулон* — здесь: обозначение еврейских племен. *Сисар нисшел во ад Вараховой рукою.* По библейскому рассказу, десяти тысячное войско Вараха, сойдя с горы Фавор, наголову разбило войско Сисара, обратив последнего в бегство.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГРУЗИНЦЕВ

Эдип-царь. Впервые — «Эдип-царь». Трагедия в пяти действиях в стихах. СПб., 1811. Печ. по более исправному изданию: «Эдип-царь». Трагедия в пяти действиях в стихах. СПб., 1812. Сверено с цензур. рукописью, хранящейся в ЛГТБ. Рукопись, представляющая собой писарскую копию, испещрена поправками, видимо сделанными рукою автора. Многие из этих поправок вошли в издания 1811 и 1812 гг. Трагедия Грузинцева «Эдип-царь» была впервые представлена на петербургской сцене 4 октября 1811 г. В роли Эдипа с большим успехом выступил А. С. Яковлев. Эта роль оказалась одной из наиболее выдающихся ролей в репертуаре замечательного артиста (см.: П. П. Каратыгин. А. С. Яковлев. — «Русская старина», 1880, октябрь, стр. 278). Ставился «Эдип-царь» Грузинцева и в Москве (см.: Погожев, стр. 161, 173). Источниками пьесы Грузинцева явились трагедия Софокла «Эдип-царь» и трагедия Вольтера «Эдип» (1718). Грузинцев воспроизвел в основных чертах сюжетную схему трагедии Софокла, расположив материал по своему плану с учетом трагедии Вольтера. Наибольшей близостью к античному источнику отличается последнее действие трагедии. Но и здесь Грузинцев кое в чем отступил от Софокла. Например, о кончине Иокасты и самоослепении Эдипа у Грузинцева рассказывает не Домочадец (этого персонажа у него нет), а Креон. Изменен и способ самоубийства, к которому прибегла Иокаста: в трагедии Софокла Иокаста повесилась, у Грузинцева она приняла яд (в «Эдипе» Вольтера Иокаста закалывается). Несколько иначе, чем у Софокла, расставлены и несколько иными функциями наделяются в трагедии лица, при участии которых Эдип узнает о своем ужасном невольном преступлении. Тиресий у Софокла не является свидетелем убийства Лаия Эдипом. Он обличает Эдипа, основываясь на своем даре прорицателя. В трагедии же Грузинцева под именем Тирезиуса выступает персонаж, сопровождавший Лаия в его поездке и бывший свидетелем его гибели от руки Эдипа. У Софокла фигурирует Пастух, бывший раб Лаия,

который передал в свое время мальчика Эдипа Вестнику — слуге коринфского царя Полиба. В трагедии Грузинцева роль этого Пастуха передана тому же Тирезиусу, а вместо Вестника выступает персонаж, носящий имя Икара. Такое распределение персонажей и их функций сближает трагедию Грузинцева с «Эдипом» Вольтера, у которого, кстати сказать, лицо, выполняющее роль Софоклова Вестника, тоже носит имя Икара. В роли, аналогичной роли грузинцевского Тирезиуса, у Вольтера выступает персонаж, носящий имя Форбаса. Грузинцев не последовал за Вольтером, введшим в свою трагедию любовную интригу, носителями которой у французского трагика являются Иокаста и влюбленный в нее «князь Эвбейский» Филоктет. В посвящении к своему «Эдипу-царю» Грузинцев писал, что включением в число персонажей этого «чуждого происшествию лица (Филоктета. — В. Б.) и воспоминанием старой и давно забытой любви Иокасты к Филоклету» Вольтер «обезобразил свою трагедию». Действительно, любовная интрига не только не помогает в «Эдипе» Вольтера развертыванию трагического действия, но и прямо мешает этому развертыванию, нарушая композиционную стройность пьесы и ослабляя силу производимого ею впечатления. Сам Вольтер говорил впоследствии, что ввел любовную интригу в своего «Эдипа» по настоянию актеров, которые не представляли себе трагедии без любовной интриги. «Я был слишком молод тогда и подумал, что они правы, — писал Вольтер в письме к о. Поре от 7 января 1730 г., — я испортил мою пьесу, чтобы угодить им, ослабив нежными чувствами сюжет, который столь мало к ним подходит» (Oeuvres de Voltaire, v. 30. Correspondance, 1. P., 1880, p. 199). Вводя в свою трагедию образ Филоктета, Вольтер должен был пожертвовать образом Креонта, который у Софокла играет очень большую роль. Грузинцев сохранил этот образ. Но автор русской трагедии в то же самое время, как он пишет в посвящении к своей пьесе, отдавал «справедливость красоте стихов и некоторым улучшенным сценам» вольтеровского «Эдипа». Особенно он отмечал сцену, «которая происходит у Эдипа с Иокастой в 4 действии» (явление 1). Этой сцене Грузинцев явно подражал, когда писал 2-е явление III действия своей трагедии. Весьма близки по тексту к соответствующим сценам трагедии Вольтера и последующие 3-е и 4-е явления. Монолог Эдипа в 5-м явлении IV действия представляет собой, по существу, пересказ монолога, произносимого у Вольтера Эдипом в 4-м явлении V действия.

Посвящение. *Александру Александровичу Шаховскому*. А. А. Шаховской — см. стр. 451. Посвящая «Эдипа-царя» Шаховскому, Грузинцев следовал примеру самого Шаховского, посвятившего свою «Дебору» жене главного директора императорских театров А. Л. Нарышкина. Позднее эту традицию «театральных» посвящений поддержал П. А. Корсаков, посвятив свою трагедию «Маккавеи» той же М. А. Нарышкиной. *Софокл* — греческий драматург-трагик (497—406 до н. э.). *Еврипид* — греческий драматург-трагик (480—407 до н. э.). *Софокл был гоним собственными своими детьми*. Имеется в виду предание, согласно которому сыновья Софокла, чтобы устранить его от распоряжения имуществом, объявили

его слабоумным. Софокл прочитал на суде начало своей последней трагедии «Эдип в Колоне» и доказал этим, что находится в здравом уме. Грузинцев неточно воспроизвел заглавие трагедии Софокла, назвав ее «Эдипом в Афинах». *Расинова «Берениса»*. Говоря о трагедии французского драматурга Жана-Батиста Расина (1639—1699) «Берениса» («Береника»), Грузинцев воспроизводит отвергнутое новейшими исследованиями предание, будто эта трагедия была написана по предложению невестки французского короля Людовика XIV Генриетты Английской. *Вольтерова «Зулима», «Магомет»*. Имеются в виду трагедии Вольтера «Зюлима» и «Фанатизм, или Пророк Магомет», написанные в 1740 г. *Корнель Пьер* (1606—1684) — французский драматург, выдающийся представитель классицизма. *Вергилий* (70—19 до н. э.) — римский поэт. *Лабдакова потомства*. Лабдак — отец Лаия, сын Полидора, внук основателя Фив Кадма и его супруги Гармонии. *Александр* — Александр Македонский (356—323 до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира. *Парменион* — полковнец. Сопровождал Александра Македонского во время похода в Азию. Умерщвлен после раскрытия заговора македонских аристократов. *Филот* — сын Пармениона, друг детства Александра Македонского. Участвовал в заговоре, после раскрытия которого (330 до н. э.) был казнен. *Каллисфен* — историк, умерший в тюрьме, куда был брошен Александром Македонским. *Клит* — друг детства Александра Македонского, собственноручно убитый им (328 до н. э.).

Действие первое. Явление 3. *Имена* — река в Фивах, на которой, у святилища Аполлона, делались предсказания. *Эгейская пучина* — Эгейское море. Явление 5. *Аркадский муж* — т. е. житель Аркадии, области в центре Пелопоннеса.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЖАНДР

Венцеслав. Впервые — «Русская Талия» на 1825 г. СПб., 1824, стр. 54 и «Радуга» на 1830 г. М., 1830, стр. 152. А. А. Жандр написал всю пьесу, но в печати появились лишь первое действие («Русская Талия») и небольшие отрывки из третьего действия («Радуга»). Рукопись жандровского «Венцеслава» до сих пор не найдена. Время написания трагедии можно установить лишь приблизительно, учитывая датировку писем, содержащих упоминания об этой пьесе. В письме, датированном 20 января 1825 г., В. А. Каратыгин писал П. А. Катенину о том, что театральная цензура «запретила бог знает почему» «Венцеслава». (Василий Андреевич Каратыгин. Письма его к П. А. Катенину. — «Русская старина», 1880, октябрь, стр. 186). О запрещении «играть» «Венцеслава» говорится и в письме П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, написанном 26 января 1825 г. Упомянув об А. С. Грибоедове, Катенин сообщает в этом письме, что Жандр перевел «Венцеслава» «по Грибоедова же совету» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века. СПб., 1911, стр. 74). Таким образом, в начале 1825 г. пьеса была уже закончена, о чем свидетельствует факт представления ее в цензуру. Трагедия А. А. Жандра «Венце-

слав» является переделкой одноименной трагикомедии видного французского драматурга, современника Корнеля Жана Ротру (1609—1650) «Vencesias», написанной в 1647 г. В основе пьесы Ротру, в свою очередь являющейся переделкой пьесы испанского драматурга Франческо де Рохаса «Нельзя быть отцом короля», лежит острая сюжетная коллизия: наследный польский принц Владислав убивает собственного брата, тайно женившегося на любимой им женщине, герцогине Кассандре. Кассандра, обращаясь к королю Венцеславу, отцу убийцы, требует правосудия. Венцеслав, верный своему долгу, решает подвергнуть сына смертной казни. Этот приговор не был приведен в исполнение только потому, что возникла необходимость послать Владислава для отражения внешнего врага. Трудно сказать, насколько отступал Жандр, переделывая пьесу, от своего оригинала. В первом действии «Венцеслава», как справедливо заметил А. И. Одоевский, «подлинник остался почти неизменным». В последующих действиях А. А. Жандр, видимо, допускал более или менее значительные отступления от подлинника. Тот же Одоевский пишет по этому поводу: «Некстати было бы произнести и самое справедливое суждение о труде прекрасном, но еще недовершенном. Мы ничего не смеем сказать утвердительного о многих переменах в ходе трагедии. Г. Жандр, соблюдая всю свежесть подлинника, заменяет недостатки красотами и оживляет целое новою творческою силою». По словам А. И. Одоевского, Жандр изменил трактовку одного из главных действующих лиц — сына короля Венцеслава Владислава. «Владислав, — пишет А. И. Одоевский, — под пером нашего поэта изменился в очертании прежнего своего характера и внушает к себе не только сожаление, но и любовь: лучшее оправдание развязки» (А. И. Одоевский. О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной г. Жандром. — «Сын отечества», 1825, № 1, стр. 102, 101). Причина запрещения пьесы цензурой пока точно не установлена, но вряд ли будет ошибкой заключить, что «Венцеслав» был запрещен по причине абсолютной неприемлемости всего его содержания для царских властей. Персонажи пьесы откровенно говорят об особенностях самодержавного правления, не скрывая его темных сторон. В самом сюжете пьесы, отличающемся острейшим драматизмом, можно было усмотреть намеки на события современности и недавнего прошлого. Выступление Владислава против отца и убийство Владиславом собственного брата могли напомнить об обстоятельствах, при которых произошло воцарение Александра I, участвовавшего в заговоре против его отца. В конце 20-х годов, видимо, была сделана новая попытка добиться разрешения на постановку «Венцеслава». В ЦГИАЛе имеется отзыв об этой пьесе цензора Е. Ольдекопа. Приводим его полностью: «Венцеслав. Трагедия в четырех действиях. В стихах. Подражание г. Ротру (Для императорского санктпетербургского театра). Храбрый Владислав, старший сын короля польского Венцеслава, имеет высокие понятия о чести, но безмерная вспыльчивость ослепляет его. В герцоге Курляндском, любимце короля, он подозревает коварного врага своего и ненавидит даже родного своего брата Ягеллона. Наставления Венцеслава остаются тщетными. Владислав объявляет, что герцог ему ненавистен, потому что король отдал ему

начальство над войском, и наконец жалуется на брата своего Ягеллона, обнажившего саблю для защиты герцога против Владислава. Владислав имеет еще тайную причину к ненависти против герцога, полагая, что он любим Людгардою (в пьесе Ротру — Кассандрою. — В. Б.); но она любит Ягеллона и решилась с ним тайно обручиться. Владислав скрывается во дворце Людгарды. Ягеллон приходит и у дверей выдает себя за герцога, а Владислав, вознамерившийся убить врага своего, поражает Ягеллона. Кинжал, оставленный им подле тела убитого, уличает убийцу, которого Венцеслав осуждает на смертную казнь. В темнице Владислав обдумывает свое положение и чувствует, сколь пагубна была его вспыльчивость. Сестра его, Эдвиг, объявившая ему, что она любит герцога, уверяет его в честности сего вельможи. Владислав искренне примиряется с ним, прощается с отцом и идет к казни, отвергнув предложение герцога избавиться от оной бегством. Король в последний раз прощается с сыном и пребывает непоколебимым при всех просьбах Эдвиги, герцога и самой Людгарды. Но вдруг он получает известие, что крымские татары вторгнулись в Польшу, освобождает сына для блага отечества и отдает ему корону. Евстафий Ольдекоп». Цензор ограничился изложением содержания пьесы, не сделал заключения о возможности или невозможности допустить постановку пьесы на сцене. Отсутствует и резолюция, говорящая о запрещении «Венцеслава». О том, что пьеса была запрещена, свидетельствует краткая запись, имеющаяся в другом архивном деле ЦГИАЛА, озаглавленном: «Протокол русских и немецких драматических сочинений с 10 августа 1828 года по 3 июня 1836 года. Том 1». Запись эта гласит: «— 347. Венцеслав. Траг. запр.» Вновь представляя пьесу в цензуру, Жандр, видимо, внес в текст некоторые изменения. Он переименовал, например, имя одного из главных действующих лиц. В своем изложении содержания пьесы Ольдекоп постоянно называет младшего сына Венцеслава Ягеллоном, тогда как у Ротру (см.: «Venceslas», *tragi-comédie*. De mr. de Rotrou. Paris, 1718. Acteurs) и — первоначально — у самого Жандра он назывался Александром. Этим фактом подтверждается высказанное выше предположение о том, что содержание пьесы могло ассоциироваться с именем Александра I. Но и после смерти этого царя, при создавшейся тогда обстановке, всякое напоминание о династических несогласиях казалось совершенно недопустимым. Восстание декабристов осветило всю эту картину новым, в высшей степени драматическим светом. Не удивительно, что попытка протащить пьесу сквозь рогатки цензуры, предпринятая в 1829 г., закончилась неудачей. Цензурный запрет продолжал тяготеть над «Венцеславом» и в последующие годы (см.: Полный список драматическим сочинениям, признанным неудобными к представлению. Исправлено по 1 июня 1870 г. СПб., 1870, стр. 5. В списке указано время запрещения «Венцеслава» — 1825 год).

Действие первое. Явление 1. *Порта* — официальное наименование султанской Турции. *Разбить полки надменного султана, И крымцев отразить и победить их хана*. Средневековая Польша вела борьбу с Турцией, управлявшейся султаном, и с крымскими татарами, во главе которых стоял хан.

СЛОВАРЬ

- Аваддон* (евр. миф.) — царство теней, ад.
- Аид* (греч. миф.) — владыка подземного царства. Присподняя, царство мертвых.
- Алкмена* (греч. миф.) — жена фиванского царя Амфитриона, мать Геракла.
- Амвон* — возвышенная часть храма, предназначенная для произнесения проповедей.
- Амфиарай* (греч. миф.) — аргосский царь, участник войны Семерых против Фив.
- Амфион* (греч. миф.) — сын бога Зевса и фиванской царевны Антиопы, обладал волшебным даром игры на музыкальном инструменте — кифаре.
- Амфитрита* (греч. миф.) — владычица морей, дочь морского бога Нерея, супруга Посейдона.
- Аполлон* (греч. миф.) — один из важнейших богов, сын Зевса и богини Лето. Бог солнечного света, музыки, предводитель муз, охранитель дорог, путников и мореходов.
- Аравы* — арабы.
- Аргос* — главный город Пелопоннесской области Арголиды.
- Аргияне* — жители Аргоса.
- Арей* (греч. миф.) — сын Зевса и Геры, бог войны.
- Астрей* (греч. миф.) — сын титана Крийя и Еврибии. Отец четырех ветров (Зефир, Борей, Аргест и Нот) и некоторых звезд (Геспер и др.).
- Багряница* — торжественное облачение владетельных особ.
- Беспечно* — безнадежно.
- Бессмертны* — бессмертные боги.
- Блажить* — прославлять, величать.
- Бриарей* (греч. миф.) — один из сторуких великанов.
- Былие* — трава, растение.
- Ваал* — бог солнца в древней Финикии, Сирии, Палестине. В Библии языческий, оргический культ Ваала противостоит культу «истинного бога» Егвы.

- Вавилон* — крупнейший город древней Месопотамии.
- Василиск* — сказочный змей.
- Всжа* — палатка, шатер.
- Вежды* — веки, глаза.
- Вериги* — цепи.
- Веста* (римск. миф.) — богиня жертвенного огня и домашнего очага; олицетворение девственности.
- Вещество* — существо; человек с его склонностями и страстями.
- Виотяне* — жители Беотии (новогреч. — Виотики), одной из провинций Средней Греции.
- Виссон* — древнее название тонкой, пурпурового цвета ткани, изготовлявшейся в Египте.
- Внидет* — войдет.
- Возгнеть* — развести огонь, поднять пламя.
- Вои, вой* — воины, воин.
- Волхвы* — колдуны, кудесники, чародеи.
- Воспящать* — отказывать, запрещать. *Воспящены молчаньем* — должны молчать, так как не имеют разрешения говорить.
- Вотще* — тщетно, напрасно.
- Вперенну* — внушенную.
- Вретище* — дерюга.
- Вулкан* — см. Гефест.
- Вья* — шея.
- Вящий* — больший, еще более сильный.
- Геенна* (библ.) — место вечного мучения умерших, ад.
- Геката* (греч. миф.) — богиня, помогавшая деторождению и воспитанию детей, покровительствовавшая охоте, посылавшая морякам попутный ветер.
- Геракл* (греч. миф.) — греческий герой, сын Зевса и Алкмены.
- Гетман* — начальник казачьего войска.
- Гефест* (греч. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла.
- Гея* (греч. миф.) — олицетворение Земли. Считалась прародительницей людей и великой обителью мертвых, погребенных в лоне Земли.
- Гигиел* (греч. миф.) — богиня здоровья.
- Гиппомедонт* (греч. миф.) — один из участников войны Семерых против Фив.
- Глагол* — речь, слово.
- Горé* — вверх, ввысь.
- Горлица* — птица из отряда голубиных.
- Горний* — высший, возвышенный.
- Горячность* — любовная склонность, страсть.
- Давлия* — древний город Фокиды.
- Даждь* — дай.
- Дельфы* — город и религиозный центр Древней Греции. В Дельфах находился храм Аполлона с оракулом.
- Демоны* (греч. миф.) — группа божественных существ, как правило, не обладавших, в отличие от богов, человекоподобной внешностью.

Денница — утренняя заря.
Держава — знак царской власти.
Десница — правая рука.
Десятославиe (библ.) — десять заповедей, записанных на скрижалях.
Диадема — знак верховной власти.
Днесь — ныне, сегодня.
Доброты — прекрасные свойства души.
Довлеть — быть достаточным, удовлетворять, долженствовать.
Должность — долг.
Долу — вниз.
Дружина — вооруженный отряд при князе в Древней Руси, составлявший основное ядро княжеского войска.

Женет — побеждает, гонит, преследует.
Живот — жизнь, имение, имущество.

Заклены — заключение, нахождение под запорами, заклепами.
Заплата — отплата.
Зеницы — зрачки глаз; глаза.
Зерцало — зеркало, правдивое отражение.
Зрак — вид, образ, лицо.
Зреть, зря — видеть, видя.

Иберия — греческое название Испании.
Игея — см. Гигея.
Извет — донос.
Иордан — главная река Палестины.
Искидок — выкидыш.

Кадм (греч. миф.) — сын финикийского царя Агенора, легендарный основатель Фив.
Капаней (греч. миф.) — участник войны Семерых против Фив.
Капище — место служения богам.
Капитолий — один из холмов, на которых расположен Рим.
Кастор (греч. миф.) — Кастор и Поллукс (Полидевкт) — два брата, совместно предпринявшие поход в Аттику для освобождения своей сестры Елены, похищенной Тезеем.
Кся — какая.
Квириты — название граждан Древнего Рима, употреблявшееся в официальных обращениях.
Кивот — ящик для хранения священных предметов, поставец для икон.
Киферон — горный массив в Греции на границе Мегариды и Аттики.
Клеврет — приверженец, приспешник.
Ков — вредный замысел, коварное намерение.
Ковчег — сундук, окованный металлом, ларец.
Когорта — воинское подразделение в Древнем Риме.
Корван — место для хранения ценностей, карман, казна.
Коцит (греч. миф.) — река в подземном царстве, приток Стикса и Ахеронта.
Красный — красивый.
Кустодия — воины для охраны, стража.

- Латона* (греч. миф.) — богиня, возлюбленная Зевса, мать Аполлона и Артемиды.
- Лахеза* (греч. миф.) — одна из трех сестер — парок, дочерей Зевса и Фемиды, определяла момент окончания жизни.
- Левиты* — особый разряд жреческого сословия в древнем Израиле.
- Лепота* — красота.
- Ливан* — ладан.
- Лик* — хор.
- Ликторы* — официальные служители у высших римских сановников. Идя впереди с пучком розог и топором в руках, они расчищали путь в толпе и требовали оказания сановнику надлежащих почестей.
- Мание* — мановение.
- Марс* (римск. миф.) — бог войны. Главной святыней Марса считался его щит, якобы упавший с неба.
- Медуза* (греч. миф.) — крылатое чудовище в образе женщины, со змеями вместо волос, со взглядом, способным превращать в камень все живое.
- Мельпомена* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница трагедии. Изображалась в виде женщины с трагической маской.
- Мемфис* — древняя столица Египта.
- Мета* — цель, которой желательно достигнуть.
- Мзда* — плата, вознаграждение.
- Мирт* — дерево с пахучими продолговатыми листьями.
- Музы* (греч. миф.) — богини-покровительницы искусств и наук.
- Надыматься* — наполняться гордостью, спесью.
- Назначивый* — назначивший.
- Наперсник* — друг и доверенное лицо, которому поверяют сокровенные мысли и тайны.
- Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия.
- Неудобны* — неспособны.
- Нисхождение* — снисхождение.
- Новизна* — новость.
- Ойней* (греч. миф.) — калидонский царь, отец участника войны Семерых против Фив Тидея.
- Олимп* — горы в Греции, являвшиеся, по воззрениям древних греков, местопребыванием богов. Олимпом назывался и сонм богов.
- Омью* — омою.
- Оратай* — пахарь.
- Орать* — пахать.
- Орк* (римск. миф.) — бог смерти; подземное царство, ад.
- Паки* — опять, снова.
- Папиры* — папирусы.
- Парнас* — гора в Греции. На Парнасе находился Кастальский источник, посвященный Аполлону и музам. Парнас считался местопребыванием муз.
- Партенопей* — один из участников войны Семерых против Фив.
- Патриции* — родовая знать, высшее сословие в Древнем Риме.

Перлы — нити жемчуга, ожерелья.
Перси — грудь.
Перун (слав. миф.) — молния, гром; бог грома и молнии.
Плутон (греч. миф.) — владыка подземного царства, иначе Аид.
Поверхность — превосходство, победа, верх.
Подгнета — находится под гнетом, подчинена.
Под рукой — негласно.
Поженут — победят, умертвят.
Поклоняемый — которому поклоняются.
Поллукс — см. Кастор.
Поносный — постыдный, унижительный.
Понт — море.
Порфира — торжественное одеяние владетельных особ, царей.
Почтися — потщись, постарайся, попытайся.
Почул — почуял.
Праг — порог.
Превзидь — превзойди, превозмоги.
Предходит — идет впереди, предшествует.
Презор — гордость, высокомерие, надменность.
Презорища — ненавидящая, презирующая.
Прелесть — соблазн, прельщение.
Пренеслась — перенеслась.
Пресилю — пересилю, поборю.
Претить — воспрещать, возбранять, удерживать.
Прещу — воспрещаю, возбраняю.
Прибежен — доступен, может оказать помощь.
Призрит — обратится с участием.
Пристав — служитель, охранитель.
Притвор — передняя.
Пря — спор, распря, ссора.

Рабище — раб.
Радеть — заботиться, стараться.
Развлекать — отводить, оттаскивать друг от друга.
Рамена — плечи.
Регалии — знаки власти: скипетр, корона и т. п.
Рек, рекла — сказал, сказала.
Рифей — древнее название Уральского хребта.

Сарматы — общее название группы племен, кочевавших вслед за скифами в степях Причерноморья; поляки.
Светоча — светоч, большая свеча, факел.
Святое святых — доступное только для священнослужителей святыни лице еврейского храма.

Се — вот.
Седмихолмие — Рим, расположенный на семи холмах.
Сендарин — синедрион, высшее государственное учреждение и судилище у евреев, существовавшее в I в. н. э.
Сион — одна из гор, на которых расположен Ерусалим; в Библии часто: еврейский народ.
Сирены (греч. миф.) — полуптицы-полуженщины, которые волшебным пением губили мореплавателей, завлекая их на свой остров.
Сирияны — сирийцы, жители Сирии.

- Скиния* — походный храм-палатка, служивший евреям во время их кочевий по Аравийской пустыне.
- Скифы* — собирательное имя степных народов, кочевавших, главным образом, в Северном Причерноморье, между Днестром и Доном и далеко на Восток.
- Склябятся* — улыбаются.
- Скорпиш* — скорпионы.
- Скрижали* — каменные доски с написанным на них священным текстом.
- Слячен* — скорчен, согнут.
- Смарагд* — название различных минералов зеленого цвета, включая изумруд.
- Смиривый* — смиривший.
- Смирна* — пахучая древесная смола.
- Сниду* — сойду, удалюсь.
- Совместник* — соперник.
- Содрогаю* — содрогаюсь.
- Сокрушивый* — сокрушивший.
- Солим* — по Библии, название древнего города, переименованного потом в Ерусалим.
- Сонм* — собрание, скопление, толпа.
- Сретать, сresti* — встречать, встретить.
- Степени* — ступени.
- Стикс* (греч. миф.) — река в подземном царстве.
- Стогны* — площади.
- Сумнюсь* — сомневаюсь, не решаюсь.
- Сфинкс* (греч. миф.) — чудовище с головой женщины, телом льва и крыльями орла. Сфинкс убивал каждого, кто не мог отгадать предложенную им загадку.
- Талант* — весовая и денежная единица у древних евреев.
- Тартар* (греч. миф.) — бог подземного царства; лежащая в глубоких недрах земли, покрытая мраком бездна, подземное царство, ад.
- Тать* — вор, похититель.
- Твердь* — твердое основание, опора. По религиозным представлениям небо (небесная твердь) также является твердым.
- Тетрарх* — управитель тетрархии.
- Тетрархия* — название четвертой части области или страны в древнеэллинистическом мире.
- Течь* — идти, бежать, стремиться.
- Тидей* (греч. миф.) — сын калидонского царя Ойнея, один из семерых аргивских вождей, участвовавших в походе против Фив.
- Тизифона* (римск. миф.) — одна из фурий, мстившая за убийства.
- Титлы* — титулы, почести.
- Тмится* — затемняется, застиляется.
- Трапеза* — здесь: престол или алтарь в храме.
- Фокида* — область в Древней Греции.
- Фурии* (римск. миф.) — богини мести и угрызений совести.
- Ханаанеи* — древние племена, населявшие территорию Палестины и Финикии.
- Хартия* — рукопись, важное письмо.

Хитит — похищает.

Хоругвь — священное знамя.

Кельты — кельты, группа племен, появившихся в Западной Европе во втором тысячелетии до н. э.

Цербер (греч. миф.) — трехголовый пес, охраняющий выход из преисподней.

Часть — участь, судьба, доля.

Чермный — багровый, темно-красный.

Чресла — поясница, бедра, нижняя часть туловища.

Чтя — считая, полагая.

Эвмениды (греч. миф.) — богини мщения. Первоначально назывались Эринниями (мстительницами). Когда под влиянием богини Афины они смягчили свой гнев, их стали называть Эвменидами, т. е. благосклонными.

Элизиум (греч. миф.) — поля блаженных, загробный мир, где блаженствуют праведники.

Эриннии — см. Эвмениды.

Юдея — Иудея.

Яцинты — гиацинты.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX века.
Вступительная статья В. А. Бочкарева 5

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ НИКОЛЕВ

Биографическая справка 63
Сорена и Замир 65 596

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ НАРЕЖНЫЙ

Биографическая справка 131
Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова . . . 133 598

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЛЕНКА

Биографическая справка 211
Сумбека, или Падение Казанского царства. *Трагедия в пяти действиях* 213 599

МАТВЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЮГОВСКОЙ

Биографическая справка 255
Пожарский. *Трагедия в трех действиях* 257 602

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Биографическая справка 287
Ирод и Мариамна. *Трагедия в пяти действиях* 290 605

---

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ИВАНОВ

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	<i>367</i>
<i>Марфа-посадница, или Покорение Новгорода. Трагедия в стихах, с хорами, в пяти действиях . . . . .</i>	<i>369 611</i>

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХОВСКОЙ

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	<i>451</i>
<i>Дебора, или Торжество веры. Трагедия в пяти действиях . . . . .</i>	<i>453 615</i>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ГРУЗИНЦЕВ

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	<i>515</i>
<i>Эдип-царь. Трагедия в пяти действиях, в стихах . . . . .</i>	<i>517 617</i>

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЖАНДР

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	<i>569</i>
<i>Бенцеслав. Трагедия, переделанная из театра Ротру . . . . .</i>	<i>572 619</i>
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>595</i>
<i>Словарь . . . . .</i>	<i>, , , 622</i>

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор),

В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,

Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),

В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,

М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,

Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

СТИХОТВОРНАЯ ТРАГЕДИЯ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *П. Е. Суздальский*

Сдано в набор 11/VIII 1964 г. Подписано
в печать 24/XI 1964 г. М 26328. Бумага
84 × 108 ¹/₃₂ Печ. л. 19 ³/₄ (33,18). Уч.-изд.
л. 28,33. Тираж 7000 экз. Заказ № 1454.
Цена 1 р.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Красная ул., 1/3